

Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 3 (25)

2024

Құрылтайшы: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан)

Бас редактор:

Ақан Онғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры,
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

- А.Г. Ситдиқов,** тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА академигі, ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты; Қазан федералдық университеті (Қазан, Ресей) (төраға);
- А. Беттс,** доктор, профессор, Сидней университеті (Сидней, Австралия);
- А.А. Тишкин,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
- Б.Ә. Байтанаев,** тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан)
- В.Б. Панковский,** тарих ғылымдарының кандидаты, Украина ҰҒА Археология институты (Киев, Украина);
- Д.А. Воякин,** тарих ғылымдарының кандидаты, Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан);
- Ж.Қ. Таймағамбетов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
- З. Самашев,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Астана, Қазақстан);
- И.Л. Кызласов,** тарих ғылымдарының докторы, Археология институты (Москва, Ресей);
- М. Фрачетти,** археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ);
- М.Е. Елеуов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);
- Н. Бороффка,** археология докторы, профессор, Неміс археология институты (Берлин, Германия);
- Н.Ю. Смирнов,** тарих ғылымдарының кандидаты, РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей);
- П.М. Кольцов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Б.Б. Городовиков атындағы Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей);
- Р. Йовита,** PhD, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ);
- Р.Х. Сулейманов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан);
- С.Е. Әжіғали,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан);
- Ш. Шода,** PhD, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты (Нара, Жапония);
- Ц. Төрбат,** PhD, Моңғолияның Ұлттық университеті (Ұланбатыр, Моңғолия)

Редакциялық алқасы:

- Ә.М. Манапова,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан);
- Г.С. Жұмабекова,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан) (жауапты хатшы);
- Ғ.А. Базарбаева,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан) (жауапты хатшы);
- Т.Б. Мамиров,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.kz

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттік тіс есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы, ЖТН BR20280993 аясында жүзеге асырылды

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИАСЫ

№ 3 (25)

2024

Founder: Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Editor-in-Chief:

Akhan Onggaruly, Director General of the Margulan Institute of Archaeology, Candidate of Historical Sciences and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia) (chairman);

Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);

Alison V.G. Betts, Doctor, Prof., The University of Sydney (Sydney, Australia);

Bauyrzhan A. Baitanayev, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);

Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Madiyar Y. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);

Michael D. Frchetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);

Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);

Nikolay Y. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Goro-dovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);

Rady P. Ioviță, PhD, New York University (New York, USA);

Rustam K. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);

Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);

Shinya Shoda, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan);

Tsagaan Turbat, PhD, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia);

Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine);

Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);

Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 272 06 89

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.kz

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The publication was carried out according to the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 3 (25)

2024

Учредитель: Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)

Главный редактор:

Акан Онгарулы, генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

- А.Г. Ситдииков**, докт. ист. наук, академик АН РТ, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ; Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (председатель);
- А. Бетге**, доктор, проф., Сиднейский университет (Сидней, Австралия);
- А.А. Тишкин**, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Б.А. Байтанаев**, докт. ист. наук, академик НАН РК, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- В.Б. Панковский**, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина);
- Д.А. Воякин**, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан);
- Ж.К. Таймагамбетов**, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
- З. Самашев**, докт. ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан);
- И.Л. Кызласов**, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия);
- М. Фрачетти**, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США);
- М.Е. Елеуов**, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан);
- Н. Бороффка**, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия);
- Н.Ю. Смирнов**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
- П.М. Кольцов**, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия);
- Р. Йовита**, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США);
- Р.Х. Сулейманов**, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);
- С.Е. Ажигали**, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан);
- Ш. Шода**, PhD, Национальный исследовательский институт культурных ценностей (Нара, Япония);
- Ц. Төрбат**, PhD, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Редакционная коллегия:

- А.М. Манапова**, канд. ист. наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Г.А. Базарбаева**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан) (отв. секретарь);
- Г.С. Джумабекова**, канд. ист. наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан) (отв. секретарь);
- Т.Б. Мамиров**, канд. ист. наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazakhstan@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.kz

Журнал основан 26 апреля 2018 г.
Свидетельство о постановке на учет
периодического печатного издания
и (или) информационного агентства
№ 12108-Ж от 14 ноября 2011 г.
выдано Комитетом информации и архивов
Министерства связи и информации РК

Издание осуществлено по программе фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК
на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Самашев З. (Астана, Казахстан), Самашев С.К. (с. Жамбыл, Казахстан), Жунисланов А.С. (Астана, Казахстан), Сиражева Б.А. (с. Жамбыл, Казахстан)</i> К вопросу о «знаковом поведении» древнего населения Казахского Алтая (этнод о зигзагообразных абстракциях на стенах погребальных сооружений и в петроглифах)	11
<i>Кириченко Д.А. (Баку, Азербайджан)</i> Чеканы эпохи ранней бронзы из Азербайджана	22
<i>Айтбаева А.Е., Манапова Ә.М. (Алматы, Қазақстан)</i> Металдан жасалған әйел әшекейлері (Жетісудың археологиялық табылымдары бойынша)	32
<i>Ермоленко Л.Н. (Кемерово, Россия), Касенова А.Д. (Алматы, Казахстан)</i> Мужское или женское? (об определении пола антропоморфных каменных изваяний)	45
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. (Барнаул, Россия)</i> Комплекс вооружения кочевников Северного Алтая жужанского времени (по материалам памятника Чобурак-1)	57

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мусаева Р.С. (Алматы, Казахстан), Сакенов С.К., Билялова Г.Д. (Астана, Казахстан)</i> Металлические предметы из окрестностей горно-лесного массива Бурабай: предварительная интерпретация	74
<i>Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д. (Караганды, Казахстан)</i> Аварийные раскопки на могильнике Таугуль-3 (к проблеме сохранения историко-культурного наследия)	87
<i>Мамедов А.М. (Актобе, Казахстан), Баиров Н.М. (Элиста, РФ), Амелин В.А., Уразмагамбетов Н.Н. (Актобе, Казахстан), Жанузак Р.Ж. (Алматы, Казахстан)</i> Дербисали II – комплекс позднесарматского времени в Западном Казахстане	100
<i>Рогожинский А.Е., Шатохин А.С. (Алматы, Казахстан)</i> Средневековая стоянка Косозен в долине р. Каскелен	135

<i>Астафьев А.Е. (Ақтау, Алматы, Қазақстан)</i> Строительная история средневекового городища Кызылкала (Мангистау) и проблемы ее хронологии	151
<i>Мұқтар Ә., Ахметова У., Тұрарұлы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж. (Атырау, Қазақстан)</i> Ортағасырлық Сарайшық қаласындағы зерттеу нәтижелері туралы (2022 жылғы далалық маусым материалдары бойынша)	175
<i>Жұмабекова Г.С., Дүйсенов Б.Д. (Алматы, Қазақстан), Таран Н.И. (Денисов а., Қазақстан), Манапова Ә.М., Базарбаева Ғ.А. (Алматы, Қазақстан)</i> Тобыл бойы эпиграфикалық ескерткіштері: кешенді зерттеулердің алдын ала нәтижелері	186

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Шағирбаев М.С., Байтлеу Д.А. (Алматы, Қазақстан)</i> Скотоводы Мугалжар: по материалам поселения эпохи бронзы Тарангул	207
<i>Амиргалина Г.Т. (Тюбинген, Германия; Кызылорда, Қазақстан), Билалов С.У. (Кызылорда, Қазақстан)</i> Керамические тандыры (VIII–XV вв.) Нижней и Средней Сырдарьи: технология и классификация	225
<i>Dyussenov B., Mederova D., Margulan A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Written Monuments of the Post-Golden Horde Period: Arabic Script Epigraphy at the Arystan-Bab Mausoleum	244
<i>Сейітханұлы Ш. (Ұланбатыр, Моңғолия; Бурса, Түркия), Самашев С.Қ. (Жамбыл а., Қазақстан)</i> Алтай қазақтарының рулық таңбаларына шолу	262
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	274
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	275

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

- Z. Samashev** (Astana, Kazakhstan), **S. Samashev** (Zhambyl v., Kazakhstan),
A. Zhuniskhanov (Astana, Kazakhstan), **B. Sirazheva** (Zhambyl v., Kazakhstan)
Exploring ‘Sign Behavior’ Among the Ancient Population of the Kazakh Altai
(a Study of Zigzag Abstractions in Burial Structures and Petroglyphs) (in Russian) 11
- D. Kirichenko** (Baku, Azerbaijan)
Pickaxes of the Early Bronze Age from Azerbaijan (in Russian) 22
- A. Aitbayeva, A. Manapova** (Almaty, Kazakhstan)
Women’s metal jewelry (based on archaeological findings from Zhetysu)
(in Kazakh) 32
- L. Ermolenko** (Kemerovo, Russia), **A. Kasenova** (Almaty, Kazakhstan)
A man or a woman? (identifying the gender of anthropomorphic stone statues)
(in Russian) 45
- N. Seregin, A. Tishkin, S. Matrenin, T. Parshikova** (Barnaul, Russia)
The weapon complex of the nomads of the Northern Altai at Rouran period
(based on the materials of the Choburak-I site) (in Russian) 57

FIELD STUDIES

- R. Mussayeva** (Almaty, Kazakhstan), **S. Sakenov, G. Bilyalova** (Astana, Kazakhstan)
Metal objects from the surroundings of the Burabay mountain forest massif:
preliminary interpretation (in Russian) 74
- Y. Amirov, M. Seitkaliev, D. Umitkaliev, I. Akhmetov** (Karaganda, Kazakhstan)
The rescue excavations at the Taugul-3 burial ground
(about the preservation of historical and cultural heritage) (in Russian) 87
- A. Mamedov** (Aktobe, Kazakhstan), **N. Bairov** (Elista, Russia), **V. Amelin,**
N. Urazmagambetov (Aktobe, Kazakhstan), **R. Zhanuzak** (Almaty, Kazakhstan)
Derbisali II – the Late Sarmatian complex in Western Kazakhstan (in Russian) 100
- A. Rogozhinskiy, A. Shatokhin** (Almaty, Kazakhstan)
The medieval site Kosozen in the Kaskelen River valley (in Russian) 135
- A. Astafiev** (Aktau, Almaty, Kazakhstan)
The construction history of the medieval settlement of Kyzylkala (Mangystau)
and the issues of the chronology (in Russian) 151

A. Muktar, U. Akhmetova, A. Turaruly, A. Zhumabayev, Z. Baigaliev (<i>Atyrau, Kazakhstan</i>) About the results of research in the medieval settlement Saraishyq (based on the materials of the 2022 field season) (in Kazakh)	175
---	-----

G. Jumabekova, B. Dyussenov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), N. Taran (<i>Denisov v., Kazakhstan</i>), A. Manapova, G. Bazarbayeva (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Epigraphic monuments of the Tobol river region: preliminary results of a comprehensive study (in Kazakh)	186
--	-----

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

M. Shagirbayev, D. Baitileu (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Mugalzhar Cattle Breeders: based on the materials from the Bronze Age Tarangul settlement (in Russian)	207
---	-----

G. Amirgalina (<i>Tübingen, Germany; Kyzylorda, Kazakhstan</i>), S. Bilalov (<i>Kyzylorda, Kazakhstan</i>) Ceramic tandyr (8 th –15 th centuries) of the Lower and Middle Syrdarya: technology and classification (in Russian)	225
---	-----

B. Dyussenov, D. Mederova, A. Margulan (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Written Monuments of the Post-Golden Horde Period: Arabic Script Epigraphy at the Arystan-Bab Mausoleum (in English)	244
--	-----

S. Syeitkhan (<i>Ulaanbaatar, Mongolia; Bursa, Turkey</i>), S. Samashev (<i>Zhambyl v., Kazakhstan</i>) Review of Tribal Symbols of Altai Kazakhs (in Kazakh)	262
---	-----

List of Abbreviations	274
------------------------------------	-----

Submissions	275
--------------------------	-----

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03. 41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.11.21>

К вопросу о «знаковом поведении» древнего населения Казахского Алтая

(этюда о зигзагообразных абстракциях
на стенах погребальных сооружений и в петроглифах)

© 2024 г. Самашев З., Самашев С.К., Жунисханов А.С., Сиражева Б.А.

Keywords: archaeology,
Kazakh Altai, Bronze Age,
tamga-like signs, zigzag symbols

Түйін сөздер: археология,
Қазақ Алтайы, қола дәуірі, таңба
тәріздес белгілер, ирек түріндегі
нышандар

Ключевые слова: археология,
Казахский Алтай, бронзовый
век, тамгообразные знаки,
зигзагообразные символы

Zainolla Samashev¹, Samat Samashev², Aidyn Zhuniskhanov³ and Bulbul Sirazheva^{2*}

¹Doctor of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-7171-3003](https://orcid.org/0000-0002-7171-3003) E-mail: archaeology_kz@mail.ru

²PhD, State Historical and Cultural Museum-Reserve “Berel”, village Zhambyl, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan. ORCID: [0000-0003-3450-3629](https://orcid.org/0000-0003-3450-3629) E-mail: ssamashev@gmail.com

³Teaching Assistant, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-6452-3551](https://orcid.org/0000-0002-6452-3551) E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

^{2*}Corresponding author, Researcher, State Historical and Cultural Museum-Reserve “Berel”, village Zhambyl, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan.
ORCID: [0000-0001-7013-415X](https://orcid.org/0000-0001-7013-415X) E-mail: bsirazheva@gmail.com

Exploring ‘Sign Behavior’ Among the Ancient Population of the Kazakh Altai (a Study of Zigzag Abstractions in Burial Structures and Petroglyphs)

This paper is dedicated to a detailed analysis of the archaeological site of Shozhe No. 5, focusing on its symbolic system, including zigzag patterns on the walls of burial structures. The study emphasizes the importance of an interdisciplinary approach, incorporating archaeological, geophysical, laboratory, and iconographic methods, which allowed for a comprehensive examination of the site. Special attention is given to the cultural continuity and the association of zigzag symbols with the water element and cosmogonic beliefs, which played a crucial role in the funerary practices of ancient communities in the Kazakh Altai. The paper also explores potential analogies between these symbols and similar signs in other regions of Eurasia, opening new avenues for the study of cultural connections. The conclusions of the research underscore the need for further study of the site to gain a deeper understanding of its symbolic significance and historical role. This study makes a significant contribution to the study of the significant behavior of ancient peoples, as well as to the interpretation of their cultural and mythological heritage.

Source of funding: The work was carried out within the framework of program-targeted funding of the Committee of Culture of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan for the 2023–2025, IRN of the Project BR22082478.

For citation: Samashev, Z., Samashev, S., Zhuniskhanov, A., Sirazheva, B. 2024. Exploring ‘Sign Behavior’ Among the Ancient Population of the Kazakh Altai (a Study of Zigzag Abstractions in Burial Structures and Petroglyphs). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 11–21 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.11.21](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.11.21)

Зайнолла Самашев¹,
Самат Қайроллаұлы Самашев²,
Айдын Сенғалиұлы Жүнісханов³,
Бұлбұл Аронқызы Сиражева^{2*}

Зайнолла Самашев¹,
Самат Қайроллаевич Самашев²,
Айдын Сенғалиевич Жүнісханов³,
Бұлбұл Ароновна Сиражева^{2*}

¹тарих ғылымдарының докторы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана, Қазақстан

²PhD, «Берел» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Жамбыл ауылы, Катонқарағай ауданы, Шығыс Қазақстан облысы, Қазақстан
³оқытушы ассистенті, Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер, «Берел» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Жамбыл ауылы, Катонқарағай ауданы, Шығыс Қазақстан облысы, Қазақстан

Қазақ Алтайы ежелгі тұрғындарының «белгі тәртібі» туралы

(жерлеу құрылыстарының қабырғаларындағы және петроглифтердегі ирек түріндегі абстракцияларды зерттеу)

Бұл жұмыс Шөже № 5 археологиялық ескерткішін жете талдауға, ондағы нышандар жүйесіне, яғни жерлеу құрылысының қабырғасындағы ирек түріндегі белгілерге басымдық бере отырып зерттеуге арналған. Мақалада нысанды жан-жақты талдауға мүмкіндік берген археологиялық, геофизикалық, зертханалық және иконографиялық зерттеулерді ұштастырған пәнаралық тәсілдің маңыздылығы баса көрсетіледі. Қазақ Алтайындағы ежелгі қауымдастықтардың жерлеу рәсімдерінде шешуші рөл атқарған ирек түріндегі нышандардың су стихиясымен және космогониялық түсініктермен арадағы мәдени сабақтастығы мен байланысына ерекше назар аударылады. Зерттеуде Еуразияның басқа аймақтарындағы осы нышанға сәйкес келетін белгілермен ықтимал ұқсастықтары да қарастырылады, бұл мәдени байланыстарды зерттеуге жаңа мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижелері ескерткіштің символдық мәні мен тарихи рөлін тереңірек түсіну үшін оны одан әрі зерттеу қажеттілігін көрсетеді. Бұл зерттеу ежелгі халықтардың символдық мінез-құлқын зерттеуге, сондай-ақ олардың мәдени-мифологиялық мұрасын түсінуге елеулі үлес қосады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Мәдениет комитетінің 2023–2025 жылдарға арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН № BR22082478 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Самашев З., Самашев С.Қ., Жүнісханов А.С., Сиражева Б.А. Қазақ Алтайы ежелгі тұрғындарының «белгі тәртібі» туралы (жерлеу құрылыстарының қабырғаларындағы және петроглифтердегі ирек түріндегі абстракцияларды зерттеу). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 11–21-бб. (Орысша). DOI: 10.52967/akz2024.3.25.11.21

¹доктор исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан

²PhD, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел», с. Жамбыл, Катонкарагайский р-н, Восточно-Казахстанская обл., Казахстан

³ассистент преподавателя, Назарбаев Университет, г. Астана, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел», с. Жамбыл, Катонкарагайский р-н, Восточно-Казахстанская обл., Казахстан

К вопросу о «знаковом поведении» древнего населения Казахского Алтая (этюды о зигзагообразных абстракциях на стенах погребальных сооружений и в петроглифах)

Настоящая работа посвящена детализированному анализу археологического памятника Шоже № 5, с акцентом на его символическую систему, включающую зигзагообразные знаки на стенах погребальных сооружений. В исследовании подчёркивается значимость междисциплинарного подхода, включающего археологические, геофизические, лабораторные и иконографические методы, что позволило всесторонне изучить объект. Особое внимание уделено культурной преемственности и связи зигзагообразных символов с водной стихией и космогоническими представлениями, которые играли ключевую роль в погребальных обрядах древних сообществ Казахского Алтая. В работе также рассматриваются возможные аналогии данных символов с подобными знаками в других регионах Евразии, что открывает новые перспективы для изучения культурных связей. Выводы исследования подчёркивают необходимость дальнейшего изучения памятника для более глубокого понимания его символического значения и исторической роли. Данное исследование вносит значительный вклад в изучение символического поведения древних народов, а также в осмысление их культурного и мифологического наследия.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета культуры Министерства культуры и информации Республики Казахстан на 2023–2025 гг., ИПН проекта № BR22082478.

Для цитирования: Самашев З., Самашев С.К., Жүнісханов А.С., Сиражева Б.А. К вопросу о «знаковом поведении» древнего населения Казахского Алтая (этюды о зигзагообразных абстракциях на стенах погребальных сооружений и в петроглифах). *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 11–21. DOI: 10.52967/akz2024.3.25.11.21

1 Введение (Самашев З.)

В 2,53 км к югу от археологического комплекса Акбауыр, включающего системы поселений и некрополей саков, а также памятники различных других эпох, на слиянии рек Шоже и Уранхай, в узловой точке участка с живописными природно-ландшафтными элементами, расположен разновременный могильник Шоже (рис. 1; 2). В 2024 году была исследована ограда эпохи палеометалла, включающая две погребальные камеры, сооружённые из крупнозернистых гранитных плит. На стенах одной из камер, предположительно в процессе возведения сооружения или совершения погребально-поминальных обрядов, были высечены изображения геометризованных знаков, напоминающих символы «вода/волна» или «зигзаг», состоящие из соединения горизонтально организованных ломаных линий. На фрагментах разбитых глиняных сосудов, найденных в этой же погребальной камере со знаками, имеются близкие по трактовке зигзагообразные орнаментальные композиции, что позволяет говорить о единой смысловой (художественной, религиозно-мифологической и др.) основе их происхождения. Эти символические знаки должны стать в перспективе объектом специального исследования в контексте погребально-поминальной обрядности.

Использование стен погребально-поминальных сооружений для нанесения различных сюжетов мифологического содержания, изображений животных и людей, а также абстрактных знаков в виде зигзагов, решёток, треугольников и других фигур известно во многих культурах древнего мира.

Эти элементы также встречаются на памятниках эпохи палеометалла Центральной Азии, таких как Каракольские росписи на Алтае, могильники Тамгалы в Жетысу, Сарыколь и Кырыкунгир на востоке Казахстана и др. Они демонстрируют несомненную связь с мифо-ритуальными комплексами повседневности [Samashev 2020] и практикой совершения «обряда перехода» у древних людей.

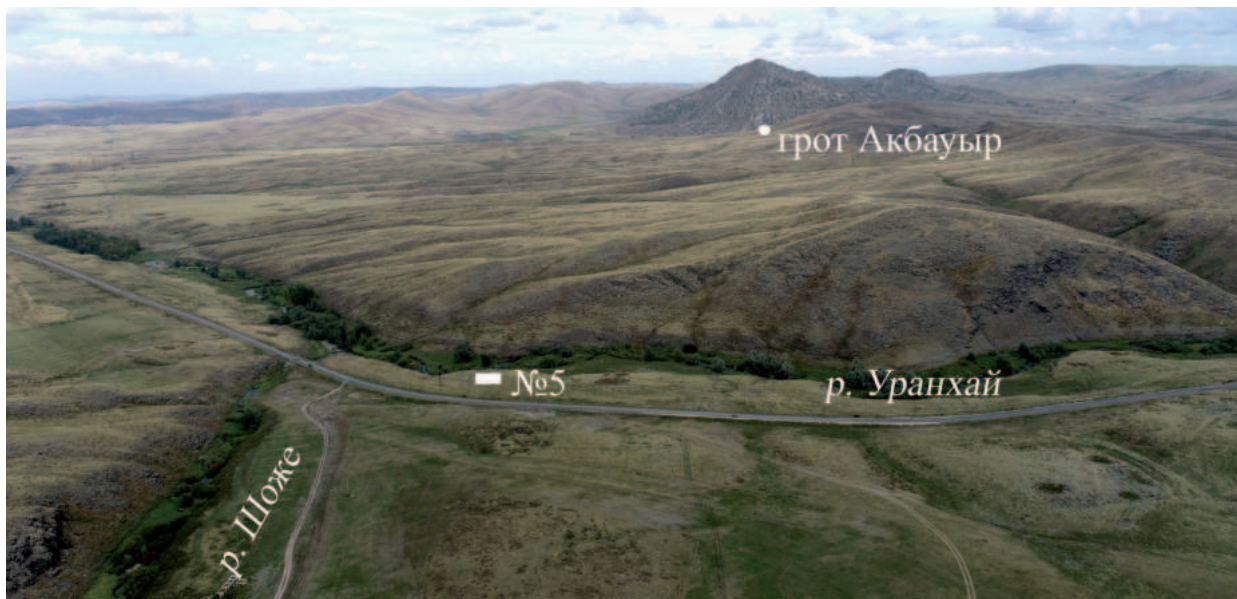

Рис. 1. Расположение могильника Шоже при впадении р. Шоже в р. Уранхай. Фото: Зайнолла Самашев
1-сур. Шөже мен Ұранхай өзендерінің түйіскен жерінде Шөже қорымының орналасуы.
Сурет: Зайнолла Самашев

Fig. 1. Location of the Shozhe Burial Ground at the Confluence of the Shozhe and Urankhai Rivers.
Photo: Zainolla Samashev

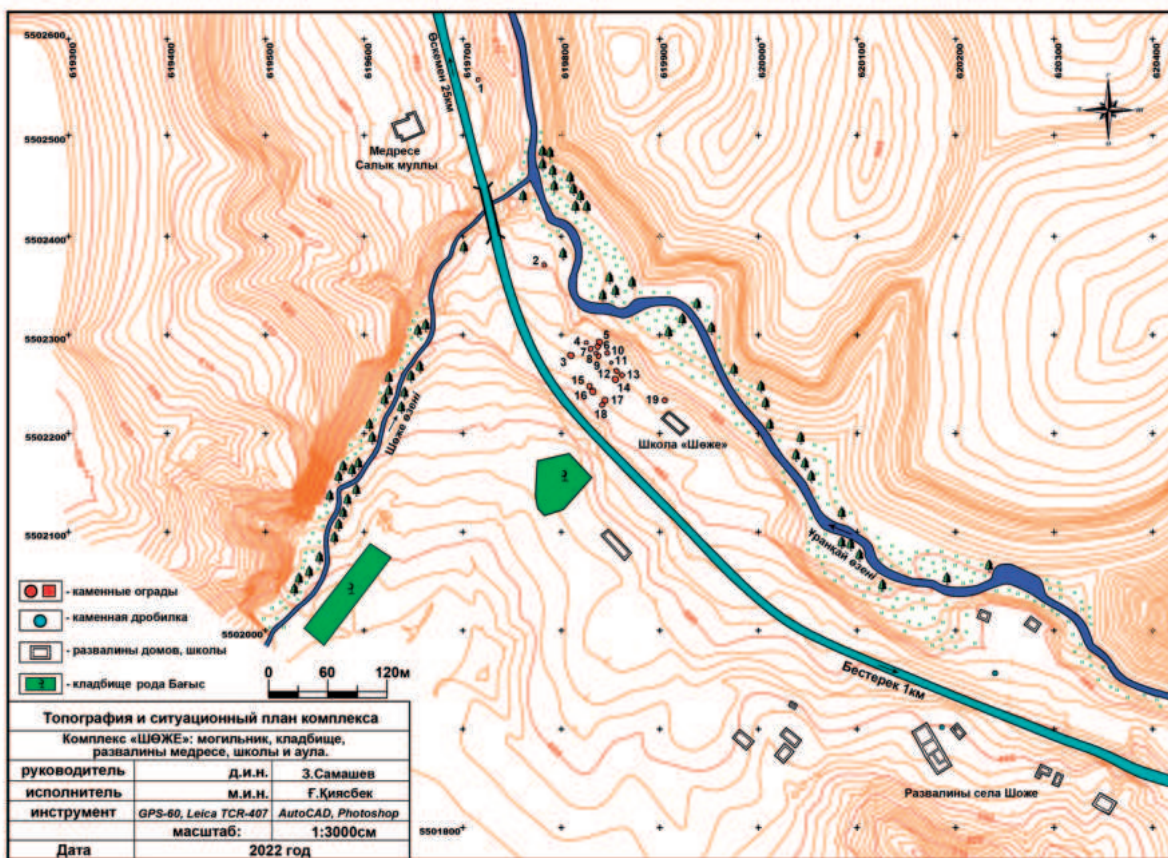

Рис. 2. План могильника Шоже. Исполнитель: Галымжан Киясбек
2-сур. Шөже қорымының жоспары. Орындаған: Ғалымжан Қиясбек
Fig. 2. Plan of the Shozhe Burial Ground. Performer: Galymzhan Kiyasbek

Зигзагообразные абстракции встречаются на памятниках наскального искусства и, как указано выше, также украшали поверхности глиняных сосудов бронзового века [Рысбергенов и др. 2024: 38–40], которые во многом создавались для сопровождения умершего в иной мир.

В связи с обнаружением зигзагов на стене вышеупомянутой погребальной камеры и наличием костных останков человека на её дне, открывается уникальная возможность вернуться, с использованием новейших данных, к уточнению датировки и интерпретации символических знаков грота Акбауыр, являющегося основным компонентом археологического комплекса, включающего несколько подобных зигзагов. Предстоящие палеогенетические исследования костных останков индивида из каменного ящика со знаками, а также результаты радиоуглеродного датирования (C14), помогут пролить свет на некоторые аспекты жизни древних популяций, создавших эти загадочные знаки и символы.

2 Материалы и методы (Самашев С.К., Сиражева Б.А.)

Для проведения исследования объекта № 5 могильника Шоже был использован комплексный подход, включающий археологические, геофизические, лабораторные и фотограмметрические методы анализа.

Археологические методы: Раскопки проводились на участке размерами 8.26×7.47 м². Выборка участка основывалась на предварительных данных о наличии отдельных камней на поверхности и их предполагаемой конструктивной структуре. Работы были организованы в несколько этапов: снятие дёрна, расчистка до глубины 0,3 м, что позволило выявить каменную ограду. Каждый этап сопровождался подробной фиксацией на местности с использованием тахеометрии и GPS-оборудования для точного определения координат объекта.

Геофизические методы: Использовались методы электромагнитной индукции и георадарной съёмки для исследования подповерхностных структур памятника и выявления возможных скрытых аномалий в пределах и за пределами раскопа. Геофизические данные позволили определить глубину залегания археологических объектов и их пространственную конфигурацию, что помогло в дальнейшем планировании раскопок.

Лабораторные методы: Лабораторные анализы включали радиоуглеродное датирование, палеоэкологические исследования и минералогический анализ каменных структур. Образцы органического материала, найденные на объекте, были направлены в лаборатории для радиоуглеродного анализа с целью определения точной датировки памятника. Минералогический анализ камней из оградки и погребений проводился для идентификации источников сырья и возможных торговых или миграционных путей древних сообществ.

Фотограмметрические методы: Использование фотограмметрии позволило создать детализированные трёхмерные модели объекта. С помощью фотограмметрических съёмок был зафиксирован полный спектр деталей поверхности каменных структур и знаков, что обеспечило возможность точного измерения и анализа их геометрических характеристик. Полученные данные также использовались для составления планов и реконструкций, что способствовало более глубокому пониманию архитектурной и символической структуры объекта.

Анализ иконографии и символики: Особое внимание было уделено изучению символического значения зигзагообразных знаков. Этот этап включал сопоставительный анализ орнаментов, найденных на объекте, с аналогичными символами, выявленными на археологических памятниках других регионов Евразии. Для этого использовались библиографические источники, этнографические исследования, а также данные, полученные из аналогичных археологических памятников, чтобы выявить преемственность символики и её возможные интерпретации.

Контекстуальный анализ: Все найденные артефакты, включая каменные плиты, поддерживающие камни и символические знаки, были тщательно задокументированы и проанализированы в контексте их пространственного расположения, возможных ритуальных функций и культурного значения. Этот анализ был дополнен изучением окружающего ландшафта, который включал реку Уранхай и другие гидрографические элементы, что могло повлиять на выбор места для захоронения. Эти методы в совокупности позволили провести комплексное исследование объекта № 5 могильника Шоже, выявить культурное и историческое значение, в контексте проблем преемственности.

3 Результаты (Самашев З., Жунисханов А.С.)

Памятник представляет собой двухкомпонентное сооружение, состоящее из прямоугольной в плане ограды, параметры стен которой следующие: восточная — 5,38 м; западная — 5,26 м; северная — 4,49 м; южная — 4,84 м. Ограда выполнена из частично сохранившихся вертикально вкопанных гранитных плит, в которых заключены две погребальные камеры-ящичка. Заглубленные в землю прямоугольные ящички-камеры составлены из отёсанных массивных плит и расположены параллельно в направлении З–В с заметным отклонением на юго-восток (рис. 3). Расстояние между камерами составляет 1,58 м. Только южная камера сохранила фрагмент массивного плиточного перекрытия. Имеются слабые признаки того, что северная погребальная камера была возведена

Рис. 3. Могильник Шоже, объект № 5 на фоне сопки Назарбий.
Погребальные камеры-ящики в процессе исследования. Фото: Максим Половцев
3-сур. Шөже қорымы, № 5 нысанның Назарби тауы тұсынан қарағандағы көрінісі.
Зерттеу барысындағы жерлеу камера-жәшіктері. Сурет: Максим Половцев
Fig. 3. Shozhe Burial Ground, Object No. 5 against the backdrop of the Nazarbiy Hill.
Burial chambers in the process of investigation. Photo: Maxim Polovtsev

значительно позже южной, что может свидетельствовать о возможной перестройке внешней ограды из вертикальных плит.

Северная камера размерами 1.88×0.9 м и глубиной 0.53 м представляет особый интерес благодаря наличию зигзагообразных знаков на двух стенках (рис. 4), фрагментам керамических сосудов с прочерченными зигзагами, а также костным остаткам человека, пригодным для палеогенетических исследований.

Южная камера выполнена из четырёх цельных гранитных плит, установленных на ребро. Её размеры составляют 1.90×1.0 м, глубина — 0.8 м. На дне камеры обнаружены потревоженные кости человека и фрагменты глиняного горшка, поверхность которого украшена, в отличие от сосудов из северной камеры, заштрихованными треугольниками, нанесёнными гребенчатым штампом (рис. 5).

4 Обсуждение (Самашев З., Самашев С.К.)

Изображения символических знаков на длинной боковой стене (длина 1.57 м), представленные в виде двоянных зигзагов, ритмично повторяющихся десятикратно, образуют целостную горизонтально организованную композицию. Эти зигзаги, выполненные в виде ломанных линий, явно отражают сложные мифопоэтические представления социума, к которому принадлежал

Perspective 30°

Snap: Axis, 3D

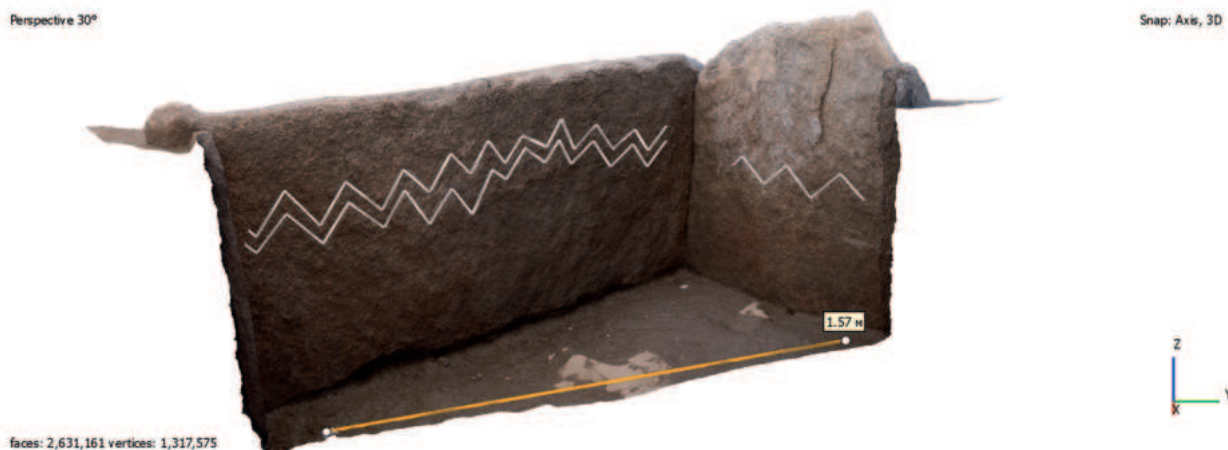

Рис. 4. Могильник Шоже, объект № 5. Зигзагообразные знаки на стенах погребальной камеры.
Фото: Андрей Пушкарев
4-сур. Шөже қорымы, №5 нысан. Жерлеу камерасының қабырғаларындағы ирек таңбалар.
Сурет: Андрей Пушкарев
Fig. 4. Shozhe Burial Ground, Object No. 5. Zigzag Symbols on the Walls of the Burial Chamber.
Photo: Andrey Pushkarev

Рис. 5. Могильник Шоже, объект № 5: 1 – северная камера, фрагменты глиняных сосудов с зигзагообразными орнаментальными композициями; 2 – южная камера, фрагмент керамики с заштрихованными треугольниками.
Исполнитель: Максим Половцев
5-сур. Шөже қорымы, № 5 нысан: 1 – солтүстік камера, ирек тәрізді ою-өрнек композициясы бар саздан жасалған ыдыстардың сынықтары; 2 – оңтүстік камера, штрихталған үшбұрыштары бар қыш сынығы.
Орындаған: Максим Половцев
Fig. 5. Shozhe Burial Ground, Object No. 5: 1 – Northern Chamber, Fragments of Clay Vessels with Zigzag Ornamental Compositions; 2 – Southern Chamber, Fragment of Pottery with Shaded Triangles.
Performer: Maxim Polovtsev

индивид, погребённый в северной камере. Данные изображения тесно связаны с реализацией предписаний погребально-поминальной ритуальности. Подобная установка подкрепляется дополнительным изображением аналогичного знака, но в упрощенном варианте на короткой торцевой стене, а также штрихами и композицией из утроенных зигзагообразных элементов на стенках глиняных сосудов (рис. 6).

Символический знак в виде зигзага является одним из наиболее распространённых и многозначительных символов, встречающихся в археологических памятниках различных эпох и культур. Например, изображения подобных зигзагов встречаются в захоронениях степного Причерноморья [Дараган и др. 2021] и на дольменах [Трифонов 2009: 122–123].

В контексте концепции Ю.М. Лотмана, зигзаг можно рассматривать как семиотический знак, который, несмотря на различные интерпретации, сохраняет свою значимость и функциональность на протяжении длительного исторического периода, связывая различные культурные эпохи [Лотман 1987: 11–12].

При поиске иконографических и семантических параллелей для знаков из Шоже в первую очередь обращается внимание на символические знаки, расположенные рядом с гротом

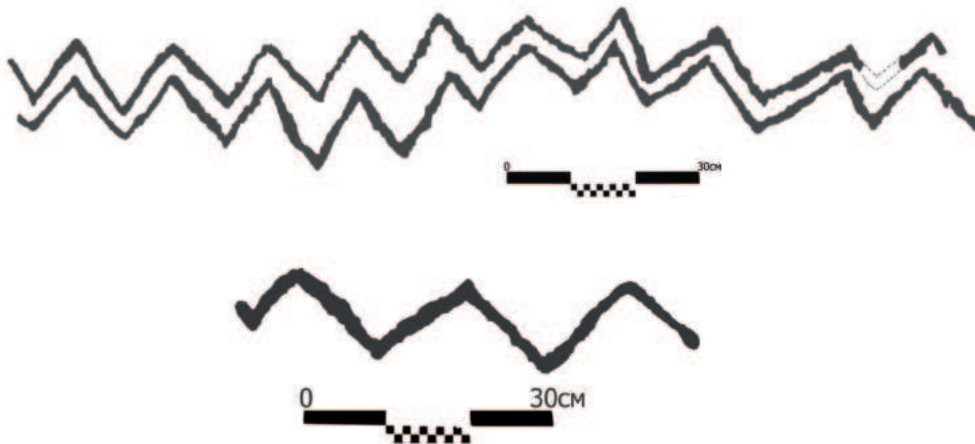

Рис. 6. Могильник Шоже, объект № 5. Фотограмметрические изображения зигзагообразных знаков на стенах северной камеры-ящика. Исполнитель: Сагынбай Мұрғабаяев

6-сур. Шөже қорымы, № 5 нысан. Солтүстік жерлеу камерасының қабырғаларындағы ирек тәрізді таңбалардың фотограмметриялық бейнелері. Орындаған: Сагынбай Мұрғабаяев

Fig. 6. Shozhe Burial Ground, Object No. 5. Photogrammetric Images of Zigzag Symbols on the Walls of the Northern Burial Chamber. Performer: Sagynbai Murgabaev

Акбауыр (рис. 7). Эти знаки могут оказаться не просто синхронными, а созданными людьми, принадлежащими к одной родоплеменной структуре. Однако зигзаги грота Акбауыр входят в состав чрезвычайно сложной знаково-коммуникативной системы храмового комплекса и, несомненно, были связаны более широкими, нежели погребально-поминальная обрядность, усложнёнными миропредставлениями и ритуально-обрядовыми мистериями календарного цикла [Самашев 1992: 184–190].

Что касается смыслового содержания этой широко распространённой во всем мире абстракции, то существует множество остроумных и неординарных предположений, таких как визуализация природных явлений, в том числе звуковых, или графическая метафора перехода в иной мир [Rozwadowski, Wołoszyn 2024: 1–21].

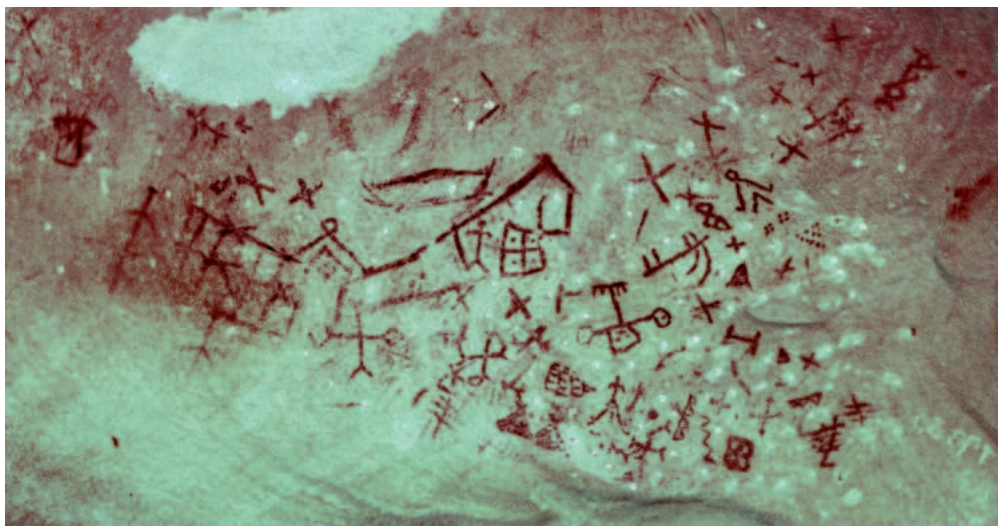

Рис. 7. Грот Акбауыр. Символические знаки бронзового века, выполненные красной охрой.
Фото: Зайнолла Самашев
7-сур. Ақбауыр үңгірі. Қызыл жосамен салынған қола дәуірінің символдық белгілері.
Сурет: Зайнолла Самашев

Fig. 7. Akbauyr Cave. Bronze Age Symbolic Signs made with Red Ochre. Photo: Zainolla Samashev

По мнению Дж. Купера, зигзаг символизирует молнию и огонь, который следует за ней, а также плодородие. Этот знак также является атрибутом богов бури, таких как вавилонский бог Адад, изображаемый с зигзагом или пучком языков пламени в руке. Символика зигзага здесь аналогична трезубцу и громовой молнии [Купер 1995: 101].

Б.Б. Пиотровский и Н.Д. Флиттнер связывали зигзаг в культурах древнего Востока с водной стихией [Пиотровский 1949: 90–94; Флиттнер 1958: 153–156]. Такая интерпретация подчёркивает роль воды как жизненно важного элемента и символа плодородия.

С.Ж. Пустовалов связывает зигзаг с календарной символикой, указывая на его возможное использование для обозначения временных циклов и природных явлений, связанных с ритмами природы [Пустовалов 1998: 36].

В раннем железном веке зигзаги сохраняют своё значение, но появляются новые трактовки. В скифской культуре, например, зигзагообразные линии связывали с культом огня и солнца, а также с воинскими символами. Оружие и украшения с такими орнаментальными мотивами, как правило, наделялись сакральным значением. Г.Н. Вольная связывала их с изображением птичьего оперения и шерсти животных [Вольная 1998: 35]. Она также отмечает, что изображение треугольников, зигзагов и пуансонного орнамента на теле птицы символизирует воду и растительность, созданные из составляющих тела этой птицы [Вольная 2002: 96]. Данная интерпретация отражает глубокую связь между природными явлениями и их символическим выражением в орнаменте.

В средние века зигзаг продолжает использоваться в орнаментах как декоративный элемент, особенно в текстиле, архитектуре и оружии. В исламском искусстве зигзагообразные линии часто включались в геометрические орнаменты и могли символизировать бесконечность или непрерывность жизни. В то же время в тюркских культурах зигзаг продолжает ассоциироваться с водой и животным миром.

А.Х. Маргулан подчёркивал, что зигзагообразные линии символизируют воду и течение реки [Маргулан 1986: 84]. Эти мотивы, известные под названием «су орнек», т. е. орнамент в виде воды [Шайгозова, Наурызбаева 2023: 132], часто встречаются в декоративно-прикладном искусстве

казахов, истоки которого теряются, как свидетельствуют археологические материалы, в культурах бронзового века.

5 Выводы (Самашев З., Самашев С.К.)

Результаты проведённых исследований памятника Шоже № 5 указывают на его важность для понимания смысла и назначения абстрагированных знаково-коммуникативных систем древних сообществ. Обнаружение зигзагообразного символа на стенах оградки и его аналогии с символами на памятниках других регионов открывает новые перспективы для изучения культурно-исторических связей в обширном пространстве Евразии.

Зигзагообразные ломанные линии на стенах погребальной камеры, естественно, связаны с обрядом перехода в иное бытие и отражают существовавшие в конкретном социуме нормы и правила этого явления. Они также могут олицетворять разные природные стихии, в том числе и водные («река жизни»), пространственные представления, жизненные циклы древнего человека и др.

Сама ограда из вертикально вкопанных плит и заключенная в ней погребальная камера со знаками могли восприниматься в мифологическом мышлении как сакральное пространство, где нанесённые символы обеспечивали, согласно нормам мифологического мышления, связь между миром живых и миром мёртвых, обеспечивая устойчивость, благополучие для обоих миров.

Исследование материалов ограды № 5 могильника Шоже открывает новые горизонты в изучении мировоззрения и погребально-поминальной обрядности у населения бронзового века, а также позволяет уточнить хронологические рамки существования тех или иных культурно-исторических явлений, особенно, распространения религиозно-философских, технологических идей и контактов в пространстве.

Благодарности. Авторы выражают благодарность С.С. Мургабаеву, Г. Киясбеку, А.А. Пушкареву, М.Ю. Половцеву и Е.Ж. Рахманкулову за оказанную помощь при проведении данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Вольная Г.Н.* О переднеазиатских и закавказских влияниях в скифо-сибирском зверином стиле в памятниках Предкавказья // Античная цивилизация и варварский мир (м-ы 6-го археол. семинара) / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: [б./и.], 1998. С. 34-36.
- 2 *Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Ирстон, 2002. 186 с.
- 3 *Дараган М.Н., Полин С.В., Свойский Ю.М.* Хронологическая последовательность мегалитических погребальных комплексов эпохи энеолита в кургане у пгт. Великая Александровка // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 13–98.
- 4 *Купер Дж.* Энциклопедия символов. Сер. «Символы». Кн. IV. М.: Ассоциация Духовного единения «Золотой век», 1995. 399 с.
- 5 *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. 21 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 754) / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1987. С. 10-22.
- 6 *Маргулан А.Х.* Казахское народное прикладное искусство. Т. I. Алма-Ата: Өнер, 1986. 256 с.
- 7 *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья с древнейших времён до I тысячелетия до н.э. Курс лекций. Л.: ЛГУ. 1949. 134 с.
- 8 *Пустовалов С.Ж.* О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. С. 22-51.
- 9 *Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К., Брынза Т.В.* Архитектурные традиции элитных комплексов поздней бронзы Сарыарки // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2024. № 2 (24). С. 27–43.
- 10 *Самашев З.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алматы: Наука, 1992. 288 с.
- 11 *Трифонов В.А.* Дольмены в долине реки Жане // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 115-128.

- 12 Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.; М.: Искусство, 1958. 297 с.
- 13 Шайгозова Ж.Н., Наурызбаева А.Б. Қазақ мәдениетінің белгілері мен нышандарының қысқаша энциклопедиясы. Алматы: ҚазҒЗМИ, 2023. 320 б.
- 14 Rozwadowski A., Wołoszyn J.Z. Dances with Zigzags in Toro Muerto, Peru: Geometric Petroglyphs as (Possible) Embodiments of Songs // Cambridge Archaeological Journal. 2024. April. Pp. 1–21.
- 15 Samashev Z. “Written stones” in the cult-ritual everyday life of paleometal era // World of Great Altay. 2020. 6 (2). Pp. 861-888.

REFERENCES

- 1 Volnaya, G. N. 1998. In: Raev, B. A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir (Ancient civilization and the barbarian world)*. Krasnodar, 34-36 (in Russian).
- 2 Volnaya, G. N. 2002. *Prikladnoe iskusstvo naseleniya Priterech'ya serediny I tysyacheletiya do n.e. (Applied art of the population of the Priterechye region in the middle of the 1st millennium BC)*. Vladikavkaz: “Iriston” Publ. (in Russian).
- 3 Daragan, M. N., Polin, S. V., Svoyskiy, Yu. M. 2021. In: *Materialy po Arkheologii i Istorii Antichnogo i Srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 13, 13–98 (in Russian).
- 4 Kuper, J. 1995. *Entsiklopediya simbolov (Encyclopedia of Symbols)*. Moscow: Association of Spiritual Unity “Golden Age” Publ. (in Russian).
- 5 Lotman, Y. M. 1987. In: Lotman, Y. M. (ed.). *Trudy po znakovym sistemam (Works on sign systems)*. 21 (*Uchenyie zapiski Tartusskogo universiteta (Scientific notes of the Tartu University)* 754). Tartu: Tartu State University, 10-22 (in Russian).
- 6 Margulan, A. K. 1986. *Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo (Kazakh folk applied art)*. Vol. I. Alma-Ata: “Oner” Publ. (in Russian).
- 7 Piotrovskiy, B. B. 1949. *Arheologiya Zakavkaz'ya s drevneyshih vremyon do I tysyacheletiya do n.e. (Archaeology of Transcaucasia from ancient times to the 1st millennium BC)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- 8 Pustovalov, S. Z. 1998. *Dono-Donetskiy region v epohu sredney i pozdney bronzyi (Don-Donets rivers region in the Middle and Late Bronze Age)*. Voronezh: Voronezh State University, 22-51 (in Russian).
- 9 Rysbergenov, M. A., Khabdulina, M. K., Brynza, T. V. 2024. In: *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan archeology)*, 2 (24), 27–43 (in Russian).
- 10 Samashev, Z. 1992. *Naskalnye izobrazheniya Verhnego Priirtysh'ya (Rock paintings of the Upper Irtysh river region)*. Almaty: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 11 Trifonov, V. A. 2009. In: Makarov, N. A. (ed.). *Dolmeny v doline reki Zhane (Dolmens in the valley of the river Zhane)*. Moscow: Institute of Archaeology of the RAS, 115-128 (in Russian).
- 12 Flittner, N. D. 1958. *Kultura i iskusstvo Dvurech'ya i sosednih stran (Culture and Art of Mesopotamia and Neighboring Countries)*. Leningrad; Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- 13 Shaigozova, Z. N., Naurzbayeva, A. B. 2023. *Kazak madenietinin belgileri men nyshandarynyn kyskasha enciklopediyasy (A brief encyclopedia of signs and symbols of Kazakh culture)*. Almaty: Kazakh Scientific Research State Institute of Culture (in Russian, in Kazakh, in English).
- 14 Rozwadowski, A., Wołoszyn, J. Z. 2024. In: *Cambridge Archaeological Journal*, April, 1–21 (in English).
- 15 Samashev, Z. 2020. In: *World of Great Altay*, 6 (2), 861-888 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.09.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

Чеканы эпохи ранней бронзы из Азербайджана

© 2024 г. Кириченко Д.А.

Keywords: Azerbaijan, The Near East, archaeology, The Early Bronze Age, warfare, weapons, pickaxes

Түйін сөздер: Әзербайжан, Таяу Шығыс, археология, ерте қола дәуірі, соғыс ісі, қару, чекан

Ключевые слова: Азербайджан, Ближний Восток, археология, эпоха ранней бронзы, военное дело, оружие, чеканы

Dmitry Kirichenko¹

¹Candidate of Historical Sciences (PhD), Ass. Professor, Institute of Archaeology and Anthropology, ANAS, Baku, Azerbaijan Republic. ORCID: [0000-0002-1045-4159](https://orcid.org/0000-0002-1045-4159) Email: dmakirichenko@mail.ru

Pickaxes of the Early Bronze Age from Azerbaijan

The article discusses samples of weapons exhibited in Azerbaijan National Museum of Art. Probably, these artifacts were found immediately in the southeast region of Azerbaijan Republic and take their origin apparently from crushed burial/burials, and belong to the so-called shaft-hole pickaxes with a stem-like hole for inserting a handle. The weapon was made from bronze by the method of casting. The axes are practically identical and only have some differences in size. The items are decorated with straight and arched lines, as well as a distinctive crest, which could symbolize a winged serpent. The artifacts are dated back to the late period of The Early Bronze Age within 2200-2000 years BC. At the present times, such items have not been found on the territory of Caucasus yet. The analogies of the findings can be found on the territory of The Middle East, namely in Levant (Til Barsib/Tell Ahmar), Mesopotamia (Mari, Nimrud) and Iran (Luristan). The artifacts belonged to the so-called «long» samples of such pickaxes. The novelty of the article is that an attempt has been made to unite all known axes of this type, discovered both in archaeological sites and stored or presented in museum exhibitions. It is possible that these items reached Azerbaijan from Luristan as “prestigious” goods for the local elite, or as battle trophies. However, their “Mesopotamian” origin cannot be ruled out either. The lack of detailed archaeological context for the finds somewhat complicates a broader spatial interpretation of the material.

For citation: Kirichenko, D. 2024. Pickaxes of the Early Bronze Age from Azerbaijan. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 22–31 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.22.31](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.22.31)

Дмитрий Александрович Кириченко¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, доцент,
Археология және антропология институты, ӘҰҒА,
Баку қ., Әзербайжан Республикасы

**Әзербайжаннан табылған ерте
қола дәуірінің чекандары**

Мақалада Әзербайжан өнері Ұлттық музейі экспозициясындағы қару үлгілері қарастырылады. Көне жәдігерлер Әзербайжан Республикасының оңтүстік-шығыс өңірінен, қираған жерлеу орны/жерлеу орындарынан кездейсоқ табылған болуы мүмкін. Сондай-ақ сабы кигізілетін өзек сияқты ойығы бар «қайла тәрізді/дөңесті» деп аталатын балта түріне жатады. Қару қоладан құйып жасалған. Бал-

Дмитрий Александрович Кириченко¹

¹кандидат исторических наук, доцент,
Институт археологии и антропологии, НАНА,
г. Баку, Азербайджанская Республика

**Чеканы эпохи ранней бронзы
из Азербайджана**

В статье рассмотрены образцы оружия, представленного в экспозиции Национального Музея Искусств Азербайджана. Вероятно, артефакты были обнаружены случайно в юго-восточном регионе Азербайджанской Республики, происходят, по всей видимости, из разрушенного погребения/погребений, и относятся к т. н. «киркообразным/пиковиным» топорам с отверстием в виде стержня для продева-

талар бір-біріне ұқсайды, тек өлшемдерінде аздаған айырмашылықтар бар. Бұйым түзу және доға тәрізді, сондай-ақ қанатты жыланды бейнелеуі мүмкін ерекше тарақталған сызықтармен безендірілген. Жәдігерлер ерте қола дәуірінің кейінгі кезеңіне, б.д.д. 2200–2000 жылдар аралығына жатады. Қазіргі уақытта Кавказ аумағынан мұндай бұйымдар табылмады. Осындай балталар Таяу Шығыс аумағынан, дәлірек айтқанда Леванттан (Тиль Барсиб/Телль Ахмар), Месопотамиядан (Мари, Нимруд), Ираннан (Луристан) кездеседі. Жәдігерлер осындай балталардың «ұзын» түріне жатады. Мақаланың жаңалығы археологиялық ескерткіштерден табылған, сондай-ақ музей коллекцияларында сақталған немесе ұсынылған осы типті барлық белгілі балталарды біріктіруге талпыныс жасалды. Бұл бұйымдар Әзербайжанға Луристаннан жергілікті ақсүйектерге «лайық» тауар немесе соғыс олжасы ретінде келуі мүмкін. Десе де олардың «месопотамиядан» шыққанын да жоққа шығаруға болмайды. Жәдігерлердің археологиялық контекстінің толық болмауы материалды кеңінен кеңістіктік тұрғыда түсіндіруді біршама қиындатады.

Сілтеме жасау үшін: Кириченко Д.А. Әзербайжаннан табылған ерте қола дәуірінің чекандары. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 22–31-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.22.31](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.22.31)

ния рукоятки. Оружие было изготовлено из бронзы методом литья. Топоры практически идентичны, существуют лишь небольшие различия в размерах. Изделия декорированы прямыми и дугообразными линиями, а также своеобразным гребнем, который мог символизировать крылатого змея. Артефакты датируются поздним периодом раннебронзового века, в пределах 2200–2000 гг. до н.э. В настоящее время такого рода изделия на территории Кавказа не выявлены. Подобные топоры встречаются на территории Ближнего Востока, а именно в Леванте (Тиль Барсиб/Телль Ахмар), Месопотамии (Мари, Нимруд), Иране (Луристан). Артефакты относятся к т. н. «длинным» образцам подобных топоров. Новизной статьи является то, что предпринята попытка объединить все известные топоры этого типа, обнаруженные как в археологических памятниках, так и хранящиеся или представленные в музейных коллекциях. Возможно, эти изделия попали в Азербайджан из Луристана в качестве «престижного» товара для местной знати, либо же в качестве боевого трофея. Однако исключить их «месопотамское» происхождение также нельзя. Отсутствие подробного археологического контекста находок несколько затрудняют более широкую пространственную интерпретацию материала.

Для цитирования: Кириченко Д.А. Чеканы эпохи ранней бронзы из Азербайджана. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 22–31.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.22.31](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.22.31)

1 Введение и терминология

Следует отметить, что в современной русскоязычной археологической литературе относительно терминологии похожего типа вида оружия – топоров – существует ряд различных определений («чекан», «клевец»), но относящихся к более поздним образцам – к скифской эпохе [Скорый, Зимовец 2023]. Несомненно, на наш взгляд, лишь то, что экземпляры относятся к типу боевых топоров ближнего боя и представляют собой чекан.

В научной литературе чекан – короткое древковое оружие ближнего боя с узким, горизонтально расположенным клинком, заканчивающимся острием. Чекан является «абсолютным» оружием ближнего боя, поскольку именно при его помощи достигается максимальная концентрация силы удара на минимальной площади поражения, что при относительной массивности клинка и наличии мощного рычага-рукоятки придаёт оружию максимально возможный ударно-колющий эффект, перед которым могло устоять только очень и очень солидное защитное вооружение [Горелик 1992: 52].

Чеканы и клеветы, как, впрочем, и вообще боевые топоры, являлись (судя, например, по изображениям на предметах торевтики) оружием пешего воина, используемым в рукопашном бою [Скорый, Зимовец 2023: 33]. Если следовать западноевропейской научной терминологии, то рассматриваемые экземпляры относятся к типу так называемых «киркообразных/пиковидных» топоров (pickaxe) с отверстием в виде стержня для продевания рукоятки (shaft-hole axe), с длинными клинками квадратного сечения, сужающимися к концу, к острой точке, идущей под прямым углом по направлению к рукояти. Характерные «розетки» сильно прорезаны, на нижнем конце имеется вертикальный гребень на задней стороне изделия [Philip 1989: 303].

Исследованные в данной публикации материалы (рис. 1) являются в своем роде уникальными для территории Кавказа в виду того, что такие образцы до сих пор не выявлены за пределами ближневосточного региона. В статье впервые предпринята попытка объединить все известные на настоящий момент находки подобного вида оружия, обнаруженные на археологических памятниках (поселения, погребения), а также из музейных коллекций. По возможности, указана информация о размерах изделий, к сожалению, отсутствуют многие другие данные (анализ металла, диаметр отверстия втулки, вес и т. д.).

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования

Чеканы, представленные в работе, относятся к достаточно редким находкам ближневосточного «военпрома», которые применялись в позднем периоде раннебронзового века.

В ходе исследования был использован метод типологического датирования артефактов по аналогиям. Приводятся данные о размерах топоров, определено место и предположительная территория откуда это оружие, возможно, попало в Азербайджан. Все экземпляры топоров сфотографированы автором, в некоторых ракурсах, насколько это было возможно сделать, учитывая их нахождение в действующей музейной экспозиции, также использованы фотографии госпожи Х.Э. Нуриевой, заведующей Отделом металла Национального Музея Искусств Азербайджана.

2.2 Характеристика материала

Материал представлен в экспозиции Национального Музея Искусств Азербайджана. Изделия значатся под инвентарными номерами М 205 (рис. 2) и М 206 (рис. 3) и реставрированы сотрудниками музея.

В 2011 г. в научную обработку поступило два образца навершия топора, изготовленных из бронзы методом литья. Предметы происходят из южных регионов Азербайджанской Республики (скорее всего, из юго-восточной части страны) и представляют собой случайные находки.

Рис. 1. Бронзовые чеканы из экспозиции Национального Музея Искусств Азербайджана: 1 – инв. М 205; 2 – инв. М 206 (фото автора)

1-сур. Әзербайжан өнері Ұлттық музейі экспозициясындағы қола чекандар: 1 – инв. М 205; 2 – инв. М 206 (автордың фотосуреті)

Fig. 1. Bronze pickaxes from exposition of Azerbaijan National Museum of Art: 1 – inv. M 205; 2 – inv. M 206 (photo by author)

Рис. 2. Бронзовый чекан. Инв. М 205 (фото Х.Э. Нуриевой)

2-сур. Қола чекан. Инв. М 205 (Х.Э. Нуриеваның фотосуреті)

Fig. 2. Bronze pickaxe. Inv. M 205 (photo by K.E. Nurieva)

Рис. 3. Бронзовый чекан. Инв. М 206
(фото Х.Э. Нуриевой)
3-сур. Қола чекан. Инв. М 205
(Х.Э. Нуриеваның фотосуреті)
Fig. 3. Bronze pickaxe. Inv. M 206
(photo by K.E. Nurieva)

Лезвие чекана узкое и квадратное в сечении заканчивается узким краем, слегка округленным. Предмет украшен прямыми и дугообразными линиями. Сзади оружие имеет гребень, верхняя сторона которого плоская и соединена непрерывно с лезвием, а вторая сторона изогнута и спускается к основанию рукава. В верхней половине хребта виден широкий и хорошо продуманный поперечный молдинг (литая деталь). Функция его, возможно, носит двойное предназначение, к чисто декоративному аспекту прибавляется и значение этой детали как противовеса, который позволяет чекану быть сбалансированным при обращении с ним.

Смеем предположить, что в качестве декора гребень оружия мог представлять собой стилизованное изображение змея/змеи с крыльями – популярного образа в мифологии древней Месопотамии [Black, Green 1992]. Приведём здесь размеры топоров, которые указаны в инвентарных описаниях Отдела металла Национального Музея искусств Азербайджана: М 205 – длина 19 см, высота 7 см; М 206 – длина 20 см, высота 8.5 см.

4 Обсуждение

Прототипом этого вида вооружения послужили так называемые «боевые кирки», которые появились в Месопотамии с середины III тыс. до н.э. Изделия были с трубчатыми проухами, косо срезанными внизу в целях улучшения упора, с узким массивным клинком, несколько оттянутым вниз, что увеличило пробойную силу, и с коротеньким лезвием [Горелик 1993: 52].

Одним из прототипов исследованных нами чеканов является так называемое «топоровидное тесло/кирка» из гробницы PG/580 (рис. 5) на царском некрополе г. Ура, изготовленное из электрума, которое принадлежало, предположительно, царю Мес-Калам-Дугу (XXVI в. до н.э.) [Wooley 1934]. Длина предмета составляла 15 см [Wooley 1934: 544].

3 Результаты

Исследованные предметы, как указывалось выше, относятся к типу так называемых «киркообразных/пиковидных» топоров, они практически идентичны друг другу, различия существуют лишь в размерах, а также, в том, что у экземпляра М 206 слегка надломано «крыло».

Ниже переходим к описанию артефактов: изделие М 206 цельное, литое, посередине имеется цилиндрическое отверстие для втулки (рис. 4), слегка украшенное двумя дугообразными линиями.

Рис. 4. Бронзовый чекан. Инв. М 206
(фото автора)
4-сур. Қола чекан. Инв. М 206
(автордың фотосуреті)
Fig. 4. Bronze pickaxe. Inv. M 206
(photo by author)

Изделие не было функциональным в техническом плане и являлось, по большей части, символом власти и могущества, как и многие другие предметы из цветных и драгоценных металлов, обнаруженных в царских гробницах Ура [Horne 1998: 7]. Вероятно, подобного рода изделия, но из бронзы, также существовали и широко применялись населением Месопотамии в начале эпохи ранней бронзы.

Несомненно, такой предмет мог служить как орудием труда, так и оружием. В бою он предназначался

Рис. 5. Ур. Царский некрополь. Гробница PG/580. Инв. У. 9339. Материал: электрум (по: [Wooley 1934:Pl. 165; Pl. 229])
5-сур. Ур. Патша қорымы. Мазар PG/580. Инв. У. 9339. Материалы: электрум ([Wooley 1934:Pl. 165; Pl. 229] бойынша)
Fig. 5. Ur. The Royal cemetery. Tomb PG/580. Inv. U. 9339. Electrum – after Wooley 1934: Pl. 165; Pl. 229

Рис. 6. Телль Асмар. Оттиск цилиндрической печати. Позднеаккадский период (конец III тыс. до н.э.) (по: [Boehmer 1965: Pl. XX.230])

6-сур. Телль Асмар. Цилиндр мөрдiң бедерi. Кейiнгi аккад кезеңi (б.д.д. III мыңж. соңы) ([Boehmer 1965: Pl. XX.230] бойынша)

Fig. 6. Tell Asmar. Sealing of cylinder seal. The Late Akkadian period (the end of 3rd Millennium BC) – after Boehmer 1965: Pl. XX.230

такого рода изделий [Maxwell-Hyslop 1949; Calmeyer 1969]. Впервые чеканы (рис. 7), подобные анализируемым экземплярам, были обнаружены в «Гипогееуме» (большая камерная гробница) Тиль Барсиба/Телль Ахмара [Thureau-Dangin, Dunand 1936], который датируется поздней стадией раннебронзовой эпохи (Early Bronze Age IV) [Bunnens 2002-2003].

Лезвие топора находится перпендикулярно концу лунки, цилиндрической формы, спинка, сильно вытянутая вдоль рукоятки, лезвие усилено длинным гребнем,

для пробивания металлических шлемов, появившихся в Месопотамии в этот период. Со временем подобного вида оружие распространилось на территории Леванта, Ирана и т.д. [Muscarella 1988; Philip 1989; Amiet 1976]. На оттиске цилиндрической печати (рис. 6) из Телль Асмар (древняя Эшнунна), датированной позднеаккадским периодом (конец III тыс. до н.э.), имеется изображение такого вида оружия [Boehmer 1965: Pl. XX. 230].

В научной литературе существует несколько классификаций и типологий

Рис. 7. Тиль Барсиб/Телль Ахмар (по: [Thureau-Dangin, Dunand 1936: Pl. XXIX.5])

7-сур. Тиль Барсиб/Телль Ахмар ([Thureau-Dangin, Dunand 1936: Pl. XXIX.5] бойынша)

Fig. 7. Til Barsib/Tell Ahmar – after Thureau-Dangin, Dunand 1936: Pl. XXIX.5

укреплённым вертикальным выступом. Длина – 196 мм [Thureau-Dangin, Dunand 1936: 106]. Р. Максвелл-Хислоп относил подобные чеканы к типу 9в, при этом указывая, что лезвие их иногда заострено и, возможно, они использовались также в качестве кирки [Maxwell-Hyslop 1949: 99]. П. Калмейер относит такого вида оружие к 15 типу или же называет их по месту первой подобного рода находки «топоры со скошенной втулкой типа Тиль Барсип» [Calmeyer 1969: 32]. Г. Филип относит чеканы к типу 1, в своей классификации чеканов эпохи ранней-средней бронзы Сиро-Палестины [Philip 1989: 303]. Г. Гернез относит этот вид оружия ко 2 типу в своей классификации [Gernez 2007: 233-234].

Рис. 9. Бронзовый чекан. Коллекция Дж. Бомфорда. Ашмолеанский музей искусства и археологии (по: [Moorey, Catling 1966: Pl. III.7; Calmeyer 1969: 34, Abb.34])

9-сур. Қола чекан. Дж. Бомфордтың коллекциясы. Ашмолеан Өнер және археология музейі ([Moorey, Catling 1966: Pl. III.7; Calmeyer 1969: 34, Abb.34] бойынша)
Fig. 9. Bronze pickaxe. J. Bomford collection. The Ashmolean Museum of Art and Archaeology – after Moorey, Catling 1966: Pl. III.7; Calmeyer 1969: 34, Abb. 34

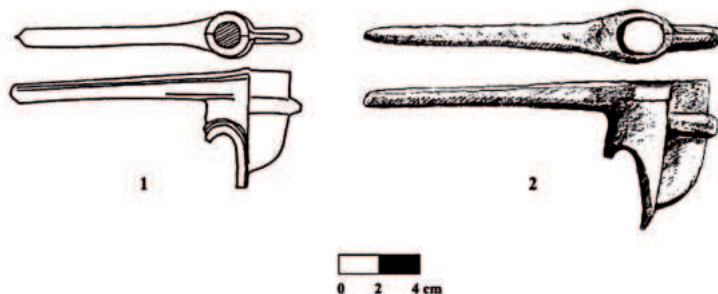

Рис. 8. Бронзовые чеканы из Мари (Телль Харири). (по: [Montero Fenollos 2006: Fig. 1] 8-сур. Мариден (Телль Харири) табылған қола чекандар ([Montero Fenollos 2006: Fig. 1] бойынша)
Fig. 8. Bronze pickaxes from Mari (Tell Hariri) – after Montero Fenollos 2006: Fig. 1

В настоящее время имеется несколько находок топоров подобных нашим экземплярам. Среди них следует отметить: чекан (его длина составляет 17.8 см) из коллекции Дж. Бомфорда в Ашмолеанском музее искусства и археологии [Moorey, Catling 1966] в Оскфорде, точное место находки которого неизвестно, имеется информация о том, что он был куплен [Calmeyer 1969: 34, Abb. 34]; образцы из Луристана – из коллекции Д. Давида-Веилла в Музее Лувр в Париже (рис. 11, 1), описанные археологом П. Амье, дли-

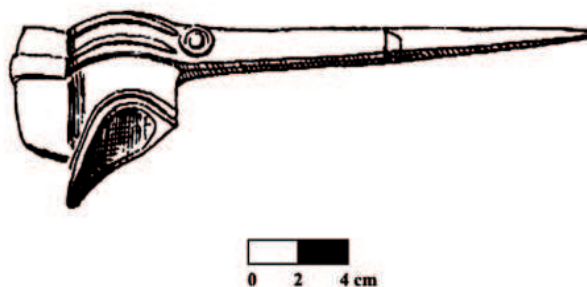

Рис. 10. Бронзовый чекан из Нимруда (по: [Herzfeld 1941: Fig. 243c])
10-сур. Нимрудтан табылған қола чекан ([Herzfeld 1941: Fig. 243c] бойынша)
Fig. 10. Bronze pickaxe from Nimrud – after Herzfeld 1941: Fig. 243c

Рис. 11. Луристан. «Длинный» и «короткий» варианты образцов оружия: 1 – музей Лувр, коллекция Д. Давида-Веилла (по: [Amiet 1976: Fig. 10]); 2 – некрополь Каллех Нисар А II гробница 41 (по: [Vanden Berghe 1973: Pl. 17])

11-сур. Луристан. Қару үлгілерінің «ұзын» және «қысқа» нұсқалары: 1 – Лувр музейі, Д. Давид-Веиллдің коллекциясы ([Amiet 1976: Fig. 10] бойынша); 2 – Каллех Нисар қорымы, А II мазар 41 ([Vanden Berghe 1973: Pl. 17] бойынша)

Fig. 11. Luristan. «Long» and «short» variants of weapon samples:

1 – Louvre Museum, D. David-Weill collection – after Amiet 1976: Fig. 10; 2 – Kalleh Nisar necropolis A II tomb 41 – after – Vanden Berghe 1973: Pl. 17

второй экземпляр из коллекции А. Годара; из некрополя Каллех Нисар А II гробница 41 (рис. 11, 2), длина – 14 см [Vanden Berghe 1973: 41, fig. 11.7; 46; 54, Pl. 17]; а также из коллекции Музея Искусств Метрополитан в Нью Йорке (подарок Дж.Д. Пратта, 1931 г.), длина – 12.7 см [Muscarella 1988: 388; 389, fig. 513] и коллекции классических и ближневосточных древностей Национального музея Дании в Копенгагене (инв. № 15033) – длина 18.4 см, высота – 8 см, который был куплен в 1969 г. (точное место происхождения неизвестно) [Dietz et al. 2015: 41; Pl. XVI.113].

В работе археолога Кл.А. Шеффера есть графическое изображение чекана из Луристана [Schaeffer 1948: fig. 263.3], который упомянут как «шумерский тип» [Schaeffer 1948: 484], однако, вероятно, это был тот же самый артефакт, что и в публикации А. Годара [Godard 1931] и принадлежал он оружию из некрополя Тепе Хазинех, а также позднее приведённый (топор 2) и в публикации Э. де Валя [Waele 1982].

Археолог Ж.-Л. Монтеро Феноллос приводит информацию о двух топорах из Мари (рис. 8) [Montero Fenollos 2006]. Длина одного экземпляра (М. 1604) – 21.6 см, а другого (М. 2931) – 13,5 см [Montero Fenollos 2006: 299; 300, fig. 1].

Исследователь считает, что эти образцы были своего рода «парадным оружием» правителей династии и являлись символом военной мощи Мари, знаком, который следовало показать публике [Montero Fenollos 2006: 302]. В научной литературе есть ещё упоминание о находке из Нимруда, хотя её происхождение оттуда ставится под сомнение [Herzfeld 1941: 126; Gernez 2007: 234].

В основном, если удастся установить археологический контекст находок, это были погребения. Возможно, артефакты с территории Азербайджана также происходили из разрушенного погребения/погребений.

Все изделия декорированы прямыми и волнистыми линиями, гребнем, что же касается образца из коллекции Дж. Бомфорда Ашмолеанского музея искусства и археологии (рис. 9), то ещё и стилизованным кругом, напоминающим «глаз» [Moorey, Catling 1966: Pl. III.7; Calmeyer 1969: 34, Abb. 34], такой же «глаз» присутствует и на артефакте (рис. 10) из Нимруда [Herzfeld 1941:

на оружия – 0.204 м, предмет приобретён в 1935 г. [Amiet 1976: 14]; из коллекции Музея искусства и промышленности Гамбурга (инв. 1931, 279), длина – 16.3 см [Potratz 1955: 192, Abb. 6]; из коллекции Музея изящных искусств Бостона, длина – 18.8 см [Potratz 1955: 192]; из коллекции А. Годара Музея Лувр (два топора (1 и 2), размеры первого длина – 14.5 см, высота – 7 см; второго: длина – 19 см, высота – 9 см) [Waele 1982: 14-15, fig. 2], из некрополя Тепе Хазинех в коллекции Музея Лувр [Godard 1931: 47, Pl. 15.47], размеры которого, к сожалению, не приводятся, не исключено то, что он и есть

fig. 243c]. Данные факты, вероятно, выступают косвенным подтверждением того, что топоры могли быть своеобразным «материальным воплощением» крылатого змея, одного из символов смерти в мифологии древней Месопотамии.

К сожалению, не все авторы сообщают размеры оружия, у многих имеются лишь данные длины, практически отсутствуют сведения о высоте изделий, химическом составе металла, диаметре втулки, весе предметов и других показателях, которые помогли бы в дополнительном исследовании этих редких образцов оружия древнего населения Востока. Исследователи, в основном, датируют артефакты в пределах 2-й пол. – концом III тыс. до н.э. [Schaeffer 1948; Maxwell-Hyslop 1949; Calmeier 1969; Muscarella 1988; Philip 1989; Gernez 2007; 2017]. Образцы оружия варьируются в зависимости от размеров, «длинные» (16–21 см) и «короткие» (12.7–14 см) экземпляры.

В настоящее время известно 12 длинных (Национальный Музей Искусств Азербайджана – 2 экз.; Тиль Барсиб/Телль Ахмар – 1 экз.; Ашмолеанский музей искусств и археологии – 1 экз.; Луристан (сборная) – 2 экз.; Музей Искусств Метрополитан – 1 экз. Музей искусства и промышленности Гамбурга – 1 экз.; Музей изящных искусств Бостона – 1 экз.; Национальный Музей Дании – 1 экз.; Мари – 1 экз.; Нимруд – 1 экз.) и четыре коротких образца (Луристан (3 артефакта) – коллекция А. Годара, Музей Лувр – 1 экз.; Музей Искусств Метрополитан – 1 экз.; некрополь Калех Ниссар А II – 1 экз.; Мари – 1 экз.) подобных топоров. В основном, большинство находок топоров происходит из Луристана, где этот вид оружия получил, вероятно, наибольшее распространение в период ранней бронзы. Среди образцов вооружения Кавказа синхронного времени и последующих за ним периодов представленные нами в статье предметы пока что не выявлены и не известны.

5 Заключение

Вероятно, анализируемые экземпляры происходили из Луристана – региона наиболее близкого к месту обнаружения предметов (юго-восточный регион нашей республики), как и аналогии с другими изделиями, происходящими отсюда и выявленными на территории Азербайджана, хотя не исключается и «прямое попадание» из Месопотамии.

Возможно, чеканы попали сюда либо в качестве «престижного» товара для местной знати, либо в качестве боевого трофея. В настоящее время экземпляры, аналогичные артефактам из Азербайджана, на территории Кавказа не обнаружены, все находки происходят с территории Ближнего Востока. Наши образцы следует отнести к категории «длинных» экземпляров такого вида оружия.

Бронзовые чеканы из экспозиции Национального Музея Искусств Азербайджана следует датировать в пределах последней стадии раннебронзового века (2200–2000 гг. до н.э.), как и образцы из Луристана. Прототипом этих изделий послужили артефакты сер. III тыс. до н.э., бытовавшие на территории Месопотамии.

Благодарности: Автор выражает свою благодарность и признательность руководству Национального Музея Искусств Азербайджана за возможность исследовать и опубликовать материал из представленной экспозиции, а также особо поблагодарить заведующую Отделом металла Х.Э. Нуриеву за использованные в статье фото и предоставленную подробную информацию о находках.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Горелик М.В. Оружие древнего Востока. М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
- 2 Скорый С.А., Зимовец Р.В. Артефакт из Ахтырки к вопросу о биметаллических чеканах эпохи скифской архаики в Евразии // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 30–60.
- 3 Amiet P. Les Antiquités du Luristan. Collection David-Weill. Paris: Diffusion De Boccard, 1976. 116 p.
- 4 Black J., Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary. London: The British Museum Press, 1992. 192 p.

- 5 Boehmer R.M. Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-Zeit. Berlin: Walter de Gruyter, 1965. 194 p.
- 6 Bunnens G. Til Barsib before the Assyrians // *Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes*. 2002-2003. Vol. XLV-XLVI. Pp. 163–172.
- 7 Calmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Untersuchungen zur Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 5. Berlin: Walter de Gruyter, 1969. 202 p.
- 8 Dietz S., Papadopoulos T.J., Kontorli-Papadopoulou L. Prehistoric Aegean and Near Eastern Metal Types. The National Museum of Denmark. Collection of Classical and Near Eastern Antiquities. Copenhagen: Aarhus University Press, 2015. 52 p.
- 9 Gernez G. *L'armement en métal au Proche et Moyen-Orient: des origines à 1750 av. J.-C.* Thèse de doctorat d'Archéologie. Sciences de l'Homme et Société. Vol. I. Paris: Université Panthéon-Sorbonne, 2007. 733 p.
- 10 Gernez G. Les Armes du Proche-Orient ancien. Des origines à 2000 av. J.-C. Paris: Éditions Errance, 2017. 176 p.
- 11 Godard A. Les Bronzes du Lusistan. *Ars Asiatica*. T. XVII. Paris: Les Éditions G. Van Oest, 1931. 114 p.
- 12 Herzfeld E.E. Iran in the Ancient East. *Archaeological Studies Presented in the Lowell Lectures at Boston*. London-New York: Oxford University Press, 1941. 363 p.
- 13 Horne L. Ur and Its Treasures. *The Royal Tombs* // *Penn Museum Expedition Magazine*. 1998. Vol. 40. No. 2. Pp. 4–11.
- 14 Maxwell-Hyslop R. Western Asiatic Shaft-Hole Axes // *Iraq*. 1949. Vol. 11. No. 1. Pp. 90–129.
- 15 Montero Fenollos J.-L. Les relations commerciales entre le royaume de Mari et le monde iranien au IIIe millénaire av. J.-C.: Deux nouveaux témoins en métal // *Subartu*. 2006. T. XVII. Pp. 299–303.
- 16 Moorey P.R.S., Catling H.W. Exhibition of ancient Persian bronzes: presented to the Department of Antiquities by James Bomford, Esquire, and other selected items of ancient art from the Collection of Mrs. Brenda Bomford. Oxford: Ashmolean Museum, 1966. 81 p.
- 17 Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern artifacts in The Metropolitan Museum of Arts. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1988. 501 p.
- 18 Philip G. Metal Weapons of the Early and Middle Bronze Ages in Syria-Palestine. Parts I and II. Oxford: British Archaeological Reports, 1989. 626 p.
- 19 Potratz H. Die Luristanbronzen des Museums für Kunst und Gewerbe in Hamburg // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. 1955. Vol. 51 (1). Pp. 180–224.
- 20 Schaeffer C.F.A. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale (IIIe et IIe millénaires). London: Oxford University Press, 1948. 653 p.
- 21 Thureau-Dangin F., Dunand M. Til-Barsib. Text et planches. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1936. 166 p.
- 22 Vanden Berghe L. Excavation in Luristan. Kalleh Nisar // *Bulletin of the Asia Institute*. 1973. No. 3. Pp. 25–56.
- 23 Waele de E. Bronzes du Luristan et d'Amlash: ancienne collection Godard. Louvain-La-Neuve: Institut supérieur d'archéologie et d'histoire de l'art, 1982. 294 p.
- 24 Wooley C.L. Ur Excavation. The Royal cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. Vol. II. New York: Trustees of the two Museums, 1934. 604 p., Pls. 274.

REFERENCES

- 1 Gorelik, M. V. 1993. *Oruzhie drevnego Vostoka (The arms of ancient East)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- 2 Skoryi, S. A., Zymovets, R. V. 2023. In: *Arheologiya Kazahstana (Kazakhstan archeology)*, 2 (20), 30–60 (in Russian).
- 3 Amiet, P. 1976. *Les Antiquités du Luristan. Collection David-Weill*. Paris: Diffusion De Boccard (in French).
- 4 Black, J., Green, A. 1992. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary*. London: The British Museum Press (in English).
- 5 Boehmer, R.M. 1965. *Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-Zeit*. Berlin: Walter de Gruyter (in German).
- 6 Bunnens, G. 2002-2003. In: *Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes*, XLV-XLVI, 163–172 (in English).
- 7 Calmeyer, P. 1969. *Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Untersuchungen zur Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 5*. Berlin: Walter de Gruyter (in German).
- 8 Dietz, S., Papadopoulos, T.J., Kontorli-Papadopoulou, L. 2015. *Prehistoric Aegean and Near Eastern Metal Types. The National Museum of Denmark. Collection of Classical and Near Eastern Antiquities*. Copenhagen: Aarhus University Press (in English).

- 9 Gernez, G. 2007. *L'armement en métal au Procheet Moyen-Orient: des origines à 1750 av. J.-C. Thèse de doctorat d'Archéologie. Sciences de l'Hommeet Société. Vol. I.* Paris: Université Panthéon-Sorbonne (in French).
- 10 Gernez, G. 2017. *Les Armes du Proche-Orient ancien. Des origines à 2000 av. J.-C.* Paris: Éditions Errance (in French).
- 11 Godard, A. 1931. *Les Bronzes du Lusistan. Ars Asiatica. Vol. XVII.* Paris: Les Editions G. Van Oest (in French).
- 12 Herzfeld, E.E. 1941. *Iran in the Ancient East. Archaeological Studies Presented in the Lowell Lectures at Boston.* London-New York: Oxford University Press (in French).
- 13 Horne, L. 1998. In: *Penn Museum Expedition Magazine*, Vol. 40. No. 2, 4–11 (in English).
- 14 Maxwell-Hyslop, R. 1949. In: *Iraq*, Vol. 11. No. 1, 90–129 (in English).
- 15 Montero Fenollos J.-L. 2006. In: *Subartu*, XVII, 299–303 (in French).
- 16 Moorey, P.R.S., Catling, H.W. 1966. *Exhibition of ancient Persian bronzes: presented to the Department of Antiquities by James Bomford, Esquire, and other selected items of ancient art from the Collection of Mrs. Brenda Bomford.* Oxford: Ashmolean museum (in English).
- 17 Muscarella, O.W. 1988. *Bronze and Iron. Ancient Near Eastern artifacts in The Metropolitan Museum of Arts.* New York: The Metropolitan Museum of Art (in English).
- 18 Philip, G. 1989. *Metal Weapons of the Early and Middle Bronze Ages in Syria-Palestine. Parts I and II.* Oxford: British Archaeological Reports (in English).
- 19 Potratz, H. 1955. In: *Zeitschriftfür Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, 51 (1), 180–224 (in German).
- 20 Schaeffe, C.F.A. 1948. *Stratigraphie Comparéet Chronologie de l'AsieOccidentale (IIIe et Iiemillénaires).* London: Oxford University Press (in French).
- 21 Thureau-Dangin, F., Dunand, M. 1936. *Til-Barsib. Text et planches.* Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner (in French).
- 22 Vanden Berghe, L. 1973. In: *Bulletin of the Asia Institute*, 3, 25–56 (in English).
- 23 Waele de E. 1982. *Bronzes du Luristan etd'Amlash: ancienne collection Godard.* Louvain-La-Neuve: Institutsupérieur d'archéologieet d'histoire de l'art (in French).
- 24 Wooley, C.L. 1934. *Ur Excavation. The Royal cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. Vol. II.* New York: Trustees of the two Museums (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
 Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
 Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.11.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 13.12.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.01.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.32.44>

Металдан жасалған әйел әшекейлері (Жетісудың археологиялық табылымдары бойынша)

© 2024 ж. Айтбаева А.Е., Манапова Ә.М.

Keywords: Zhetysu, A.N. Bernshtam, K.A. Akishev, Random findings, Early Iron Age, jewelry, expedition, history of study

Түйін сөздер: Жетісу, А.Н. Бернштам, К.А. Ақышев, кездейсоқ табылымдар, ерте темір дәуірі, әшекей, экспедиция, зерттеу тарихы

Ключевые слова: Жетысу, А.Н. Бернштам, К.А. Акишев, случайные находки, ранний железный век, украшения, экспедиция, история изучения

Aigerim Aitbayeva¹ and Aliya Manapova^{1*}

¹PhD, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-1991-7508](https://orcid.org/0000-0003-1991-7508) E-mail: aaaitbayeva84@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology.

ORCID: [0000-0003-1091-0211](https://orcid.org/0000-0003-1091-0211) E-mail: merেকেevna@mail.ru

Women's metal jewelry

(based on archaeological findings from Zhetysu)

The article examines the research results on women's metal jewelry, covering the period from the Early Iron Age to the ethnographic time, ranging from the introduction of randomly discovered ancient artifacts into scientific discourse to their systematic scholarly analysis. Since ancient times, jewelry has played a significant role in shaping the image of women, functioning as an ethnic, social, and age-related marker. Various items such as rings, bracelets, earrings, sholps, clasps, brooches, and buttons, crafted from gold, silver, and bronze, along with their ornaments, reflect a woman's social status in society. The aim of the study is to outline the stages of research on women's jewelry, identify key trends in the process of analysis, and describe the contributions of Soviet archaeologists and contemporary scholars. Numerous studies and publications from different periods contain valuable and diverse data that contribute to a deeper understanding of the role of women's jewelry in the historical context.

Source of funding: The article was prepared with the support of grant funding from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024–2026; project IRN is AP 22786586.

For citation: Aitbayeva, A., Manapova, A. 2024. Women's metal jewelry (based on archaeological findings from Zhetysu). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 32–44 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.32.44](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.32.44)

**Әйгерім Есімқанқызы Айтбаева¹,
Әлия Мерекеқызы Манапова^{1*}**

¹PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы

Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент-авторы,

тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан

атындағы Археология институты,

Алматы қ., Қазақстан

**Металдан жасалған әйел әшекейлері
(Жетісудың археологиялық табылымдары бойынша)**

**Айгерим Есимкановна Айтбаева¹,
Алия Мерекеевна Манапова^{1*}**

¹PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент,

кандидат исторических наук,

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,

г. Алматы, Казахстан

**Женские украшения из металла
(по археологическим находкам Жетысу)**

Мақалада ерте темір дәуірінен этнографиялық кезеңге дейінгі әйелдердің металдан жасаған әшекей бұйымдарының зерттелуі сарапталып, зерттеушілердің көне жәдігерлерді кездейсоқ табылудан бастап жүйелі түрдегі ғылыми зерттеуге дейінгі ой тұжырымдары қарастырылады. Ежелгі заманнан бері зергерлік бұйымдар этникалық, әлеуметтік және жас ерекшелігінің белгісі ретінде әйел бейнесін қалыптастыруда маңызды рөл атқарады. Алтын, күміс және қоладан жасалған әр түрлі жүзіктер, білезіктер, сырғалар, шолпылар, қапсырмалар, түйреуіштер, түймелер сынды әшекейлер және олардың ою-өрнегі әйелдің қоғамдағы мәртебесін көрсетеді. Әр жылдары жүргізілген зерттеулер мен жарияланған еңбектерде әйелдер әшекей бұйымдары туралы түрлі және құнды фактілер қамтылған. Зерттеудің мақсаты – әйелдер зергерлік бұйымдарын зерттеудегі кезеңдеуді тұжырымдау, сараптау кезеңіндегі негізгі тенденцияларды бөліп көрсету және кеңестік уақыттағы археолог зерттеушілер мен қазіргі авторлардың қосқан үлесін сипаттау.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2024–2026 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР 22786586 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Айтбаева Ә.Е., Манапова Ә.М. Металдан жасалған әйел әшекейлері (Жетісудың археологиялық табылымдары бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 32–44-бб. DOI: [10.52967/akz2024.3.25.32.44](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.32.44)

В статье рассматриваются результаты исследования женских металлических украшений, охватывающих период от раннего железного века до этнографического периода, начиная от введения в научный оборот случайных находок и до их систематического научного изучения. Ювелирные украшения с древнейших времён играли важную роль в формировании образа женщины, выступая как этнический, социальный и возрастной маркер. Разнообразные предметы, такие как кольца, браслеты, серьги, шолпы, застёжки, броши и пуговицы, изготовленные из золота, серебра и бронзы, а также их орнаменты, служат отражением социального статуса женщины в обществе. Цель исследования заключается в выделении этапов изучения женских ювелирных украшений, выявлении ключевых тенденций на этапе анализа и описании вклада советских археологов и современных исследователей. В многочисленных исследованиях и публикациях различных лет содержатся важные и разнообразные данные, способствующие углубленному пониманию роли женских украшений в историческом контексте.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2024–2026, ИРН проекта АР 22786586.

Для цитирования: Айтбаева А.Е., Манапова А.М. Женские украшения из металла (по археологическим находкам Жетісу). *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 32–44 (на каз. яз.).

DOI: [10.52967/akz2024.3.25.32.44](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.32.44)

1 Кіріспе (Айтбаева Ә.Е.)

Әшекейлер халықтың көркем шығармашылығының жарқын көріністерінің бірі болғандықтан, сол заман тұрғындарының тамырын тереңнен тартқан наным-сенімдері, эстетикалық нормалары, космологиялық түсінігі, шығармашылық әлеуеті, әлеуметтік қатынастары мен дәстүрлері әйел әшекейлерінде көрініс тапты. Ежелгі дәуірде зергерлік бұйымдар жасау ісі кемелдіктің ең жоғары деңгейіне жеткен болатын. Осыған байланысты әйелдердің зергерлік бұйымдарын зерттеу — олардың типологиясын, өндіріс технологиясын, функционалдық мақсатын анықтау, әйелдің костюмі/бейнесі жүйесінде қарастыру, халықтың мәдени байланыстарын бақылауға, барынша кең көлемдегі мәдени-хронологиялық реконструкциялар жасауға мүмкіндік береді.

Мақаланы жазудағы алға қойған мақсат – Жетісу өлкесінен табылған ерте темір дәуірінен этнографиялық кезеңге дейінгі металдан жасалған әйел әшекейлері мен оларға зерттеушілердің берген түсіндірмесін саралап, әшекейлердің зерттелуін кезеңдерге бөліп қарастыру. Әйел әшекейлері металдан, асыл тастардан, шыныдан, керамикадан, тіпті теріден де жасалғандықтан, мақалада біз металдан жасалған әшекейлерге тоқталамыз.

Осы мақсаттан туындайтын міндет – аталған аумақта жүргізілген археологиялық экспедициялар мен жекелеген зерттеушілердің еңбектеріндегі әшекейлер туралы мәліметтерді жинастыру, территориялық және хронологиялық жағынан саралау.

2 Материалдар мен әдістер (Айтбаева Ә.Е.)

2.1 Зерттеу әдістері. Мақаланы жазу барысында тарихилық, объективтілік принциптер басшылыққа алынды. Тарихилық принцип бойынша археология ғылымының нақты – тарихи жағдайда даму жолдары мен бағыттары анықталды. Әсіресе, жұмыс құрылымына байланысты аймақтық принцип жете басшылыққа алынды. Мәселенің жекелеген аспектілерін қарастыруда баяндау, жүйелеу, қорытындылау, логикалықталдау, салыстырмалы, хронологиялық, хронологиялық-проблемалық әдістер қолданылды.

2.2 Материалдарды сипаттау. Мақала жазуда КСРО ҒА Материалдық мәдениет тарихы институты мен ҚазКСР ҒА Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих, археология және этнография институтының және Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының жүргізген зерттеулері, архив материалдары, жарық көрген ғылыми мақалалар мен монографиялар қолданылды. Нақты хронологиялық шегі орталықтан құрылған алғашқы кешенді археологиялық экспедиция – Жетісу археологиялық экспедициясының зерттеу жұмыстарынан басталмақ.

3 Нәтижелер (Айтбаева Ә.Е., Манапова Ә.М.)

XX ғ. басынан бастап Жетісу өлкесінде В.В. Бартольд, И.А. Кастанье, Н.Н. Пантусов, В.Д. Городецкий, К. Ходжиков, Б.Н. Дублицкий археологиялық зерттеулерін ішінара жүргізсе, кейінгі отандық және ленинградтық ғалымдар А.Н. Бернштам, К.А. Ақышев, Е.И. Агеева, Г.А. Қушаев, И.И. Копылов, А.Г. Максимова, Б.Н. Нұрмұханбетовтер ескерткіштерде мақсатты түрде барлау және кәсіби қазба жұмыстарын жүргізді.

Жетісу мен Оңтүстік Қазақстанның археологиялық зерттелуінің алғашқы кезеңі А.Н. Бернштам есімімен және КСРО ҒА Н.Я. Марр атындағы Материалдық Мәдениет тарихы институты мен КСРО ҒА Қазақ филиалы бірлесе ұйымдастырған Жетісу археологиялық экспедициясы зерттеулерімен байланысты. А.Н. Бернштам 1940 жылғы мақаласын Алматы маңындағы Қарғалы қойнауында шамамен 25 жастағы әйел адамның жерлеу орнынан 300-ден астам үйсіндердің зергерлік өнерін мейлінше айқын сипаттайтын алтын бұйымдар табылған қазынаға арнаған еді. Табылған заттардың ішінде айыр өркешті түйенің мүсіні салынған екі жүзік, таутекелердің 10 мүсіні, тізерлеп отырған адамның бауырын кеміріп жатқан тышқан бейнеленген сырға, көптеген қапсырмалар мен алтын жапсырмалар бар. Бұл бұйымдардың бәрі алтыннан жасалып, перузамен апталған. Ерекше көз тартатын нәрсе – бұл Қарғалыдан табылған тәті (диадема). Оның ішкі беті толған күрделі өсімдік тектес өрнектің ортасында тұрған аңдардың, құстардың, адамдардың бейнелері. Өз мақаласында тәтіні егжей-тегжейлі сараптаған А.Н. Бернштам, осы бейнелер семантикасына Иран мен Қытай әсерін баса көрсетті және жерлеу орнынан табылған бұйымдар мен тәтіні б.д.д. I ғ. – б.д. II ғ. кезеңдеп, оның шаманға тиесілі болғандығын атап өткен [Бернштам 1940: 31].

Бұл табылым жайында «Древнее золото Казахстана» кітабының авторлары Қарғалы кешенінің көптеген заттары сақталмағанын айта келе, тәтінің екі сақталған бөлігінің маңыздылығын атап өтеді. Сонымен қатар Қарғалы тәтісіндегі өрнекті сақ көшпелі ортасымен емес, белгілі мөлшердегі мифологиялық персонаждары бар қытай бейнелеу дәстүрімен байланыстырады. Бұл шетелдік затты үйсін ақсүйектері немесе діни қоғамның өкілдері тапсырыспен жасатуы да мүмкін дей келе, Қарғалыдан табылған бедерленуі діни-мифологиялық мазмұнға толы сырға діни қызметкер не шаман адамға тиесілі болуы мүмкін деген пікір айтады [Самашев 2007: 84].

Қарғалы ауылының байырғы тұрғындарының айтқан естеліктері, алтын бұйымдардың табылуы мен Орталық музейге өткізілуі, тапқан адамдар туралы ақпарат, кейінгі жылдары Қарғалы диадемасы туралы көпшілік әрі ғылыми ортада таралып кеткен мәліметтердегі сәйкессіздіктер туралы егжей-тегжейлі жазылған мақалалар тек ғылыми орта ғана емес осы бір мұраның тарихы-

на көңіл аударған қалың көпшілік арасында да үлкен қызығушылық тудыратыны сөзсіз. Қарғалы диадемасының табылуы, семантикасы, кімге тиесілі екендігі туралы соңғы жылдары В.В. Сараев мақалалар сериясын жарыққа шығарды. Ол Қарғалы қазынасының бұйымдары тарихи деректерде үйсін гуньмосына әйелдікке берілген қытай ханшайымы Лю Сицзюньға тән деп есептейді. Бұлай шешім шығаруына әшекейлердегі, әсіресе диадемадағы қытайлық мәнер, жерлеу орнының көпшілік қорымынан бөлек табылуы, тіпті қазына табылған жартастың құрылымының өзі бұл әшекейлердің қытайдан шыққанын көрсетеді деп санайды. Биік таудағы шатқалды даолық ілімді ұстанатын, елден оқшауланып бөлек кеткен монах–абыздар мекендеуі мүмкін екендігіне тоқталады. Сонымен қатар автор бұл Қарғалы бұйымдарын «Қарғалы көмбесі (қазынасы)» деп атаудың қате екенін, оның себебі, Б.Н. Дублицкийдің есептерінде аңшылар тапқан кезде адам сүйектерінің шашылып жатқанын және бас сүйектің бір бөлігінің беткі қабаттан табылғаны айқын жазылғанын айта келіп, «Қарғалы жерлеу орны» деген атаудың дұрыс болатынын негіздейді [Сараев 2021: 64].

Қарғалы диадемасының бастапқы келбетін қалпына келтіру мақсатында ерекше туындының жасалу уақытындағы көркем өнер тәсілдері мен дәстүрлерінің сараптамаларына сүйене отырып реконструкциялауға тырысқан М.А. Чернов зерттеу нәтижелерін ғылыми мақалаға арқау етті. Өз мақаласында тәтінің жетіспеген бөлшектерін Еуразия аумағында жасалған, мәдени фоны жағынан жақын диадемалар мен олжалардың сақталған бөлшектеріне сүйене отырып, қалпына келтіруге тырысты [Чернов 2015].

А.Н. Бернштам жетекшілік еткен Жетісу археологиялық экспедициясы маршруты үлкен аумақты қамтығанымен, Іле өзені бойындағы ескерткіштер толыққанды зерттелмеген еді. Қазақстан территориясында өндіріс орындарының көптеп салынуына, нақтылап айтсақ, 1954 жылы Іле өзенінің бойында Қапшағай ЖЭС салынуына байланысты осы аймақта орналасқан көптеген археологиялық ескерткіштерді зерттеу мәселесі күн тәртібіне қойылды. Іле өзені Жетісудағы ірі су көзінің бірі болғандықтан, бұл аумақ арқылы ғасырлар бойы Қазақстанды Орта Азия және Қытаймен байланыстыратын ежелгі керуен жолдарының өтуі сөзсіз еді. Аймақтың ежелгі тарихының жалғыз дереккөзі болып тұрған ескерткіштерді жойылып кетуден сақтау мақсатында Қазақстан Ғылым академиясы Тарих, археология және этнография институты жанынан 1954 жылы Іле археологиялық экспедициясы құрылды. Экспедиция жетекшісі К.А. Ақышев, отряд жетекшілері Е.А. Агеева, Г.И. Пацевич және Г.А. Кушаев, ғылыми қыметкер И.И. Копылов, аға лаборанттар П.В. Агапов пен Х. Алпысбаев болды. Экспедиция өз жұмысын аймақта барлау жұмыстарымен бастап, Іле өзенінің бойында – шығыстан батысқа қарай Қапшағай шатқалынан Борохудзир ауылына дейін, солтүстіктен оңтүстікке қарай Шолақтаудан Шелек ауылына дейін зерттеу жұмыстары жүргізілді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 305-іс].

Экспедиция жетекшісі К.А. Ақышев 1954 жылғы есебінде қазба жүргізілген 49 обаның ішінде № 29Б қорым, № 1, 2, 14 және 15 оба қорым құрылысы конструкциясымен және табылған заттарымен басқаларына карағанда ерекшеленетініне тоқталады. Бұл жерден (№ 14 оба) екі шетінде жыртқыш аңның бастары бейнеленген құйма қола білезік, басып жасалған суретімен аң стилін еске түсіретін және Пазырық обаларынан алынған табылымдарға ұқсас жерлері бар қола пластинаның бөлшегі табылғанына тоқталып, бұл обаларды б.д.д. IV–II ғғ-мен кейінгі сақ кезеңімен мерзімдеді. Есепте ғалым осы қорымда қазылған барлық обалар толығымен тоналғанын атап өтті [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 305-іс].

Осы Іле археологиялық экспедициясының жүргізген зерттеулерінің нәтижесінде жарық көрген К.А. Ақышев пен Г.А. Кушаевтың «Древняя культура саков и усуней долины реки Или» еңбегінде аймақтың сақ және үйсін ескерткіштерін зерттеу барысында жерлеу жәдігерлері арасынан табылған әйел әшекейлері туралы мәліметтер көптеп берілген. Жетісуды мекендеген сақ тайпаларының теңдессіз ескерткіші – Бесшатыр қорымы толығымен тоналған обалардан тұрғандықтан, бұл

ескерткішке арналған тарауда әйел әшекейлері туралы бірлі-жарым табылған моншақтардан өзге ақпарат келтірілмеген.

Қызылауыз I қорымында жүргізілген зерттеуде № 12 обаның оң жақ жерлеу орнында саз балшықтан жасалған ыдыстармен бірге бояуларға арналған төрт бөлікке бөлінген шаршы түріндегі үстелше, адам сүйектері арасынан қола шаш қыстырғыш, қоңырау, екі ұшар басында барыс бейнеленген білезік, қола гривна бөлшегі және ақық моншақ табылған еді. К.А. Ақышев ұшар басында жыртқыш аң бейнеленген құйма қола білезікті осы Қызылауыз I қорымын кейінгі сақ кезеңімен (б.д.д. V–IV ғғ.) кезеңдеуге мүмкіндік берген бірден-бір жәдігер ретінде атап көрсетеді [Акишев, Кушаев 1963: 97–101].

Іленің оң жағалауындағы үйсін ескерткіштеріне арналған екінші бөлімде осы аумақтағы үйсін обаларын сипаттай келе, Г.А. Кушаев Қапшағай III қорымының № 18, 22, 89, 97 обаларынан темір шаш түйрегіштер, жүзден аса ұсақ паста домалақ моншақтар, жіңішке қола сым темірден тұйықталмаған шиыршық түрінде жасалған сырға, қола айна және қас сұрмесіне арналған тастан жасалған цилиндр формалы ыдыс табылғандығына тоқталған [Акишев, Кушаев 1963: 151–161].

Осы қорымның № 35 жерлеу орнынан бас сүйектің төменгі жақ тұсынан ромб және биконикалық формадағы жеті ақық, 35 паста және 45 әйнек моншақтар, бас сүйектің оң жағынан шиыршық тәрізді мыс пен күмістің қосындысынан құйылған, бір жарым айналымға иілген сырға, қола айна табылды [Акишев, Кушаев 1963: 153]. Осы сырғалар ҚР ОММ қорында сақтаулы, әрі музейдің каталогында сипаттамасы мен фотосы берілген [ҚР ОММ коллекциясы каталогы 2011: 133]. Орталық Музей қорында сақтаулы келесі бір жәдігер – б.д.д. I ғ. – б.д. I ғ. кезеңделетін Өтеген I қорымының № 67 обасынан табылған ұзындығы 10,4 см темір шаш түйрегіш [ҚР ОММ коллекциясы каталогы 2011: 140].

Үңгір қора I қорымының № 28 обасында жерленген әйел адамның мүрдесімен бірге темір шаш түйрегіш, сақина және шиыршық тәрізді екі қола сырға, ұстағышы трапеция тәріздес домалақ қола айна, кеуіп қалған бояуы бар кішкентай косметикалық ыдыс, мойын тұсынан 112 дана паста бисер, орташа көлемдегі 13 паста моншақтар, 26 дана әртүрлі көлемдегі ақық моншақтар, Қалқан I қорымының № 62 обасынан әйел адамның жерлеу орнынан оң білегінде кимасында дөңгелек, ұштары түйіспеген қола білезікте үйсін тайпаларының жерлеу орны жәдігерлерінің қатарын толықтырды [Акишев, Кушаев 1963: 172–173]. Осы аумақтың үйсін ескерткіштерінен табылған әшекейлерге тоқтала келе, Г.А. Кушаев қола шиыршық тәріздес сырғалар Іле жазығында б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысынан бастап таралғандығын атап көрсетеді [Акишев, Кушаев 1963: 176].

Жалпы осы іргелі еңбекте антрополог ғалым В.В. Гинзбургтің сүйек-қаңқа материалдарына жүргізген сараптамалары нәтижесінде жерлеу орнының жыныстық тиесілігі туралы мәлімет ашық айтылған. Іленің оң жағалауындағы осы жерлеу орындарынан басы шар тәрізді 34 темір шаш түйреуіш, төрт қола айна, 19 шиыршық тәріздес сырға және көптеген моншақтар табылды. Әйелдердің жерлеу орнына осы жәдігерлердің барлығы тән екендігін айта келіп, өте сирек жағдайда темір пышақтар табылғандығына тоқталады [Акишев, Кушаев 1963: 247–248].

Қазақ КСР ҒА Іле археологиялық экспедициясының Алакөл отряды Г.А. Кушаев жетекшілігімен 1963–1964 және 1966 жж. археологиялық барлау және стационарлы қазба жұмыстарын жүргізді. Көктума ауылынан 10 км шығысқа қарай, Оңғаш жайлауынан микробарлау жұмыстары барысында кездейсоқ табылған қола дәуірінің I жерлеу орнынан сол жақ қырымен, басы батысқа қаратылып, қатты бүгіле жерленген әйел адамның қабірінен өте нашар сақталған екі қола сырға, қолының білек тұсынан жіңішке қола білезіктің қалдығы, кеуде қуысының сол жақ бөлігінен конус тәріздес бес жапсырма табылды [Кушаев 1968: 136–137]. Алакөл ойпатынан табылған Биен өзенінің оң жағалауында, Арасан ауылынан 2,5–3 км қашықтықта орналасқан сақ дәуіріне жататын Арасан I, II қорымдарының сегіз жерлеу орындары зерттелген еді. Арасан I қорымының № 2 обасынан

ақымда жерленген мәйіттің бас сүйегінің екі жағынан өте ерекше формадағы, зергерліктің асқан шеберлігімен жасалған екі алтын сырға (1-сур.)* (*Мақалада А.Е. Айтбаева түсірген фотосуреттер пайдаланылды), белінің оң жағынан қола айна аршылды. Табылған жәдігерлерді сараптай отырып, зерттеуші бұл жерлеу орны да әйел адамға тән деген қорытындыға келеді [Кушаев 1968: 143–144].

1-сур. Сырғалар. Алакөл ойпатындағы оба. II–III ғғ.
Материалы: алтын, лазурит, көгілдір ақық
[ҚРҰМ нқ 24378/1,2 АЗ 555/1-2]

Fig. 1. Earrings. Burial ground in the Alakol Basin. 2nd–3rd centuries.
Material: gold, lapis lazuli, turquoise
[NM RK entry 24378/1,2 AZ 555/1-2]

Рис. 1. Серьги. Могильник в Алакольской впадине. II–III вв.
Материал: золото, лазурит, бирюза [НМРК оф 24378/1,2 АЗ 555/1-2]

(колт) шекелік табылды. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ғылыми архиві қорында сақталған Ақтас I қорымы табылымдар тізімінде: осы 28-ші обадан табылған екі шекелік – рубин орнатылған алтын салпыншақ (2-сур.) өз өлшеміндегі салынған суреті сақталған, сонымен қатар № 35 обадан диаметрі 70 мм, қалыңдығы 8 мм темір білезік, 50-ші обадан қола сымнан жасалған сырға табылған. Жердің үсті құрылыстарының өлшеміне сай, Ақтас I қорымы үйсіндер мен хуннулардың қарапайым тұрғындарының зираты. Хуннулардың қабірлерінде кездескен алтын әшекейлерге қарап жерленген адамдарды ақсүйектерге жатқызуға болады. Мұндай салпыншақтар көпшілік қолданатын зат емес екендігі айқын, әрі IV–V ғғ. хас шеберлері жасаған бірегей бұйымдар санатына жатады. К.А. Ақышев бұл обаны б.д. III–V ғғ. кезеңдейді [ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 831-іс].

Шығыс Жетісудағы, Қаратал өзенінің жоғарғы ағысында, Теңлік ауылы маңында орналасқан Теңлік қорымы материалдары да үлкен қызығушылық тудырады. Ертедегі көшпелілер материалдық мәдениеті жайлы құнды мәліметтер алуға мүмкіндік берген бұл ескерткіште жүргізілген қазба жұмыстары туралы К.А. Ақышевтің жеке архивіндегі күнделігінен білеміз. Бұл қолжазба күнделікті ғалымның 100-жылдық мерейтойына орай жарыққа шыққан монографиясында А.С. Ғаниева қолданған. Ғалым диаметрі 35 тен 50 м, биіктігі 3 тен 7 м дейін жететін ірі бес обадан тұратын

1960 жылдары К. Ақышевтің жетекшілігімен Жетісу археологиялық экспедициясы Кеген өзені аңғарында кең көлемде барлау және қазба жұмыстары барысында зерттеу үшін Құрайлы шатқалы таңдалып, Шығыс Жетісудың әртүрлі қорымдардан жүзден аса ерте темір дәуірінің обаларында қазба жүргізілді. Ақтасты шатқалындағы Ақтас I қорымында 60-тан аса оба зерттелді. Осы қорымдағы № 28 обаны қазу кезінде мүрде жанынан материалдық мәдениеттің құнды заттары табылды. Оң қолынан темір білезік, оның жанынан қою-жасыл порфириттан жасалған ұршық табылса, ал сол қолынан моншақтар тізбегі шықты, алайда нашар сақталғандықтан моншақты жинап алу мүмкін болмады. Ал кеуде тұсынан екі ілгек тәрізді зат, оның астынан темір сырға табылды. Осы жерден полихром стилінде жасалған, жарты ай пішінді ерекше әдемі әрі қымбат әшекейленген екі салпыншақ

2-сур. Шекеліктер. Ақтасты. Материалы: алтын, анартас
[ҚРҰМ нқ 24377/1,2 АЗ 554/1-2]

Fig. 2. Kolts. Aktasty. Material: gold, garnet
[NM RK entry 24377/1,2 A3 554/1-2]

Рис. 2. Колты. Актасты. Материал: золото, гранат
[НМ РК оф 24377/1,2 АЗ 554/1-2]

қорымның бұзылған әрі тоналған бір обасына жүргізілген 1964 ж. зерттеулерді сипаттайды. К.А. Ақышев «Қаратал» обасы деп атаған обаға түсірілген траншея екі жерлеу шұңқыры мен осы екі шұңқыр арасында тағы бір жерлеу орны табылған. Орталық жерлеу орны толықтай деформацияға ұшыраған, үшінші жерлеу шұңқырында мыс қыстырғыштар мен жамылғы киген салт аттымен жылқы бейнеленген жүздеген алтын жапсырмалар (3-сур.) табылды. Сондай ақ темір

түйрегіштер, қола айна және алтын тіліктермен ағаш қобдиша табылды. Оба б.д.д. III–II ғғ. кезеңделген [Ганиева 2024: 143–144].

К.А. Ақышев сақ өнеріндегі аң стиліне арналған мақаласында ескерткіштердің орналасуына байланысты субаймақтық варианттарды қарастыру барысында әр аумақта зооморфтық бейнелердің семантикасы сол белгілі бір қоғамның мүшелеріне түсінікті космогониялық,

3-сур. Салт атты бейнесіндегі шытыра.
Теңлік. Жетісу. Б.д.д. III–II ғғ.
[ҚРҰМ нқ 24393/1-4 АЗ 560/1-4]

Fig. 3. Plaque depicting a horseman.
Tenlik. 3rd–2nd centuries BC
[NM RK entry 24393/1-4 A3 560/1-4]

Рис. 3. Бляха с изображением всадника.
Тенлик. III–II вв. до н.э.
[НМ РК оф 24393/1-4 АЗ 560/1-4]

мифологиялық, діни көзқарастардың көрінісі болғанын атап көрсетеді. Зергерлік өнердің қола дәуірінің ерте кезеңдерінде пайда болғанымен, зооморфты бейнедегі алғашқы табылған алтын сырғаға кеңінен тоқталады. 1980 жылғы Жонғар Алатауының батыс бөктерінде, Қапал ауылы маңындағы Мыңшұңқыр қорымындағы 10 жерлеу орнында жүргізілген қазба барысында табылған үш алтын сырға мен үш саз ыдысқа көңіл аударады. 21А қоршауынан табылған екі жылқының құйма бейнесіндегі алтын сырғаны Сібір, Қазақстан мен Арал маңында қола дәуірінің тайпаларының аң стилінде орындалған зергерлік өнердің алғашқы ескерткіші деп баға береді. Хронологиялық жағынан аталған бұйымда жерлеу құрылымы, жерлеу бағыты мен түріне қарай, сенімді түрде қола дәуірімен кезеңдейді [Ақишев 1990: 7–8].

Зергерлік бұйымдардың мол қоры жинақталған келесі Жалаулы қазынасы да Қарғалы көмбесі сияқты 1988 жылы Алматы облысының Кеген ауданында қазына аттас Жала-

улы шағын ауылынан кездейсоқ табылды. К.А. Ақышев пен Ә.К. Ақышев олжа табылған мекенді зерттеп, олардың қабірден шықпағанын анықтады және б.д.д. VIII–VII ғғ. мерзімдеді. Әсіресе тұрғындардың назарын аударған бұйым жарты ай тәрізді пектораль еді [ҚР ОММ коллекциясы каталогы 2011: 51]. Сонымен қатар Ғ.А. Базарбаева мен Ғ.С. Жұмабекова ерте темір дәуірі өнеріндегі ұсақ пластикадағы кеңінен таралған бөкен бейнесі туралы мақаласында осы Жалаулы және Есік обаларындағы табылған жәдігерлерді мысалға ала отырып, Қазақстанның б.д.д. VIII – III ғғ. аң стиліндегі ақбөкен образына талдау жасаған [Bazarbayeva, Jumabekova 2023: 893–908]. Дегенмен, бұл қазына құрамында нақты әйел әшекейі ретінде саналатын бұйым жоқ.

XX ғ. 30-жылдарының соңынан тәуелсіздік алғанға дейінгі уақыт аралығындағы Жетісу өлкесінде жүргізілген археологиялық зерттеулер барысында табылған әшекей бұйымдар туралы қысқаша шолуды қорытындыласақ, сақ және үйсін обаларының ілеспе материалдары ретінде ұсақ моншақтар, шиыршық тәрізді сырғалар, қола білезіктер және темір шаш түйреуіштер табылды. Дегенмен, археологтар Қарғалы қазынасынан өзге, Жетісу өңірінің әйел әшекей бұйымдарын арнайы зерттеу жұмысына арқау ете қойған жоқ еді. Жалпы бұл табылымдар мерзімдеуші қосымша материал ретінде қарастырылды.

4 Талқылау (Айтбаева Ә.Е.)

Қазіргі таңда археологтар жерлеу ескерткіштері мен ілеспе материалдарын сараптап, талдау негізінде әйелдердің мәртебесін анықтауға көп көңіл бөлуде; әйелдің жалпы келбетін, оның костюмін гендерлік реконструкциялау мақсатында әлеуметтік зерттеулер сәтті жүргізілуде. Жалпы Жетісу бойынша әшекей бұйымдардың тәуелсіздік алған жылдардан бергі кезеңдегі ғылыми жарияланымдарда қарастырылуына тоқталсақ.

3. Самашев бастаған авторлар тобының Алматы тарихына арналған «Древности Алматы» зерттеу жұмысының – Алматы қаласының археологиялық зерттелу тарихы туралы бөлімінде қала аумағынан кездейсоқ табылған бұйымдар мен арнайы ұйымдастырылған зерттеу жұмыстары хронологиялық ретпен тиянақты сипатталады. Әшекейлер жеке сараланбағанымен, жалпы Алматы облысы аумағындағы археологиялық олжаларға – Жалаулы және Қарғалы қазынасына арнайы тоқталған [Самашев и др. 2005: 54].

Ал К.М. Байпақов, Т.В. Савельева, К. Чангтың бірлесіп жазған Солтүстік-Шығыс Жетісудың ортағасырлық елді мекендері мен қалаларына арналған еңбекте қазіргі Алматы қаласының орнында орналасқан отырықшылық ескерткіштердің зерттелуі қарастырылған. Шелек қаласында жүргізілген қазба жұмыстарында табылған металдан жасалған әйел әшекейлеріне, сырғаның салпыншағына, оның ақ және жасыл-сұр түсті нефритті қырнап жасалған көзіне тоқталып, аналогтары көрсетіліп, фотосы түсірілген [Байпақов и др. 2005: 94].

1996 жылы қазақ-америка археологиялық экспедициясының Тұзысай (Алматы обл., Талғар ауд.) қонысында жүргізілген зерттеулері нәтижесінде табылған әйел адамның жерлеу орнына арналған мақалада ұсақ әйнек моншақтар, біржақты темір пышақ, жамбас сүйегі тұсында қола айна сынды жерлеу бұйымдары табылғаны көрсетілген. Қола айнадағы төрт иероглифті Е.И. Лубо-Лесниченко «Үйіңізде әрдайым байлық пен береке болсын» деп аударса, америкалық қытайтанушы В. Майер «Сіздің тегіңіз әрқашан әйгілі әрі дені сау болсын» деп оқыған [Григорьев и др. 2007: 131]* (*аудармасы А.Е. Айтбаеваныкі). Жүргізілген сараптамалар негізінде жерлеу орны XII–XV ғғ. мерзімделді.

Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында зерттелген ортағасырлық Қойлық қаласында жүргізілген археологиялық зерттеулер шығыс кесенесінің бір қабірін қазу барысында төртбұрышты платформасы бар алтын сақиналар және өсімдік тектес оюлармен безендірілген әшекейлер; ұштары кесілген текше түріндегі миниатюралық кеңейткішпен безендірілген алтын

сырға; дәнекерлеу орындарында қос бұралған флейтадан жасалған белбеумен, кішкентай алтын сфералық кулондармен, көгілдір және меруерт моншақтармен безендірілген, созылған шар тәріздес алтын қуыс кулондары бар мойын әшекейі табылған. Бұл жәдігерлердің сипаттамасы мен фотосы ескерткішке арналған альбом-кітапта берілген, авторлар жерлеу орны мен кесенені XIII–XIV ғғ. кезеңдейді [Байпаков, Воякин 2007: 85].

1968 жылы К. Ақышев ашып, зерттеген Шелек ауылынан 18 км солтүстік-шығыста (Алматы обл., Еңбекшіқазақ ауд.), Шелек өзенінің аңғарында орналасқан үйсін дәуіріне жататын Қаратума қорымын 2009 жылдан бастап «Археологиялық экспертиза» жауапкершілігі шектеулі серіктестігі «Жетіген–Қорғас» теміржол аумағында қалуына байланысты қайта зерттеді. Осы зерттеулер нәтижесінде К.М. Байпаков, Д.А. Воякин және С.В. Захаровтардың бірлескен авторлығымен жарық көрген «Могильник Каратума» монографиясында біздің зерттеу нысанымызға сай № 16 әйел адам жерленген обадан қимасында дөңгелек, сақталған бөлігі 5,9 және 1,9 см қола түйреуіш пен тоғыз алтын күлтелі гүлөрнек табылғаны жазылды. Авторлардың пайымдауынша, алтын фольгадан жасалған тоғызбұрышты жұлдызшаның кейпінде, беті шығыңқы бұл гүлөрнек өзге бұйымға, бәлкім осы жерлеу орнынан табылған қола түйреуішке жабыстырылған болуы мүмкін және бұл түйреуіш осы кезеңдегі Жетісудың сақ-үйсін жерлеу орындарына тән бұйым [Байпаков и др. 2016: 104]. Сонымен қатар № 48 обадан қола білезіктер табылды. Далалық Еуразияның сақ-сармат және ғұн-сармат дәуірінің ескерткіштерінде осыған ұқсас бұйымдар өте көп кездеседі.

Осы Қаратума қорымының әшекейлеріне арналған келесі мақалада Е.Ш. Амиров осы білезіктер мен түйреуішке және моншақтарға арнайы тоқталған. Автор табылған заттардың жақын аналогтарын да көрсете отырып, бұл түйреуіш шаш үлгісін бекіту үшін бе, әлде баскиімнің бөлшегі ретінде пайдаланылды ма, нақты айту қиын деп тұжырымдайды. Жалпы Қаратума қорымының № 167 обасы 88% тоналғанымен, бүлінбеген 20 обаның өзінде әшекейлер тек екі жағдайда табылғанына тоқталып, автор бұл азшылық себебін қатардағы немесе оған теңестірілген тұрғындардың жерлеу ғұрпының ерекшелігімен немесе тұрғындардың негізгі тобының әлауқатының төмендігімен байланысты болуы мүмкін дейді [Амиров 2017: 114].

Археолог ғалымдардың этнолог әріптестерімен бірлесе шығарған «Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов» атты ұжымдық монографиясында қола дәуірінен бастап, қазақ ұлттық дәстүріндегі әшекейлерге арналған салмақты мақалалар тоғысқан [Образ женщины... 2020]. Жинақтағы Қазақстан археологиясындағы орта ғасыр кезеңі ескерткіштерін зерттеудегі маңызды бағыт гендерлік зерттеулерге арналған Б.М. Хасенованың мақаласы тарихнамалық сипатта жазылған. Бүкіл Қазақстан аумағындағы орта ғасырлық ескерткіштердегі әйелдердің жерлеу орындарын зерттеген Ә.Х. Марғұлан, Ф.Х. Арсланова, Я.А. Шер және т. б. секілді зерттеушілердің еңбектеріндегі гендерлік мәселеге тоқталған. Жұмыс барысында ғылыми зерттеулерді қарастыра отырып, гендерлік тиесілілікті анықтайтын арнайы бұйымдарды іздестіру ісі де жүргізілген. Автор Жетісу үшін ер адамдардың жерлеу орнына қару-жарақ бұйымдары, белдік бөлшектері тән деп көрсетсе, әйелдер үшін айналар, сырғалар және қайшыларды белгілейді. Тіпті, құрбандық жануары мен құрбандық тағамдарының құрамы мен көлемі де қайтыс болған жанның жынысына байланысты өзіндік ерекшелікке ие екенін атап көрсетеді [Хасенова 2020: 54].

Ерте темір дәуірі қоғамындағы әйел рөлі мәселесін көтеріп жүрген Ғ.А. Базарбаева мен Ғ.С. Жұмабекованың «Шаманка, жрица, принцесса?» атты мақаласында атақты Есік обасы, Батыс Қазақстанда Я. Лұкпанова қазба жүргізген Тақсай 1 кешенінің № 6 обасы және Тасарық обасына тоқталады. Ғалымдар Есік обасында жерленген сақ жауынгерінің жынысы туралы мәселеде К.А. және Ә.К. Ақышевтер, Б.Н. Нұрмуханбетовтің зерттеулері, Есік қорық-музейі қызметкерлері жинақталған қазбаға қатысушылардың сұхбаттары, антрополог А.О. Китованың сүйек қалдықтарына

жүргізген зертханалық анализдер нәтижесінде мүрде 16–18 жастағы жас жігітке тиесілі екендігі анықталғанына тоқталады. Бұл жерде зерттеушілер жыныстық тиесілікке қатысты таласты дәйек ретінде үшкір әрі биік бас киімнің көптеген түркітілдес ұлттардың бас киімі «сәукелемен» ұқсастығы болғанын баса көрсетеді. Ал келесі екі ескерткіштің жерлеу жәдігерлерін тиянақты сипаттай отырып, «ханшайым» атауынан гөрі «абыз» (жрица) атауы барынша сай келетінін, дегенмен, Шығыс Арал маңындағы Ұйғарақ және Оңтүстік Түгіскен қорымдарындағы әйел жерлеу орындары жәдігерлеріне сүйене отырып, ол заманда әйелдің әртүрлі функцияларды қатар атқарғандығын, отанасы болып, бала өсіріп, ғұрыштар мен салттарды орындаумен қатар қажет кезде ат үстінде ел қорғағандығына да тоқталған. Жалпы археологтарды жерлеу орындарына «ханшайым», «абыз» атауын оңды-солды қолдана бермеуге шақырады [Базарбаева, Джумабекова 2019: 74].

Алматы облысы Райымбек ауданы Шалкөде жайлауында орналасқан ерте темір дәуірінің Қатартөбе қорымында жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесіне арналған А. Чотбаев пен А. Оңғарұлының мақаласында 2012 ж. зерттеулерде № 2 обаның жерлеу шұңқырынан мүрденің бас сүйегінің сол жақ шеке тұсынан табылған сары металдан жасалған сырғаға тоқталған (4-сур.). Авторлар мұндай сырға түрлерінің Жетісу өлкесінде кеңінен таралғанын айта келіп, б.д.д. III–II ғғ. мерзімдейді [Чотбаев, Онгар 2014: 74].

2020 жылы Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының жетекші ғылыми қызметкері А.А. Горячев бастаған отряд Қарғалы қазынасы табылған нақты орынды табу мақсатында барлау-зерттеу жұмыстарын бастады. Осы жұмыстар нәтижесінде Ерменсай шатқалында «Қарғалы тасы» атты нысан табылып, алдын ала археологиялық қазбалар нәтижесінде атақты «Қарғалы қазынасының» табылған орны ретінде анықталды. Зерттеу нәтижесінде сол замандағы қазына іздеушілердің көзінен таса қалуы мүмкін 11 алтын домалақ айылбас және алтын фольганың үш бөлшегі табылды [Горячев и др. 2021: 108].

Зерттеу тақырыбына қатысты соңғы жылдардағы ерекше тоқталатын еңбек – Б. Хасенованың «Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана» атты мақаласы. Зерттеуші Қазақстанның ғұн-сармат кезеңіндегі әйел костюміндегі аксессуарларды жүйелеу мақсатында әшекейлердің адам денесінде тағылған орнына байланысты бұйымдарды классификациялады. Диадемалар, сырғалар, шекеліктер, кеудеге тағылатын салпыншақтар деп жіктелген әшекейлер арасында Жетісу өлкесінен табылған Қарғалы диадемасы, Қарғалы қазынасынан табылған зооморфты сырға, Қарқара обасынан табылған тікбұрышты, көбелек тәрізді және зигзаг тәрізді жапсырмалардан тұратын мүрденің желке тұсынан табылған баскиімнің металл бөлшектері

4-сур. Сырға. Қатартөбе-1, № 2-оба, 2-жерлеу орны
[ҚРҰМ нқ 32654 А3 – 623]

Fig. 4. Earring. Katartobe-1, kurgan No. 2, burial 2
[NM RK entry 32654 A3 – 623]

Рис. 4. Серьга. Катартөбе-1, курган № 2, погребение 2
[НМ РК оф 32654 А3 – 623]

сипатталған. Дегенмен бұл жапсырмалар табылған Қарқара кешенінің жерлеу орнындағы мүрденің жынысы жайлы зерттеушілер ашып айтпағандықтан, бұл жапсырмалар ер адамның баскиімінің бөлшегі немесе маңдай таспасының әшекейлері де болуы мүмкін деп тұжырымдайды [Хасенова 2023: 90].

Мақалада металдан жасалған бір дәуірдің әшекейлері алғаш рет классификацияланды. Дегенмен қолға, білекке тағатын әшекейлер қарастырылмаған, әшекейлердің көп бөлігі бас бөліктеріне арналған. Ғұн-сармат дәуірінің әшекейлерін толық зерттеу болашақтың еншісінде.

5 Қорытынды (Айтбаева Ә.Е.)

Мақалада қарастырылып отырған хронологиялық шеңбер бойынша материалдарды екі негізгі кезеңге бөліп қарастыруға болады: XX ғғ. 40–90 жж., XX ғғ. ғасырдың 90 жж. бастап бүгінгі күнге дейінгі зерттеулер. Әрбір кезеңде жүргізілетін зерттеулердің сипаты сол кездегі өзекті ғылыми міндеттер мен тенденцияларға сәйкес келеді. Металдан жасалған әйел әшекейлерін зерттеу көне жәдігерлерді кездейсоқ жинаудан жүйелі түрдегі ғылыми зерттеуге дейінгі күрделі жолдан өтті деп айта аламыз. Зергерлік бұйымдар туралы алғашқы жазбалар тек сипаттамалық әрі палеоэтнографиялық материалды талдауда қосымша дәлел ретінде ғана қарастырылса, соңғы жылдары зергерлік бұйымдарды зерделеудегі этномәдени параллельдер, салыстырмалы талдаулар мен типологиялар сынды зерттеулер жүргізілуде. Осы зерттеу жұмыстарында тоқталған әшекейлер түрлері қазіргі зергерлік бұйымдардың түпкі образдары болғандықтан, осы жәдігерлерді сипаттау зергерлік өнердің жекелеген түрлерінің шығармашылық формасының дамуының эволюциялық жолын анықтауға мүмкіндік бермек.

Ұзақ уақыт бойы зергерлік бұйымдардың арнайы зерттеу нысаны болмауы оның тәуелсіз дереккөз ретіндегі рөлін төмендетті, алайда қазіргі таңда бұл көзқарас өзгерді. Дегенмен әйел әшекейлерін арнайы зерттеу тақырыбы етіп алған жұмыстар көлемі әлі салыстырмалы түрде шағын, бірақ жинақталған материал болашақ зерттеу жұмысына негіз болатын мол ақпараттық әлеуетке ие. Зергерлік бұйымдар бұзылу мен шіру процестеріне аз түсетіндігіне, техникалық және технологиялық параметрлері, ою-өрнегі, бұйымдардың дизайны және пішініне байланысты халықтардың этникалық тарихы мен мәдени генезисінің, ежелгі және ортағасырлық этникалық процестер мен этномәдени қатынастар кезеңдерін нақты негіздеп бере алатын маңызды тарихи дереккөз екені сөзсіз.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Акишев К.А., Қушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 320 с.
- 2 Акишев К.А. Происхождение «звериного стиля» в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения: Сборник материалов конференции. Часть I. М., 1992. С. 4–9.
- 3 Амиров Е.Ш. Украшения из могильника Каратума // IX Оразбаевские чтения / Отв. ред. А.Т. Төлеубаев. Алматы: Казак университеті, 2017. С. 112–115.
- 4 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Шаманка, жрица, принцесса? (К изучению статуса женщины сакской эпохи) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 3 (19). С. 68-75. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/537> (дата обращения: 30.08.2024).
- 5 Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый Каялык. Алматы: Print S, 2007. 224 с.: ил. (на каз., рус., англ. яз.).
- 6 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. 672 с.: ил.
- 7 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. Алматы: CREDO, 2005. 188 с.
- 8 Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23–31.

- 9 Ганиева А.С. Век археологии в научном наследии К.А. Акишева / Труды Института археологии им А.Х. Маргулана. Т. VII. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2024. 216 с.
- 10 Григорьев Ф.П., Чанг К., Туртеллот П. Погребение женщины позднечувствительного времени на поселении Тузусай // История и археология Семиречья. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Марьяшев. Алматы: Фонд «Родничок», 2007. С. 129–139.
- 11 Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Чернов М.А. Новые материалы древнего археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021. № 2 (12). С. 87–119.
- 12 Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. 160 с.
- 13 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 305-іс: Акишев К.А. Отчет о работах Илийской археологической экспедиции за 1954 г.
- 14 ҚР ҒЖБМ ҒК АИ ҒА. 831-іс: Дневник САЭ-1962. Описание находок из могильника Актас I.
- 15 ҚР ОММ – Қазақстан Республикасы Орталық Мемлекеттік Музейінің археологиялық коллекциясы: сақтар мен үйсіндер мәдениеті (иллюстрацияланған ғылыми каталог), қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде. «Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық Музейінің археологиялық коллекциясы» (серия). Алматы: Өнер, 2011. 320 б.
- 16 Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов. Коллективная монография / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. 160 с.
- 17 Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: Археология, 2005. 184 с.
- 18 Сараев В.В. Каргалинская диадема под флером Юрия Домбровского // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021. № 2 (12). С. 61–86.
- 19 Хасенова Б.М. Гендерная символика эпохи средневековья по данным археологии // Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов. Коллективная монография / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 43–58.
- 20 Хасенова Б.М. Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 4 (22). С. 86–100.
- 21 Чернов М.А. Композиционный строй каргалинской диадемы. Опыт реконструкции // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы–Тасмола», 2015. С. 376–384.
- 22 Чотбаев А., Онгар А. Некрополь Катартобе — памятник кочевой элиты Восточного Жетысу // Всадники Великой степи: традиции и новации / Отв. ред. Д. Байтлеу. Астана: ФИА, 2014. С. 63–87.
- 23 Bazarbayeva G.A., Jumabekova G.S. The image of antelope (saiga) in the Early Iron Age Art of Kazakhstan // МАИАСП. 2023. № 15. С. 893–908.

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyya kultura sakov i usunei dolini reki Ili (Ancient culture of the Sakas and Usuns of the Ili River Valley)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 2 Akishev K.A. 1992. In: Samashev, Z. S. (ed.). *Margulanovskie chteniya–1990. Sbornik materialov konferencii. (Margulan readings–1990)*. Chast’ I. M., 4–9 (in Russian).
- 3 Amirov, E. S. 2017. In: Toleubayev, A. T. (ed.). *IX Orazbaevskie chteniya (9th Orazbayev Readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 112–115 (in Russian).
- 4 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2019. In: *edu.e-history.kz*, 3 (19), 68-75. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/537> (accessed: 30.08.2024) (in Russian).
- 5 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2007. *Srednevekovyi Kayalyk (Medieval town Kayalyk)*. Almaty: “Print S” (in Kazakh, Russian, English).
- 6 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zakharov, S. V. 2016. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zhelezного века v Semireche (The Karatuma burial ground. Necropolis of the early Iron Age in Semirechye)*. Almaty: “Arkheologicheskaya ekspertiza” Publ. (in Russian).
- 7 Baipakov, K. M., Savelieva, T. V., Chang, K. 2005. *Srednevekovye goroda i poseleniya severo-vostochnogo Zhetysu (Medieval cities and settlements of north-eastern Zhetysu)*. Almaty: “CREDO” Publ. (in Russian).

- 8 Bernshtam, A. N. 1940. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta Istorii materialnoy kultury* ((Brief communications on the reports and field researches of the Institute for the history of material culture)), 5, 23–31 (in Russian).
- 9 Ganieva, A. S. 2024. *Vek arkhologii v nauchnom nasledii K.A. Akisheva* (Century of archaeology in the scientific legacy of K.A. Akishev). Proceedings of Margulan Institute of Archaeology, Vol. VII. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 10 Grigoryev, F. P., Chang, K., Turtellot, P. 2007. In: Maryashev, A. N. (ed.). *Istoriya i arkhologiya Semirechya* (History and Archaeology of Semirechye). Vol. 3. Almaty: Fond “Rodnichok”, 129–139 (in Russian).
- 11 Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Egorova, T. A., Chernov, M. A. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy* (Kazakhstan Archeology), 2 (12), 87–119 (in Russian).
- 12 Kushaev, G. A. 1968. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Novoe v arheologii Kazakhstana* (New in the Kazakhstan Archaeology). Alma-Ata: “Nauka” Publ, 135-144 (in Russian).
- 13 In: Science archive of Margulan Institute of Archaeology. D. 305.
- 14 In: Science archive of Margulan Institute of Archaeology. D. 831.
- 15 Alimbay, N. (compl.) 2011. *Qazaqstan Respublikasy Memlekettik Ortalyq Muzeinin arkhologiyalyq kollektsiyası: saqtar men ussender madenietı (illyustratsiyalyq gylymi katalog)* (Archaeological collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan: The culture of the Saka and the Usuns (illustrated scientific catalogue)). Almaty: “Oner” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
- 16 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). 2020. *Obraz zhenshiny v otrazhenii vekov: po materialam iz Bolshogo Turgaya i sopredelnyh regionov* (The woman image through the ages: based on materials from Great Turgay and adjacent regions). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 83–108 (in Russian).
- 17 Samashev, Z., Grigoryev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty* (Antiquities of Almaty). Almaty: “Arkheologiya” Publ. (in Russian).
- 18 Saraev, V. V. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy* (Kazakhstan Archeology), 2 (12), 61–86 (in Russian).
- 19 Khassenova, B. M. 2020. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Obraz zhenshiny v otrazhenii vekov: po materialam iz Bolshogo Turgaya i sopredelnyh regionov* (The woman image through the ages: based on materials from Great Turgay and adjacent regions). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 43–58 (in Russian).
- 20 Khassenova, B. M. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy* (Kazakhstan Archeology), 4 (22), 86-100 (in Russian).
- 21 Chernov, M. A. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii* (Saka culture of the Saryarka in the context of ethnosocial and cultural processes of the Eurasian Steppe). Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy–Tasmola” Publ., 376–384 (in Russian).
- 22 Chotbayev, A., Onggar, A. 2014. In: Baitileu, D. (ed.). *Vsadniki Velikoy stepi: traditsii i novatsii* (Riders of the Great Steppe: traditions and innovations). Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 63-87 (in Russian).
- 23 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2023. In: *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region), 15, 893–908 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.08.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 18.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

Мужское или женское? (об определении пола антропоморфных каменных изваяний)

© 2024 г. Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д.

Keywords: Central Kazakhstan, Toguzbaykol, Early Iron Age, Middle Ages, statues, attribution, gender traits, breast

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, Тоғызбайкөл, ерте темір дәуірі, орта ғасыр, тас мүсіндер, атрибуция, жыныс белгілері, кеуде

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Тогузбайколь, ранний железный век, Средневековье, изваяния, атрибуция, признаки пола, грудь

Lyubov Ermolenko¹ and Asemgul Kasenova^{2*}

¹Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. Kemerovo, Russia.
ORCID: [0000-0002-5483-3361](https://orcid.org/0000-0002-5483-3361) E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: [0000-0002-8401-6610](https://orcid.org/0000-0002-8401-6610) E-mail: asema_94@mail.ru

A man or a woman? (identifying the gender of anthropomorphic stone statues)

The article discusses one of the aspects of attributing anthropomorphic stone statues created by ancient and medieval nomads of the Eurasian steppes – identifying the gender of the depicted characters. The author considers the issue based on the case of a statue from the Toguzbaykol site in Ulytau (Central Kazakhstan). The study of this original statue is complicated by the discrepancy in the information published about it. The use of archival materials made it possible to clarify the cultural and chronological attribution of the statue – it was identified as an artifact of the Tasmola culture of the early Iron Age. A comparative analysis of the methods of depicting such a sexual sign as breasts in the iconography of plastic art works from different periods made it possible to challenge the existing idea that the statue from Toguzbaykol depicts a woman. The established cases of identical stylization of female and male breasts presumes that this feature alone cannot be considered an absolute identifier of gender. The emphasis on this bodily attribute in the iconography of anthropomorphic male and female images is due to its significance and the concepts attached to it. The author questions the validity of researchers' identification of the gender of statues having no obvious sexual characters based on the recognition of their facial features as masculine or feminine.

Source of funding: The article was prepared within the framework of grant funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN AP19579221.

For citation: Ermolenko, L., Kasenova, A. 2024. A man or a woman? (identifying the gender of anthropomorphic stone statues). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 45–56 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.45.56](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56)

Любовь Николаевна Ермоленко¹,
Әсемгүл Дәуренқызы Қасенова^{2*}

¹тарих ғылымдарының докторы, археология кафедрасының профессоры, Кемерово мемлекеттік университеті, Кемерово қ., Ресей

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ер адамдікі ме, әлде әйелдікі ме?
(антропоморфты тас мүсіндердің жынысын анықтау жайлы)

Любовь Николаевна Ермоленко¹,
Асемгуль Дауреновна Касенова^{2*}

¹доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

^{2*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мужское или женское?
(об определении пола антропоморфных каменных изваяний)

Мақала Еуразия даласындағы ежелгі және ортағасырдағы көшпенділердің антропоморфты тас мүсіндерінің атрибуция аспектілерінің бірі — адам мүсінінің жынысын анықтауға арналған. Бұл мәселе Ұлытаудағы Тоғызбайкөл шатқалынан (Орталық Қазақстан) табылған тас мүсін негізінде қарастырылды. Бұл ерекше тас мүсін жайлы жарияланған деректерде қайшылық көп, сол себепті зерттеу күрделене түсті. Архив материалдарын қарастыру кезінде тас мүсіннің мәдени-хронологиялық атрибуциясы нақтыланып, ерте темір дәуірі Тасмола мәдениетінің ескерткішіне жатқызылды. Әртүрлі дәуірдің пластикалық өнер туындылары иконографиясындағы «кеуде» секілді жынысты анықтайтын белгілерді көрсету әдістерін салыстырмалы талдау барысында Тоғызбайкөлден табылған тас мүсін әйелді бейнелейді деп қалыптасып қалған түсінік күмәнді болып шықты. Әйелдер мен ерлердің кеудесін бірдей мүсіндеген жағдайлар анықталғандықтан, жеке алынған бұл белгіні жыныстың көрсеткіші деп есептеуге болмайтыны анық. Антропоморфты иконографияда ер адам және әйел адам бейнелерінде сөз болып отырған дене атрибуты маңызды болғандықтан, оған ерекше көңіл бөлінген, оның астарында қандай да бір мән болған. Зерттеушілердің анық жыныс белгісі жоқ тас мүсіндердің жынысын олардың бет-әлпетінің ер адамға немесе әйелге ұқсас екенін тану арқылы анықтау қаншалықты дәлелді деген мәселе қарастырылады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің 2023–2025 жылдарға арналған гранттық қаржыландыру шеңберінде, ЖТН 19579221 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Ермоленко Л.Н., Қасенова Ә.Д. Ер адамдікі ме, әлде әйелдікі ме? (антропоморфты тас мүсіндердің жынысын анықтау жайлы). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 45–56-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.45.56](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56)

Статья посвящена одному из аспектов атрибуции антропоморфной каменной скульптуры древних и средневековых кочевников степей Евразии – определению пола изваянного индивида. Проблема рассмотрена на примере изваяния из урочища Тоғызбайколь в Улытау (Центральный Казахстан). Изучение этого оригинального изваяния осложняется расхождением опубликованных о нём сведений. Привлечение архивных материалов дало возможность уточнить культурно-хронологическую атрибуцию изваяния – отнести его к памятникам тасмолинской культуры раннего железного века. Сравнительный анализ способов воспроизведения такого признака пола как грудь в иконографии произведений пластического искусства разных эпох, позволил поставить под сомнение существующее представление о том, что изваяние из Тоғызбайколя изображает женщину. Ввиду выявленных случаев одинаковой стилизации женской и мужской груди этот признак, взятый в отдельности, не может считаться безусловным идентификатором пола. Акцентирование данного телесного атрибута в иконографии антропоморфных – мужских и женских изображений обусловлено его значимостью и придаваемыми ему смыслами. Поставлен вопрос об обоснованности идентификации исследователями пола изваяний, не имеющих явных признаков пола, исходя из признания черт их лица маскулинными или женственными.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта AP19579221.

Для цитирования: Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Мужское или женское? (об определении пола антропоморфных каменных изваяний). *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 45–56.

DOI: [10.52967/akz2024.3.25.45.56](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56)

1 Введение (Ермоленко Л.Н.)

Для интерпретации антропоморфного образа среди прочего важно установить пол изображённого. Иногда это оказывается непростой задачей, поскольку изображения могут не содержать непосредственной информации для идентификации пола. В этой связи заметим, что исследователи каменных антропоморфных изваяний – памятников ранних и средневековых кочевников Евразии порой предпринимают попытки определения пола индивидов, изображённых без явных признаков пола или с признаками, допускающими неоднозначное толкование, как в случае антропоморфного изваяния из урочища Тоғызбайколь в Улытау.

2 Материал и методы исследования (Ермоленко Л.Н.)

2.1 Методы исследования

При написании статьи использовались релевантные методы изучения изобразительных археологических памятников: метод культурно-хронологической атрибуции, позволивший пересмотреть предложенное более полувека назад определение изваяния из урочища Тогузбайколь как образца средневековой скульптуры; метод сравнительного анализа, примененный для систематизированного сопоставления изобразительных элементов произведений пластики разных эпох.

2.2. Характеристика материала

Оригинальное антропоморфное изваяние было обнаружено в 1940-х гг. в урочище Тогузбайколь, расположенном в северном предгорье Улытау. В настоящее время оно хранится в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан (г. Алматы). Тогузбайкольское изваяние разрушено: от головы остался треугольный выступ с участком плоской поверхности лица, нижний отдел изваяния отбит, однако объемно моделированный торс большей частью сохранился (рис. 1, 1, 2). Согласно А.Х. Маргулану, изваяние, отнесенное им к памятникам кыпчаков [Маргулан 1966: 44–45], воспроизводит «обнаженную женскую фигуру с очень выпуклыми и рельефно выступающими грудями» [Маргулан 1948б: 56].

3 Анализ и обсуждение (Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д.)

Рассуждения по поводу состоятельности подобного определения, на наш взгляд, следует предварить рассмотрением вопроса об археологическом контексте, в котором найдено изваяние, и который может иметь отношение к культурно-хронологической атрибуции этого неординарного образца скульптуры.

Судя по имеющейся информации, изваяние впервые документировано (сделаны фотография изваяния и описание объекта, возле которого оно располагалось) в 1946 г. археологической экспедицией ИИАЭ АН КазССР, возглавленной Г. И. Пацевичем [Маргулан 1948а: 119; НА ИА КН МНВО РК Д. 78]. Согласно данным полевого дневника Л.Р. Кызласова, в сентябре 1948 г. изваяние было обследовано экспедицией под руководством А.Х. Маргулана, при этом сфотографировано и зарисовано [НА ИА КН МНВО РК Д. 114. Л. 34, 35]. Очевидно, А.Х. Маргулан осматривал памятник и в предыдущие годы.

Различающиеся сведения об условиях находки и описания изваяния (без иллюстративных материалов) опубликованы А.Х. Маргуланом в двух статьях, вышедших в начале 1948 г. [Маргулан 1948а; 1948б]. Фотография изваяния и рисунок с элементом реконструкции, воспроизведены в статье А.Х. Маргулана, изданной в 1966 г. [Маргулан 1966: рис. 20, а, б].

В статьях А.Х. Маргулана, появившихся в печати в 1948 г., различно характеризуется позиция изваяния, по-разному определяется порода камня, из которого оно изготовлено, а также археологический объект, в связи с которым найдено изваяние, при этом в одной из статей приводится краткая, а в другой подробная версия описания этого объекта.

В статье А.Х. Маргулана «Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946)», содержащей краткое описание, сообщается, что высеченное из *серого гранита* изваяние стояло возле раскопанного бугровщиками большого каменного кургана диаметром 25 м [Маргулан 1948а: 125]. Краткой версии А.Х. Маргулан придерживался также в работе 1966 г. В свою очередь, материалы о тогузбайкольском изваянии из публикации 1966 г. были использованы составителями четвертого тома «Сочинений» А.Х. Маргулана [Маргулан 2003: 43, ил. 33, 1, 2].

Другая статья А.Х. Маргулана «К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутау» включает *подробную версию* описания памятника. Объект, где было обнаружено изваяние, определяется в данной статье как курган с «усами» [Маргулан 1948б: 56]. В описании приводится не только

1

2

3

4

5

6

7

8

9

диаметр кургана – 25 м, но и высота разрушенной грабителями насыпи – 0.5 м, и глубина воронки – 2.5 м. Отмечается, что на восток от кургана отходят «усы» – каменные гряды шириной около 1 м, протяжённостью 130 м (северная) и 116 м (южная). Сообщается, что изваяние из *розового песчаника* лежало примерно в пяти метрах к юго-востоку от насыпи. В числе «околокурганых» конструкций упомянуты два небольших каменных кургана, «примыкавшие» к насыпи кургана с «усами» с севера и юго-запада [Маргулан 1948б: 56].

В основу краткого и подробного описаний памятника в маргулановских статьях 1948 г., по всей видимости, положены разные полевые наблюдения. Полевыми дневниками А.Х. Маргулана мы, к сожалению, не располагаем, но подробное описание из статьи А.Х. Маргулана, в целом, совпадает с данными, приведёнными в дневнике Г.И. Пацевича за 1946 год [НА ИА КН МНВО РК Д. 78. Л. 128–130]. Есть и некоторые отличия: Г.И. Пацевич не указывает глубину воронки, расстояние от насыпи до изваяния, не отмечает факта наличия небольших насыпей, примыкающих к кургану с каменными грядами. Между тем в дневнике Г.И. Пацевича имеется схематический рисунок объекта, возле которого найдено тогузбайкольское изваяние, не оставляющий сомнения в том, что это курган с каменными грядами [НА ИА КН МНВО РК Д. 78. Л. 129].

Условия нахождения изваяния в связи с курганом с каменными грядами («усами») соответствуют археологическому контексту, в котором выявлены некоторые изваяния сакской эпохи [Ермоленко и др. 2016: 132]. Согласно справедливому замечанию А.З. Бейсенова, высказанному в коллективной статье, характер связи изваяний раннего железного века с данными сооружениями пока не ясен [Бейсенов и др. 2018: 112].

Изваяние из урочища Тогузбайколь, несмотря на специфичность, имеет некоторое сходство со статуарными памятниками раннего железного века (сакской эпохи, тасмолинской культуры), пока относительно немногочисленными, довольно разнообразными и недостаточно изученными.

Так, признаком общности с изваяниями сакской эпохи является плоская поверхность лица, участок которой сохранился на уцелевшем фрагменте головы тогузбайкольского изваяния. «Плосколикость» – элемент комбинированного приема моделировки головы, выявленного на нескольких изваяниях сакской эпохи и прослеживающегося в иконографии скифской скульптуры [Ермоленко и др. 2016: 130, рис. 2]. В этой связи удивляет прозорливостью графическая реконструкция головы тогузбайкольского изваяния (плоское лицо, «шишкообразный» выступ) на рисунке [Маргулан 1966: рис. 20, б] (рис. 1, 2), созданном задолго до открытия феномена каменной пластики сакской эпохи.

- Рис. 1. Изображения мужских индивидов с «женской» грудью: 1, 2 – изваяние из урочища Тогузбайколь (по: [Маргулан 2003: ил. 33, 1, 2]); 3 – чемурчекское изваяние (по: [Ковалев 2012: 22, рис. 2]); 4, 5 – скифские изваяния (по: [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 1, 1; 48, 81]); 6 – бронзовая фигурка из Сапоговского клада (по: [Зуев 1993: рис. 1]); 7 – кыпчакское изваяние (по: [Ермоленко 2004: рис. 15, 32]); 8, 9 – половецкие изваяния (по: [Плетнева 1974: табл. 45, 685, 73, 1250])
- 1-сур. «Әйел» кеуделі ер адамның бейнесі: 1, 2 – Тоғызбайкөл шатқалынан табылған тас мүсін ([Маргулан 2003: 33, 1, 2-ил.] бойынша); 3 – чемурчек тас мүсіні ([Ковалев 2012: 22, 2-сур.] бойынша); 4, 5 – скиф тас мүсіндері ([Ольховский, Евдокимов 1994: 1, 1; 48, 81-ил.] бойынша); 6 – Сапогово көмбесінен табылған қола фигура ([Зуев 1993: 1-сур.] бойынша); 7 – қыпшақ тас мүсіні ([Ермоленко 2004: 15, 32-сур.] бойынша); 8, 9 – половец тас мүсіндері ([Плетнева 1974: 45, 685, 73, 1250-кесте] бойынша)

Fig. 1. Depictions of male characters with “female” breasts: 1, 2 – the statue from the Toguzbaykol site – after – Margulan 2003: fig. 33, 1, 2; 3 – a Čemurček statue – after – Kovalev 2012: 22, fig. 2; 4, 5 – Scythian statues – after – Olkhovskiy, Evdokimov 1994: fig. 1, 1; 48, 81; 6 – a bronze figurine from the Sapogovo hoard – after – Zuev 1993: fig. 1; 7 – a Kipchak statue – after – Ermolenko 2004: fig. 15, 32; 8, 9 – Cuman statues – after – Pletneva 1974: table 45, 685; 73, 1250

Что касается неясности с породой камня (серый гранит или розовый песчаник), то она разрешена посредством геологического определения. Согласно заключению канд. геол.-минерал. наук А.А. Антоненко (Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева), изваяние высечено из розового мелкозернистого гранита. Следует отметить, что науке известны выразительные изваяния сакской эпохи, созданные как из гранита (Кособа, Айбас дарасы 3), так и из песчаника (Сартоган).

В одной из предыдущих работ мы предположили не только о датировке изваяния из урочища Тогузбайколь ранним железным веком, но и о том, что оно могло изображать мужчину [Ермоленко и др. 2021: 620]. Известно, что в древней и средневековой пластике на мужских изваяниях иногда воспроизводились груди (в публикациях речь также идет о «грудных мышцах», «сосках») или соотносящиеся с ними так называемые нагрудные бляхи.

Данный признак отмечен, например, в иконографии памятника эпохи бронзы – Керносовского идола, детали композиции и семантика образа которого в литературе толкуются различно. Так, анализ этой и других антропоморфных стел позволил Я.В. Василькову сформулировать гипотезу о том, «... что в эпоху бронзы у народов Евразии (в частности, у индоевропейцев) бытовала общая идеология – “пастушеский героизм”, почитание героев (часто обожествленных), погибших при захвате или защите стад или женщин, а при жизни, по-видимому, входивших в воинские “братства”» [Васильков 2009: 47].

К кругу визуализированных свидетельств существования в бронзовом веке подобных представлений Я.В. Васильков причислил также чемурчекские памятники [Васильков 2009: 47, примеч. 2]. Среди чемурчекских изваяний, в изобразительных особенностях которых А.А. Ковалев усматривает истоки иконографии скифской скульптуры [Ковалев 2012: 2], есть экземпляры с выделенными грудями. Автором предположительно определяются как «женская грудь» отдельные барельефные детали параболовидного абриса, напоминающие «обвисшую грудь» [Ковалев 2012: 16, 18, 66]. Соответствующий признак мужского пола, нижний контур которого чаще имеет вид пары соединенных дуг, описывается как (мощные) «грудные мышцы» [Ковалев 2012: 12, 22, 28, 72, и др.] (рис. 1, 3). На одном изваянии обозначены груди округлых очертаний; пол изображенного не уточняется [Ковалев 2012: 76]. Кстати, «подчеркнутый нижний контур обнаженной груди» А.А. Ковалев считает одним из общих признаков чемурчекских и скифских изваяний [Ковалев 2012: 156].

Между тем на мужских, преимущественно, раннескифских (по В.С. Ольховскому) изваяниях из Причерноморья и Северного Кавказа наблюдаются разные варианты стилизации грудей. Могут изображаться груди округлой формы (по предположению В.С. Ольховского – нагрудные бляхи) [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 1, 1; 6, 8; 51, 86; 76, 126] (рис. 1, 5); могут быть намечены нижние [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 76, 127; 85, 147; 87, 149; 89, 154; Ольховский 2005: ил. 74, 1; 82, 2] или внутренние [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 77, 128; Ольховский 2005: ил. 73, 1] очертания грудных мышц (в последнем случае изображения грудей и рук могут образовывать одно целое) [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 30, 56; 45, 78]. Возможно, на одном изваянии использован смешанный приём [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 40, 73]. В предметном репертуаре почти всех этих изваяний представлены гривна и оружие, тогда как роговидный сосуд, за единственным исключением, отсутствует.

Груды (округлые или нижний контур) изображены также на нескольких своеобразных северокавказских изваяниях без гривны и оружия, в том числе относимых В.С. Ольховским к скифоидным [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 82, 140; 83, 143; 84, 145а; 85, 146].

Сравнивая способы воспроизведения грудей на скифских изваяниях и изваянии из Тогузбайколя, можно отметить определённое сходство с изваянием из Ольховчика, на котором грудные мышцы (?) переданы плоско-округлыми барельефами [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 48, 81] (рис. 1, 4). В.С. Ольховский, однако, не уделил внимания в каталожном описании этим особенностям ре-

льефа изваяния из Ольховчика, а в другой части текста подчеркнул отсутствие на нем изображений нагрудных блях [Ольховский, Евдокимов 1994: 24, 71].

Что касается раннесарматского времени, то груди детализированы на многих бронзовых фигурках из Сапоговского клада, изображающих вооруженных мужчин (рис. 1, б). В.Ю. Зуев в статье, посвящённой истории клада и систематизации «пляшущих человечков», истолковал образ, сочетающий мужские (фаллос и/или оружие) и женские (груды) атрибуты, как андрогинный [Зуев 1993: 101]. Однако С.А. Яценко пришёл к выводу, что на мужских фигурках воспроизведены не женские груди. Он обратил внимание на различия в стилизации этой детали на мужских и женских изображениях из состава клада: груди (соски, согласно С.А. Яценко) у мужских персонажей размещены выше и переданы кружками меньшего размера, чем у женских [Яценко 2001: 101]. Исследователь предположил, что создателям «... мужских хорошо “вооруженных” идольчиков ... было важно передать несколько гипертрофированные для мужчин соски» [Яценко 2000: 256]. Следует также заметить, что фигурки типов А и Б, изображавшие, по мнению В.Ю. Зуева и С.А. Яценко, представителей высокого социального ранга, элементами иконографии которых являются оружие и груди, – не фаллические.

Заканчивая характеристику образцов пластики раннего железного века, обратим внимание на следующее обстоятельство. Если в работах В.Ю. Зуева мысль об андрогинности фигурок из Сапоговского клада не получила развития, то в отношении образа, запечатлённого на скифских изваяниях, С.А. Рагуленко предположил «гетерогенный семантизм» – сочетание приоритетного «маскулинного аспекта» (признаки мужского пола, «военная атрибутика») с элементом «феминной семантики (наличие груди)» [Рагуленко 2013]. Изображением женской груди С.А. Рагуленко считает и детали иконографии скифских изваяний, определенные В.С. Ольховским как (нагрудные) бляхи, предположительно, «... металлические сфероконические защитные бляхи, нашивавшиеся на кожаную основу кафтана» [Ольховский, Евдокимов 1994: 71]. При этом С.А. Рагуленко ссылается на мнение Е.В. Черненко об отсутствии находок соответствующей детали скифского доспеха [Рагуленко 2013].

В каменной скульптуре средневековых тюркоязычных кочевников – на так называемых уйгурских, кыпчакских и половецких изваяниях тоже встречаются изображения грудей у мужских персонажей. На некоторых мужских изваяниях уйгурского периода, найденных в Туве, барельефом воспроизведены соски [Евтюхова 1952: рис. 21; 22, 2; 23, 2; 32].

Среди изваяний кыпчакской традиции имеются экземпляры, груди на которых переданы замкнутыми фигурами округлой (чаще всего), овальной и каплевидной формы [Ермоленко 2004: рис. 12, 24; 15, 30, 32; 16, 33; 49, 82; 63, 109; 70, 119; и др.], или выделены по нижним очертаниям [Чариков 1980: рис. 6, 16, 17]. В редких случаях кроме грудей бывает показан половой орган – женский или мужской. При этом груди на «женских» и «мужских» изваяниях могут быть стилизованы одинаково, например, в виде перевернутых капель, очевидно, обозначающих «обвисшую грудь» [Ермоленко 2004: рис. 15, 32; 49, 82] (рис. 1, 7).

На женских и большинстве мужских половецких изваяниях воспроизводился нижний контур грудей. Мужские груди (грудные мышцы) чаще всего отличаются формой и пропорциями от женских, обыкновенно «обвисших», иногда оканчивающихся сосками, но встречаются мужские и женские изваяния с грудями похожих очертаний (напр.: [Плетнева 1974: табл. 14, 46; 14, 55; 29, 256; 45, 687; 55, 950; 74, 1242]) (рис. 1, 8, 9). С.А. Плетнева писала, что женские груди отмечены на ранних и поздних мужских половецких изваяниях, а мужские («развитые грудные мышцы») свойственны полнотелым мужским индивидам, запечатлённым на статуях периода расцвета половецкой скульптуры (XII в.) [Плетнева 1974: 74, 75].

Нередко поверх мужских грудей (грудных мышц) или над ними изображены круглые бляхи, закрепленные на ремнях. В наспинной части данного аксессуара, которая на многих изваяниях не изображалась, могла находиться одна (центральная) бляха или две бляхи, расположенные аналогично нагрудным; блях там могло и не быть [Плетнева 1974: 26, 27, 29].

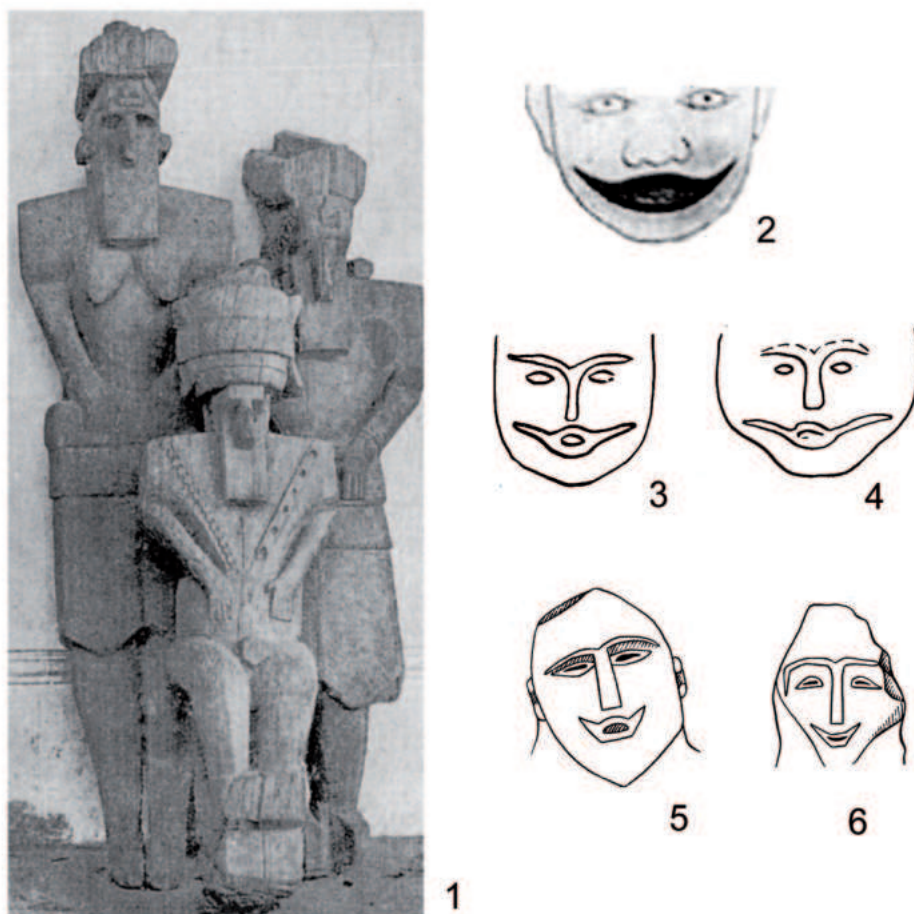

Рис. 2. Примеры соотношения «мужских» и «женских» признаков: 1 – скульптура кафиров (сидящая фигура – мужская, стоящие – женские) (по: [Edelberg 1960: fig. 21]); 2 – женская татуировка у айну (по: [Лим 2013: рис. 2]); 3, 4 – стилизация усов на лицах половецких изваяний (по: [Плетнева 1974: рис. 27]); 5, 6 – стилизация усов на лицах кыпчакских изваяний (по: [Чариков 1980: рис. 2, 12, 14])

2-сур. «Ер адам» және «әйел» белгілері арақатынасының мысалдары: 1 – Кафирлер мүсіні (отырған фигура – ер адам, тұрған фигура – әйел) ([Edelberg 1960: 21-сур.] бойынша); 2 – айну халқының әйел татуировкасы ([Лим 2013: 2-сур.] бойынша); 3, 4 – половец тас мүсіндерінің бетіндегі мұрттардың стильденуі ([Плетнева 1974: 27-сур.] бойынша); 5, 6 – кыпшақ тас мүсіндерінің бетіндегі мұрттардың стильденуі ([Чариков 1980: 2, 12, 14-сур.] бойынша)

Fig. 2. Examples of the relationship between “male” and “female” features: 1 – statues of Kafirs (the seated figure is male, the standing ones are female) – after – Edelberg 1960: fig. 21; 2 – female tattoo among the Ainu people – after – Lim 2013: fig. 2; 3, 4 – stylized moustaches on the faces of Cuman statues – after – Pletneva 1974: fig. 27; 5, 6 – stylized moustaches on the faces of Kipchak statues – after – Charikov 1980: figs. 2, 12, 14

Исследователи предположили утилитарное назначение обсуждаемого аксессуара. Н.И. Веселовский видел в нем «... ремни, скрепляющие части панцыря, и две круглые нагрудные бляхи защитного свойства на местах скрещивания ремней (сохранена орфография источника – авт.)» [Веселовский 1915: 20]. Согласно Г.А. Федорову-Давыдову, эта принадлежность доспеха обеспечивала плотное прилегание кольчуги к телу воина [Федоров-Давыдов 1966: 175]. С.А. Плетнева, указав на отсутствие кольчуги в предметном репертуаре половецких статуй, допустила защитное назначение блях, позволяющих «предохранить грудь от удара стрелы». При этом С.А. Плетнева считала собственную версию недоказанной, поскольку вещественных прототипов подобных блях не найдено [Плетнева 1974: 27].

Представляется, что при объяснении функции нагрудных блях (о «второстепенности» блях на спине, возможно, свидетельствует необязательность воспроизведения наспинной части аксессуара, состоящего из блях и ремней) следует учитывать семантику органа, с которым эти бляхи связаны – груди. С.А. Плетнева следующим образом характеризовала символику женской груди, в том числе в контексте мужского образа: «Грудь – это символ жизни и силы. < ... > Характерно, что не только женские изваяния изображались с грудью, но и большое число мужских снабжалось этим же символическим атрибутом силы родового покровителя, дарующего благополучие и богатство» [Плетнева 1974: 74].

Между тем семантика женской груди не могла быть ограничена представлениями о ней как о приносящей только благо, хотя бы по причине амбивалентности семантики женского начала. Т.В. Володина, основываясь на анализе белорусских (и общеславянских) традиционных представлений и языковых данных, констатировала многообразие значений женской груди: «... в народной культуре грудь, будучи источником пищи и символом вскармливания, включает в поле своих семантических смыслов сложное переплетение мотивов жизни/смерти, эрота/танатоса и, таким образом может становиться орудием вреда и даже убийства» [Володина 2006: 278]. Добавим к этому, что исследовательница по поводу поверья об использовании русалкой своей железной груди как песта, которым она убивала жертву путём толчения в ступе, высказала предположение о «мужской» семантике женской груди [Володина 2006: 278].

Изображение женских грудей у мужских индивидов в рассмотренных выше произведениях древней и средневековой пластики могло быть обусловлено тем, что представления о сверхъестественных свойствах женской груди частью переносились на мужскую. В половецкой скульптуре визуализированы представления и о значимости мужских грудей, которые являлись довольно устойчивым элементом иконографии мужского образа сами по себе и в совокупности с нагрудными бляхами, очевидно ассоциированными с грудями, служившими для их защиты, не исключено, что также магической.

Интересно, что в конце XIX в. тувинцы тоже акцентировали в скульптуре данную деталь мужского образа. А.В. Адрианов осмотрел в 1881 г. изваяние уйгурского времени, называемое местным населением «Чингисхан». Исследователь обнаружил, что на голову статуи надета шапка, а на торс – рубашка, сшитые из миткаля и разрисованные красной краской. Характерно, что на рубашке были «выведены ребра» (т.е. визуализированы детали скелета – «рентгеновский» прием!), а на каменной груди статуи нарисованы «соски и самые груди» [Адрианов 1886: 396]. Заметим, что груди с сосками на данном изваянии не выделены барельефом.

4 Заключение (Ермоленко Л.Н.)

Таким образом, анализ образцов древней и средневековой пластики не только позволил предположить, что изображение грудей было обусловлено значимостью этого телесного атрибута, но и показал, что груди могли воспроизводиться на женских и мужских изваяниях одинаковыми спосо-

бами. Следовательно, мы не можем безоговорочно утверждать о принадлежности к женскому полу индивида, запечатлённого на обломке изваяния из урочища Тогузбайколь. Для подобного заключения нужно располагать совокупностью признаков, так или иначе указывающих на пол.

Точно также ненадежным признаком для дифференциации изображений женских и мужских индивидов может оказаться оцениваемая исследователями «женственность» или «маскулинность» черт лица. Примером тому служит деревянная скульптура кафиров, в которой встречаются мужские и женские статуи с грубо высеченными лицами, одинаково заканчивающимися «тяжелыми» и длинными прямоугольными подбородками напоподобие бороды «лопатой» [Edelberg 1960: fig. 21] (рис. 2, 1).

К слову, ассоциация между очертаниями подбородков женских статуй и формой мужской бороды может оказаться вовсе не абсурдной. Из этнографии айну известен обычай женской татуировки, наносимой вокруг рта и напоминающей усы. Символическая связь с растительностью на мужском лице как будто следует из объяснения женщинами айну назначения татуировки: «Когда W. Dening в 1877 г. расспрашивал айнок о целях татуировки, они говорили, что если они не будут ее делать, то боги на них рассердятся. На его замечание, почему же боги не наказывают мужчин, они ответили, что у тех имеются борода и усы» [Лим 2013: 110]. О возможности независимого возникновения стилизации усов, подобной одному из вариантов айнской татуировки [Лим 2013: рис. 2] (рис. 2, 2), по всей видимости, свидетельствует иконография изваяний кыпчакской эпохи и половецких статуй [Чариков 1980: рис. 2, 11, 12, 14; 6, 23; Плетнева 1974: табл. 1, 5; 3, 15; 8, 37, 40; 22, 142; 29, 263; 37, 313; 51, 910; 66, 1186; 68, 1188; 73, 1250; 75, 1229; 80, 1290; 81, 1297] (рис. 2, 3–6).

В заключение следует отметить, что поднятый в настоящей статье вопрос имеет отношение к проблеме сложности толкования исследователем содержания и смысла изображений прошлых эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом сотрудником А.В. Адриановым. СПб.: Типогр. Имп. Акад. наук, 1886. 276 с.
- 2 Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103–117.
- 3 Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.
- 4 Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». Одесса, 1915. 39 с.
- 5 Володина Т.В. «Няхрышчанае мясца»: женская грудь и грудное вскармливание в белорусских традиционных представлениях и языке (на общеславянском фоне) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 264–285.
- 6 Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 72–120.
- 7 Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- 8 Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д., Курманкулов Ж.К. Л.Р. Кызласов и проблемы изучения каменных изваяний Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 613–623.
- 9 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 129–135.
- 10 Зуев В.Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad rolum. Памяти Л.П. Хлобыстина / Отв. ред. Г.Н. Грачёва (Археологические изыскания. Вып. 10). СПб.: Фарн, 1993. С. 95–102.
- 11 Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.

- 12 Лим С.Ч. История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 105–112.
- 13 Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946) // Известия АН КазССР. Сер. историч. 1948а. № 49. Вып. 4. С. 119–145.
- 14 Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутая // Вестник АН КазССР. 1948б. Февраль. № 2(35). С. 53–60.
- 15 Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау / сост.-ред. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан // Сочинения: В 14 т. Т. 3–4. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. С. 20–46.
- 16 Марғұлан Ә.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары / Жалпы ред. басқарушы Ә. Х. Марғұлан. Алматы: Қазақстан, 1966. 8–52-бб.
- 17 НА ИА КН МНВО РК Д. 78 – Пацевич Г.И. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1946 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 78.
- 18 НА ИА КН МНВО РК Д. 114 – Кызласов Л.Р. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. 1948 г. № 3. АН КазССР. ИИАЭ, г. Алма-Ата // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 114.
- 19 Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- 20 Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. 188 с.
- 21 Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. (САИ; Вып. Е4-2).
- 22 Рагуленко С.А. Каменные изваяния в структуре курганных комплексов и в системе религиозно-обрядовых традиций скифской культуры // Вопросы отечественной истории и археологии. Сб. статей к 80-летию проф. В. Д. Кучиева / Отв. ред. Р.С. Бзаров. Владикавказ, 2013. С. 60–83. URL: <https://studylib.ru/doc/3855638/kamennye-izvayaniya-v-strukture-kurgannyh-kompleksov-i-v> (дата обращения: 31.01.2024).
- 23 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
- 24 Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 213–234.
- 25 Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 4. С. 251–272.
- 26 Яценко С.А. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этно-национальные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Отв. ред. К.М. Климов. Ижевск: изд. дом «Удмурт. ун-т», 2001. С. 99–114.
- 27 Edelberg L. Statues de bois rapportées du Kafiristan à Kabul après la conquête de cette province par l'Émir Abdul Rahman en 1895-96 // Arts Asiatiques. 1960. Vol. VII. No. 4. Pp. 243-286.

REFERENCES

- 1 Adrianov, A. V. 1886. *Puteshestvie na Altai i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva chlenom sotrudnikom A.V. Adrianovym (Journey to Altai and beyond the Sayan Mountains in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by its staff member A.V. Adrianov)*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- 2 Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duisenbay, D. B., Akhiyarov I. K. 2018. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River region archaeology)*, 3 (25), 103-117 (in Russian).
- 3 Vassilkov, Y. V. 2009. In: Rodionov, M. A. (ed.). *Aziatskiy bestiariy: Obrazy zivotnyh v traditsiyah Yuzhnoy, Yugo-Zapadnoy i Tsentralnoy Azii (The Asian Bestiary: Animal Imagery in the Traditions of South, Southwest and Central Asia)*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS, 47-62 (in Russian).
- 4 Veselovskiy, N. I. 1915. *Sovremennoe sostoyanie voprosa o "kamennyh babah" ili "balbals" (Current status of the issues of 'stone babas' or 'balbals')*. Odessa (in Russian).
- 5 Valodzina, T. V. 2006. In: *Antropologicheskiiy forum (Forum for Anthropology and Culture)*, 4, 264-285 (in Russian).
- 6 Evtyukhova, L. A. 1952. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR)*, 24, 72-120 (in Russian).
- 7 Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya Kazahstanskih stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 8 Ermolenko, L. N., Kasenova, A. D., Kurmankulov, Z. K. 2021. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, 23 (3), 613-623 (in Russian).

- 9 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Z. K., Kasenova, A. D. 2016. In: Bobrov, V.V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya) (Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 129-135 (in Russian).
- 10 Zuev, V. Y. 1993. In: Gracheva, G. N. (ed.). *Ad polum. Pamyati L.P. Hlobystina (Ad polum. In memory of L.P. Khlobystin)*. St. Petersburg: “Farn” Publ., 95-102 (in Russian).
- 11 Kovalev, A. A. 2012. *Drevneyshie statui Chemurcheka i prilgayushchih territoriy (The oldest statues of Čemurček and surrounding areas)*. St. Petersburg (in Russian).
- 12 Lim, S. C. 2013. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke (Humanities research in the Russian Far East)*, 3, 105-112 (in Russian).
- 13 Margulan, A. K. 1948a. In: *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya istoricheskaya (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Historical Series)*, 49 (4), 119-145 (in Russian).
- 14 Margulan, A. K. 1948b. In: *Vestnik Akademii Nauk Kazakhskoy SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, February, 2 (35), 53-60 (in Russian).
- 15 Margulan, A. K. 2003. In: Margulan, D. A., Margulan, D. (eds.). *Sochineniya (Works)*. Vol. 3–4. Almaty: “Dayk-Press” Publ. (in Kazakh, Russian).
- 16 Margulan, A. K. 1966. In: Margulan, A. K. (ed.). *Witnesses of ancient culture*. Almaty: “Kazakhstan” Publ., 8-52 (in Kazakh).
- 17 In: Scientific archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 78 (in Russian).
- 18 In: Scientific archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 114 (in Russian).
- 19 Olkhovskiy, V. S. 2005. *Monumentalnaya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskih stepey epohi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes during the Early Iron Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 20 Olkhovskiy, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n.e. (Scythian statues of the 7th–3rd centuries BC)*. Moscow: Institute of archaeology RAS; Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- 21 Pletneva, S. A. 1974. *Polovetskie kamennye izvayaniya (Cuman stone statues)*. (SAI. E4-2). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 22 Ragulenko, S. A. 2013. In: Bzarov, R. S. (ed.). *Voprosy otechestvennoy istorii i arheologii (Problems of Russian history and archaeology)*. Vladikavkaz, 60-83 (in Russian).
- 23 Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov (Nomads of Eastern Europe under the rule of Golden Horde khans)*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 24 Charikov, A. A. 1980. In: Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti evraziyskih stepey (Medieval antiquities of Eurasian steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ., 213-234 (in Russian).
- 25 Yatsenko, S. A. 2000. In: *Stratum plus*, 4, 251-272 (in Russian).
- 26 Yatsenko, S. A. 2001. In: Klimov, K. M. (ed.). *Etno-natsionalnye dominanty v kulture i iskusstve narodov Uralo-Povolzh'ya (Ethno-national dominants in the culture and art of the peoples of the Ural-Volga region)*. Izhevsk: “Udmurt University” Publ., 99-114 (in Russian).
- 27 Edelberg, L. 1960. In: *Arts Asiatiques*, VII, 4, 243-286 (in French).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.07.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 08.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

УДК 903(571.151)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.57.73>

Комплекс вооружения кочевников Северного Алтая жужанского времени (по материалам памятника Чобурак-I)

© 2024 г. Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.

Keywords: Altai, Rouran period, weapons, Bulan-Koby culture, bow, arrowheads, sword, combat knife, armor, dating

Түйін сөздер: Алтай, жужан кезеңі, қару-жарақ, бұлан-қоба мәдениеті, садақ, жебе ұштықтары, семсер, ұрыс пышағы, сауыт, мерзімдеу

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, вооружение, булан-кобинская культура, лук, наконечники стрел, меч, боевой нож, доспех, датировка

Nikolai Seregin^{1*}, Alexey Tishkin¹, Sergei Matrenin¹ and Tatiana Parshikova¹

^{1*}Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia.

ORCID: [0000-0002-8051-7127](https://orcid.org/0000-0002-8051-7127) E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

¹Doctor of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia.

ORCID: [0000-0002-7769-136X](https://orcid.org/0000-0002-7769-136X) E-mail: tishkin210@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia.

ORCID: [0000-0001-7752-2470](https://orcid.org/0000-0001-7752-2470) E-mail: matrenins@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia.

ORCID: [0000-0001-5078-8244](https://orcid.org/0000-0001-5078-8244) E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

The weapon complex of the nomads of the Northern Altai at Rouran period (based on the materials of the Choburak-I site)

The article presents the results of the study of weapons found during excavations of the burials of the necropolis of the Rouran period at the site of Choburak-I. This multi-temporal complex, explored by the expedition of the Altai State University, is located in the Chemal district of the Altai Republic. The analyzed series of products, found in the undisturbed burials of seven men, one teenager and a child, includes eight composite bows, 48 iron arrowheads, three swords, six combat knives and one armor plate. It has been established that this set of military equipment of nomads was focused on effective confrontation with a well-protected enemy and corresponded to medium cavalry and, possibly, heavily armed infantry. The armament complex was dominated quantitatively by items characteristic of the second quarter of the 1st millennium AD, and at the same time there were specimens that became widespread in Altai no earlier than the middle of the 4th century AD. In terms of their diversity and level of development, the studied set of objects was not inferior to the military arsenals of the Xianbei, as well as other groups of the population of Central and North Asia in the pre-Turkic period.

Source of funding: The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>). The processing of materials from the excavation of the Choburak-I necropolis was carried out within the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

For citation: Seregin, N., Tishkin, A., Matrenin, S., Parshikova, T. 2024. The weapon complex of the nomads of the Northern Altai at Rouran period (based on the materials of the Choburak-I site). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 57–73 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.57.73](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.57.73)

Николай Николаевич Серегин^{1*},
Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин¹,
Татьяна Сергеевна Паршикова¹

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

¹тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей
¹тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей
¹тарих ғылымдарының кандидаты, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей

Жужан кезеңіндегі Солтүстік Алтай көшпенділерінің қару кешені
(Чобурак-I ескерткіші материалдары бойынша)

Мақалада Чобурак-I ескерткішіндегі жужан кезеңі қорымының жерлеу орнын қазу барысында табылған қару-жарақ бұйымдарын зерттеу нәтижелері келтірілген. Алтай мемлекеттік университеті экспедициясы зерттеген әр дәуірге жататын бұл кешен Алтай Республикасы Чемал ауданында орналасқан. Жеті ер адам, бір жасөспірім және бір жас баланың ешкім тиіспеген қабірлерінен табылған бұйымдардың талданған топтамасы құрылымы күрделі сегіз садақтан, 48 темір жебе ұштықтан, үш семсерден, алты ұрыс пышағынан және қалқаннан қалған бір сауытты пластинадан тұрады. Көшпенділердің бұл әскери қару-жарақ жинағы сауыт-сайманы мықтап сайланған қарсыласқа қасарыса соққы беруге бейімделген. Топтама негізінен орташа қаруланған атты әскерге, бәлкім ауыр қаруланған жаяу әскерге сәйкес келеді. Қару-жарақ жинағында б.д. I мыңж. екінші ширегіне тән бұйымдардың саны басым болды, сондай-ақ б.д. IV ғ. ортасынан кейін Алтайда тараған бұйымдар да кездесті. Зерттелген бұйымдар жинағы әралуандығы мен даму деңгейі жағынан сяньбилердің, сондай-ақ түркі кезеңінің алдындағы Орталық және Солтүстік Азияның басқа да көшпенділер тобының әскери арсеналынан кем түспейді.

Қаржыландыру көзі: Кешенді талдау және интерпретациялау Ресей ғылым қоры № 20-78-10037 грантының қаржылай қолдауымен орындалды, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>. Чобурак-I сағанасының қазба жұмыстарының материалдарын өңдеу АлтМУ ЖБ ФМББМ «Приоритет 2030» даму бағдарламасы аясында жүргізілді.

Сілтеме жасау үшін: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Жужан кезеңіндегі Солтүстік Алтай көшпенділерінің қару кешені (Чобурак-I ескерткіші материалдары бойынша). Қазақстан археологиясы. 2024. № 3 (25). 57–73–66. (Орысша). [DOI: 10.52967/akz2024.3.25.57.73](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.57.73)

Николай Николаевич Серегин¹,
Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин¹,
Татьяна Сергеевна Паршикова¹

^{1*}автор-корреспондент, доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

¹доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
¹кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
¹кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Комплекс вооружения кочевников Северного Алтая жужанского времени
(по материалам памятника Чобурак-I)

В статье представлены результаты изучения предметов вооружения, обнаруженных в ходе раскопок погребений некрополя жужанского времени на памятнике Чобурак-I. Данный разновременный комплекс, исследованный экспедицией Алтайского государственного университета, расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Анализируемая серия изделий, найденная в непо потревоженных захоронениях семи мужчин, одного подростка и ребёнка, включает восемь сложносоставных луков, 48 железных наконечников стрел, три меча, шесть боевых ножей и одну панцирную пластину от доспеха. Установлено, что этот набор боевых средств кочевников был ориентирован на эффективное противостояние хорошо защищённому противнику и соответствовал средней коннице и, возможно, тяжеловооружённой пехоте. В комплексе вооружения количественно преобладали изделия, характерные для второй четверти I тыс. н.э., и при этом присутствовали экземпляры, получившие распространение на Алтае не ранее середины IV в. н.э. По своему разнообразию и уровню развития изученный набор предметов не уступал воинским арсеналам сяньби, а также других групп кочевников Центральной и Северной Азии в предтюркское время.

Источник финансирования: Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

Для цитирования: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Комплекс вооружения кочевников Северного Алтая жужанского времени (по материалам памятника Чобурак-I). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (25). С.57–73. [DOI: 10.52967/akz2024.3.25.57.73](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.57.73)

Введение (Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.)

В ходе раскопок погребальных памятников булан-кобинской археологической культуры на сегодняшний день сформирована обширная база источников для разнопланового изучения военного дела населения Алтая в эпоху Великого переселения народов. Результаты анализа различных предметов вооружения отражены в многочисленных публикациях [Худяков 1986; Неверов, Мамадаков 1991; Горбунов 2006; Тетерин 2004; Горбунов, Тишкин 2006; Тишкин и др. 2018; Серегин и др. 2022; и др.]. Имеющийся опыт научных изысканий демонстрирует значительное влияние традиций центральноазиатских номадов на формирование и трансформацию воинского арсенала кочевников рассматриваемого региона во второй четверти I тыс. н.э.

Несмотря на заметные успехи, достигнутые в рамках оружейведческой тематики в начале XXI в., актуальной задачей современных исследований остается комплексная интерпретация археологических материалов Алтая жужанского периода (2-я пол. IV – 1-я пол. V в. н.э.). Важность осуществления таких изысканий определяется необходимостью получения новых сведений для объективного сравнения уровня развития вооружения кочевых народов разных территорий Азиатского региона в середине I тыс. н.э. и целостной оценки направлений эволюции отдельных категорий оружия в контексте процессов взаимодействия объединений номадов. В связи с этим большое значение имеют результаты анализа комплекса находок, обнаруженных в ходе раскопок серии погребений жужанского времени на памятнике Чобурак-I в Северном Алтае.

Характеристика источников (Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.)

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда (Чемальский р-н, Республика Алтай). В процессе археологических работ на обозначенном разновременном памятнике Чемальской археологической экспедицией АлтГУ под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь булан-кобинской культуры. Этот могильник состоял из 12 курганов с непотревоженными захоронениями, содержащими материал, весьма информативный для проведения хронологических, этнокультурных и социальных реконструкций [Серегин и др. 2023; и др.]. Ключевые характеристики данных объектов (небольшая каменная насыпь с овальной крепидой; неглубокая и узкая яма; труположение человека вытянуто на спине, головой на запад; сопроводительное захоронение лошади в районе ног человека) свидетельствуют об их принадлежности к дялянкой традиции обрядовой практики кочевников Алтая [Серегин, Матренин 2016: 161–162]. Полученная в ходе раскопок коллекция предметов вооружения из некрополя жужанского времени памятника Чобурак-I представлена средствами ведения дальнего (луки, стрелы с железными наконечниками) и ближнего (мечи, ножи) боя, а также элементом защитного доспеха (панцирная пластина).

Сложносоставные луки присутствовали в погребальном инвентаре семи мужчин и одного подростка. Во всех случаях выявлены только роговые накладки, усиливавшие деревянную кибыть. При этом отдельные элементы лука были сильно разрушены из-за соприкосновения с деревянными погребальными камерами, а также раздавлены массивными камнями заполнения могильных ям. Судя по документированным сведениям, луки укладывались поверх тел умерших людей, преимущественно с правой стороны, а в одном случае (курган № 30) – в разобранном виде у ног покойного.

В процессе полевых и лабораторных работ идентифицированы более 80 железных наконечников стрел разной степени сохранности, происходившие из девяти курганов: № 29 (3 экз.), 29а (7 экз.), 30 (не менее 40 экз.), 30а (5 экз.), 31 (4 экз.), 31а (1 экз.), 32 (4 экз.), 34а (не менее 10 экз.), № 38 (8 экз.). Данные изделия обнаружены в захоронениях семи мужчин, одного подростка и ребёнка. Преимущественно это были умеренно корродированные экземпляры с частично разрушен-

ным пером, иногда снабжённые костяными (роговыми) «свистунками». В большинстве случаев они зафиксированы в виде скоплений, что, вероятно, свидетельствует об их помещении в колчаны, которые не сохранились. Несмотря на то, что конкретное местонахождение железных наконечников стрел в могилах являлось вариативным, прослеживается тенденция преимущественной локализации их в области груди, у плеча и в районе тазовых костей погребённых, одинаково часто с левой и правой стороны.

Комплекс клинкового оружия из объектов некрополя жужанского времени на памятнике Чобурак-I включает три меча и шесть боевых ножей¹. В погребении кургана № 30 меч находился у левого бока мужчины, в проекции от локтя до колена. В кургане № 30а такое изделие достаточно хорошей сохранности лежало вдоль правой руки человека. В кургане № 38 обломок меча располагался в области живота умершего мужчины. Все мечи были помещены в ножны, от которых сохранились отдельные детали, преимущественно из железа (фрагменты обкладок в виде тонких пластин, крепления из нескольких витых звеньев, полуобоймы с кольцами, прямая пластина со шпеньками от бортика, пряжка с подвижным щитком и другие предметы).

Боевые ножи обнаружены в четырех погребениях (курганы № 29а, 30, 32, 38). Их размещение в захоронениях варьировалось незначительно: в области тазовых костей с правой (три случая) или с левой (один случай) стороны; у правого бедра (два случая). Они были направлены острием вертикально или под значительным углом к поясу, в направлении ступней умерших людей.

В погребении женщины из кургана № 33 найдена железная панцирная пластина доспеха. Изделие лежало под правым крылом таза покойной, по-видимому, в сумочке.

Анализ материалов (Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.)

В рамках изучения целых и фрагментированных изделий, относящихся к разным категориям вооружения, была проведена их классификация, учитывающая степень изменчивости морфологических признаков от самых общих к наиболее вариативным.

Систематизация **луков** осуществлена по таким параметрам, как общая длина со снятой тетивой, количество и место крепления роговых накладок на кибити, морфологические характеристики накладок (толщина, форма, пропорции), а также соотношение длины плеч (верхнего и нижнего рога). Изучение взаимной встречаемости роговых накладок в комплектах с неутраченными частями (курганы № 29а, 31, 34а, 38) продемонстрировало, что все сложносоставные луки относятся к одному типу, оснащённому семью длинными накладками: четырьмя концевыми боковыми на верхний и нижний рог и тремя срединными (парой боковых и одной тыльной, цельной либо двусоставной)². Концевые боковые накладки на верхний и нижний рог кибити (рис. 1) представляли собой длинные (не менее 25 см), узкие (максимальная ширина 1,5–2 см) и тонкие (до 0,4 см) роговые пластины дуговидной формы. Их расширяющийся конец (головка) был всегда закруглён, противоположный заузен, в отдельных случаях приострён. Вырезы под тетиву всегда имели арочную форму. Они могли быть как равновеликими, так и с выраженным увеличением длины пластин на верхнее плечо лука. Все срединные боковые накладки (11 хорошо сохранившихся экземпляров от восьми комплектов) имеют дуговидный абрис удлинённых пропорций (длина 25–27 см, максимальная ширина 2,7 см, толщина 0,4 см) (рис. 2, 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 18). В отношении четырех относительно хорошо сохранившихся срединных тыльных накладок из курганов № 31, 31а, 32 и 34а установлено, что это были цельные тонкие (до 0,4 см), достаточно длинные (более

¹ Согласно сложившимся представлениям, к боевым ножам относятся экземпляры с длиной клинка не менее 12–13 см и шириной спинки (обуха) не менее 0,3 см [Горбунов 2006: 75–76].

² В остальных объектах луки имели плохую сохранность (курганы № 30а, 31а, 32) либо были сломаны (курган № 30).

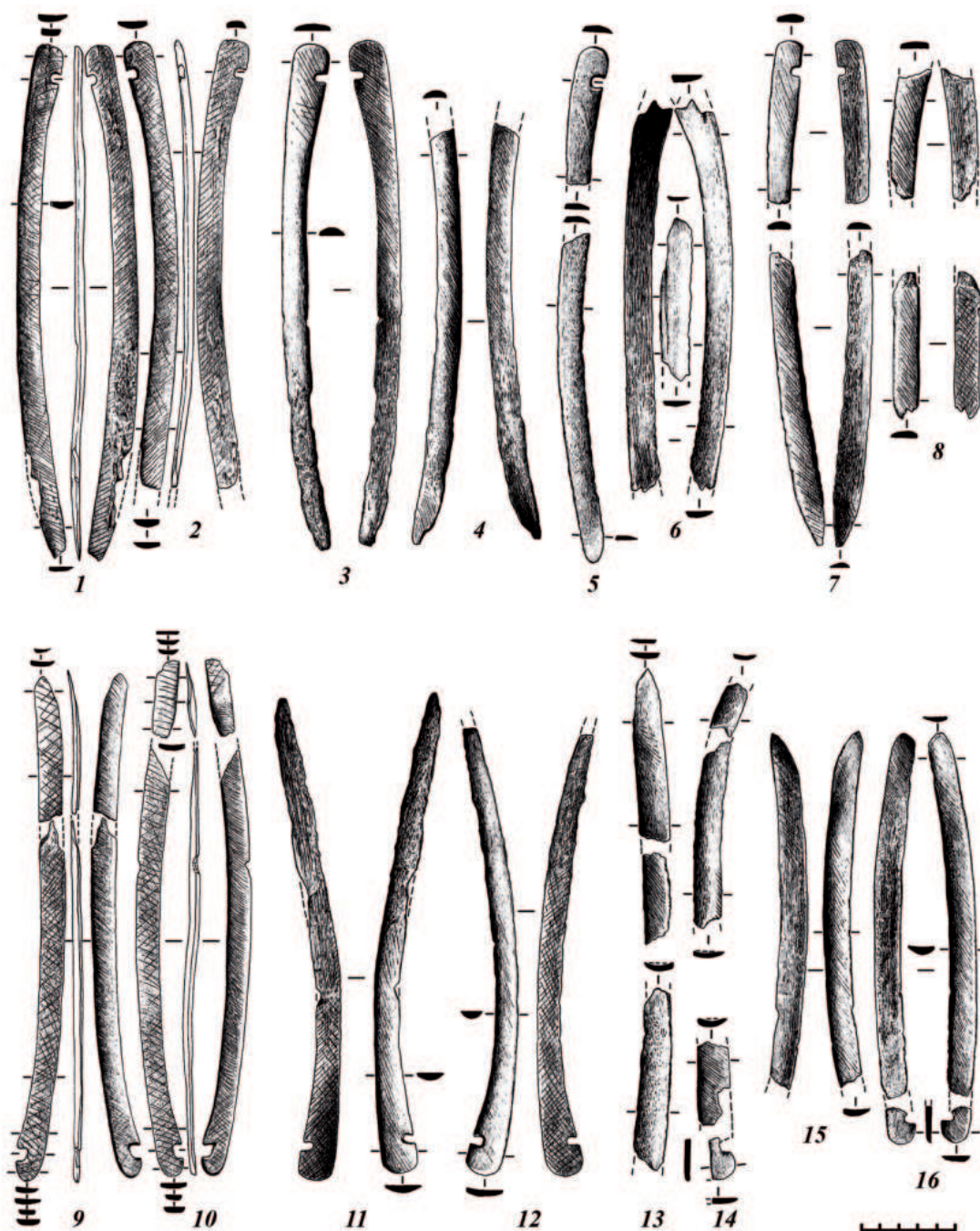

Рис. 1. Некрополь Чобурак-I. Концевые боковые накладки от луков: 1, 2, 9, 10 – курган № 29а;
3, 4, 11, 12 – курган № 30а; 5, 6, 13, 14 – курган № 34а; 7, 8, 15, 16 – курган № 38. 1-16 – кость, рог

1-сур. Чобурак-I қорымы. Садақтың ұштық бүйір жапсырмалары: 1, 2, 9, 10 – № 29а оба;
3, 4, 11, 12 – № 30а оба; 5, 6, 13, 14 – № 34а оба; 7, 8, 15, 16 – № 38 оба. 1-16 – сүйек, мүйіз

Fig. 1. Choburak-I necropolis. End side plates from bow: 1, 2, 9, 10 – mound No. 29a;
3, 4, 11, 12 – mound No. 30a; 5, 6, 13, 14 – mound No. 34a; 7, 8, 15, 16 – mound No. 38. 1-16 – bone, horn

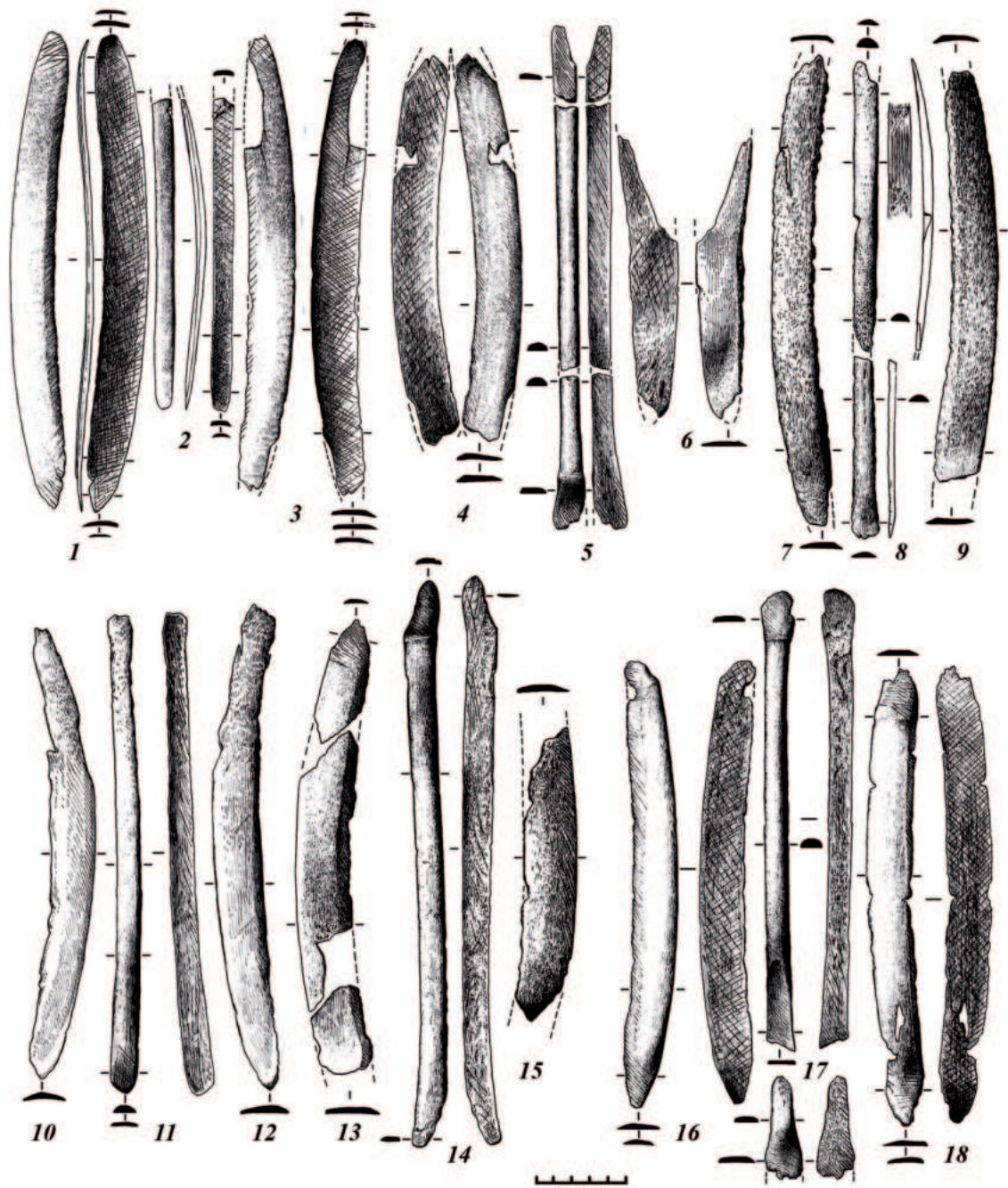

Рис. 2. Чобурак-I. Срединные боковые и тыльные накладки от луков: 1–3 – курган № 29а; 4–6 – курган № 31; 7–9 – курган № 34а; 10–12 – курган № 31а; 13–15 – курган № 32; 16–18 – курган № 38. 1–16 – кость, рог
2-сур. Чобурак-I. Садақтың ортаңғы бүйірлік және артқы жапсырмалары: 1–3 – № 29а оба; 4–6 – № 31 оба; 7–9 – № 34а оба; 10–12 – № 31а оба; 13–15 – № 32 оба; 16–18 – № 38 оба. 1–16 – сүйек, мүйіз

Fig. 2. Choburak-I. Median side and back plates from bows: 1–3 – mound No. 29a; 4–6 – mound No. 31; 7–9 – mound No. 34a; 10–12 – mound No. 31a; 13–15 – mound No. 32; 16–18 – mound No. 38. 1–16 – bone, horn

25 см) пластины весловидной формы, имеющие трапециевидные окончания (рис. 2, 5, 8, 11, 14). Кибить лука из объекта № 38 была усилена композитной (из двух пластин) срединной тыльной накладкой с лопаточковидными окончаниями (рис. 2, 17). Судя по концевым накладкам, рассматриваемые луки были преимущественно симметричными, реже (курган № 38) – с более длинным верхним плечом.

При классификации **железных наконечников стрел** во внимание принимались следующие показатели: способ насада на древко, поперечное сечение и общий силуэт пера, наличие острия, форма пера в плане, наличие упора и его конструкция, а для ярусных экземпляров – соотношение верхней и нижней частей корпуса. В серии полных и частично разрушенных образцов атрибутированы 48 экземпляров с черешковым насадом. Среди них преобладали изделия с трёхлопастным в сечении пером, имеющим ярусный, геометрический, негеометрический абрис с выделенным острием.

Ярусные наконечники по особенностям оформления верхней и нижней части пера и наличию (отсутствию) упора подразделяются на четыре типа: треугольные – асимметрично-ромбические с кольцевым упором, имеющие малый (тип 1а) (рис. 3, 1) и большой (тип 1б) (рис. 3, 2) верхний ярус; треугольные – шестиугольные без упора, с малым верхним ярусом (тип 2а) (рис. 3, 3, 4) и с кольцевым упором, имеющие большой верхний ярус (тип 2б) (рис. 3, 5); вытянуто-ромбические – асимметрично-ромбические с кольцевым упором и равновеликими ярусами (тип 3а) (рис. 3, 6, 7); пятиугольные – асимметрично-ромбические без упора, с малым верхним ярусом (тип 4а) (рис. 3, 8), с кольцевым упором и малым верхним ярусом (тип 4б) (рис. 3, 9–11), с кольцевым упором и равновеликими ярусами (тип 4в) (рис. 3, 12).

Наконечники с геометрическим заостренным пером представлены образцами с разным оформлением пера и перехода в черешок: треугольные с цилиндрическим упором (тип 5) (рис. 3, 13); асимметрично-ромбические без упора (тип 6а) (рис. 3, 15, 20, 21) и с кольцевым упором (тип 6б) (рис. 3, 14, 16, 18, 19; 5, 7); ромбические без упора (тип 7а) (рис. 3, 17, 23, 24) и с кольцевым упором (тип 7б) (рис. 3, 22, 25); шестиугольные без упора (тип 8а) (рис. 4, 1) и с кольцевым упором (тип 8б) (рис. 4, 2–6, 8). Негеометрические заостренные наконечники имеют килевидное перо с кольцевым (тип 9а) (рис. 4, 9–10) и цилиндрическим (тип 9б) (рис. 4, 11) упором.

Единственный трёхгранно-трёхлопастной экземпляр представлен «ярусником» с пятиугольным – асимметрично-ромбическим пером, имеющим кольцевой упор и малый верхний ярус (тип 10а) (рис. 4, 12).

Железные трёхгранные наконечники с негеометрическим заостренным пером листовидной формы включают варианты без упора (тип 11а) (рис. 4, 13–16) и с кольцевым упором (тип 11б) (рис. 4, 17), а также килевидные модификации без упора (тип 12а) (рис. 4, 18–20) и с кольцевым упором (тип 12б) (рис. 4, 21). Четырёхгранные наконечники представляется возможным классифицировать на образцы с негеометрическим, заостренным пером листовидной формы с кольцевым упором (тип 13а) (рис. 4, 22) и геометрический четырехугольный срезень с кольцевым упором (тип 14а) (рис. 4, 23).

Клиновое оружие ближнего боя (мечи и боевые ножи) анализировалось по таким показателям, как форма поперечного сечения клинка, форма окончания лезвия, абрис клинка в продольной плоскости, положение рукояти относительно длинной оси клинка, наличие/отсутствие перекрестия, его конструкция и форма, детали оформления рукояти.

Установлено, что все мечи из погребений некрополя жужанского времени памятника Чобурак-I имели однолезвийные треугольные в сечении короткие (до 60 см) клинки с черешковым насадом для рукояти без перекрестия и наверхия. У экземпляров из курганов № 30 и 30а клинки были прямыми, с полусегментовидным окончанием острия; изделия характеризовались прямым

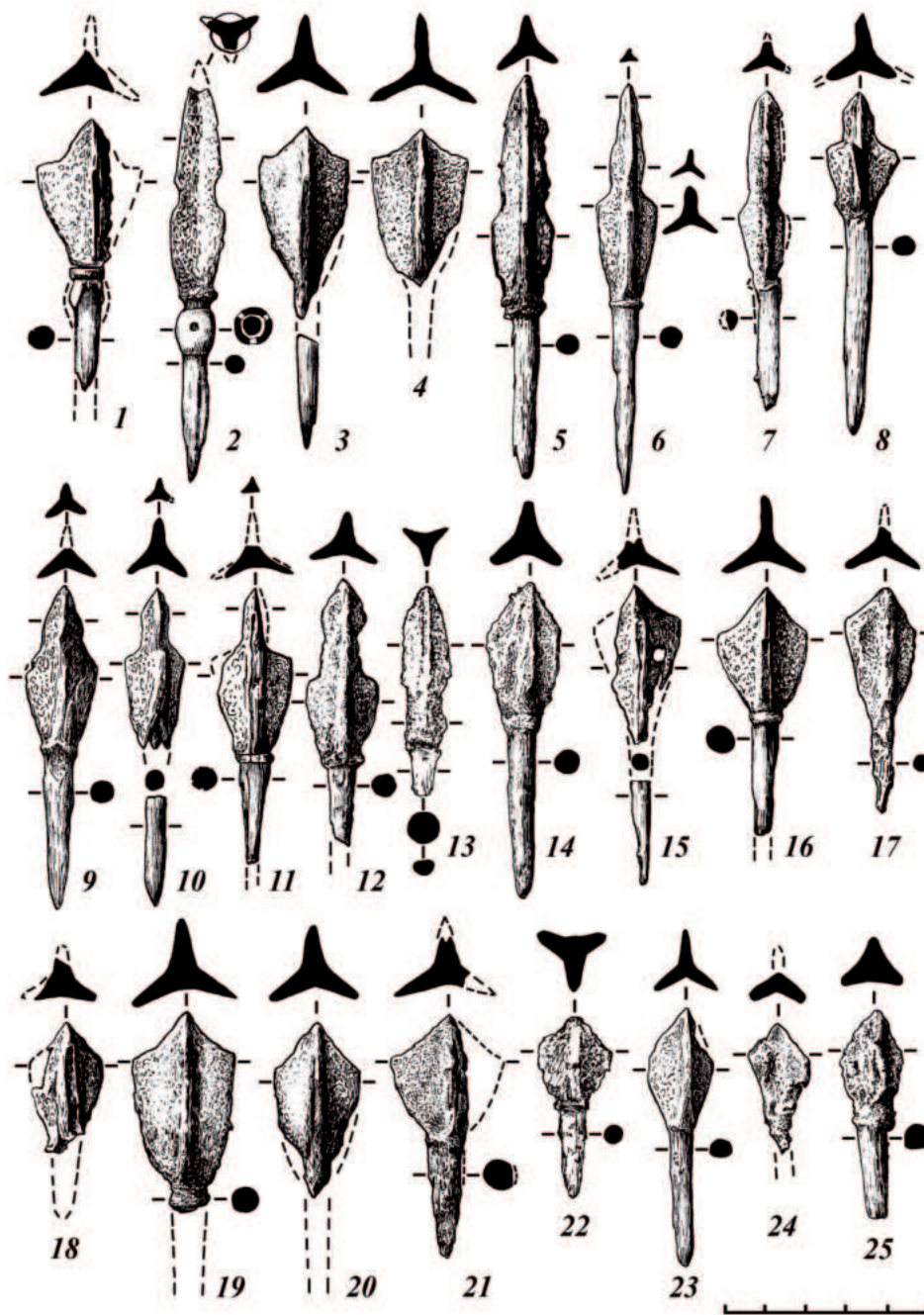

Рис. 3. Чобурак-I. Наконечники стрел: курганы № 29 (13, 22); 29а (14, 25); 30 (1, 6, 9–11, 15, 16, 18, 23); 30а (19); 31 (3, 20); 31а (24); 32 (17, 21); 34а (2, 4, 5, 8); 38 (7, 12). 1, 2 – железо, кость (рог); 3–25 – железо

3-сур. Чобурак-I. Жебе ұштықтары: № 29 (13, 22); 29а (14, 25); 30 (1, 6, 9–11, 15, 16, 18, 23); 30а (19); 31 (3, 20); 31а (24); 32 (17, 21); 34а (2, 4, 5, 8); 38 (7, 12) обалар. 1, 2 – темір, сүйек (мүйіз); 3–25 – темір

Fig. 3. Choburak-I. Arrowheads: mounds No. 29 (13, 22); 29a (14, 25); 30 (1, 6, 9–11, 15, 16, 18, 23); 30a (19); 31 (3, 20); 31a (24); 32 (17, 21); 34a (2, 4, 5, 8); 38 (7, 12). 1, 2 – iron, bone (horn); 3–25 – iron

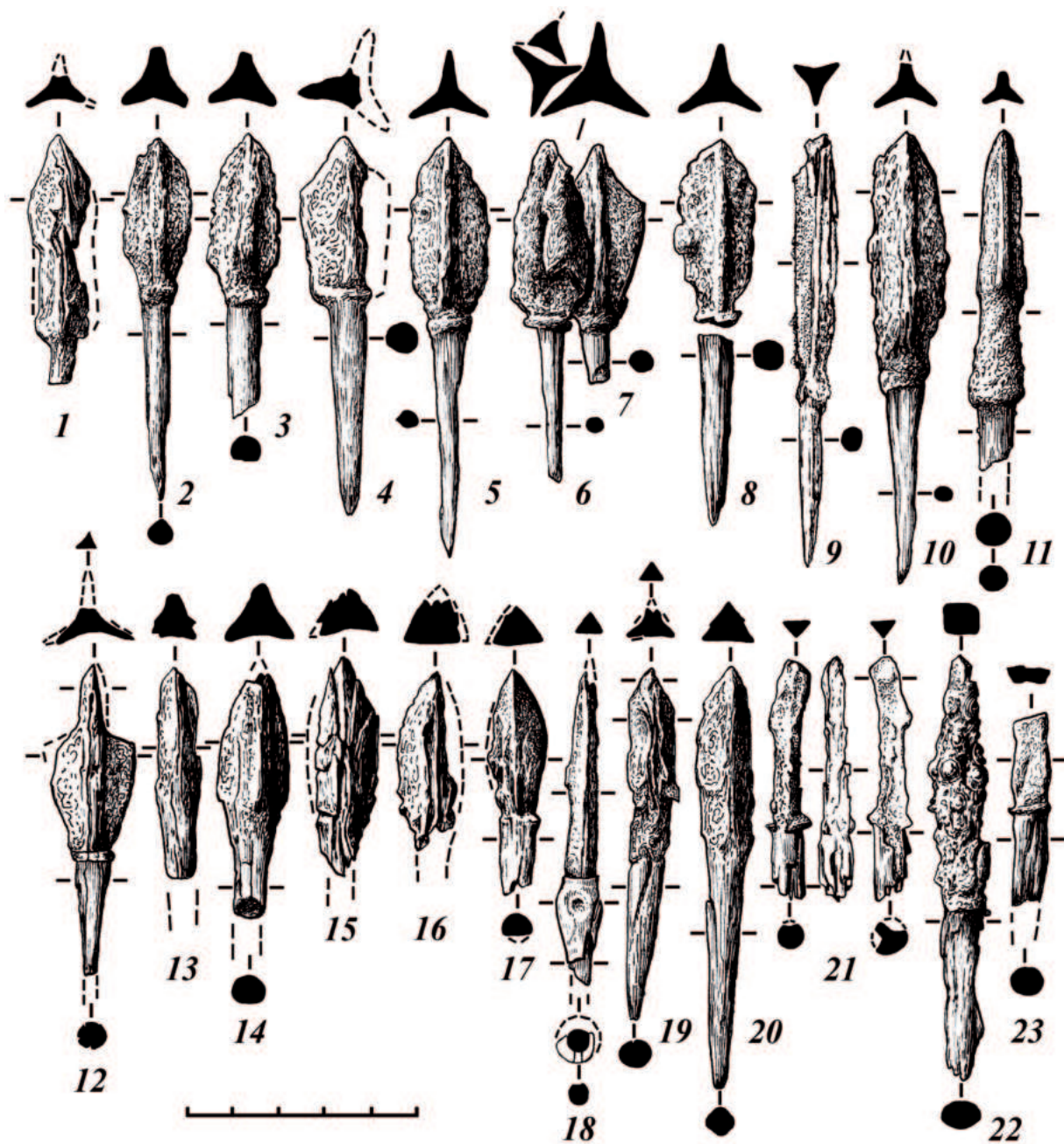

Рис. 4. Чобурак-I. Наконечники стрел: курганы № 29 (9); 29а (2, 3, 22); 30 (1, 4, 11-16, 18-20); 30а (5-7, 10); 32 (21); 38 (8, 17, 23). 1-17, 19-23 – железо; 18 – железо, кость (рог)

4-сур. Чобурак-I. Жебе ұштықтары: № 29 (9); 29а (2, 3, 22); 30 (1, 4, 11-16, 18-20); 30а (5-7, 10); 32 (21); 38 (8, 17, 23) обалар. 1-17, 19-23 – темір; 18 – темір, сүйек (мүйіз)

Fig. 4. Choburak-I. Arrowheads: mounds No. 29 (9); 29a (2, 3, 22); 30 (1, 4, 11-16, 18-20); 30a (5-7, 10); 32(21); 38 (8, 17, 23). 1-17, 19-23 – iron; 18 – iron, bone (horn)

Рис. 5. Чобурак-I. Мечи с деталями ножен: 1–8 – курган № 30; 9–12 – курган № 30а; 13–16 – курган № 38.
1–7, 9–15 – железо; 8 – кожа; 16 – кость

5-сур. Чобурак-I. Қынап бөлшектерімен семсерлер: 1–8 – № 30 оба; 9–12 – № 30а оба; 13–16 – № 38 оба.
1–7, 9–15 – темір; 8 – былғары; 16 – сүйек

Fig. 5. Choburak-I. Swords with scabbard details: 1–8 – mound No. 30; 9–12 – mound No. 30a;
13–16 – mound No. 38. 1–7, 9–15 – iron; 8 – leather; 16 – bone

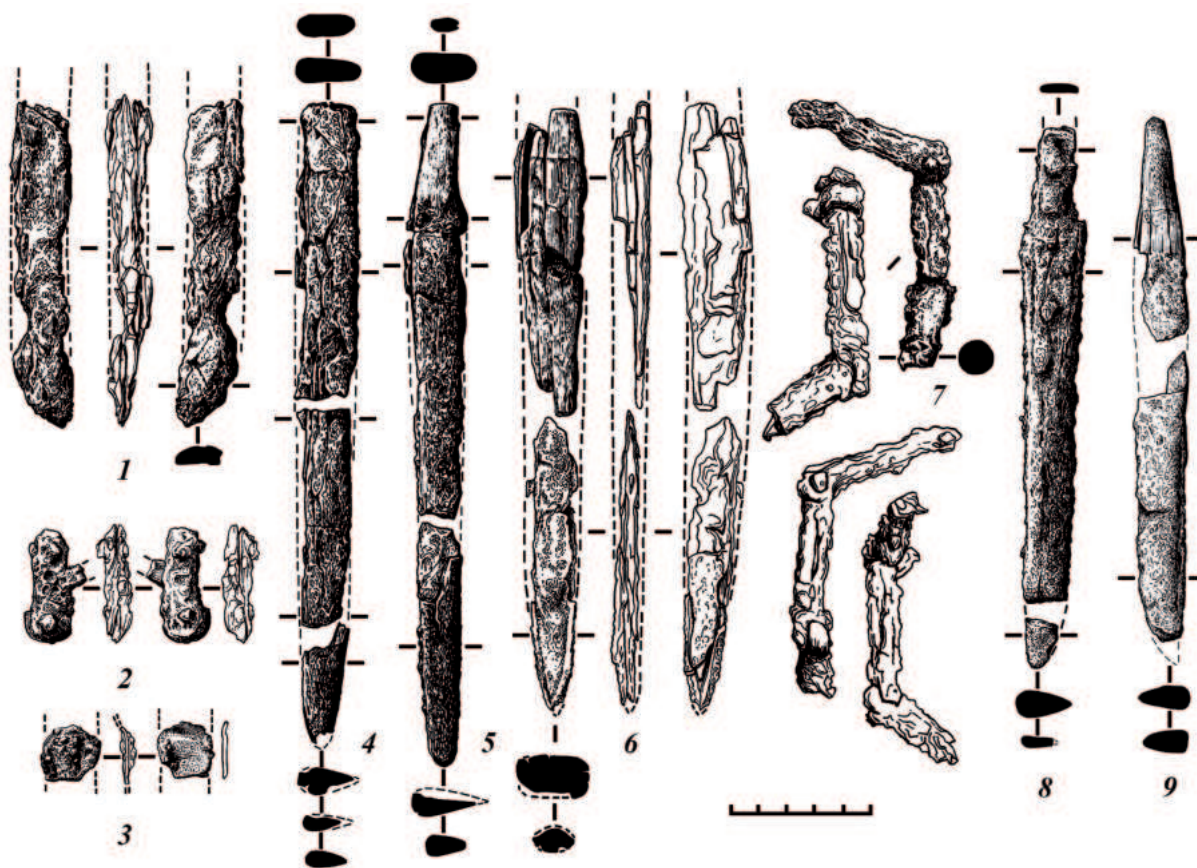

Рис. 6. Чобурак-I. Железные боевые ножи и детали ножен: 1–3 – курган № 29а; 4, 5 – курган № 30; 6, 7 – курган № 32; 8, 9 – курган № 38

6-сур. Чобурак-I. Темір ұрыс пышақтары мен қынап бөлшектері: 1–3 – № 29а оба; 4, 5 – № 30 оба; 6, 7 – № 32 оба; 8, 9 – № 38 оба

Fig. 6. Choburak-I. Iron combat knives and scabbard details: 1–3 – mound No. 29a; 4, 5 – mound No. 30; 6, 7 – mound No. 32; 8, 9 – mound No. 38

черешком для рукояти (рис. 5, 1, 9). Обломок меча из объекта № 38 отличался тем, что его клинок имел слегка выгнутую спинку и был снабжён наклонным в сторону лезвия череном (рис. 5, 13). Зафиксированы отдельные детали ножен в виде железных окантовок устья, бортика, креплений (кольца, цепочки из восьмёрковидных звеньев), пряжки, а также застёжки из раковины (рис. 5, 2–7, 10–12, 14–16).

В отношении четырёх боевых ножей удалось установить, что они имели треугольный в поперечном сечении клинок с остроугольным окончанием, прямую (тип 1) либо наклонную (тип 2) рукоять без перекрестия и навершия (рис. 6, 4, 5, 8, 9). Ножи были помещены в ножны, от которых сохранились железные детали – бортики из двух пластин-накладок, окантовка устья (рис. 6, 2, 3, 7).

Единственная **панцирная пластина** являлась частью ламеллярного доспеха вертикальной системы набора бронепокртия. Изделие имело овально-прямоугольную форму (высота 4 см, ширина 2.7 см) и было снабжено семью крепёжными отверстиями: двумя парами боковых, проделанных с каждой стороны вертикально, парой срединных верхних, расположенных вертикально, и одним срединным нижним (рис. 7).

Рис. 7. Чобурак-І. Железная панцирная пластина из кургана № 33
7-сур. Чобурак-І. № 33 обадан табылған темір сауыт пластина
Fig. 7. Choburak-I. Iron armored plate from mound No. 33

Обсуждение результатов (Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.)

Охарактеризованные типы предметов вооружения из погребений жузжанского времени памятника Чобурак-І были сопоставлены с известными материалами из археологических комплексов последней четверти I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. Центральной и Северной Азии. Основная цель такой работы заключалась в определении относительной датировки находок и установлении направлений генезиса разных изделий.

Анализ сложносоставных луков показал, что информативным признаком для их датировки является наличие срединных боковых накладок дуговидной формы удлинённых пропорций. Похожие экземпляры, а также образцы «переходных» форм, получили распространение у сяньби Восточного Забайкалья в конце I – начале III в. н.э., у народов Средней Азии и Южного Приуралья во 2-й пол. II – III в. н.э., а также у «кокэльцев» Тувы во 2-й пол. III – IV в. н.э. [Николаев 2001: табл. 106; Яремчук 2005: рис. 61, 5–6; 62, 11–12; 65, 5–6; Малашев, Яблонский 2008: 59–60; и др.]. На Алтае луки с таким элементом кибити относятся ко II–V вв. н.э. [Горбунов 2006: 15; Тишкин и др. 2018: 42]. Не исключено, что наиболее поздние экземпляры могли существовать в начале VI в. н.э. [Соенов 2017: 122–123]. Показательной также является срединная двусоставная тыльная накладка, имеющая лопаточковидные окончания, аналогии которой на Алтае представлены в погребениях III–V вв. н.э. [Мамадаков 1990: 80, 84; рис. 25, 4; Тетерин 2004: рис. 1, 2; Горбунов 2006: 12; рис. 3, 11; Тишкин и др. 2018: 40].

Важно отметить, что рассмотренные роговые накладки из могильника Чобурак-І, зафиксированные *in situ*, отражают существование у кочевников Алтая практики помещения в захоронения «не полных» (сломанных или разобранных) луков. Подчеркнём, что данная серия изделий характеризуется значительной стандартизацией конструкции и формы пластин, что может указывать на их изготовление в течение непродолжительного периода.

Обнаруженные в погребениях некрополя Чобурак-І железные черешковые наконечники стрел демонстрируют развитый комплекс наступательного оружия населения булан-кобинской культуры. Достаточно разнообразными являются экземпляры с ярусным пером, относящиеся к хуннской (типы 1а, 2а, 4а–б) и южносибирской (типы 1б, 2б, 3а, 4в) традициям. Изделия хунну-

ской традиции имеют малый верхний ярус и могут быть датированы, учитывая реалии этнокультурной истории Алтая, в рамках II–V вв. н.э. [Горбунов 2006: 38]. От своих центрально-азиатских прототипов они отличаются меньшими размерами, наличием кольцевого упора, присутствием экземпляров с вытянуто-ромбическим абрисом верхнего яруса. В Центральной Азии наиболее близкие аналогии данным изделиям зафиксированы в коллекциях оружия кокэльской культуры Тувы 2-й пол. III – IV в. н.э. [Дьяконова 1970: табл. I, 7–9, 38, 58; III, 42, 69; Худяков 1986: 70–71; рис. 26, 3–8]. В булан-кобинской культуре такие наконечники стрел обнаружены в погребальных памятниках Айрыдаш-I (типы 2а, 4а), Верх-Уймон (типы 2а, 4а), Дялян (тип 1а), Катанда-3 (тип 2а), Степушка (тип 4б), Улуг-Чолтух-I (типы 2а, 4а), Яломан-II (типы 1а, 4а) [Горбунов 2006: 29, 38; рис. 23, 4; Соенов 2017: рис. 14, 11; Тишкин и др. 2018: 49, 52; табл. 8, 14; и др.].

Ярусные наконечники южносибирской традиции из памятника Чобурак-I представлены модификациями с равным и большим верхним ярусом и достаточно узкими лопастями (типы 1б, 2б, 3а, 4в). В типологическом отношении они появились позже образцов хуннуской традиции [Худяков 1986: 95–96; Мамадаков 1990: 52; Неверов, Мамадаков 1991: 122–133; Николаев 2001: 73–74]. Можно предположить, что данные наконечники демонстрируют поиск эффективных средств поражения на дальней дистанции противника, имеющего металлический (железный) доспех. Судя по имеющимся материалам, население булан-кобинской культуры стало использовать такие изделия не ранее III в. н.э., с большой вероятностью со второй половины этого столетия. Точные аналогии обозначенным типам «ярусников» происходят из памятников Алтая предтюркского времени: Дялян, Кок-Паш, Яломан-II [Горбунов 2006: 28–29, 38].

Трёхлопастные наконечники с заострённой геометрической формой пера относятся к четырём типам (типы 5–8). Среди них треугольные экземпляры с цилиндрическим упором (тип 5а) датируются не ранее 2-й пол. III в. н.э. на основе находок из комплексов Тывы и Тянь-Шаня [Дьяконова 1970: табл. II, 19–22, 24, 31, 32, 35–38, 45, 47; Худяков 1986: 71; Кожомбердиев, Худяков 1987: 81; рис. 4, 7, 18, 19].

Железные черешковые трёхлопастные наконечники с асимметрично-ромбическим (тип 6а–б), ромбическим (тип 7а–б), шестиугольным (тип 8а–б) пером получили широкое распространение в колчаных наборах многих народов Восточной Евразии в 1-й пол. I тыс. н.э. Данные изделия зафиксированы у сяньби Маньчжурии и Юго-Восточного Забайкалья конца I – III в. н.э. (типы 6а, 7а), у носителей кокэльской (типы 6б, 7а) и чаатинской (тип 7а) культур Тувы 2-й пол. III – V в. н.э., таштыкской культуры Хакасии IV–VI вв. н.э. (тип 7а), бурхотуйской культуры Забайкалья IV–VI вв. н.э. (типы 6а, 8а), джетысарской культуры Восточного Приаралья III–V вв. н.э. (типы 6а, 7а, в), одинцовской культуры Алтайской лесостепи 2-й пол. IV – V в. н.э. (типы 7а, 8а) [Худяков 1986: 69–70, 92, 111; рис. 27, 25, 26; 36, 1–3; 49, 1, 3; Левина 1996: рис. 92, 21, 22, 26, 35–37, 46, 47, 50, 51, 54, 56–66; Горбунов 2006: 30–31; рис. 25, 5, 6, 14–17, 23, 24, 27, 37, 39; и др.]. С учётом известных материалов, у кочевников булан-кобинской культуры они могут быть датированы следующим образом: шестиугольные без упора (тип 8а) – II в. до н.э. – V в. н.э.; асимметрично-ромбические и ромбические без упора (типы 6а, 7а) – II–V вв. н.э.; асимметрично-ромбические, ромбические, шестиугольные с кольцевым упором (типы 6б, 7б, 8б) – III–V вв. н.э.

Найденные в могильнике Чобурак-I трёхлопастные наконечники стрел килевидной формы с кольцевым и цилиндрическим упором (тип 9а–б) относятся к образцам, появившимся на Алтае на основе листовидных наконечников, в свою очередь получивших распространение в данном регионе под влиянием среднеазиатской военной традиции в начале IV в. н.э. Похожие изделия с кольцевым упором (тип 9а) зафиксированы в булан-кобинском комплексе жужанского времени памятника Яломан-II, а также в оружейном наборе алтайских тюрок 2-й пол. V – 1-й пол. VII в. н.э. [Горбунов 2006: рис. 26, 9, 24].

Зафиксированный в могильнике Чобурак-I трёхгранно-трёхлопастной ярусный наконечник стрелы с кольцевым упором (тип 10а), по-видимому, является результатом местного усовершенствования изделий хуннской военной традиции во 2-й пол. IV в. н.э. под влиянием «среднеазиатского» (кенкольского) комплекса вооружения [Горбунов 2006: 39].

Показательными являются бронебойные наконечники стрел с листовидным (тип 11а-б) и килевидным (тип 12а-б) пером. В Центральной Азии трёхгранные наконечники известны в вооружении хунну I в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков 1986: 31; рис. 6, 1; 97]. Изделия с подобным сечением пера наиболее интенсивно использовались населением Средней Азии в III–VIII вв. н.э. [Кожомбердиев, Худяков 1987: 84; рис. 6, 7–10, 13–24; Левина 1996: рис. 92, 20, 23, 45]. В Северной Азии, в том числе на территории Алтая, такие предметы получили распространение в период широкого внедрения железного доспеха во 2-й пол. IV – V в. н.э. [Горбунов 2006: 40].

Бронебойный четырёхгранный наконечник листовидной формы, снабжённый кольцевым упором (тип 13а), относится к редким элементам колчанных наборов воинов Центральной и Северной Азии II в. до н.э. – III в. н.э. [Дьяконова 1970: табл. II, 29; Худяков 1986: 31, 71; рис. 6, 22; 27, 19, 21; и др.]. Достаточно многочисленная серия похожих изделий происходит из комплексов бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья IV–VI вв. н.э., а также из памятников Кореи V в. н.э. [Худяков 1991: 56; рис. 26, 14, 23; Эрдэнэ-Очир 2011: 192–194]. Датировка наконечников типа 13а для булан-кобинской культуры определяется в рамках IV–V вв. н.э.

Единственный четырёхгранный срезень с четырёхугольным пером (тип 14а) из могильника Чобурак-I имеет аналогии в воинских арсеналах населения кокзельской культуры Тувы (2-я пол. III – IV в. н.э.), бурхотуйской (IV–VI вв. н.э.) и дарасунской (V–VI вв. н.э.) культур Восточного Забайкалья, а также у народов Северного Китая и Кореи (IV–VI вв. н.э.) [Худяков 1986: рис. 27, 5–11; 1991: 56; рис. 26, 13, 22; Эрдэнэ-Очир 2011: 194; рис. 9, 10, 11; и др.]. Прототипами таких изделий могли быть однолопастные геометрические срезни, использовавшиеся сяньби в конце I – начале III в. н.э. [Яремчук 2005: рис. 68, 7, 8, 10; 71, 2, 7, 8, 10; 74, 3, 4; 75, 7; 77, 2–4]. На территории Алтая наконечники типа 14а появились, по-видимому, под влиянием сяньбийского или кокзельского комплекса вооружения в IV в. н.э. [Тишкин и др. 2018: 55].

Изучение обнаруженных в объектах некрополя Чобурак-I трёх железных однолезвийных мечей позволило сделать ряд заключений. Прежде всего, необходимо отметить, что активное распространение однолезвийных мечей на севере Центральной Азии произошло не ранее конца II – III в. н.э. [Николаев 2001: 88–89] или второй четверти I тыс. н.э. [Худяков 1986: 131]. Однолезвийное рубяще-колющее оружие массово представлено в арсенале населения кенкольской культуры Семиречья второй четверти I тыс. н.э. [Кожомбердиев, Худяков 1987: 89–90; рис. 7, 5–9]. На территории Алтайской лесостепи и Барабы использование таких мечей зафиксировано во 2-й пол. IV–V в. н.э. [Горбунов 2006: 63; рис. 49, 4–6; 62; 76]. С учётом имеющихся археологических источников, мечи из курганов № 30 и 30а памятника Чобурак-I, снабжённые полусегментовидным окончанием клинка без перекрестия и навершия, представляется возможным датировать не ранее середины IV в. н.э. В булан-кобинской культуре похожие экземпляры оружия с гладкой рукоятью найдены в погребениях жузанского времени (2-я пол. IV – 1-я пол. V в. н.э.) из памятников Берель и Верх-Уймон [Горбунов 2006: 59, 111; Соенов 2017: 120]. Сохранившийся фрагментарно однолезвийный меч из кургана № 38, имеющий слегка выгнутую спинку и наклонный в сторону лезвия черен, также относится к образцам, появившимся в воинском арсенале населения Алтая не ранее IV в. н.э. Зафиксированные у некоторых мечей железные детали ножен в виде витых восьмёрковидных звеньев от цепочек относятся к показательным элементам снаряжения «булан-кобинцев» IV–V вв. н.э. [Матренин 2017: 17–25].

Все боевые ножи из могильника Чобурак-I с характерными особенностями оформления (треугольный в поперечном сечении клинок, остроугольное окончание острия, прямая либо на-

клонная рукоять без перекрестия и навершия) появились на Алтае под влиянием позднехуннской или раннесяньбийской военной традиций и стали самым распространённым средством ведения рукопашного боя у «булан-кобинцев» во II–V вв. н.э. [Тишкин и др. 2018: 58–59; Серегин и др. 2022: 58–59]. Сохранившиеся части железных деталей ножен имеют датированные аналогии в экипировке булан-кобинских воинов IV–V вв. н.э. [Матренин 2017: 17–25].

Найденная в женском захоронении из кургана № 33 некрополя Чобурак-I железная панцирная пластина от ламеллярного доспеха, имеющая семь крепёжных отверстий по «периметру», связана с раннесяньбийским комплексом оборонительного вооружения. На Алтае пластина с наиболее близким креплением (но с восьмью отверстиями) обнаружена в некрополе Степушка, большинство объектов которого датируется в рамках 2-й четв. IV – начала V в. н.э. [Тишкин и др. 2018: 60, 162]. В паноплии воинов IV–V вв. н.э. пластины такой формы и пропорций использовались, по-видимому, для набора бармиц шлемов. Присутствие панцирной пластины в погребении молодой женщины представляется возможным интерпретировать как подношение-оберег. Важно отметить, что это уже не первый случай обнаружения таких изделий в женских захоронениях булан-кобинской культуры [Горбунов, Тишкин 2006: 83–84].

Заключение (Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.)

Проведённый анализ разных категорий оружия (восьми сложносоставных луков, 48 железных наконечников стрел, трёх мечей, шести боевых ножей, панцирной пластины) позволяет сделать вывод, что набор боевых средств кочевников, оставивших группу курганов булан-кобинской культуры на комплексе Чобурак-I, был ориентирован на эффективное противостояние с хорошо защищённым противником и соответствовал средней коннице и, возможно, тяжеловооружённой пехоте. В комплексе вооружения дальнего боя количественно преобладали изделия, характерные для 2-й четв. I тыс. н.э., но при этом присутствовали предметы, появившиеся в раннесяньбийский период (II – 1-я пол. II в. н.э.). Продемонстрирована малочисленность экземпляров, появившихся в обозначенном регионе в хуннское время. Установлено, что среди разных модификаций боевых наконечников стрел доминировали экземпляры с кольцевым упором, характерные для колчаных наборов «булан-кобинцев» 2-й пол. III – V в. н.э. Весьма показательным является присутствие в исследованном некрополе нескольких однолезвийных мечей, получивших распространение на Алтае не ранее середины IV в. н.э. В целом, по своему разнообразию и уровню развития изученный набор предметов вооружения не уступал воинским арсеналам сяньби, а также других групп кочевников Центральной и Северной Азии в предтюркское время.

Таким образом, проанализированная серия изделий из объектов жужанского времени памятника Чобурак-I демонстрирует передовой комплекс наступательного оружия населения Алтая в эпоху Великого переселения народов, сложившийся под влиянием традиций военного дела кочевников из других частей Азии. Публикуемые материалы и результаты их интерпретации будут способствовать дальнейшей детализации представлений об особенностях военного дела населения Алтая и сопредельных территорий на рубеже древности и раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- 2 Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4. С. 79–85.
- 3 Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции / Отв. ред. Л.П. Потапов. Т. III. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.

- 4 Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- 5 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 396 с.
- 6 Малашев Ю.В., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.
- 7 Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- 8 Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- 9 Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.
- 10 Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.
- 11 Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.
- 12 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- 13 Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паришкова Т.С. Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 1 (19). С. 43–57.
- 14 Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. № 8. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. С. 117–142.
- 15 Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Вып. 1. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2004. С. 37–82.
- 16 Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
- 17 Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- 18 Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- 19 Эрдэнэ-Очир Н. Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологический судьял. 2011. Б. XXXI. С. 183–220.
- 20 Яремчук О.А. Могильник Зоргол-1 – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

REFERENCES

- 1 Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) (Military affairs of the population of Altai in the 3rd – 14th centuries. Part II: Offensive weapons (weapons))*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 2 Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2006. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 4, 79–85 (in Russian).
- 3 Diakonova, V. P. 1970. In: Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 80–209 (in Russian).
- 4 Kozhombardiev, I. K., Khudyakov, Y. S. 1987. In: Medvedev, V. E., Khudyakov, Y. S. (ed.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Warfare of the ancient population of North Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 75–106 (in Russian).
- 5 Levina, L. M. 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralia. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. (Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 6 Malashev, Y. V., Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralia v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka-10 (The steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian time: based on the materials of the burial ground Pokrovka-10)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

- 7 Mamadakov, Y. T. 1990. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. (Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD)*: abstract of the dissertation ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk (in Russian).
- 8 Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Equipment of the nomads of Altai (2nd century BC – 5th century AD))*. Novosibirsk: SB RAS (in Russian).
- 9 Neverov, S. V., Mamadakov, Y. T. 1991. In: Kiryushin, Y. F. (ed.). *Problemy hronologii v arheologii i istorii (Problems of chronology in archaeology and history)*. Barnaul: Altai University, 121–135 (in Russian).
- 10 Nikolaev, N. N. 2001. *Kultura naseleniya Tuvy 1-i pol. I tys. n.e. (Culture of the population of Tuva 1st half. 1st millennium AD)*: abstract of the dissertation ... Cand. Hist. Sciences. St. Petersburg (in Russian).
- 11 Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskiy, A. P. 2022. *Severnyi Altay v epohu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arheologicheskogo kompleksa Karban-I) (Northern Altai in the era of the Great Migration of Peoples (Based on the archaeological complex Karban-I))*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 12 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. (The funeral rite of the nomads of Altai in the 2nd century BC – 11th century AD)*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 13 Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1, 43–57 (in Russian).
- 14 Soenov, V. I. 2017. In: Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University, 117–142 (in Russian).
- 15 Teterin, Y. V. 2004. In: Khudyakov, Y. S. (ed.). *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoy Azii (Military affairs of the peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University, 37–82 (in Russian).
- 16 Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altai v syanbiysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altai in the Xianbei-Zhuzhan time (based on the materials of the Stepushka monument))*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 17 Khudyakov, Y. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii (Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 18 Khudyakov, Y. S. 1991. *Vooruzhenie tsentralnoaziatskiykh kochevnikov v epohu rannego i razvityego srednevekovia (Armament of the Central Asian nomads in the era of the early and developed Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 19 Erdene-Ochir, N. 2011. In: *Arheologijn sudlal (Archaeological news)*, XXXI, 183–220 (in Russian).
- 20 Yaremchuk, O. A. 2005. *Mogilnik Zorgol-I – pamyatnik hunno-syanbiyskoy epohi stepnoy Daurii (The burial ground of Zorgol-I is a monument of the Xiongnu-Xianbei era of the steppe Dauria)*: abstract of the dissertation ... Cand. Hist. Sciences. Chita (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 09.09.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.74.86>

Металлические предметы из окрестностей горно-лесного массива Бурабай: предварительная интерпретация

© 2024 г. Мусаева Р.С., Сакенов С.К., Билялова Г.Д.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Burabay, chance finds, knife, Petrovka culture, sickle, settlement

Түйін сөздер: археология, қола дәуірі, Бурабай, кездейсоқ табылған заттар, пышақ, петров мәдениеті, орақ, қоныс

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Бурабай, случайные находки, нож, петровская культура, серп, поселение

Raikhan Mussayeva^{1*}, Sergazy Sakenov¹ and Gulzat Bilyalova¹

^{1*}Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

ORCID: [0000-0001-6615-9223](https://orcid.org/0000-0001-6615-9223). E-mail: argin_rr@mail.ru

¹PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan

ORCID: [0000-0001-8868-4280](https://orcid.org/0000-0001-8868-4280). E-mail: sergazi_82@mail.ru

¹PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan

ORCID: [0000-0003-1696-6144](https://orcid.org/0000-0003-1696-6144). E-mail: gulzat_84@inbox.ru

Metal objects from the surroundings of the Burabay mountain forest massif: preliminary interpretation

The article introduces random finds from Northern Kazakhstan into scientific circulation. The metal objects (sickle, knives, cast rings) likely originate from the disturbed layers of the Akkain and Karabaur settlements. The authors conducted a morphological-typological characterization, identifying several types of knives, drawing analogies, and proposing a cultural-chronological attribution. Preliminary results indicate that the metal objects are from different time periods and can be dated to the Late Bronze Age. Further research on the discovered items will facilitate the study of the distribution of metal artifacts of the Petrovka culture in the region and the emergence of imports from sources in the East Asian province.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Mussayeva, R., Sakenov, S., Bilyalova, G. 2024. Metal objects from the surroundings of the Burabay mountain forest massif: preliminary interpretation. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 74–86 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.3.25.74.86](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.74.86)

**Райхан Серікқызы Мусаева^{1*},
Серғазы Қайырбекұлы Сакенов¹,
Гүлзат Дулатқызы Біләлова¹**

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

¹PhD, жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

¹PhD, жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

**Бурабай таулы-орман алқабы
маңынан табылған металл заттар:
алғашқы талдау**

**Райхан Сериковна Мусаева^{1*},
Серғазы Кайырбекович Сакенов¹,
Гүлзат Дулатовна Билялова¹**

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан

²PhD, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

³PhD, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

**Металлические предметы из окрестностей
горно-лесного массива Бурабай:**

предварительная интерпретация

Мақалада Солтүстік Қазақстаннан кездейсоқ табылған олжалар ғылыми айналымға енгізіледі. Металл заттар (орақ, пышақ, құйылған сақиналар) Аққайың мен Қарабауыр қоныстарының бұзылған мәдени қабатынан шыққан болуы мүмкін. Авторлар морфология-типологиялық сипаттама жасады. Пышақтардың бірнеше түрі анықталды, сондай-ақ олардың жақын баламалары таңдалып, мәдени-хронологиялық атрибуциясы ұсынылды. Жүргізілген зерттеудің алдын ала нәтижелері металл заттардың түрлі кезеңде жасалғандығын және олар кейінгі қола дәуірімен мерзімделуі мүмкін екендігін көрсетті. Келешекте табылған заттар жайында зерттеуді жалғастыру аймақта петров мәдениетінің металл артефактілерінің таралуы мен олардың шығысаялық провинцияларға тасымалдануы жайлы мәселелерді жан-жақты зерттеуге мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023-2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Мусаева Р.С., Сакенов С.К., Біләлова Г.Д. Бурабай таулы-орман алқабы маңынан табылған металл заттар: алғашқы талдау. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 74–86-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.74.86](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.74.86)

В статье в научный оборот вводятся случайные находки из Северного Казахстана. Металлические предметы (серп, ножи, цельнолитые кольца), вероятно, происходят из разрушенных слоёв поселений Аккаин и Карабаур. Авторами проведена морфолого-типологическая характеристика, выделены несколько типов ножей, подобраны аналогии и предложена культурно-хронологическая атрибуция. Предварительные результаты показали, что металлические предметы разновременные и могут быть датированы эпохой поздней бронзы. Дальнейшее исследование обнаруженных предметов позволит изучить вопрос о распространении металлических артефактов петровской культуры в регионе и появлении импортов из очагов восточноазиатской провинции.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК на 2023–2024 гг., ИРН BR18574223.

Для цитирования: Мусаева Р.С., Сакенов С.К., Билялова Г.Д. Металлические предметы из окрестностей горно-лесного массива Бурабай: предварительная интерпретация. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 74–86. DOI: [10.52967/akz2024.3.25.74.86](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.74.86)

1 Введение (Сакенов С.К., Билялова Г.Д.)

В XX в. в Бурабае исследовано пять могильников фёдоровской культуры: Бурабай, Буйреколь, Кызылтобе, Кумдыколь, Обалы (рис. 1)* (*Иллюстрации к статье подготовлены авторами). По материалам Кызылтобе получены абсолютные датировки методом радиоуглеродного датирования [Сакенов и др. 2021: 215–225]. Два могильника – Жукей I и II – отнесены к саргаринско-алексеевской археологической культуре. Рядом с могильником Бурабай в период его исследования выявлено поселение с жилищами саргаринской культуры. В могильнике Жукей I один из комплексов относится к бегазы-дандыбаевской культуре [Оразбаев 1958: 216–294; Мартынюк, Зданович 1985: 142–152].

В конце 1990-х и в начале 2000-х гг. в регионе проведено несколько археологических разведок, обнаружено 11 памятников энеолита и бронзового века: энеолитическая стоянка Голубой залив, ограда Жанаталап, могильники Акылбай, Жанаталап I, II, Котырколь II, Жукей III, VI, Кызылұйым I, II, ограда Шат VII [Мартынюк, Зданович 1985; Yarygin et al. 2024: 3].

В 2020 г. осуществлён мониторинг археологических памятников в Бурабае и его окрестностях. В районе села Абылайхан обнаружены два могильника – Кызылтобе, Тажегул и поселение Жумакай. Могильник Кызылтобе и поселение Жумакай датированы эпохой бронзы, могильник Тажегул является разновременным (от эпохи ранней бронзы до средних веков). К западу от села Мадениет выявлено поселение бронзового века Аккаин, к востоку от оз. Сауле обнаружены поселение бронзового века и древняя выработка.

В полевом сезоне 2023 г. научными сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана в ходе археологических разведок в окрестностях горно-лесного массива Бурабай выявлены случайные находки – группа предметов № 1 и 2. В первую входят: серп (рис. 2, 1), ножи (рис. 2,

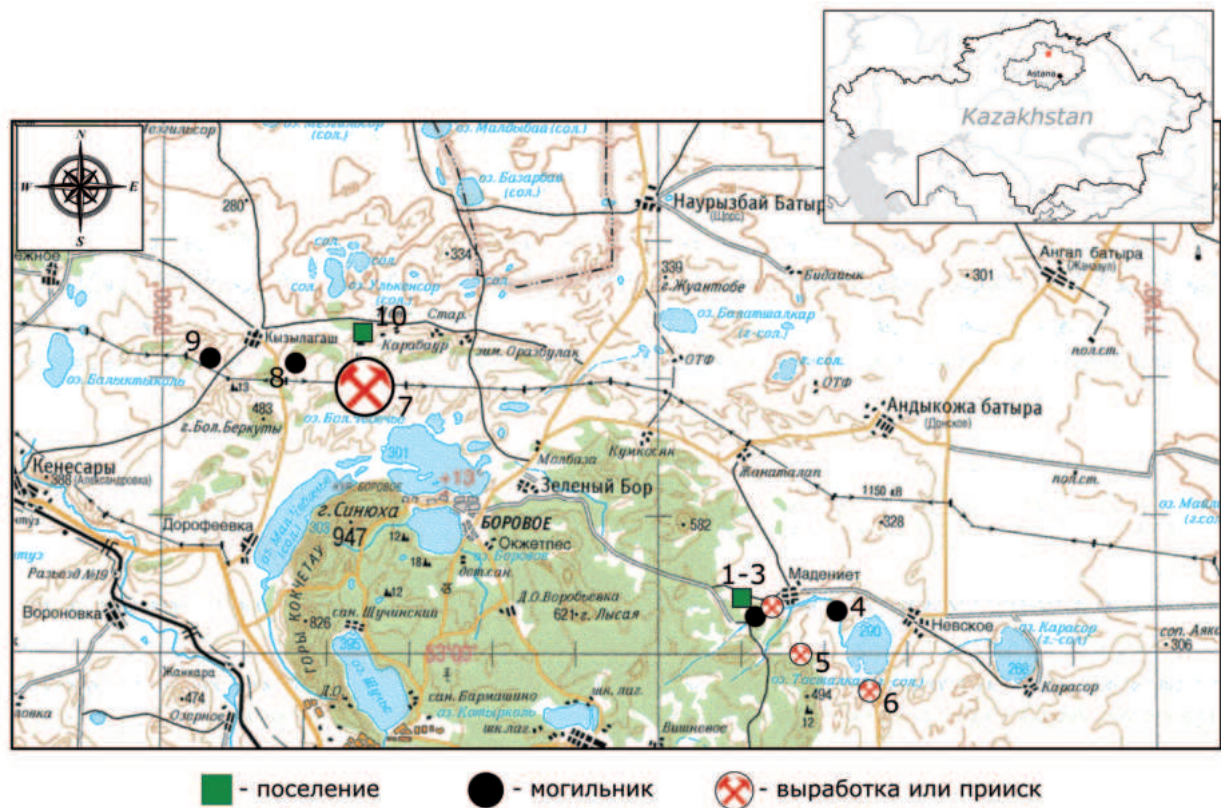

Рис. 1. Карта памятников бронзового века горно-лесного массива Бурабай: 1 – Аккаин; 2 – Обалы; 3 – Бетты-булак; 4 – Мадениет; 5 – Буйрек-коль; 6 – Тасшалкар; 7 – Карабаурский очаг золотодобычи; 8 – Кызылтөбе; 9 – Тажегул; 10 – Карабаур. 1, 10 – поселение; 2, 5, 8, 9 – могильник; 3, 4, 6 – выработка 1-сур. Бурабай таулы-орман алқабының қола дәуірі ескерткіштерінің картасы: 1 – Аққайың; 2 – Обалы; 3 – Беттібұлақ; 4 – Мәдениет; 5 – Бүйреккөл; 6 – Тасшалқар; 7 – Қарабауыр алтын өндіру ошағы; 8 – Қызылтөбе; 9 – Тәжеғұл; 10 – Қарабауыр. 1, 10 – қоныс; 2, 5, 8, 9 – қорым; 3, 4, 6 – қазба

Fig. 1. Map of Bronze Age Sites in the Burabay Mountain-Forest Massif: 1 – Akkain; 2 – Obaly; 3 – Betty-Bulak; 4 – Madeniet; 5 – Buirek-Kol; 6 – Tasshalkar; 7 – Karabaur Gold Extraction Site; 8 – Kyzyltobe; 9 – Tazhegul; 10 – Karabaur. 1, 10 – settlement; 2, 5, 8, 9 – burial ground; 3, 4, 6 – quarry

2–3) и кольца (рис. 2, 4). Коллекция обнаружена недалеко от поселения бронзового века Аккаин, расположенного в 3,3 км на ЗЮЗ от села Мадениет, в 60 км к югу от русла ручья Бетты-булак.

Группа случайных находок металлических предметов № 2 состоит из двух ножей и одного обломка (рис. 3, 1–3). Все предметы найдены возле села Карабаур (Бурабайский р-н, Акмолинская обл.). В 1970-е гг. на территории, где с одной стороны проходила полевая дорога к зимовке Карабаур и одноимённому селу, а с другой – дорога к старому казахскому кладбищу, проводились строительно-дорожные работы по укладке грейдера. Судя по сохранившимся следам, линия грейдера прошла по территории поселения эпохи бронзы, где сейчас фиксируется только несколько жилищных западин вдоль дороги. Случайные находки найдены в старых отвалах, образовавшихся в ходе строительно-дорожных работ.

Цель работы состоит во введении в научный оборот обнаруженных металлических предметов, их культурно-типологическая атрибуция. В настоящий момент выявленные артефакты находятся в

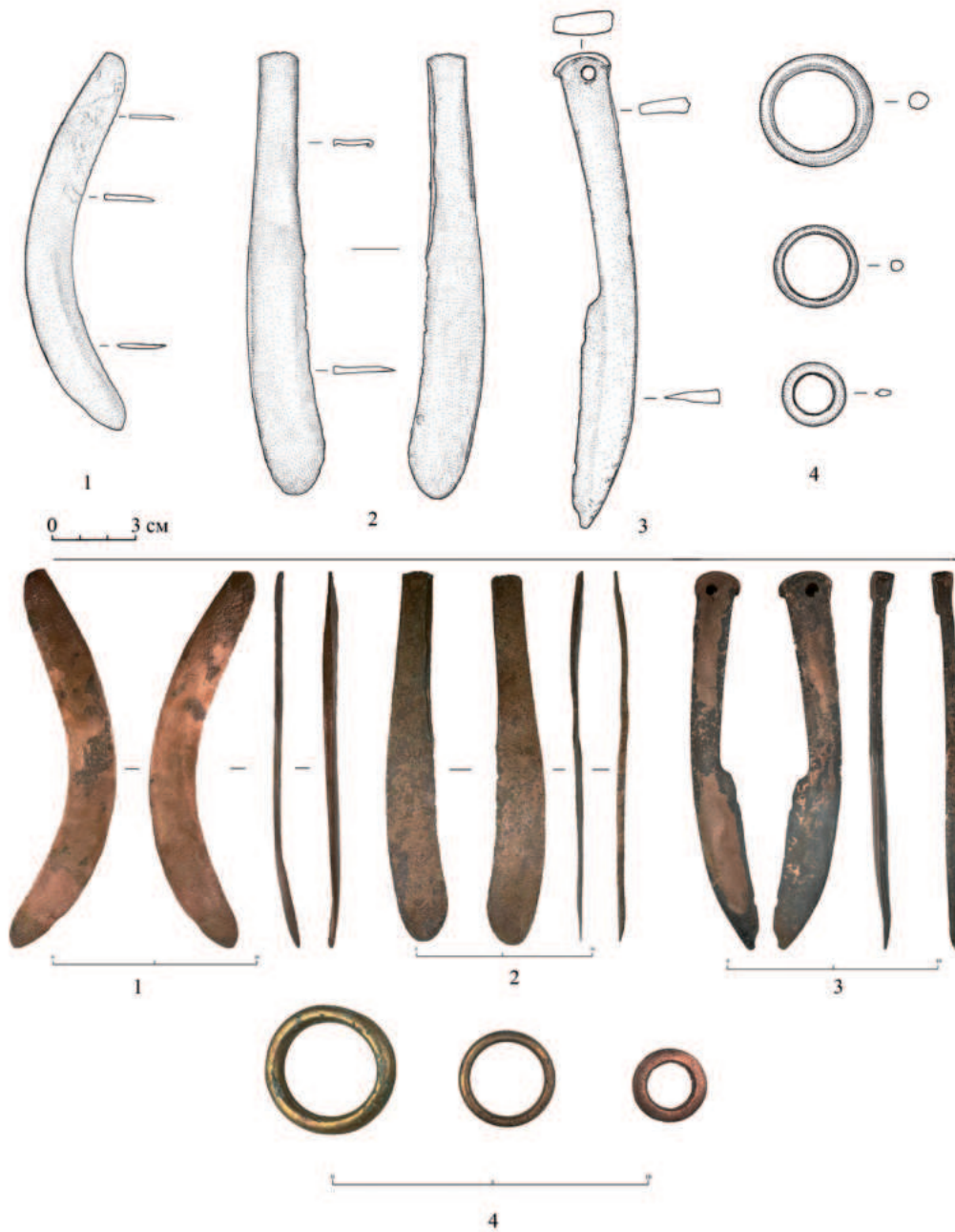

Рис. 2. Случайные находки, группа № 1: 1 – бронзовый серп; 2 – пластинчатый нож;
3 – нож с округлым креплением на рукояти; 4 – цельнолитые металлические кольца

2-сур. Кездейсоқ табылған заттар, № 1 топ: 1 – қола орақ; 2 – пластиналы пышақ;

3 – тұтқасында дөңгелек бекітпесі бар пышақ; 4 – құйылған металл сақиналар

Fig. 2. Chance Finds, Group No. 1: 1 – bronze sickle; 2 – plate knife; 3 – knife with rounded handle fitting;
4 – solid cast metal rings

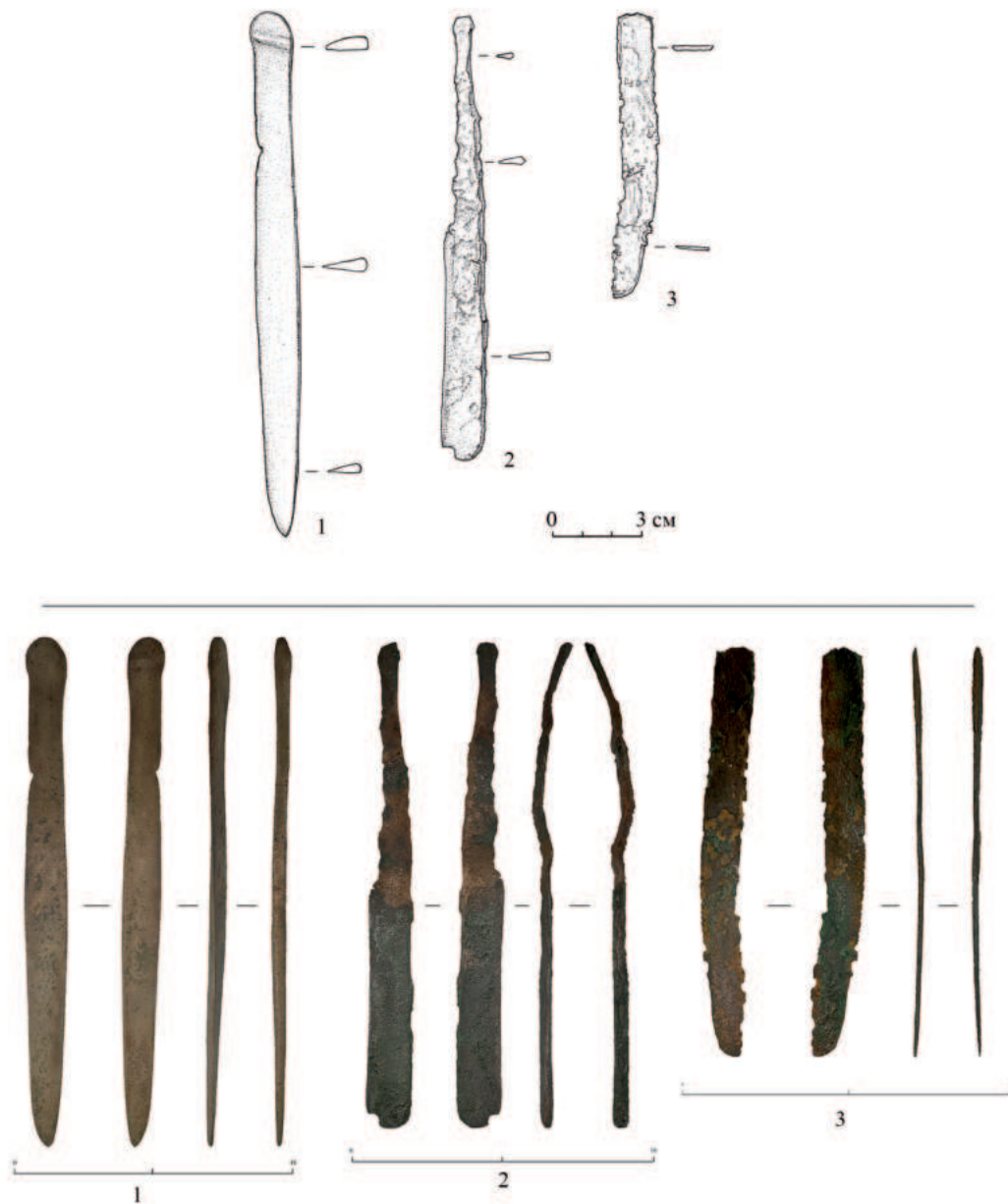

Рис. 3. Случайные находки, группа № 2: 1 – пластинчатый нож; 2 – нож с выделенной рукоятью; 3 – обломок пластинчатого ножа
3-сур. Кездейсоқ табылған заттар, № 2 топ: 1 – пластиналы пышақ; 2 – ерекшеленген сабы бар пышақ; 3 – пластиналы пышақтың сынығы
Fig. 3. Chance Finds, Group No. 2: 1 – plate knife; 2 – knife with defined handle; 3 – fragment of a plate knife

Филиале Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. После проведения лабораторных исследований находки планируется передать в региональный музей.

2 Материал и методы исследования (Мусаева Р.С., Сакенов С.К.)

2.1 Методы исследования

Металлические предметы находились в сильно коррозированном состоянии. Для установления их первоначального облика проведена очистка с применением слабых химических растворов трилона и лимонной кислоты. Коррозированные участки дополнительно очищались мягкой латунной щёткой. После завершения работ сняты замеры артефактов, выполнена фотофиксация и подготовлены рисунки в масштабе 1:1. На следующем этапе дана морфолого-типологическая характеристика.

Для отождествления и определения типа серпа взяты за основу размеры, угол изгиба рабочей части, наличие и характер скрепления с рукоятью. При распределении ножей по типам авторы опирались на типологическое членение, исходя из наличия или отсутствия определённых качественных признаков: присутствие и особенности оформления рукояти (выделенная рукоять или её отсутствие, черенковые или втульчатые), техника изготовления (пластинчатые или литые), форма и сечение лезвия. В результате типизированы серп и ножи. Так как все ножи имели выделенную рукоять, на третьем этапе рассматривались такие признаки, как форма рукояти, способы оформления лезвийной кромки (однолезвийность, двулезвийность, симметричность, асимметричность), наличие или отсутствие ребра жёсткости, перехвата, перекрестья, форма и сечение лезвия, способы оформления навершия рукояти и наличие дополнительных деталей.

Для типологизации колец выделены следующие признаки: техника изготовления (литье, скручивание пластины, ковка), форма и способ применения. Помимо морфолого-типологической характеристики, проведён историографический анализ научной литературы и поиск аналогий в материалах памятников с сопредельных территорий.

2.2 Материал исследования (Мусаева Р.С.)

Металлические предметы из окрестностей горно-лесного массива Бурабай представлены серпом, четырьмя ножами и одним обломком, тремя кольцевидными подвесками.

Группа случайных находок № 1

Металлический серп (рис. 2, 1), пластинчатый, симметричный, с расширением в средней части. Длина предмета 18 см, максимальная ширина 2,2 см. Степень изогнутости рабочей части средняя, оба конца закруглены, сечение клиновидное. Орудие изготовлено из металлической пластины. Данный экземпляр относится к типу В – скобели-струги по классификации Н.А. Аванесовой [Аванесова 1991: 22]. По классификации В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева артефакт относится к петровскому типу серпов уральской группы поселений. Само название данного типа отражает культурно-хронологическую атрибуцию изделия. Ближайшие аналогии можно обнаружить среди сходных предметов из материалов поселений Урало-Казахстанского региона [Аванесова 1991: табл. 18, 18, 20; 19, 26, 30, 34; Ankushev et al. 2021: 72, рис. 2, 1; Дергачев, Бочкарев 2002: 38, табл. 33; Евдокимов 1983: 37, рис. 2, 9; Дегтярева 2023: 42, рис. 1, 3, 6, 7; Зданович и др. 1970: 14, рис. 21; Зданович 1988: 168, табл. 10А, 20, 21; Кузьминых и др. 2023: 56, рис. 2, 1–10; Потёмкина 1985: 99, рис. 33, 1; 163, рис. 53, 4].

Металлический нож (рис. 2, 2) пластинчатый, с прямой рукоятью, однолезвийный. Длина орудия 20,5 см, длина рукояти 9,5 см, длина лезвия 11 см, наибольшая ширина лезвия 3 см. Лезвие слабоогнутое, в сечении клиновидное. Конец лезвия закруглён. Нож имеет проковку и утолщение

с обеих сторон. Рукояточная часть выделена путём отгиба части пластины. Такая особенность рукояти позволяет удобно держать предмет в рабочем положении. Нож изготовлен из металлической пластины. Согласно классификации Н.А. Аванесовой, относится к типу А2 – ножи с намечающейся рукоятью [Аванесова 1991: 26]. Подобные пластинчатые ножи были широко распространены на памятниках эпохи бронзы Урало-Казахстанского региона [Аванесова 1991: табл. 30, 1, 2, 31, 1, 7, 9, 11; Зданович и др. 1971: 13, рис. 19, 1, 2; Зданович 1988: рис. 28, 1, табл. 10А, 17; Кузьминых и др. 2023: рис. 2, 11–16; Потёмкина 1985: рис. 33, 2; 48, 6; 51, 4]. Учитывая морфолого-типологические особенности орудия, можно отнести его к петровской культуре.

Металлический нож (рис. 2; 3) с выделенной рукоятью, однолезвийный, с асимметричной конфигурацией лезвия, с округлым креплением на рукояти. Длина орудия 17 см, длина рукояти 9 см, длина лезвия 8 см, наибольшая ширина лезвия 1,7 см, наибольшая ширина рукояти 1,5 см, диаметр крепления 0,5 см. Нож имеет расширяющуюся к навершию рукоять, отделённую от лезвия небольшим уступом. Сечение рукояти подовальной формы. Навершие имеет неправильную форму, вероятно, после литья навершие было закруглено и образовался наплыв металла по бокам. Округлое отверстие смещено к правой стороне, возможно, для правильного распределения веса орудия при подвешивании к элементам одежды. Лезвийная кромка прямая.

Сечение лезвия клиновидное. Нож литой. По классификации Н.А. Аванесовой относится к типу В1 – плоскорукояточные ножи [Аванесова 1991: 28]. Аналогичные Принимая во внимание округлое отверстие на рукояти ножа, наличие уступа при переходе от рукояти к лезвию и оттянутость кончика лезвийной кромки, можно найти аналогии с ранними формами карасукских ножей или с «андроновской» группой по классификации А.В. Полякова [Арсланова 1974; Епимахов 2011: рис. 1, 1; Поляков 2022: рис. 1, 1]. На основании этого датировать артефакт XV–XIII вв. до н.э. [Поляков 2022].

Металлические кольца, цельнолитые (рис. 2, 4). Кольцо № 1 имеет диаметр 2,3 см, толщина изделия 0,5 см, сечение в разрезе овальной формы. Кольцо № 2 диаметром 4 см, толщина изделия – 0,5 см, сечение округлое. Кольцо № 3 диаметром 3 см, ширина – 0,3 см, сечение округлое. Аналогичные предметы обнаружены вкладах металлических предметов из Шамши [Кожамбердиев, Кузьмина 1980: 149, рис. 1, 9-10], у с. Садовое [Кузьмина 1966: табл. XIV, 38], Андреевского [Карабаспакова 2011: 166, табл. 58, 6], на поселениях Кент [Варфоломеев 2017: 57, рис. 6, 7] и Шортанды-Булак [Маргулан 1998: 278]. На основании этого представляется возможность датировать кольца XV–X вв. до н.э.

Группа случайных находок № 2

Металлический нож (рис. 3, 1) с выделенной рукоятью, однолезвийный, с симметричной конфигурацией лезвия. Длина орудия 17,7 см, длина рукояти 4,6 см, длина лезвия 13,1 см, наибольшая ширина лезвия 1,5 см, ширина рукояти 1 см. Нож имеет прямую рукоять, отделённую от лезвия небольшой выемкой, которую можно принять за намечающийся уступ. Рукоять в разрезе клиновидно-скруглённой формы, имеет округлое утолщённое навершие. Лезвийная кромка слабовыгнутая, сечение клиновидное. Нож литой. Необходимо отметить отличие данного артефакта от других ножей этой группы, выраженное более узким, прямым, вытянутым и приострѐнным на конце лезвием и закруглённым и утолщённым завершением рукояти. Этот факт может свидетельствовать о более позднем времени функционирования предмета и усложнения технологических особенностей изготовления. По классификации Н.А. Аванесовой относится к типу В₁ – плоскорукояточные ножи [Аванесова 1991: 28]. Хронологически данный артефакт нужно отнести к эпохе поздней бронзы (XV–X вв. до н.э.) схожестью с ранними формами карасукских [Членова 1972] и бегазинских ножей [Маргулан 1998].

Металлический нож (рис. 3, 2) пластинчатый, однолезвийный, с выделенной рукоятью, с симметричной конфигурацией лезвия. Длина орудия 15 см, длина рукояти 7 см, длина лезвия 8 см, ширина лезвия 1,3 см, наибольшая ширина рукояти 1 см. Нож имеет прямую, сужающуюся к навершию рукоять, отделённую от лезвия небольшим уступом. Возможно, рукоять была шире, чем сохранившаяся её часть. Сечение рукояти клиновидной формы, навершие, вероятно, изначально было подовальной формы. Лезвийная часть прямоугольной формы, сечение в разрезе клиновидное, конец закруглен и обломан. Нож изготовлен из металлической пластины. Орудие сильно деформировано. По классификации Н.А. Аванесовой относится к типу B_2 – черенковые ножи с уступом [Аванесова 1991: 27]. По классификации А.Д. Дегтярёвой и Н.В. Рындиной данное орудие относится к типу I-2 [Дегтярёва, Рындина 2020: 20, рис. 2, 8). Аналогичные орудия встречаются в материалах памятников эпохи бронзы Урало-Казахстанского региона [Аванесова 1991: табл. 30, 3–10; 31, 1, 4, 6–10; Зданович и др. 1971: 13, рис. 19, 1, 2; Зданович 1988: рис. 28, 1; табл. 10А, 17; Кузьминых и др. 2023: рис. 2, 11–16; Потёмкина 1985: рис. 33, 2; 48, 6; 51, 4].

Обломок металлического ножа (рис. 3, 3), пластинчатого, однолезвийного, вероятно, с выделенной рукоятью. Рукоять сломана, сохранилось лишь лезвие. Длина лезвия 9,5 см, ширина 1 см. Лезвие слабовыгнутое, конец заострённо-округлой формы, сечение в разрезе клиновидное. Нож изготовлен из металлической пластины. Данное орудие схоже с предыдущим по морфологическим особенностям лезвия, поэтому может относиться к типу B_2 – черенковые ножи с уступом, как и предыдущий экземпляр [Аванесова 1991: 27]. По классификации А.Д. Дегтярёвой и Н.В. Рындиной данное орудие относится к типу I-2 [Дегтярёва, Рындина 2020: 20, рис. 2, 2].

Учитывая морфолого-типологические особенности двух последних орудий, можно отнести их к петровской культуре.

3 Обсуждение (Мусаева Р.С., Сакенов С.К.)

Серп (рис. 2, 1), найденный близ поселения Аккаин, изготовлен из металлической пластины. Артефакты такого типа известны как скобели-струги, отличающиеся от иных серповидных орудий зауженным концом рабочей части и симметричностью самого предмета [Аванесова 1991: 21]. Вероятно, подобные артефакты предназначались для заготовки кормов для животных [Епимахов 2012: 219]. Однако, по мнению К.В. Сальникова, они могли использоваться в качестве скобелей для выделки кожи и обработки дерева [Кузьминых и др. 2023: 56]. Учитывая закруглённость обоих концов, удобного захвата артефакта обеими руками для выполнения действий, требующих чрезмерных усилий, можно предположить, что данное орудие использовалось для выделки кожи и деревообработки.

Следующая группа предметов – ножи, которые разделены на две группы, исходя из их морфолого-типологической характеристики. В первую группу вошли артефакты, выполненные из металлических пластин. По мнению Н.А. Аванесовой, такие предметы изготавливали из удлинённой, тщательно прокованной литой пластины. Лезвия формировали, расплющивая и вытягивая пластину, рукоять в этом случае притуплялась, спинка выравнивалась [Аванесова 1991: 26]. Исследователь также указывает, что в алакульское время рукоять закреплялась сужением, образуя желобок. Именно такие желобки имеет нож, обнаруженный близ поселения Аккаин (рис. 2, 2). Подобные ножи были универсальными за счёт широкой лезвийной кромки, удобной ручки и небольшого веса. По мнению А.Д. Дегтярёвой и Н.В. Рындиной, подобные орудия могли использоваться в качестве режущего инструмента для разделки и обработки туш животных, рыбы, распиливания волокнистых материалов. Авторы также предполагают, что подобный артефакт могли применять в качестве серповидного орудия для заготовки кормов для животных [Дегтярёва, Рындина 2020: 20].

Следующие предметы более сложные по способу изготовления и оформлению рукояти и рабочей части. Два деформированных ножа, обнаруженных у поселения Карабаур (рис. 3, 2, 3), изготовлены из тонкой металлической пластины и имеют одинаковую конфигурацию лезвийной кромки и, вероятно, рукояти. От предыдущего орудия их отличает наличие чётко выраженного уступа и черенка. Тонкость металла, лёгкий вес могут указывать на применимость данных предметов для резки мягких природных материалов или выполнения аккуратных надрезов/срезов. Возможно, они использовались для отделения шкуры и сухожилий.

Последние два ножа отличаются от предыдущих тем, что были изготовлены путём литья в закрытых формах. На это указывают чёткие линии с обеих сторон предметов, толщина и тщательность отделки. Оба орудия имеют выделенную прямую рукоять.

Первый нож обнаружен близ поселения Карабаур. С предыдущими орудиями его сближает наличие уступа в виде небольшого углубления. На вершини имеется наплыв металла, оформленный в виде упора. Н.А. Аванесова указывает на наличие подобных наплывов, образовавшихся в результате литья, характерных для данного типа ножей. По мнению исследователя, они устранялись путем кузнечной доработки, направленной на изменение формы литой заготовки [Аванесова 1991: 27]. Данный артефакт мог использоваться для разделки мяса, так как короткая рукоять удобна при совершении действий в направлении «на себя».

Следующий нож из группы случайных находок близ поселения Аккаин также относится к литым ножам с выделенной рукоятью. От всех орудий его отличает наличие крепления для подвешивания, оттянутость окончания лезвийной кромки и дугообразное оформление рукояти, что, в свою очередь, делает его схожим с карасукскими ножами, которые описывались выше. Наличие подобных ножей, по мнению исследователей, может указывать на восточные корни классических карасукских ножей [Аванесова 1991: 28; Епимахов 2011: 16; Поляков 2022: 158]. Среди всех орудий данный артефакт наиболее комфортно располагался в руке. Его удобно держать и в то же время вес орудия распределялся равномерно, не перегружая кисть. Вероятно, предмет использовался как для разделки мяса, так и в других хозяйственных целях. Необходимо отметить, что в изучаемом регионе собрана солидная коллекция бронзовых предметов и орудий труда, отнесённых к категории случайных находок, происходящих, вероятно, из слоёв разрушенных поселений эпохи бронзы [Ярыгин, Сакенов 2023: 891].

Последние предметы – металлические кольца, обнаруженные близ поселения Аккаин. Все три предмета цельнолитые, различаются диаметром. Отсутствие археологического контекста затрудняет функциональное определение данных предметов. Исследователи, обнаружившие аналогичные предметы, склоняются к мысли, что кольца могли быть частью конской упряжи [Кожамбердиев, Кузьмина 1980: 149, рис. 1, 9-10; Кузьмина 1966: табл. XIV, 38; Карабаспакова 2011: 166; Варфоломеев 2017: 57]. А.Х. Маргулан по материалам поселения Шортанды-Булак, предположил, что подобный артефакт мог служить в качестве орудия для смягчения и обработки сыромятного ремня [Маргулан 1998: 278, рис. 127, 13].

4 Результаты (Сакенов С.К., Мусаева Р.С., Билялова Г.Д.)

Анализируя металлические предметы, обнаруженные в окрестностях горно-лесного массива Бурабай, необходимо в первую очередь учитывать то, что все они лишены археологического контекста и являются случайными. Принадлежность данных артефактов к разрушенному культурному слою поселений эпохи бронзы Аккаин и Карабаур возможно допустить с некоторой осторожностью. Несмотря на факт их нахождения вблизи данных памятников, культурно-хронологическая интерпретация затруднена. Широкий диапазон аналогичных предметов, происходящих из памятников Южного Урала и Казахстана, может свидетельствовать об использовании их в быту в эпоху поздней бронзы.

На данном уровне исследования, согласно результатам сравнительного анализа, аналогии и типологии, авторы работы предварительно обозначили хронологию и распространение вышеприведённых предметов. На территории Северного Казахстана традиция изготовления и широкое распространение пластинчатых ножей и серпов характерны для петровской археологической культуры. Здесь необходимо отметить, что в современной историографии памятники и время существования петровской археологической культуры могут обозначаться разными терминами, такими как «раннеалакульский», «позднесинташтинский» и «кулевчинский» [Ткачев 2007: 325; Виноградов 1982; 2011: 103].

Наибольший интерес представляет факт нахождения предметов петровской культуры (рис. 2, 1, 2; рис. 3, 2, 3), артефактов, относящихся к культурам поздних этапов эпохи бронзы (рис. 2, 4, рис. 3, 1) и ножа карасукского типа (рис. 2, 3) в рамках двух групп случайных находок. Данное обстоятельство демонстрирует перспективность исследования памятников, в разрушенных слоях которых были обнаружены металлические предметы, включения их в базу данных разновременных памятников эпохи бронзы и изучения вопроса появления на данной территории импортных предметов карасукской культуры.

5 Заключение (Сакенов С.К., Мусаева Р.С.)

Предварительные итоги интерпретации случайных находок, обнаруженных на территории горно-лесного массива Бурабай, показали, что металлические предметы, судя по формально-технологическим признакам, скорее всего, оставлены представителями эпохи поздней бронзы. Материалы обеих групп – разновременные и могут быть отнесены к петровской археологической культуре и датироваться XVIII в. до н.э. (рис. 2, 1, 2; 3, 2, 3) и археологическим культурам периода конца позднебронзового времени, который включает XV–X вв. до н.э. (рис. 2, 3, 4; 3, 1). Материалы указанных комплексов демонстрируют развитие двух хозяйственных направлений – скотоводства и металлургии.

Горное дело и металлургия Казахстана в эпоху бронзы рассматриваются в рамках общей системы производства Казахской горно-металлургической области Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции, время функционирования которой охватывало II тыс. до н.э. до рубежа II–I тыс. до н.э. [Черных 2013: 219; Chernykh 2014]. Придерживаясь принципов систематизации, разработанных Е.Н. Черных и С.А. Берденовым, в рамках этой области было выделено шесть горно-металлургических центров. Обозначенная территория входит в состав Кокшетауского горно-металлургического центра [Берденов 1998: 181]. Обнаружение на данной территории ножей карасукского импорта может свидетельствовать о контактах его населения с представителями Восточноазиатской металлургической провинции. Изучение данного вопроса возможно на основе запланированных работ по изучению химического состава металлических предметов обеих групп. Кроме того, это позволит сделать выводы о технологии изготовления артефактов и скорректировать их культурно-хронологическую атрибуцию.

Найденные предметы нуждаются в дальнейшей интерпретации, проведению трасологических и экспериментальных исследований. Однако без проведения полевых исследований в местах их обнаружения учёные могут потерять ценную информацию о хозяйственно-культурном типе носителей культурно-хронологической атрибуции данных артефактов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- 2 Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII-VII вв. до н.э. из восточного Казахстана // В глубь веков. Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука Каз.СССР, 1974. С. 46-59.

- 3 Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. З. Самашев. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 180–190.
- 4 Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 11. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.
- 5 Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. № 169. С. 94–99.
- 6 Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- 7 Дегтярёва А.Д. Технология изготовления серпов и ножей петровской культуры Южного Зауралья (по результатам металлографического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 39–52.
- 8 Дегтярева А.Д., Рындина Н.В. Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 17–34.
- 9 Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / Отв. ред. В.М. Массон. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
- 10 Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та (подготовлен Челябинским ун-том), 1983. С. 35–47.
- 11 Епимахов А.В. Однолезвийные ножи бронзового века из бассейна р. Уй (Южное Зауралье) // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Соц.-гум. науки». 2011. Вып. 17. С. 15–17.
- 12 Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 215–221.
- 13 Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. 177 с.
- 14 Зданович Г.Б., Зайберт В.Ф., Зданович С.Я. Отчет. Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1970 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1171.
- 15 Зданович Г.Б., Зайберт В.Ф. и др. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1971 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1226.
- 16 Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. 220 с.
- 17 Кожамбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–153.
- 18 Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ. Вып. В.4-9. М.: АН СССР, 1966. 150 с.
- 19 Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Орловская Л.Б., Виноградов Н.Б. Орудийный комплекс из цветного металла петровской культуры Северного Казахстана: морфолого-типологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 53–67.
- 20 Маргулан А.Х. Сочинения: в 14 т. Т. 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Атамура, 1998. 400 с.
- 21 Мартынюк О.И., Зданович С.Я. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1985. С. 142–152.
- 22 Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V. С. 216–294.
- 23 Поляков А.В. К вопросу о классификации и хронологии бронзовых ножей периода поздней бронзы Минусинских котловин // Археологические вести. 2022. № 34. С. 147–162.
- 24 Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 375 с.
- 25 Сакенов С.К., Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Новые памятники федоровской культуры из Бурабая // Маргулановские чтения–2021 / Гл. ред. А. Онгар. В 3-х т. Т. 1. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 215–225.
- 26 Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- 27 Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
- 28 Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи / МИА. 1972. № 182. 248 с.

- 29 Ярыгин С., Сакенов С. Случайные находки эпохи бронзы из Бурабая // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2023. Т. 10. № 4. С. 885–894. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/867> (дата обращения: 01.09.2024).
- 30 Ankushev M., Blinov I., Alaeva I., Vinogradov N., Petrov F.N., Ankusheva P. Mineral inclusions in the late bronze age metal objects of Southern Transurals // *Mineralogy*. 2021. Т. 7 № 4. Pp. 2–84.
- 31 Chernykh E.N. Metallurgical Provinces of Eurasia in the Early Metal Age: Problems of Interrelation // *ISIJ International*. 2014. Vol. 54. № 5. Pp. 1002–1009.
- 32 Yarygin S., Tavukçu Z.A., Sakenov S. Megalithic structure from Burabay: Gold mining and cult communities of the Late Bronze Age of Northern Kazakhstan // *Archaeological Research in Asia*. 2024. Vol. 39. Pp. 3-4.

REFERENCES

- 1 Avanesova, N. A. 1991. *Kultura pastusheskikh plemen epohi bronzy aziatskoy chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam)* (Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (based on the metal products). Tashkent: “FAN” Publ. (in Russian).
- 2 Arslanova, F. K. 1974. In: Akishev, K. A. (ed.). *V glub vekov (Into the depths of centuries)*. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 46-59 (in Russian).
- 3 Berdenov, S. A. 1998. In: Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazakhstana (Issues of Kazakhstan Archaeology)*, 2, 180-190 (in Russian).
- 4 Varfolomeev, V., Loman, V., Evdokimov, V. 2017. *Kent – gorod bronzovogo veka v tsentre kazahskikh stepey (Kent is a Bronze Age city in the center of the Kazakh steppes)*. Astana: Kazakh scientific-research Culture Institute (in Russian).
- 5 Vinogradov, N. B. 1982. In: *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 169, 94-99 (in Russian).
- 6 Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e.: (Pamyatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 1st millennium BC: (Monuments of the Sintashta and Petrovsky types)*. Chelyabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).
- 7 Degtyareva, A. D. 2023. In: *Vestnik Arheologii, Anthropologii i Ethnographii*, 4 (63), 39-52 (in Russian).
- 8 Degtyareva, A. D., Ryndina, N. V. 2020. In: *Vestnik Arheologii, Anthropologii i Ethnographii*, 3 (50), 17-34 (in Russian).
- 9 Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy (Metal sickles of late bronze of Eastern Europe)*. Chisinau: Higher School of Anthropology (in Russian).
- 10 Evdokimov, V. V. 1983. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyi vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluvium)*, 35-47 (in Russian).
- 11 Epimakhov, A. V. 2011. In: *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsialno-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. The series “Social and Humanitarian Sciences”)*, 17, 15-17 (in Russian).
- 12 Epimakhov, A. V. 2012. In: *Russian Archaeological Yearbook*, 2, 215-221 (in Russian).
- 13 Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazahstanskih stepey (osnovy periodizatsii) (The Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes (fundamentals of periodization)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
- 14 Zdanovich, G. B., Zaibert, V. F., Zdanovich, S. Y. 1970. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 1171 (in Russian).
- 15 Zdanovich, G. B., Zaibert, V. F. et al. 1971. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 1226 (in Russian).
- 16 Karabaspakova, K. M. 2011. *Jetyssu i Yuzhnyi Kazahstan v epohu bronzy (Jetyssu and Southern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola” (in Russian).
- 17 Kozhamberdyev, I., Kuzmina, E. E., 1980. In: *Sovetskaya arkheologia (Soviet Archaeology)*, 4, 140-153 (in Russian).
- 18 Kuzmina, E. E., 1966. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Sredney Azii (Metal products of the Paleolithic and Bronze Age in Central Asia)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 19 Kuzminykh, S. V., Degtyareva, A. D., Orlovskaya, L. B., Vinogradov, N. B. 2023. In: *Vestnik Arheologii, Anthropologii i Ethnographii*, 4 (63), 53-67 (in Russian).
- 20 Margulan, A. K. 1998. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana. Sobranie sochineniy (Begazy-Dandybaev culture of Central Kazakhstan. Collected works)*. In 14 vol. Vol. 1. Almaty: “Atamura” Publ. (in Russian).
- 21 Martynyuk, O. I., Zdanovich, S. Y. 1985. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyi vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluvium)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 142-152 (in Russian).

- 22 Orazbayev, A. M. 1958. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnologii KazSSR ((Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, vol. V. Archaeology, 216-294 (in Russian).
- 23 Polyakov, A. V. 2022. In: *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*, 34, 147-162 (in Russian).
- 24 Potemkina, T. M. 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ya (The Bronze Age of the Forest-Steppe Tobol)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 25 Sakenov, S. K., Yarygin, S. A., Ilderyakov, N. N. 2021. In: Onggaruly, A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan readings–2021)*. In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 215-225 (in Russian).
- 26 Tkachyov, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priuraliya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epoch sredney i pozdney bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe regional Center of history, ethnography and archaeology (in Russian).
- 27 Chernykh, E. N., 2013. *Kultury nomadov v megastrukture Evraziyskogo mira (Nomadic cultures in the megastructure of the Eurasian World)*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: “Yazyki slavyanskoy kultury” Publ. (in Russian).
- 28 Chlenova, N. L. 1972. *Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epohi (Chronology of monuments of the Karasuk epoch)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 29 Yarygin, S., Sakenov, S. 2023. In: *edu.e-history.kz.*, vol. 10, no. 4, 885–894. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/867> (accessed 01.09.2024) (in Russian).
- 30 Ankushev, M., Blinov, I., Alaeva, I., Vinogradov, N., Petrov, F. N., Ankusheva, P. 2021. In: *Mineralogy*, 4, 2–84 (in English).
- 31 Chernykh, E. N. 2014. In: *ISIJ International*, 54, no. 5, 1002–1009 (in English).
- 32 Yarygin, S., Tavukçu, Z. A., Sakenov, S. 2024. In: *Archaeological Research in Asia*, 39, 3-4 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.09.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.09.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.87.99>

Аварийные раскопки на могильнике Таугуль-3 (к проблеме сохранения историко-культурного наследия)

© 2024 г. Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д.

Keywords: Zhetysu, early Iron Age, Saka, burial mound, ceramics, animal style, protection of monuments, emergency excavations, protective archaeology

Түйін сөздер: Жетісу, ерте темір дәуірі, сақтар, оба, керамика, аң стилі, ескерткіштерді қорғау, апаттық қазбалар, қорғау археологиясы

Ключевые слова: Жетысу, ранний железный век, саки, курган, керамика, звериный стиль, охрана памятников, аварийные раскопки, охранная археология

Yerlan Amirov^{1*}, Meiram Seitkaliev¹, Damir Umitkaliev² and Ivan Akhmetov²

^{1*}Corresponding author, director, Archaeological Research LLP, Karaganda, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-1058-4786](https://orcid.org/0000-0003-1058-4786) E-mail: e.amirov82@gmail.com

¹Executive director, Archaeological Research LLP, Karaganda, Kazakhstan

²Lecturer, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0000-5012-1183](https://orcid.org/0009-0000-5012-1183) E-mail: umitkaliev.ksu@mail.ru

²Master's student, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0001-7410-0026](https://orcid.org/0009-0001-7410-0026) E-mail: ivan.akhmetov98@gmail.com

The rescue excavations at the Taugul-3 burial ground (about the preservation of historical and cultural heritage)

There is a significant number of historical and cultural heritage monuments within the administrative boundaries of Almaty, including archaeological sites. In the context of intensive urban development, all of these sites require effective protection mechanisms. Insufficient attention to this issue poses a threat to their destruction and loss. An example of this is the Taugul-3 burial ground, which, due to bureaucratic procedures, was left without state protection and the associated preservation measures. The archaeological investigation of kurgan No. 3 yielded a small but very vivid and informative collection. It includes a set of ceramic vessels of various sizes and functional purposes, as well as items indicating the high status of the buried individual. These are a talc bowl and gold appliqué made in the animal style. The burial mound dates to the 5th–3rd centuries BC, and its materials demonstrate cultural connections across a wide geographical range, including the Altai, Eastern, and Southern Kazakhstan. The investigated kurgan is one of many burial structures that once existed within the city of Almaty. Most of them have been lost. The materials from the excavation of this ordinary kurgan, as described in this article, provide insight into the scale of the lost heritage, as well as what can still be preserved.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN BR21882346.

For citation: Amirov, Y., Seitkaliev, M., Umitkaliev, D., Akhmetov, I. 2024. Emergency excavations at the Taugul-3 burial ground (on the problem of preserving historical and cultural heritage). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 87–99 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.87.99](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.87.99)

Ерлан Шарефович Амиров^{1*},
Мейрам Казиевич Сейткалиев¹,
Дамир Берікұлы Умітқалиев²,
Иван Дмитриевич Ахметов²

^{1*}корреспондент авторы, директор,

Ерлан Шарефович Амиров^{1*},
Мейрам Казиевич Сейткалиев²,
Дамир Берікұлы Умітқалиев¹,
Иван Дмитриевич Ахметов¹

^{1*}автор-корреспондент, директор,

“Археологиялық зерттеулер” ЖШС,
Қарағанды қ., Қазақстан

¹Атқарушы директор, “Археологиялық зерттеулер”
ЖШС, Қарағанды қ., Қазақстан

²оқытушы, академик Е.А. Бөкетов атындағы ҚарУ,
Қарағанды қ., Қазақстан

²магистрант, академик Е.А. Бөкетов атындағы ҚарУ,
Қарағанды қ., Қазақстан

Таугүл-3 қорымындағы апаттық қазба жұмыстары (тарихи-мәдени мұраны сақтау мәселесі)

Алматы қаласының әкімшілік шекараларында тарихи-мәдени мұра нысандары көптеп орналасқан, олардың қатарына археология ескерткіштері де кіреді. Қарқынды құрылыс жағдайында олардың барлығына тиімді қорғау механизмдері қажет. Бұл мәселеге жеткіліксіз көңіл аудару олардың жойылуына және жоғалуына әкеледі. Мысал ретінде бюрократиялық рәсімдер мемлекеттік қорғау мен соған байланысты қорғау іс-шараларынсыз қалған Таугүл-3 обасын келтіруге болады. № 3 обаны археологиялық зерттеу шағын, бірақ өте жарқын және мазмұнды коллекция алуға мүмкіндік берді. Ол әртүрлі өлшемдегі және функционалды мақсаттағы керамикалық ыдыстар жиынтығын, сондай-ақ жерленген адамның жоғары мәртебесін білдіретін заттарды қамтиды. Бұл тальктан жасалған табақ пен аң стилінде орындалған алтын жолақ. Оба б.д.д. V–III ғғ. мерзімделеді, оның материалдары Алтай, Шығыс және Оңтүстік Қазақстанды қоса алғанда, кең географиялық диапазондағы мәдени байланыстарды көрсетеді. Зерттелген оба бір кездері Алматы қаласының аумағында орналасқан көптеген жерлеу құрылыстарының бірі болып табылады. Олардың көпшілігі жоғалып кетті. Осы мақалада сипатталған обаның қазба материалдары жоғалған мұраның көлемін, сондай-ақ әлі де нені сақтауға болатындығын көрсетуге мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR21882346 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Үмітқалиев Д.Б., Ахметов И.Д. Таугүл-3 қорымындағы апаттық қазба жұмыстары (тарихи-мәдени мұраны сақтау мәселесі). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 87–99-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.87.99](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.87.99)

ТОО «Археологические исследования»,
г. Караганды, Казахстан

²исполнительный директор, ТОО «Археологические
исследования», г. Караганды, Казахстан

¹преподаватель, КарУ им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан

¹магистрант, КарУ им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан

Аварийные раскопки на могильнике Таугүл-3 (к проблеме сохранения историко-культурного наследия)

В административных границах города Алматы расположено значительное количество объектов историко-культурного наследия, в число которых входят и памятники археологии. В условиях интенсивной застройки все они нуждаются в действенных механизмах защиты. Недостаточное внимание к этому вопросу создает угрозу их разрушения и утраты. Примером может служить могильник Таугүл-3, оставшийся в виду бюрократических процедур без государственной охраны и связанных с ней охранных мероприятий. Археологическое исследование кургана № 3 позволило получить небольшую, но весьма яркую и содержательную коллекцию. Она включает в себя набор керамической посуды разных размеров и функционального назначения, а также вещи, маркирующие высокий статус погребенного. Это тальковая чаша и золотые нашивки, выполненные в зверином стиле. Курган датируется V–III вв. до н.э., его материалы демонстрируют культурные связи в широком географическом диапазоне, включая Алтай, Восточный и Южный Казахстан. Исследованный курган является одним из множества погребальных сооружений, когда-то располагавшихся на территории города Алматы. Большая часть из них была утрачена. Описанные в настоящей статье материалы раскопок ординарного кургана позволяют представить масштабы утраченного наследия, а также того, что ещё можно сохранить.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR21882346.

Для цитирования: Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Үмітқалиев Д.Б., Ахметов И.Д. Аварийные раскопки на могильнике Таугүл-3 (к проблеме сохранения историко-культурного наследия). *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 87–99.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.87.99](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.87.99)

1 Введение (Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б.)

В полевом сезоне 2020 г. археологической экспедицией ТОО «Археологические исследования» были проведены научно-исследовательские работы на могильнике Таугуль-3 (Наурызбайский р-н, г. Алматы). Непосредственным объектом исследования был курган № 3 данного могильника. Могильник Таугуль-3 находится на правом берегу р. Каргалы в юго-западной части города Алматы, относящейся ко вновь присоединённым территориям (рис. 1). В этом месте расположен свободный от застройки участок, благодаря чему здесь сохранилось несколько курганов. Эти курганы, по всей вероятности, являются частью крупного могильника, утраченного в ходе интенсивной застройки территории. На момент исследования сохранилось несколько курганов, расположенных неподалеку от берега реки. Два кургана, расположенных в северной части могильника, в 2020 г. исследованы экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана [Нуржанов и др. 2020; Джумабекова и др. 2024].

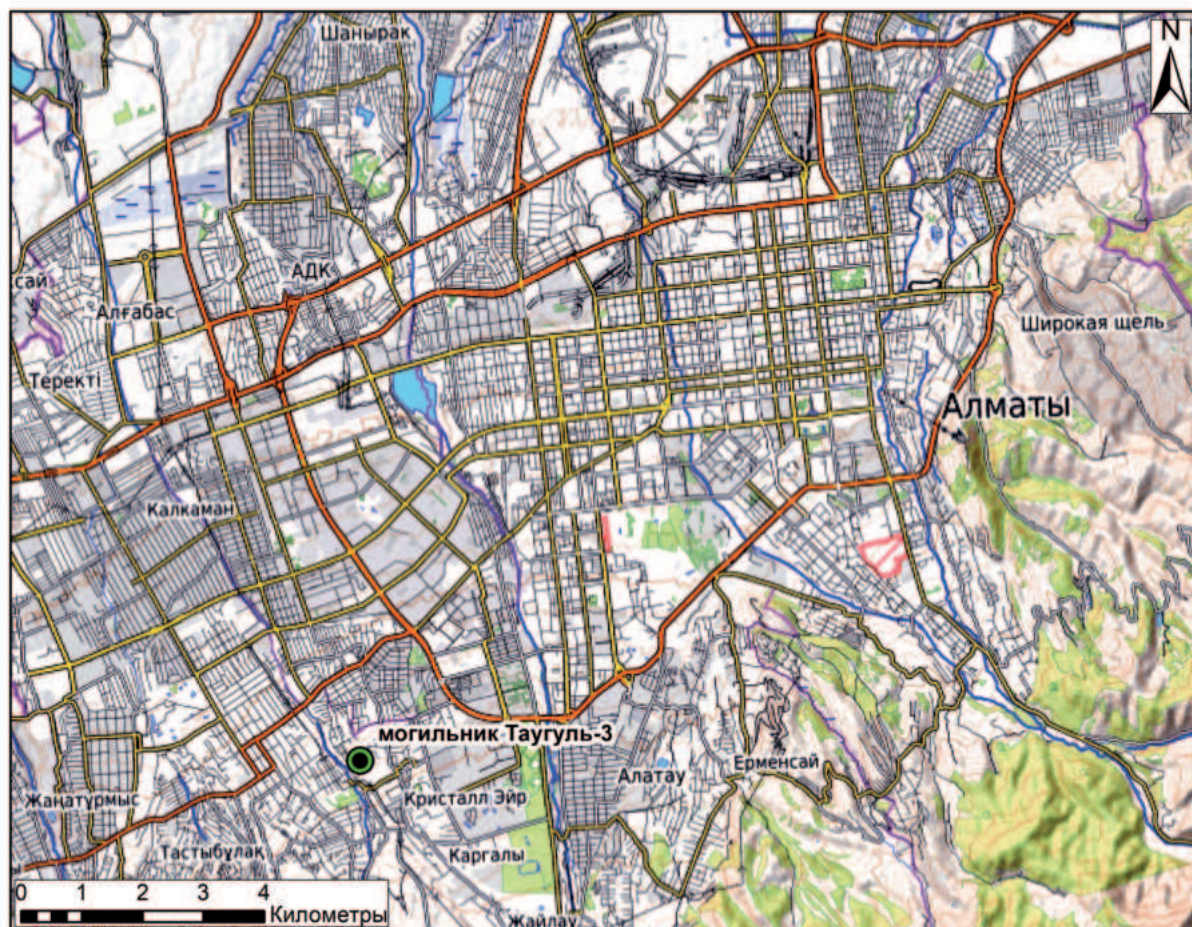

Рис. 1. Расположение могильника Таугуль-3 на карте города Алматы. Исполнитель: Дамир Умиткалиев
1-сур. Таугул-3 қорымының Алматы қаласы картасында орналасуы. Орындаушы: Дамир Умітқалиев
Fig. 1. Location of the Taugul-3 burial ground on the map of Almaty. Performer: Damir Umitkaliev

Могильник расположен в предгорной равнине, сформированной вдоль северной части гор Заилийского/Иле Алатау. Равнину пересекают небольшие долины рек, сбегаящих с гор, и имеющие постоянный водоток. Весьма примечателен археологический ландшафт, окружающий могильник. Описываемый памятник является одним из многих подобных могильников, состоящих из курганов различного размера, расположенных вдоль рек. В настоящее время от некогда больших могильников остались разрозненные скопления насыпей и одиночные курганы. К моменту начала научно-исследовательских работ на могильнике Таугуль-3 вся его территория была уже подвергнута антропогенному воздействию. Этот факт крайне негативно отразился на состоянии курганных насыпей. Все они были подвержены разрушениям разной степени, связанных с ограблением, распашкой, планировкой участков, прокладкой дорог. Курган № 3 был расположен на частной территории, отведённой под строительство жилого дома. При возведении бетонного забора был разрушен его северо-западный край.

После начала строительных работ застройщик был уведомлён о том, что данный курган является объектом историко-культурного наследия. С целью сохранения историко-культурного и научно-познавательного потенциала данного кургана на нём были проведены археологические работы, направленные на научное изучение. Такого рода ситуация возникла ввиду неисполнения требований пункта 1 статьи 30 Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» – при освоении территорий до отвода земельных участков должны производиться археологические работы по выявлению объектов историко-культурного наследия в соответствии с законодательством Республики Казахстан [Закон РК 2019]. Это повсеместное явление в Казахстане, так как исполнительные органы в сфере охраны и использования объектов историко-культурного наследия не располагают механизмами отслеживания отвода земельных участков.

Описываемый могильник известен с конца XX в., однако археологические исследования на нем начались в 2020 г. В публикации, посвященной результатам археологических работ на курганах № 1 и 2 могильнику было присвоено название Таугуль-3 [Нуржанов и др. 2020: 72]. Данный могильник идентифицируется с памятником археологии, включенным в Государственный список памятников истории и культуры местного значения Алматинской области 2010 года [Постановление 2010] под номером 767, обозначенным как могильник эпохи ранних кочевников, расположенный в 1,1 км южнее центральной усадьбы совхоза «Таугуль», на правом берегу р. Каргалинки. В актуальном на момент написания данной статьи Государственном списке памятников истории и культуры местного значения Алматинской области [Постановление 2024] он же фигурирует под номером 484 как могильник эпохи раннего железа, расположенный в 1,1 км южнее от центра села Таугуль Карасайского района. По факту территория расположения могильника была передана городу Алматы. Однако описываемый памятник истории и культуры, расположенный на вновь присоединенных территориях, не был включен в государственный список памятников истории и культуры местного значения города Алматы. Как результат, могильник перманентно находился под угрозой уничтожения в ходе интенсивной застройки, что привело в итоге к утрате большей его части.

Публикация результатов работ на могильнике Таугуль-3 актуализируется на фоне возрастающего внимания к проблемам сохранения памятников археологии. Данный тренд отражается как в поступающих в Институт археологии им. А.Х. Маргулана запросах от гражданских активистов о судьбе памятников археологии, так и в выступлении Президента [Выступление Главы государства 2024]. Цели настоящей работы обозначены по двум направлениям – это анализ и классификация полученного археологического материала, а также обозначение проблем сохранения объектов историко-культурного наследия на осваиваемых территориях.

2 Методы и материалы исследования (Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д.)

2.1 Методы исследования

В основу проделанной работы были положены общенаучные методы, дополненные специальными методами и принципами археологических работ. Предварительная работа включала в себя изучение библиографических и архивных материалов, карт и спутниковых снимков. Раскопки проводились по классической методике исследования памятников курганного типа с фиксацией стратиграфической и планиграфической ситуации, в соответствии с Правилами и условиями проведения археологических работ [Приказ Министра культуры и спорта РК 2020]. Раскопки производились с оставлением одной стратиграфической бровки, ориентированной по линии север–юг, проходившей по центру кургана. Бровка после снятия насыпи, была разобрана. Снос насыпи производился вручную. При исследовании кургана велась инструментальная фиксация всех находящихся в насыпи объектов, особенностей конструкции и состава самой насыпи. Документация осуществлялась с применением геодезического оборудования и беспилотного летательного аппарата. При изучении археологического материала применен метод сравнительного анализа и сопоставления с существующими классификационными построениями. Вместе с тем был осуществлён анализ действенности существующих механизмов защиты объектов историко-культурного наследия.

2.2 Характеристика материала

К моменту исследования состояние кургана № 3 определялось как аварийное, что обусловлено воздействием антропогенных факторов. Поверхность кургана была сильно задернована и густо поросла кустарником. Северо-западная часть насыпи разрушена при строительстве забора. Центральная часть кургана сильно повреждена неоднократными ограблениями (рис. 2).

Рис. 2. Таугуль-3. Курган №3 до начала археологических работ. Фото: Дамир Умиткалиев
2-сур. Таугүл-3. № 3 оба археологиялық жұмыстар басталғанға дейін. Фото: Дамир Үмітқалиев
Fig. 2. Taugul-3. Burial mound No. 3 before the start of archaeological work. Photo: Damir Umitkaliev

Курганная насыпь сложена из земли и камня. Насыпь кургана округлой в плане формы, профиль полусферическая. Зафиксированные на момент начала исследования размеры насыпи: диаметр – 22,1 м; высота – 1,6 м от уровня современной поверхности до самой высокой точки кургана. После снятия дернового слоя осуществлена расчистка камней, образующих панцирь. Этот элемент конструкции удерживал насыпь от расплзания. Панцирь сложен из галечника средних размеров (рис. 3, 1). В нетронутых местах камни были плотно подогнаны друг к другу и образовывали сплошное покрытие. Расчистка панциря позволила установить первоначальные размеры насыпи.

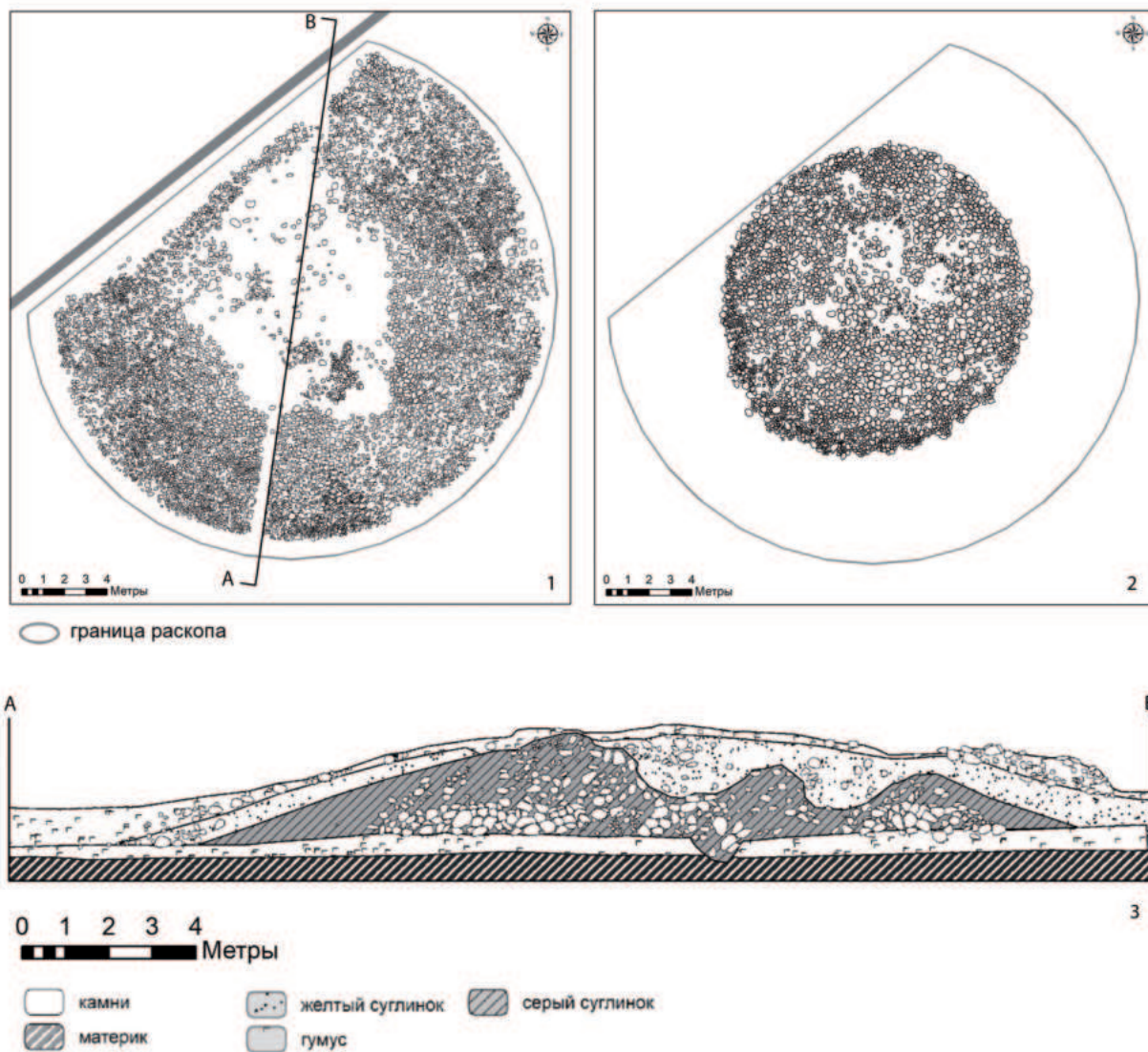

Рис. 3. Таугұл-3. План и профиль кургана № 3. 1 – внешний панцирь; 2 – внутренний панцирь; 3 – стратиграфия. Исполнитель: Иван Ахметов

3-сур. Таугұл-3. № 3 обаның жоспары мен профілі: 1 – сыртқы тас қабаты; 2 – ішкі тас қабаты; 3 – стратиграфия. Орындаушы: Иван Ахметов

Fig. 3. Taugul-3. Plan and profile of the burial mound No. 3: 1 – outer layer of stones; 2 – inner layer of stones; 3 – stratigraphy. Performer: Ivan Akhmetov

Её диаметр составлял 23,1 м, высота от уровня древней дневной поверхности 2,52 м. Подошва насыпи перекрыта слоем грунта толщиной 0,8 м, сползшим с вершины кургана.

В центральной части кургана панцирь не сохранился. В этом месте он был разобран при ограблении кургана. После документирования внешнего панциря продолжено дальнейшее исследование насыпи. По мере углубления раскопа установлено, что под верхним слоем залегают два слоя грунта – серый и жёлтый суглинок (рис. 3, 3). Под ними был расчищен ещё один панцирь, образующий внутреннюю насыпь (рис. 3, 2). Высота её составляет 0,8 м, диаметр 15 м. Центральная часть в отличие от внешнего панциря полностью покрыта камнями. Однако стратиграфические наблюдения позволили установить, что камни в центральной части — это не элемент целостной структуры кургана, а результат завала грабительской воронки.

После разбора стратиграфической бровки и проведения горизонтальной зачистки в центре кургана на уровне материкового слоя были выявлены верхние контуры могильной ямы подпрямоугольной в плане формы с сильно закругленными углами, размерами 2,47×1,45 м. Могила ориентирована длинными стенками по линии ЗЮЗ–ВСВ. Заполнение ямы неоднородное, что, вероятно, обусловлено многочисленными ограблениями кургана. Верхняя часть могилы заполнена лёссовидным суглинком. В нижней части могила расширяется и смещается к северо-западу. Её размеры в придонной части составляют 3,18×1,94 м. Таким образом могильная яма имела куполообразную форму. Глубина могильной ямы составляет 2,2 м. При расчистке на разных уровнях были встречены камни, фрагменты костей и дерева. В придонной части у северо-западного угла было выявлено скопление керамики. В ней находились бочонковидная фляга, миниатюрная чаша и кувшин. У северной стены найдены декоративная чаша и керамический котёл. У западной стенки – большой кувшин, декорированный пояском, имитирующим шов на кожаной посуде. В юго-восточном углу и у западной стенки найдены золотые изделия в виде пластинок из золотой фольги с орнаментом, выполненном в зверином стиле.

Погребальный инвентарь

Кувшин с носиком-сливом (рис. 4, 1). Массивный сосуд с шаровидным туловом, уплощённым дном и зауженной горловиной. Венчик отогнутый. Под венчиком расположен короткий носик-слив. В зоне перехода от тулова к горловине нанесён орнамент в виде формованного валика с наклонными вдавлениями. От него поперечно вверх отходит такой же валик и заканчивается непосредственно под носиком-сливом. Описанные валики имитируют швы на кожаной посуде. Тесто рыхлое, стенки красноватые, черепок в изломе серый. В некоторых местах прослеживаются следы нагара. Высота кувшина 44 см, диаметр венчика 14,5 см, толщина венчика 0,8 см, толщина стенки 0,5 см, максимальный диаметр тулова 35,6 см, диаметр носика-слива 3 см, ширина валика достигает 0,8 см.

Керамический котёл (рис. 4, 2). Котёл имеет полусферическую форму. Форма по венчику округлая. Длина поперечных осей по венчику 42 и 45 см. Толщина венчика 1,5 см. Высота котла 19,5 см. Стенки красно-оранжевого цвета. Обжиг равномерный. Черепок плотный.

Керамическая чаша (рис. 4, 3). Чаша круглодонная с выраженной профилировкой – плечико заострённое. Венчик слабо отогнутый, почти прямой. Диаметр венчика 10 см, диаметр на уровне плечика 11 см, толщина венчика 0,5 см, высота чаши 6 см. Цвет чаши черный. Сосуд ручной лепки.

Кувшин со сливом (рис. 4, 4). Сосуд, изготовленный из теста серо-коричневого цвета, венчик прямой, его ширина – 7 см, длина от края носика до края ручки – 13,5 см. На одной оси со сливом расположена петлеобразная ручка. Форма ручки в сечении круглая. Дно уплощённое. Толщина стенок сосуда – 0,4 см, высота сосуда – 16,7 см.

Бочонковидная фляга (рис. 4, 5). Цилиндрический сосуд с плоскими торцевыми краями. В средней части тулова расположена горловина с венчиком, отогнутым наружу. Под горлышком размещена вертикально расположенная петлеобразная ручка. Сосуд в изломе красного цвета. Диа-

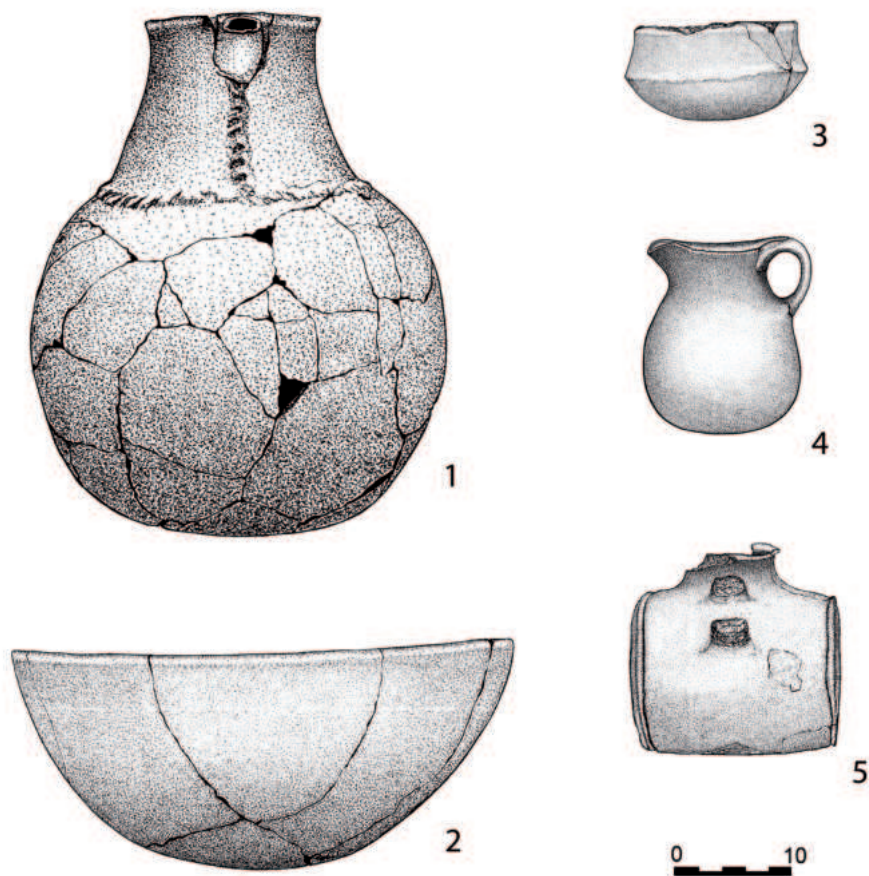

Рис. 4. Таугұл-3. Керамические изделия
4-сур. Таугұл-3. Керамикадан жасалған бұйымдар
Fig. 4. Taugul-3. Ceramic products

метр венчика – 9 см, толщина стенок сосуда – 0,7 см, толщина венчика равна – 1 см, диаметры торцов – 14,8 см, высота сосуда равна – 20 см, диаметр средней части равен – 17,2 см.

Декоративная (парадная) чаша (рис. 5, 1). Чаша из минерального материала полусферическая с уплощённым дном. Венчик отогнут наружу. В средней части тулова имеется рельефный выпуклый поясок. Нижняя часть и дно декорированы рельефным орнаментом. В центральной части дна вырезан круг, от которого радиально расходятся 17 расширяющихся лепестков, с закруглёнными краями, доходящими до рельефного пояска в середине тулова. Диаметр венчика – 13,2 см, толщина стенок сосуда равна – 0,3 см, толщина пояска – 0,3 см. Высота сосуда составляет 7,5 см. Ширина самого узкого лепестка 0,4 см на дне и 2,4 см на тулове, а самого большого 0,7 см и 2,7 см соответственно. Рентгенодифрактометрический анализ показал, что чаша изготовлена из талька (тальк $Mg_3(OH)_2Si_4O_{10}$ – 97,8%; хлорит $(Mg,Fe)_5Al(Si_3Al)O_{10}(OH)_8$ – 2,2%). Судя по следам на дне, она была вырезана из цельного куска минерала.

Рис. 5. Таугуль-3. Престижные изделия
5-сур. Таугұл-3. Құнды бұйымдар
Fig. 5. Taugul-3. Prestigious products

Две нашивки из золотой фольги (рис. 5, 2). Изделия выполнены из цельного листа фольги и изображают два не симметрично смыкающихся крыла. Крылья имеют заостренные концы и плавные линии изгибов. На крыльях прослеживается орнамент в виде грифа с повернутой назад головой. Нижняя часть головы обозначена изогнутой линией, заканчивающейся завитком ниже и левее глаза, которую можно трактовать как ухо.

3 Обсуждение (Амиров Е.Ш.)

Архитектура курганный насыпи весьма типична для сакских древностей Юго-Восточного Казахстана. Её характеризует поэтапная процедура возведения, в ходе которой насыпь формируется из слоёв суглинки, который на промежуточных этапах скрепляется глиняной обмазкой. Также насыпь от расползания удерживается двумя панцирями. При схожести принципов устройства насыпей сакские курганы демонстрируют большое разнообразие в способах устройства погребальных камер. В случае с курганом № 3 мы имеем дело с погребальной камерой, расширяющейся в придонной части, что придает ей куполообразную форму. При этом стены камеры были обмазаны глиной. Подобная конструкция выявлена в кургане № 4 могильника Улжан 1 [Амиров 2008: 31].

Керамическая коллекция при своей немногочисленности отличается разнообразием форм. Выявленные сосуды различаются между собой по размерам и функциональной принадлежности. В погребении кургана № 3 встречены сосуды для транспортировки, хранения, приготовления и употребления пищи.

Массивный кувшин с рассечёнными валиками, имитирующими швы, отражает стиль, воспроизводящий образцы кожаной посуды в керамике. Это весьма распространенный элемент декора,

при этом способы изображения «швов» вариабельны. В некоторых могильниках Притяньшанья и лесостепного Алтая найдены образцы керамики, на которых швы изображены в виде прочерченного орнамента [Могильников 1997: 33]. Характерный для найденного в кургане № 3 сосуда валик с насечками, изображающий шов, встречен на сосудах, найденных в восточно-казахстанских могильниках Пчела и Тускаин, относящихся к III–I вв. до н.э. [АКК 1960: табл. IX]. Исходя из идентичности мотива и техники изображения эта аналогия принимается как наиболее близкая.

Бочонковидный сосуд является флягой для транспортировки жидкости. В целом, фляги различной конфигурации характерны для памятников южной части Центральной Евразии гунно-сарматского периода (дзетысарская культура [Левина 1996: 190], памятники кенкольского типа [Степная полоса 1992: 380]. Однако для них характерна яйцевидная или полусферическая форма тулова с одной уплощенной стороной, тогда как фляга из мог. Таугуль имеет тулово симметричной формы. Более близкие аналогии с двумя плоскими или уплощёнными торцами она находит в памятниках Верхнего Приобья. При систематизации керамики каменной культуры В.А. Могильников датировал их III–II вв. до н.э. [Могильников 1997: 34]. Бочонковидные фляги можно рассматривать как локальную форму, характерную для саков Жетысу и лесостепного Алтая, имевших между собой устойчивые культурные связи.

Помимо сугубо утилитарных вещей в погребении были выявлены изделия, подчеркивающие высокий статус погребённого. К ним относится предмет парадной посуды в виде декоративной чаши, вырезанной из талька. Высокую художественную ценность представляют золотые нашивки в виде крыльев с изображениями грифов. Практически аналогичное изделие происходит из одного из могильников, находящихся в окрестностях г. Алматы (раскопки Б.Н. Нурмуханбетова и Ю.И. Трифонова, 1985–1986 гг.) (Золото веков 2015: 146; Королькова 2006: табл. 47, 9). В качестве аналогии можно назвать нашивки на головной убор из могильника Ак-Алаха I, датируемые V – началом IV в. до н.э. [Полосьмак 1994: 63]. По своей форме изделие перекликается с одной из деталей головного убора иссыкского «Золотого человека» (V–IV вв. до н.э.) [Акишев 1978: 84]. Изображение хищной птицы с повернутой назад головой является весьма распространённым мотивом в сакском зверином стиле. Ключевым признаком нашивок из Таугуль-3 является изображение уха при отсутствии хохолка. В классификации, предложенной алтайскими археологами этот признак датируется VI – началом V в. до н.э. [Уманский и др. 2005: 55]. В совокупности приведённые данные позволяют датировать нашивки из кургана № 3 VI–V вв. до н.э.

Выявленные археологические материалы демонстрируют достаточно широкий хронологический разброс в пределах I-й пол. I тыс. до н.э. При этом керамика тяготеет к более поздним датам по сравнению с ювелирными изделиями. На этом фоне предложенная авторами исследования кургана № 1 могильника Таугуль-3 датировка V–III вв. до н.э. видится сбалансированным диапазоном, подходящим для кургана № 3 [Нуржанов и др. 2020: 89].

4 Заключение (Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д.)

По меркам территории города Алматы и его окрестностей курган № 3 могильника Таугуль-3 является ординарным погребальным сооружением. Он неоднократно подвергался ограблениям, разрушался в ходе освоения земель, но при этом дал столь яркую и интересную археологическую коллекцию. При том что памятники археологии являются источником столь значимых культурных ценностей, они перманентно находятся под угрозой уничтожения. Данный могильник был включен в Государственный список памятников истории и культуры местного значения Алматинской области как безымянный, географически привязанный к правому берегу р. Каргалы и центральной усадьбе совхоза «Таугуль». В процессе передачи территорий Алматинской области городу Алматы у местных исполнительных органов не было механизма отследить какие из памятников археологии

оказались на вновь присоединённых территориях. Этому способствовало отсутствие уникального идентификатора и точных географических координат. В итоге памятник не был включён в Государственный список памятников местного значения города Алматы, но при этом остался в списке Алматинской области. В результате коллизии памятник остался без государственной охраны. Когда началась застройка территории могильника археологические работы, направленные на выявление объектов историко-культурного наследия, не были проведены. В законодательстве не оговорено, кто именно должен осуществлять эти работы и как должно отслеживаться их осуществление. Как результат по всей стране систематически не проводятся работы по выявлению объектов историко-культурного наследия. Сколько объектов гибнет в ходе застройки остаётся только догадываться. Курганам могильника Таугуль-3 можно считать повезло. Они оказались в поле зрения археологов и активистов, давших сигнал о риске их разрушения. В результате местный исполнительный орган дал собственнику земельного участка предписание перед началом застройки провести археологические раскопки. По сути, проблема была решена в ручном режиме по факту реагирования на начало застройки территории памятника. Таким образом, кейс, связанный с могильником Таугуль-3, демонстрирует, насколько значимые культурные ценности могут быть утрачены по причине неэффективного управления историко-культурным наследием.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- 2 Амиров Е.Ш. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 29–34.
- 3 АКК – Археологическая карта Казахстана: реестр / Сост. К.А. Акишев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.
- 4 Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на третьем заседании Национального курултая «Адал адам – Адал енбек – Адал табыс» 15 марта 2024 года. 01.08.2024. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-ktokaevana-tretem-zasedaniinacionalnogo-kurultaya-1525116> (дата обращения: 01.09.2024).
- 5 Джумабекова Г.С., Амиров А.Ш., Алтынбеков К., Алтынбекова Э.К., Жанузак Р.Ж., Чильдебаева А.Е., Базарбаева Г.А. Letum non omnia finit (об одном шедевре школы торевтов саков Жетысу) // МАИАСП. 2024. № 16. В печати.
- 6 Закон РК от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».
- 7 *Золото веков. Коллекция предметов из золота и серебра Национального музея. Каталог* / Отв. ред. Д.К. Мынбай. Астана: Национальный музей Республики Казахстан; Фолиант, 2015. 368 с.
- 8 Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- 9 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н. э. – I тысячелетие н. э.). М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- 10 Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущинский Научный центр РАН, 1997. 196 с.
- 11 Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Новые данные о культуре саков Жетысу: краткие результаты полевых исследований 2020 г. на территории г. Алматы // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 4 (10). С. 70–95.
- 12 Полосьмак Н.В. “Стерегиущие золото грифы”. Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- 13 Постановление акимата Алматинской области от 16 августа 2024 года № 258 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Алматинской области».

- 14 Постановление акимата Алматинской области от 27 апреля 2010 года № 53 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Алматинской области».
- 15 Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 17 апреля 2020 года № 95 «Об утверждении Правил и условий осуществления археологических работ».
- 16 Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 494 с.
- 17 Уманский А.П., Шамишин А.Б., Шульга П.И. Могильный скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Issyk Kurgan. The art of the Saks of Kazakhstan)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- 2 Amirov, E. S. 2008. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestv. nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series)*, 1, 29–34 (in Russian).
- 3 Akishev, K. A. et al. (compl.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazahstana: reestr (Archaeological map of Kazakhstan: register)*. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences (in Russian).
- 4 Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na tret'em zasedanii Natsionalnogo kurultaya «Adal adam – Adal enbek – Adal tabys» 15 marta 2024 goda (Speech by Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the third meeting of the National Kurultai “Adal adam – Adal enbek – Adal Tabys” on March 15, 2024). URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-ktokaevana-tretem-zasedaniinacionalnogokurultaya-1525116> (accessed 01.08.2024) (in Russian).
- 5 Jumabekova, G. S., Amirov, A. S., Altynbekov, K., Altynbekova, E. K., Zhanuzak, R. Z., Childebayeva, A. E., Bazarbayeva, G. A. 2024. In: *Materialy po Arkheologii i Istorii Antichnogo i Srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 16, in press (in Russian).
- 6 Zakon Respubliki Kazahstan ot 26 dekabrya 2019 goda № 288-VI ZRK “Ob ohpane i ispolzovanii ob”ektov istoriko-kulturnogo naslediya” (Law of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2019 No. 288-VI ZRK “On the protection and use of objects of historical and cultural heritage”) (in Russian).
- 7 Mynbai, D. K. (ed.). 2015. *Zoloto vekov. Kolleksiya predmetov iz zolota i serebra Natsionalnogo muzeya. Katalog (The gold of the ages. The collection of gold and silver objects of the National Museum. Catalog)*. Astana: National Museum of the Republic of Kazakhstan; “Folio” Publ. (in Russian, Kazakh, English).
- 8 Korolkova, E. F. 2003. In: *Zoloty e oleni Evrazii (Golden deer of Eurasia)*. St. Petersburg: State Hermitage Museum; Center for Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center of the RASciences; State Historical Museum, 40–41 (in Russian).
- 9 Levina, L. M. 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaraliya (I tys. do n. e. – I tysyacheletie n.e.) (The ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region (1st millennium BC – 1st millennium AD))*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 10 Mogilnikov, V. A. 1997. *Naselenie Verhnego Priobya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e. (The population of the Upper Ob river region in the middle – second half of the 1st millennium BC)*. Moscow: Pushchino Scientific Center of the RAS (in Russian).
- 11 Nurzhanov, A. A., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2020. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4, 70–95 (in Russian).
- 12 Polosmak, N. V. 1994. “*Steregushchie zoloto gryfy*” (*Gold-hoarding griffins*). Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 13 Postanovlenie akimata Almatinskoy oblasti ot 16 avgusta 2024 goda № 258 “Ob utverzhdenii Gosudarstvennogo spiska pamyatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniya Almatinskoy oblasti” (Resolution of the Akimat of the Almaty region dated August 16, 2024 No. 258 “On approval of the State List of historical and Cultural monuments of local significance of the Almaty region”) (in Russian).
- 14 Postanovlenie akimata Almatinskoy oblasti ot 27 aprelya 2010 goda N 53 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennogo spiska pamyatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniya Almatinskoy oblasti» (Resolution of the Akimat

- of the Almaty region dated April 27, 2010 No. 53 “On approval of the State List of historical and cultural monuments of local significance of the Almaty region”) (in Russian).
- 15 Prikaz Ministra kultury i sporta Respubliki Kazahstan ot 17 aprelya 2020 goda N 95 «Ob utverzhdenii Pravil i usloviy osushchestvleniya arheologicheskikh rabot» (Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated April 17, 2020 No. 95 “On approval of the Rules and Conditions for archaeological work”) (in Russian).
- 16 Moshkova, M. G. (ed.). 1992. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 17 Umanskiy, A. P., Shamshin, A. B., Shulga, P. I 2005. *Mogilnik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezhye Obi (The burial ground of the Scythian time Rogozikha-1 on the left bank of the Ob river)*. Barnaul: Altai University (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.09.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 21.09.2024

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.100.134>

Дербисали II – комплекс позднесарматского времени в Западном Казахстане

© 2024 г. Мамедов А.М., Байров Н.М., Амелин В.А.,
Уразмагамбетов Н.Н., Жанузак Р.Ж.

Keywords: Khobdinsky district,
Derbisali II burial ground,
'dumbbell-shaped' structure,
'sanctuary'

Түйін сөздер: Қобда ауданы,
Дербісәлі II қорымы,
«гантель» тәріздес құрылым,
«ғибадатхана»

Ключевые слова: Хобдинский
район, могильник Дербисали II,
«гантелевидное» сооружение,
«святилище»

Aslan Mamedov¹, Nursultan Bairov², Viktor Amelin^{3*}, Nurshat Urazmagambetov¹ and Ramazan Zhanuzak³

¹Senior Researcher, Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-0369-5234](https://orcid.org/0000-0003-0369-5234) E-mail: mamedovaslan@mail.ru

²Graduate student, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

ORCID: [0000-0002-6388-0047](https://orcid.org/0000-0002-6388-0047) E-mail: nmbairov91@mail.ru

^{3*}Corresponding author, Junior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktobe, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0004-0348-8635](https://orcid.org/0009-0004-0348-8635) E-mail: vityara2706@mail.ru

⁴Junior Researcher, Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0009-8632-2206](https://orcid.org/0009-0009-8632-2206) E-mail: urazmagambetov96@gmail.com

³Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-0787-2034](https://orcid.org/0000-0002-0787-2034) E-mail: rzhanuzak04@gmail.com

Derbisali II – the Late Sarmatian complex in Western Kazakhstan

Western Kazakhstan in the 2nd–4th centuries AD became a territory of settlement of large tribal associations, carriers of the Late Sarmatian archaeological culture. The main source testifying to the formation and development of the Late Sarmatian culture here are numerous archaeological sites, most of them forming large burial grounds. This article introduces the materials of the Derbisali II burial ground, located on the watershed of the Kiyil River, a left-bank tributary of the Uil River (Ural River basin). The analysis of burial rites and objects of material culture allowed us to establish that the studied objects belong to the Late Sarmatian epoch and are dated within the framework of the 2nd–4th centuries AD. In the course of the work it was established that the burial ground, along with burial mounds, includes 'dumbbell-shaped' structures and 'sanctuaries', the origin and functional purpose of which remains open. Burial pits were recorded under almost all the objects. Most of the burial pits were simple earthen pits, and in one case, small niches with burial offerings were documented. The burials are individual, with northern orientation of the buried. Objects of material culture are represented by various categories of finds – a long iron sword without a cross-guard or pommel, bronze fibulae, bronze buckle, 14-sided beads, etc. Based on the results of the paleoanthropological analysis, it can be noted that the studied materials find analogies among synchronous Late Sarmatian series from the Southern Urals and Western Kazakhstan. Circular-type intentional artificial cranial deformation was recorded on all crania. Taken together, they are attributed to hypermorphic Caucasoid. One skull combines both Caucasoid and Mongoloid features. The longitudinal parameters and robustness of the postcranial skeleton bones are assessed as average.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175.

For citation: Mamedov, A., Bairov, N., Amelin, V., Urazmagambetov, N., Zhanuzak, R. 2024. Derbisali II – the Late Sarmatian complex in Western Kazakhstan. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 100–134 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.100.134](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.100.134)

**Аслан Мәлікұлы Мамедов¹,
Нұрсұлтан Майлыбайұлы Баиров²,
Виктор Алексеевич Амелин^{3*},
Нұршат Нұрқатұлы Уразмағамбетов¹,
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ³**

¹аға ғылыми қызметкер, Ақтөбе облыстық
тарихи-өлкетану музейі,
Ақтөбе қ., Қазақстан

²аспирант, Б.Б. Городовиков атынд.
Қалмақ мемлекеттік университеті,
Элиста, Қалмақ Республикасы, Ресей

^{3*}корреспондент авторы, кіші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атынд. Археология институты,
Ақтөбе қ., Қазақстан

¹кіші ғылыми қызметкер, Ақтөбе облыстық
тарихи-өлкетану музейі, Ақтөбе қ., Қазақстан

³ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атынд.
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Дербісәлі II – Батыс Қазақстандағы кейінгі сармат кезеңінің кешені

Б.д. II–IV ғасырларында Батыс Қазақстан кейінгі сармат археологиялық мәдениетінің өкілдерінен құралған ірі тайпалық бірлестіктер қоныстанған аймаққа айналды. Көбіне ірі қорымдардан құралған көптеген ескерткіштер – осы аумақтағы кейінгі сармат мәдениетінің қалыптасуын және дамуын айғақтайтын негізгі дереккөз. Мақалада Ойыл өзенінің (Урал өзені алабы) сол жақ саласы Қиыл өзенінің суайрығында орналасқан Дербісәлі II қорымының материалдары ғылыми айналымға енгізіледі. Жерлеу салты мен материалдық мәдениет заттарын талдау барысында зерттелген нысандар кейінгі сармат дәуіріне тиесілі екендігі анықталды және б.д. II–IV ғғ. мерзімделеді. Жұмыс барысында қорымдар обалармен қатар «гантель тәрізді» құрылыстар және «ғибадатханаларды» қамтитыны анықталды. Соңғы екі түрлі құрылыстың пайда болуы мен қызметі әлі де белгісіз болып отыр. Барлық нысандардың астынан қабір шұңқырлары табылды. Олар обалардың орталық бөлігінің және «гантель тәрізді» құрылыс пен «ғибадатхананың» дуалдарына іргелес жатқан шеңберлі үйінділердің астында орналасты. Қабір шұңқырлары көп жағдайда кәдімгі топырақ түрінде болып келеді, тек бір жағдайда жерлеу сыйлары салынған шағын орын табылды. Жерлеу орыны жеке, марқұмдардың бастары солтүстікке қаратылған. Материалдық мәдениет заттары қиылысы және сабының басы жоқ ұзын темір қылыш, қола фибулалар, қола тоға, 14 қырлы моншақтар сияқты әртүрлі категорияға жататын олжалар болды. Палеоантропологиялық талдаудың нәтижелері бойынша зерттелген материалдар

**Аслан Маликович Мамедов¹,
Нурсултан Майлибаевич Баиров²,
Виктор Алексеевич Амелин^{3*},
Нуршат Нуркатович Уразмағамбетов¹,
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ³**

¹старший научный сотрудник, Актюбинский
областной историко-краеведческий музей,
г. Актөбе, Казахстан

²аспирант, Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова,
Элиста, Республика Калмыкия, Россия

^{3*}автор-корреспондент, младший научный
сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Актөбе, Казахстан

¹младший научный сотрудник, Актюбинский
областной историко-краеведческий музей,
г. Актөбе, Казахстан

⁵научный сотрудник, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Дербисали II – комплекс позднесарматского времени в Западном Казахстане

Западный Казахстан во II–IV вв. н.э. стал территорией расселения крупных племенных объединений, носителей позднесарматской археологической культуры. Основным источником, свидетельствующим о формировании и развитии здесь позднесарматской культуры, выступают многочисленные памятники, в большинстве своем образующие крупные могильники. В статье в научный оборот вводятся материалы могильника Дербисали II, расположенного на водоразделе р. Киыл – левобережного притока р. Уил (бассейн р. Урал). Анализ погребального обряда и предметов материальной культуры позволил установить, что исследованные объекты относятся к позднесарматской эпохе и датируются в рамках II–IV вв. н.э. В ходе работ установлено, что могильник наряду с курганами включает «гантелевидные» сооружения и «святилища». Происхождение и функциональное назначение двух последних разновидностей сооружений всё ещё остаётся открытым. Могильные ямы зафиксированы практически под всеми объектами. Они находились под центральной частью курганов и округлых насыпей, примыкавших к валам «гантелевидного» сооружения и «святилища». Могильные ямы в большинстве простые грунтовые, в одном случае зафиксированы небольшие ниши с погребальными дарами. Погребения индивидуальные, с северной ориентировкой погребённых. Предметы материальной культуры представлены различными категориями находок – длинным железным мечом без перекрестья и навершия, бронзовыми фибулами, бронзовой пряжкой, 14-гранными бусинами и т.д. По результатам палеоантропологического анализа

Оңтүстік Урал және Батыс Қазақстанның кейінгі сармат синхронды сериясынан табылған олжаларға ұқсас болып шықты. Барлық краниумдерден циркуляр түріндегі алдын ала жасанды деформация тіркеледі. Белгілер жиынтығы бойынша олар гиперморфты еуропеоидтарға жатады. Бір бас сүйекте еуропеоидтық та, моңғолоидтық та белгілер үйлескен. Посткраниалды қаңқаның бойлық параметрлері және сүйектердің ірілігі орташа деп бағаланды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., Уразмағамбетов Н.Н., Жанұзақ Р.Ж. Дербисали II – Батыс Қазақстандағы кейінгі сармат кезеңінің кешені. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 100–134-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.100.134](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.100.134)

можно отметить, что исследованные материалы находят аналогии среди синхронных позднесарматских серий Южного Урала и Западного Казахстана. На всех краниумах фиксируется преднамеренная искусственная деформация циркулярного типа. Они по совокупности признаков относятся к гиперморфным европеоидам. Один череп сочетает в себе европеоидные и монголоидные признаки. Продольные параметры и массивность костей посткраниального скелета оцениваются как средние.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках проекта программно-целевого финансирования КН МНВО РК 2023–2024, ИРН BR 18574175.

Для цитирования: Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., Уразмағамбетов Н.Н., Жанұзақ Р.Ж. Дербисали II – комплекс позднесарматского времени в Западном Казахстане. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 100–134.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.100.134](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.100.134)

1 Введение

Западный Казахстан, в том числе и территория Актюбинской области, расположенный в срединной части Евразии, представляет собой большой научный интерес в плане изучения культуры населения позднесарматской эпохи. Несмотря на то, что древности края изучаются давно, памятники рассматриваемого времени малоизвестны. Археологические разведки и раскопки отдельных могильников показывают, что в регионе сконцентрировано значительное количество памятников, датирующихся в рамках 2-й пол. II – сер. III в. н.э.

В 2023 г. сотрудниками Института археологии имени А.Х. Маргулана и Актюбинского областного историко-краеведческого музея проведены археологические исследования на могильнике Дербисали II в рамках региональной программы Актюбинской области «Комплексное исследование памятников эпохи гуннов». Основная цель – исследование объектов позднесарматского времени, представленных разными типами сооружений.

Памятник расположен в 19 км от села Жарсай (Хобдинский р-н, Актюбинская обл.). Объекты сооружены на водоразделе междуречья Шолакмола и Караганды – левобережные притоки р. Кыыл – притока р. Уил (бассейн р. Урал). Памятник находится на вершине возвышенности Дербисалы-Мола с абсолютной отметкой высоты 201 м (рис. 1)* (*Иллюстрации подготовлены авторами. Благодарим Михаила Антонова за помощь в обработке рисунков). Он состоял из 46-ти погребально-поминальных объектов (курганы, «гантелевидные» сооружения, «святыхища»), условно разделённых на две группы. Большая часть объектов, составляющих первую группу, в плане образует П-образную форму. Она занимает южную половину могильника. Здесь фиксируются три цепочки, основной из которых является западная, вытянутая с севера на юг на 330 м. От северного окончания на восток сооружены объекты № 22–43. Длина этой цепочки 217 м. Третья линия объектов длиной 231 м фиксируется южнее и отходит от южного окончания западной цепочки. В 109 м к востоку от кургана № 1 обнаружен отдельно стоящий курган № 16.

Вторая группа находится севернее, в 562 м от кургана № 1. Она состоит из двух «святыхищ» и одного кургана. В плане объекты также образуют цепочку, лежащую дугой с северо-востока на

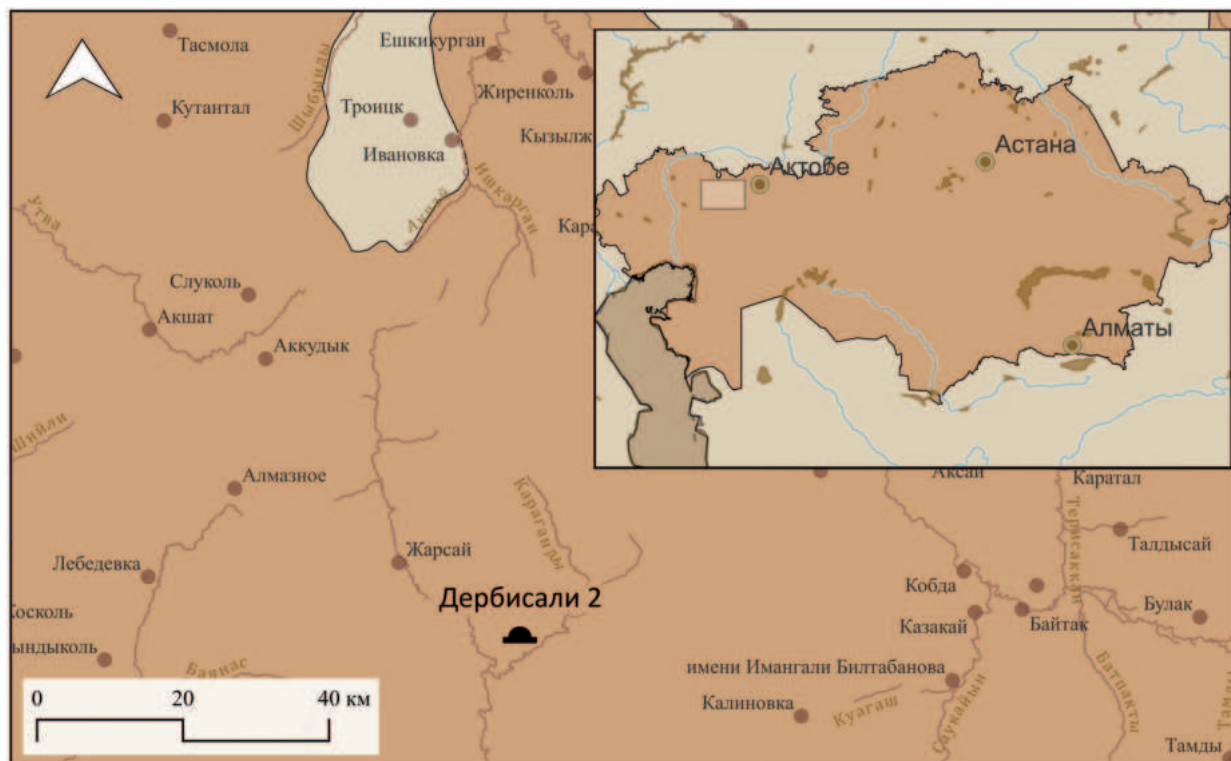

Рис. 1. Расположение памятника Дербисали II на карте Казахстана
1-сур. Қазақстан картасындағы Дербісәлі II ескерткішінің орналасуы
Fig. 1. Location of the Derbisali II burial ground on the map of Kazakhstan

юго-запад на расстояние 164 м (рис. 2). Таким образом, для обустройства могильника населением II–IV вв. н.э. был выбран наиболее широкий участок водораздела, ограниченный с запада и востока понижением. Причём наиболее крупный курган № 1, вероятно, сооружённый ещё в раннесарматское время, видимо, выступал центрообразующим.

В 2023 году на могильнике исследовано шесть объектов – «гантелевидное» сооружение № 21, «святилище» № 35 и курганы № 30, 31, 34, 38. Все они относятся к первой группе.

2 Материалы и методы исследования

2.1 Методика исследования

Археологические исследования курганов и сооружений согласно методике ведения полевых археологических раскопок проводились вручную, с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Снос насыпей производился поэтапно, метрическими горизонтами по 5–10 см, при этом учитывались особенности таких конструкций как «гантелевидные» сооружения, «святилища», очертания которых на современной дневной поверхности визуально слабо определялись.

Определение границ объектов, их высоты, размеры могильных конструкций, глубина залегания костей погребённых людей и животных, а также находок велись с применением геодезического оборудования и квадрокоптера и его калибровки с помощью лазерного тахеометра

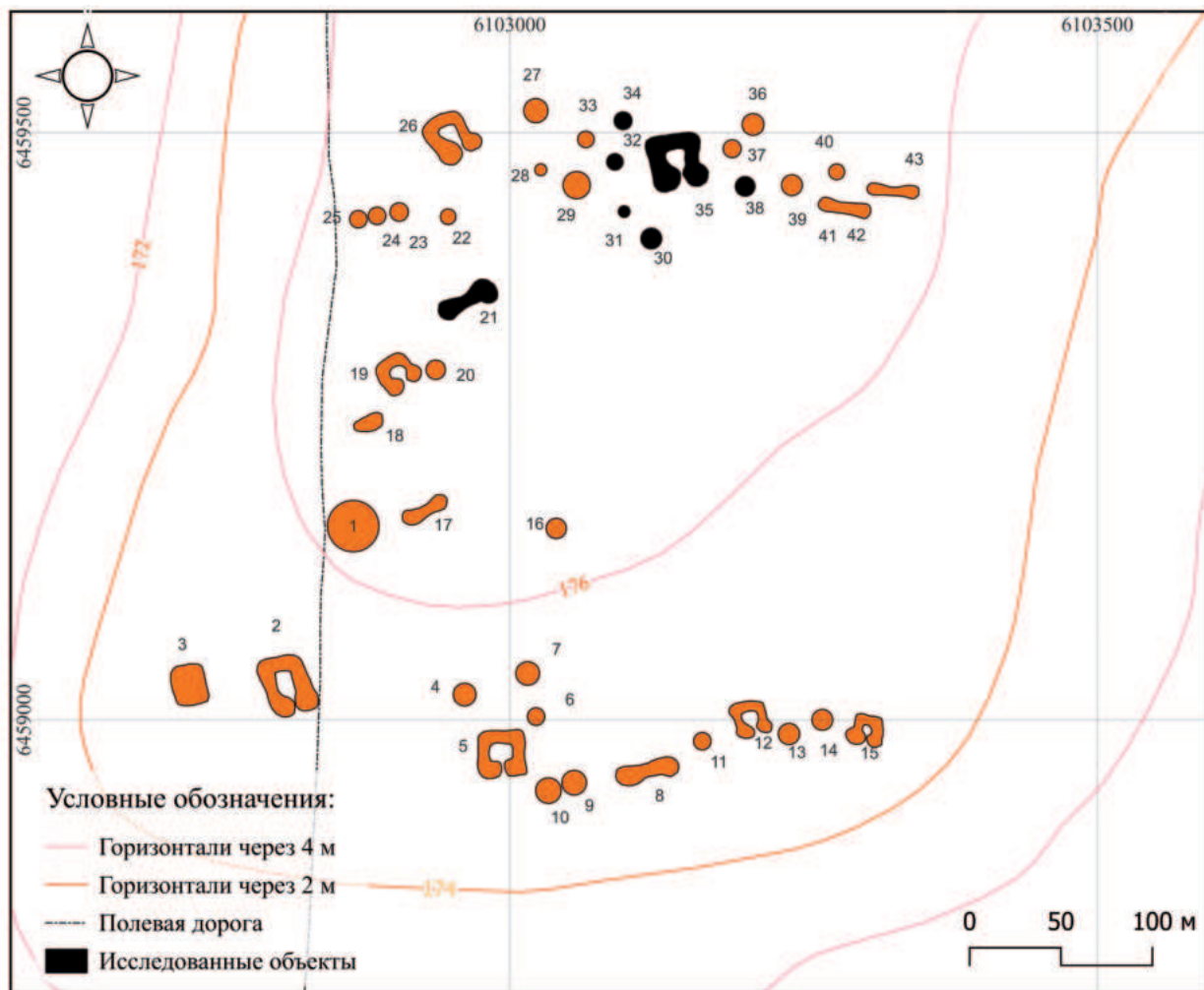

Рис. 2. План-схема мог. Дербисали II
2-сур. Дербісәлі II қорымының жоспар-сызбасы
Fig. 2. Plan-scheme of the burial ground Derbisali II

Nikon NPR-332. При анализе погребального обряда и сопутствующего инвентаря применён сравнительно-типологический метод.

Половозрастное определение, измерение и описание скелетных останков людей осуществлялись по стандартным антропологическим методикам [Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966]. Краниометрические и остеометрические характеристики представлены в таблицах № 1 и 2.

2.2 Описание материала

Объект № 21. Сооружение расположено в центральной части северной цепочки (рис. 2), в плане имеет «гантелевидную» форму, торцевые края которого заканчиваются курганообразными насыпями и соединены валом-перемычкой, длинной осью ориентированного по линии ЗЮЗ–ВСВ.

На современной дневной поверхности «гантелевидная» насыпь прослеживалась как слабозадернованный вал общей длиной 33 м, шириной 12,3 м и высотой 0,10 м. Сам вал завершался

двумя округлыми насыпями диаметром 8,6 м (западная) и 12,1 м (восточная). Соответственно высота насыпей 0,22 м и 0,30 м.

Могильное пятно было зафиксировано под северо-восточной насыпью, на уровне материка, оно выделялось более тёмным заполнением, подпрямоугольной формы, размерами 2,4×0,68 м, ориентировано по оси ССЗ–ЮЮВ. До глубины 1,3 м от уровня погребённой почвы стенки её были скошены, ниже – вертикальны. На поверхности стен фиксировались следы орудия шириной 5–6 см. В трёх углах могильной ямы обнаружены небольшие ниши с лепной миской, миниатюрным сосудиком и железным ножом.

На дне могилы, на глубине 1,82 м* (*Здесь и далее в тексте глубины даются от уровня материка, в планах – от наивысшей точки объектов) от материка находился скелет (см. описание в Приложении 1). Погребённый уложен вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Конечности вытянуты вдоль тела. У западной стенки обнаружена длинная плаха, вероятно, остатки гроба (рис. 3, 3).

Сопровождающий инвентарь представлен следующими находками:

- лепной миской, обнаруженной в юго-западной нише могильной ямы. Высота – 7,5 см, диаметр устья – 24,6 см, дна – 11 см. Сосуд лепной, с низким загнутым во внутрь венчиком, с плавно переходящей к узкому и плоскому дну стенкой. Наружная и внутренняя поверхности чёрного цвета, тщательно заглажены и покрыты лощением. Стенки в изломе серого цвета, с добавками песка (рис. 4, 1);

- орнаментированным миниатюрным лепным сосудиком, поставленным в северо-западной нише погребальной камеры. Высота сосуда 9,2 см, диаметр венчика – 5,8 см, тулова – 10,5 см, дна – 4,7 см, толщина стенок сосуда 0,5 см. Горло высокое, тулово овальное, дно плоское. Наружная поверхность сосуда серого цвета со следами нагара и копоти, тщательно заглажена. Тесто рыхлое, с примесью шамота. Стенки в изломе чёрного цвета. Переход от венчика к тулову маркирован двумя поясами двухрядных линий, глубоко прочерченных по сырой глине. Между линиями заключена орнаментальная зона, образованная четырёхрядными линиями треугольников (рис. 4, 2);

- предметом, предположительно «бусина-ограничитель», обнаруженным в засыпи погребальной камеры, изготовленным из жёлтого кварца со сквозным отверстием в центре. Через отверстие продет кожаный ремешок, один конец которого свёрнут в петлю, другой соединён с бронзовым щитком, с разрывом. На поверхности бронзового щитка нанесены радиальные насечки. Диаметр изделия 1,7 см (рис. 4, 6);

- бусиной из прозрачного кварца округлой формы. Диаметр 2,1 см, толщина 1 см, диаметр отверстия 2 мм (рис. 4, 3);

- фрагментом бронзовой фибулы плохой сохранности, найденной под локтем левой руки. Длина фрагмента 7,5 см. Судя по форме спинки и раскованной ножке, вероятнее всего, застежку следует отнести к типу лучковых (рис. 4, 4);

- железным ножом с костяной ручкой. Предмет расчищен рядом с сосудиком в северо-западной нише. Общая длина ножа 19,5 см, длина рукояти 8,2 см, диаметр рукояти 1,8 см, толщина лезвия 0,2 см. Полотно лезвия тонкое. Лезвие прямое, спинка слабо изогнута. Рукоять костяная круглая в сечении; у лезвия сделаны полукруглые вырезы. Рукоять обложена костяными обкладками, которые, в свою очередь крепились к металлу тремя железными штифтами (рис. 4, 5);

- фрагментами деревянного изделия с бронзовой оковкой с двумя заклёпками, найденными в северо-западной нише. По всей видимости, находка представляет собой деревянную чашу с оковкой. Реконструируемый размер оковки составляет 1,6×1,7 см. Толщина пластины – 1 мм, диаметр отверстий под штифты 3 мм;

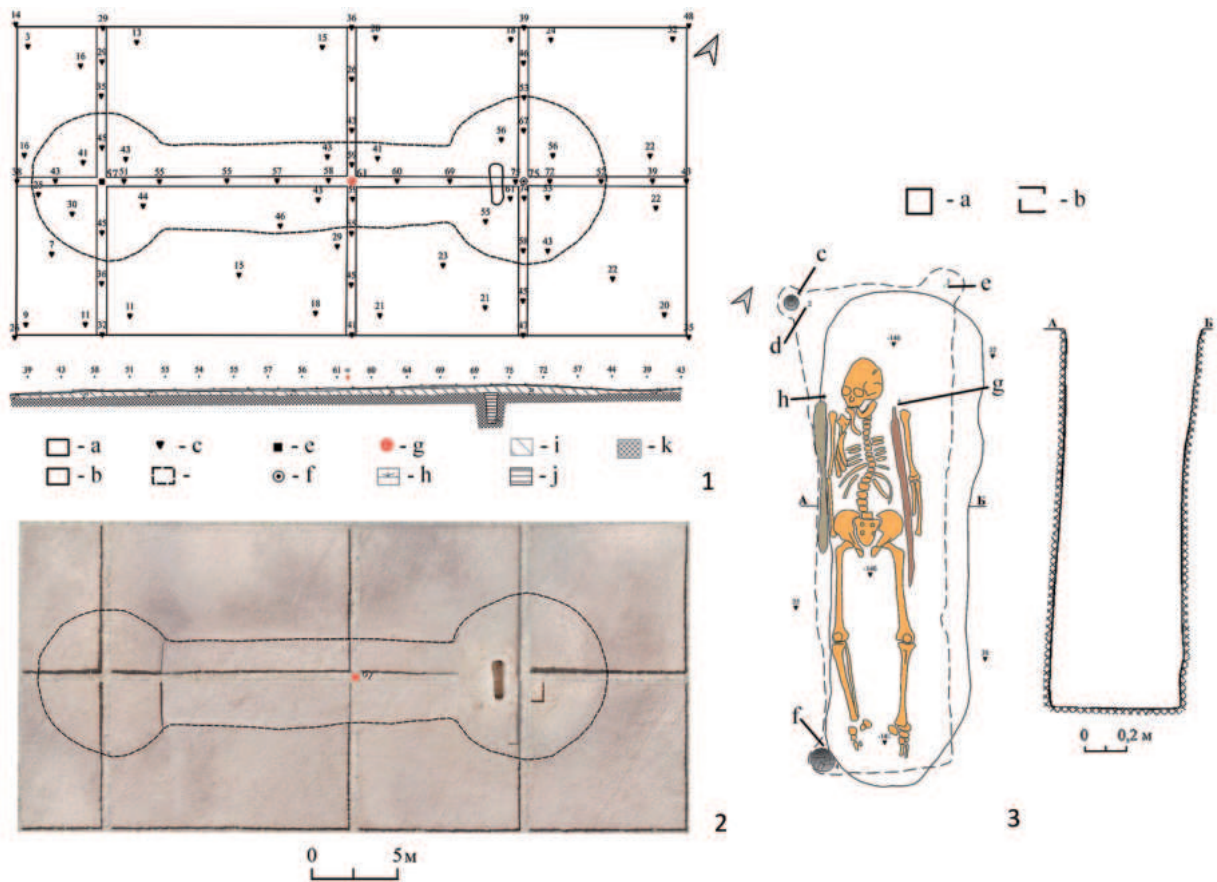

Рис. 3. Мог. Дербисали II. «Гантелевидное» сооружение № 21: 1 – план; 2 – ортофотоплан (условные обозначения: а – граница раскопа; б – верхний контур могильной ямы (м.я.); с – отметки высот; d – контур сооружения; e – условный центр западной насыпи; f – условный центр восточной насыпи; g – условный центр сооружения; h – дерн; i – светло-коричневый суглинок; j – заполнение м.я.; k – материк); 3 – план и разрез м.я. (а – верхний контур м.я.; б – дно м.я.; с – керамический сосуд; d – железный нож с костяной рукоятью; e – чаша с оковками; f – керамический сосуд; g – железный меч; h – фрагмент деревянного гроба)

3-сур. Дербісәлі II қорымы. № 21 «Гантель тәрізді» құрылыс: 1 – жоспар; 2 – ортофотожоспар (шартты белгілер: а – қазба шегарасы; б – қабір шұңқырының (қ.ш.) жоғарғы контуры; с – биіктік белгілері; d – құрылыс контуры; e – батыс үйіндінің шартты ортасы; f – шығыс үйіндінің шартты ортасы; g – құрылыстың шартты ортасы; h – шым; i – ашық-қоңыр саздақ; j – қ.ш-ның толтырылуы; k – материк); 3 – қ.ш-ның жоспары мен қимасы (а – қ.ш-ның жоғарғы контуры; б – қ.ш-ның түбі; с – қыш ыдыс; d – сүйек сапты темір пышақ; e – қаптамасы бар тостаған; f – қыш ыдыс; g – темір қылыш; h – ағаш табыттың фрагменті (бөлшегі))

Fig. 3. Derbisali II burial ground. «Dumbbell-shaped» structure No. 21: 1 – plan; 2 – orthophotoplan (symbols: a – excavation boundary; b – upper contour of the grave pit (g.p.); c – height marks; d – contour of the structure; e – conventional centre of the western embankment; f – conventional centre of the eastern embankment; g – conventional centre of the structure; h – turf layer; i – light brown loam; j – filling of the g.p.; k – mainland); 3 – plan and section of the g.p. (a – upper contour of the g.p.; b – bottom of the g.p.; c – ceramic vessel; d – iron knife with bone handle; e – bowl with shackles; f – ceramic vessel; g – iron sword; h – fragment of a wooden coffin)

Рис. 4. Мог. Дербисали II. «Гантелевидное» сооружение № 21. Погребальный инвентарь: 1 – лепная миска; 2 – лепной сосудик; 3 – бусина; 4 – фрагмент фибулы; 5 – нож; 6 – бусина «ограничитель»

4-сур. Дербісәлі II қорымы. № 21 «Гантель тәрізді» құрылыс. Жерлеу заттары; 1 – жапсырма табақ; 2 – жапсырма ыдыс; 3 – моншақ; 4 – фибула бөлшегі; 5 – пышақ; 6 – «шектеуші» моншақ

Fig. 4. Derbisali II burial ground. «Dumbbell-shaped» structure No. 21. Funeral equipment: 1 – molded bowl; 2 – molded vessel; 3 – bead; 4 – fibula fragment; 5 – knife; 6 – «limiting» bead

- железным мечом без навершия и перекрестия очень плохой сохранности, слева от погребённого. Длина меча 85 см. Он находился вдоль левой руки с внутренней стороны; рукоять – на уровне ключицы. Кисть руки сжимала плотно лезвия. Из-за плохой сохранности меч реконструкции и зарисовке не подлежит;

- фрагментом железа с остатками дерева на одной из поверхностей. Размеры: 3,5×1,6 см, толщина 0,3 см.

Курган № 30 (диаметр 10 м, высота 0,28 м) сооружён в центральной части северной цепочки, в 226 м к северо-востоку от кургана № 1 (рис. 2). Насыпь грунтовая, в плане округлой формы. На момент исследования (май–июнь) на современной дневной поверхности насыпь кургана выделялась растительностью более светлого оттенка.

Могильное пятно располагалось к западу от условного центра кургана и выделялось сильно гумусированным суглинком светло-коричневого цвета. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением к западу (рис. 5, 2). Стенки могилы отвесные. Размеры 2,5×0,8 м, размеры ко дну 1,8×0,64 м, глубина 1,5 м от уровня материка.

Целостность захоронения нарушена – при расчистке могилы на глубине 89 см от уровня материка зафиксированы в разных его частях череп и другие кости погребённого (см. описание в Приложении 1).

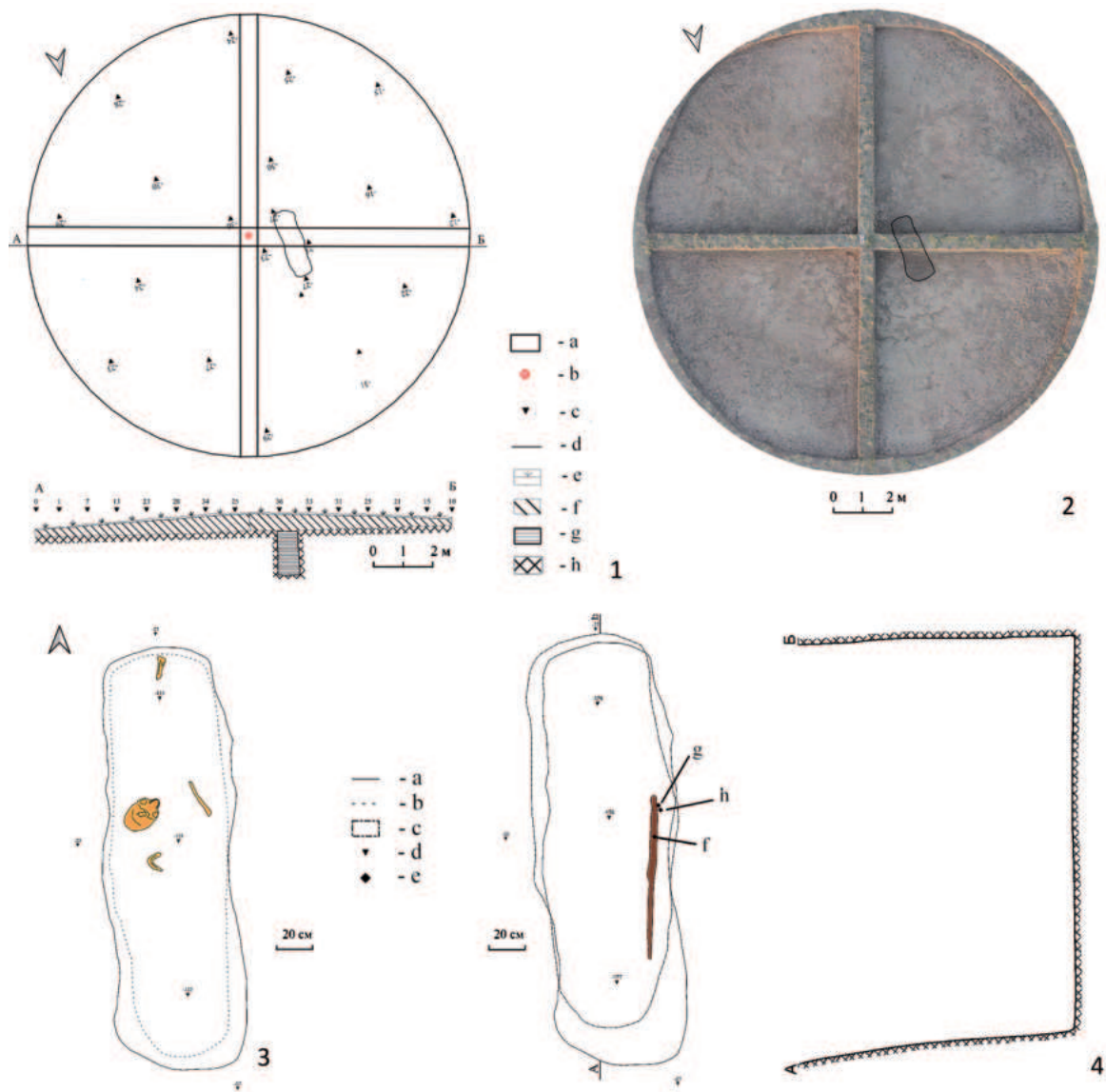

Рис. 5. Мог. Дербисали II, кург. 30: 1 – план; 2 – ортофотоплан (а – граница раскопа; b – условный центр кургана; с – отметки высот; d – верхний контур м.я.; e – дерн; f – светло-коричневый суглинок; g – заполнение м.я.; h – материк); 3, 4 – планы и разрез м.я. (а – верхний контур м.я.; b – промежуточный контур плана 1; с – дно м.я.; d – отметки высот; e – находки; f – железный меч; g – пряжка; h – бронзовый предмет округлой формы)

5-сур. Дербісәлі II қорымы. № 30 оба: 1 – жоспар; 2 – ортофотожоспар (а – қазба шегарасы; b – обаның шартты ортасы; с – биіктік белгілері; d – қ.ш-ның жоғарғы контуры; e – шым; f – ашық-қоңыр саздақ; g – қ.ш-ның толтырылуы; h – материк); 3, 4 – қ.ш-ның жоспары мен қимасы (а – қ.ш-ның жоғарғы контуры; b – №1 жоспардың аралық контуры 1; с – қ.ш-ның түбі; d – биіктік белгілері; e – олжалар; f – темір қылыш; g – тоға; h – дөңгелек формадағы қола зат)

Fig. 5. Derbisali II burial ground, kurg. 30: 1 – general plan; 2 – orthophotoplan (a – excavation boundary; b – conditional centre of the kurgan; c – height marks; d – upper contour of the g.p.; e – turf layer; f – light brown loam; g – g.p.; h – mainland); 3, 4 – plans and section of the g.p. (a – top contour of the g.p.; b – outline of plan 1; c – bottom of the g.p.; d – elevation marks; e – finds; f – iron sword; g – buckle; h – bronze object of round shape)

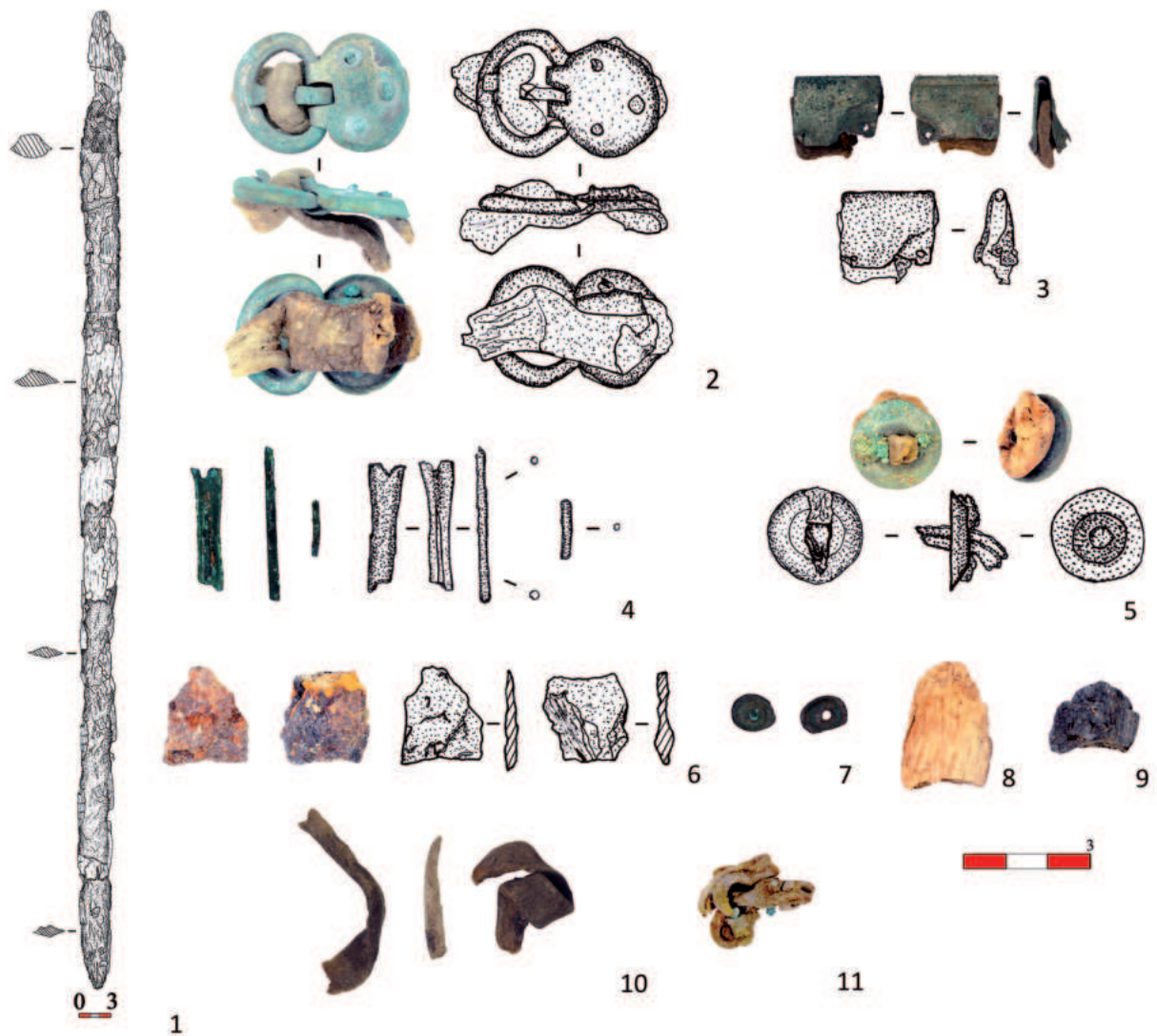

Рис. 6. Мог. Дербисали II, кург. 30. Погребальный инвентарь: 1 – меч; 2 – пряжка; 3 – зажим;
4 – игла и приемник фибулы; 5 – бронзовый предмет; 6 – фрагменты железа; 7 – бляшки;
8 – фрагмент дерева; 9 – уголек; 10 – кожаные ремешки; 11 – кожаные ремешки с бронзовыми штифтами.
1 – железо; 2–4, 7 – бронза

6-сур. Дербісәлі II қорымы. № 30 оба. Жерлеу заттары: 1 – қылыш; 2 – тоға; 3 – қысқыш;
4 – ине мен фибула бекіткіші; 5 – қола бұйым; 6 – темір бөлшектері; 7 – жапсырма; 8 – ағаш бөлшегі;
9 – көмір; 10 – былғары белдіктер; 11 – қола түйреуіштері бар былғары белдіктер. 1 – темір; 2–4, 7 – қола

Fig. 6. Derbisali II burial ground, kurg. 30: 1 – sword; 2 – buckle; 3 – clip; 4 – needle and fibula receiver;
5 – a bronze object; 6 – fragments of iron; 7 – plaques; 8 – a fragment of a tree; 9 – coal;
10 – leather straps; 11 – leather straps with bronze pins. 1 – iron; 2–4, 7 – bronze

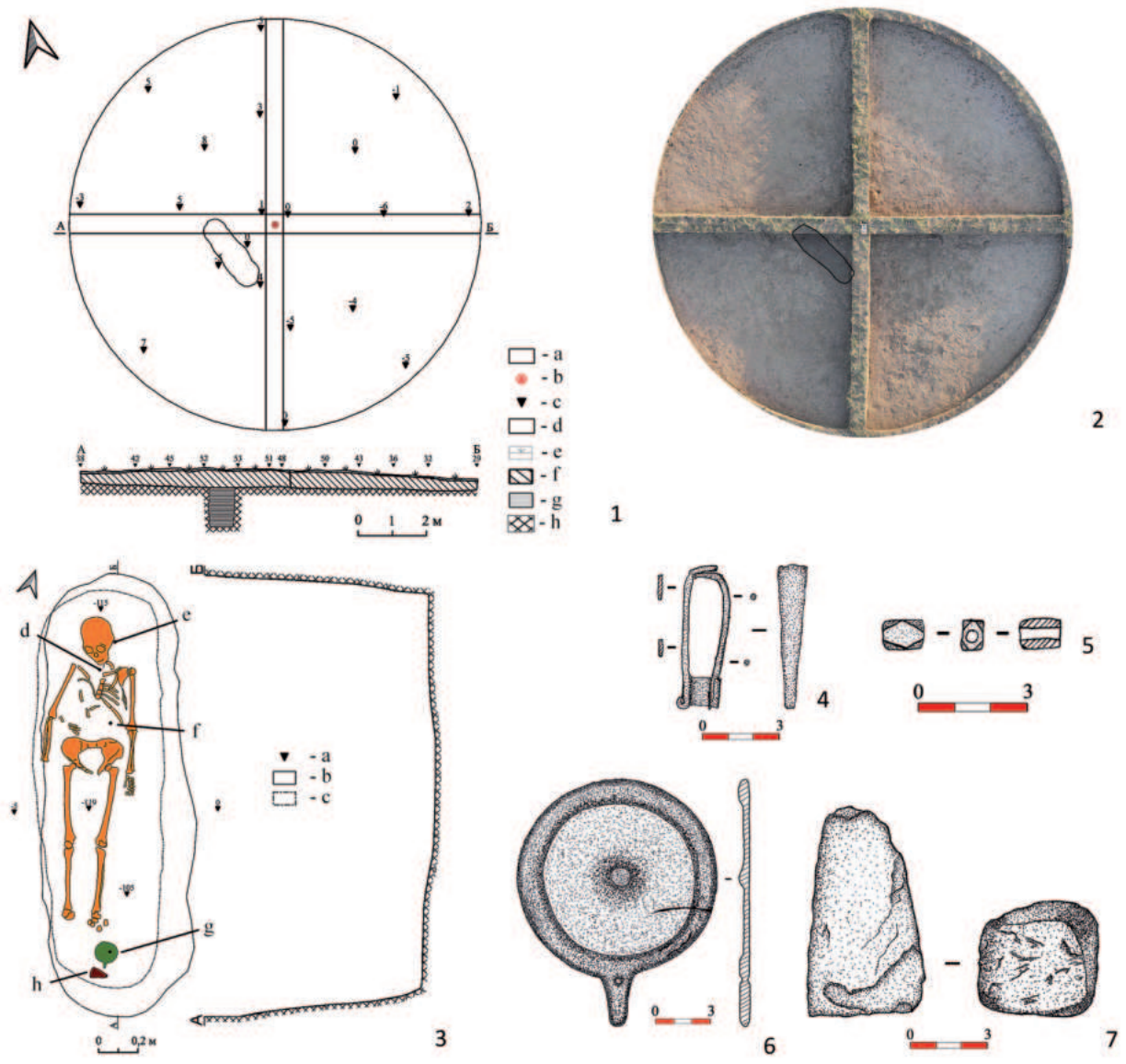

Рис. 7. Мог. Дербисали II, кург. 31: 1 – план; 2 – ортофотоплан (а – граница раскопа; b – условный центр кургана; с – отметки высот; d – верхний контур м.я.; e – дерн; f – светло-коричневый суглинок; g – заполнение м.я.; h – материк); 3 – план и разрез м.я. (а – отметки высот; b – контур плана 1; с – дно м.я.; d – бусы; e – серьга; f – фибула; g – бронзовое зеркало; h – меловая пирамидка); 4 – бронзовые фрагменты фибул; 5 – бусина; 6 – бронзовое зеркало; 7 – меловая пирамидка

7-сур. Дербісәлі II қорымы. № 31 оба : 1 – жоспар; 2 – ортофотожоспар (а – қазба шеғарасы; b – обаның шартты ортасы; с – биіктік белгілері; d – қ.ш-ның жоғарғы контурлары; e – шым; f – ашық-қоңыр саздақ; g – қ.ш-ның толтырылуы; h – материк); 3 – қ.ш. жоспары мен қимасы (а – биіктік белгілері; b – №1 жоспардың контурлары; с – қ.ш-ның түбі; d – моншақтар; e – сырға; f – фибула; g – қола айна; h – бордан жасалған пирамида); 4 –фибуланың қола бөлшектері; 5 – моншақ; 6 – қола айна; 7 – бордан жасалған пирамида

Погребальный инвентарь представлен следующими предметами:

- бронзовая прямоугольная оковка? с фрагментом кожи внутри расчищена в засыпи могильной ямы. Размеры зажима: 2×1,7 см. Ремень крепился при помощи двух бронзовых штифтов (рис. 6, 3);
- две бронзовые округлые бляшки диаметром 1 см, обнаруженные в засыпи ямы. Края бляшек загнуты, в центральной части отверстие с бронзовой заклепкой для крепления. Вероятно, они относятся к украшениям узды (рис. 6, 7);
- кожаные ремешки, часть из них переплетена. В переплетении ремешков сохранились бронзовые штифты (рис. 6, 10, 11);
- бронзовая игла длиной 5 см и бронзовый приёмник фибулы с сохранившимся в нём острием иглы выявлены в засыпи могильной ямы (рис. 6, 4).
- два фрагмента от предмета из железа размерами: 1,7×24 см, 1,7×2,1 см, обнаруженные в засыпи (рис. 6, 6);
- уголёк (рис. 6, 9) и фрагмент дерева (рис. 6, 8), встречены в засыпи могильной ямы;
- железный меч без навершия и перекрестия лежал на дне погребальной камеры у восточной стенки. Длина 88 см. Сохранность меча плохая (рис. 6, 1);
- пряжка с подовальной рамкой и подовальным щитком выявлена с правой стороны рукояти меча. Размеры рамки 3×2,2 см, щитка – 2,7×2,4 см. Язычок прогнут в средней части и нанизан на ремень. В рамке прорезь для язычка отсутствует. На поверхности у основания язычка имеется орнамент в виде крестика. Щиток подовальной формы с загнутыми краями. Для крепления с ремнём имеет три бронзовых штифта, один из которых прикрыт снаружи декоративной полусферической шляпкой. Фрагменты ремня хорошей сохранности (рис. 6, 2);
- бронзовый предмет округлой формы с загнутыми краями находился рядом с бронзовой пряжкой у рукояти меча. Диаметр изделия составляет 2,2 см. Сохранился фрагмент дерева, повторяющий контур бронзового изделия. На лицевой стороне бронзового изделия имеется язычок с прогибом в центральной части, фиксирующий двуслойный кожаный предмет. Данный предмет, по всей видимости, является деталью портупейной гарнитуры (рис. 6, 5).

Курган № 31 (диаметр 6 м, высота 0,10 м) расположен в центральной части могильника, в 39 м к ЮЗ от объекта № 35 (рис. 2). Насыпь грунтовая, в плане округлая.

Могильная яма находилась в юго-западном секторе кургана. Грунтовая камера прямоугольной формы, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ (рис. 7, 2), размеры 2,23×0,74 м (глубина – 1,19 м). Скелет погребённого находился ближе к западной стенке вытянуто на спине, головой на ССЗ. Конечности вытянуты вдоль тела (рис. 7, 3) (см. описание в Приложении 1).

В могильной яме обнаружен следующий погребальный инвентарь:

- ожерелье, изготовленное из колечато-изогнутой, круглой в сечении серебряной проволоки с чередующимися участками спиралей и нанизанными бусами, расчищено в районе шеи. В состав ожерелья входили две 14-гранные бусины из непрозрачного стекла красного цвета, три бусины серого и одна бусина синего цвета;

.....

Fig. 7. Derbisali II burial ground, kurg. 31: 1 – plan; 2 – orthophotoplan
(a – excavation boundary; b – conditional centre of the kurg.; c – height marks; d – upper contour of the g.p.;
e – turf layer; f – light brown loam; g – filling the g.p.; h – mainland); 3 – burial plan
(a – upper contour of the g.p.; b – contour of plan 1; c – bottom of the g.p.; d – beads; e – earring; f – fibula;
g – bronze mirror; h – chalk pyramid); 4 – bronze fibula fragments; 5 – bead; 6 – bronze mirror; 7 – chalk pyramid

- тонкая скоба с разрывом, изготовленная из бронзовой пластины, находилась с правой стороны черепа. Размеры изделия 7×17 мм. Внутри скобы сохранился фрагмент кожаного изделия, вероятно, ремня;

- 14-гранная бусина, одна уплощенная бусина призматической формы и три маленькие, соединённые между собой круглые бусины белого цвета, зафиксированы рядом со скобой (рис. 7, 5);

- два бронзовых фрагмента фибул были выявлены между грудной клеткой и тазовыми костями погребённой. Первый фрагмент является пластинчатой треугольной коленчато-изогнутой спинкой, с завитком на конце высокого сплошного приёмника. Длина фрагмента составляет 5,1 см. Второй фрагмент – игла. Длина иглы – 5,3 см (рис. 7, 4);

- бронзовое зеркало с ручкой-штырём, с толстым диском и валиком по краю диска обнаружено у стоп, в южной части погребальной камеры. На ручке имеется сквозное отверстие, в центральной части диска – небольшая выпуклость. Диаметр диска – 11,2 см, длина ручки-штыря – 2,9 см, ширина валика по краю – 1,4 см (рис. 7, 6);

- предмет из мела в виде усечённой пирамиды, находился у южной стенки могильной ямы, рядом с бронзовым зеркалом. Вершина пирамиды надломлена. Его высота – 7,7 см. Основание пирамиды имеет квадратную форму размерами 4×4 см (рис. 7, 7).

Курган № 32 (диаметр – 9 м, высота – 0,18 м) сооружен в 34,5 м к западу от объекта № 35 (рис. 2). Насыпь грунтовая, в плане округлой формы.

Пятно могильной ямы обнаружено в центральной части кургана. На уровне материка оно выделялось более тёмным заполнением. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии С–Ю. Её размеры по верхнему контуру 1,85×0,55 м (рис. 8, 2). Ко дну она немного уменьшилась – 1,58×0,37 м. На дне, на глубине 1,4 м, находился скелет человека, вытянуто на спине, головой ориентирован на север (см. описание в Приложении 1). Руки покоились вдоль туловища, ноги – прямо (рис. 7, 4).

Сопроводительный вещевой комплекс представлен бронзовой, одночленной, пружинной фибулой, с пластинчатой, треугольной, коленчато-изогнутой спинкой и завитком на конце высокого сплошного приёмника, обнаруженной у левой руки. На пружине имелись остатки белой нити. Длина фибулы 5,9 см, игла обломана (рис. 8, 4). Других находок не найдено.

Курган № 34 (диаметр 10 м, высота 0,21 м) расположен в 34,5 м к северо-западу от объекта № 35 (рис. 2). Насыпь грунтовая, в плане округлой формы. На момент исследования (май–июнь) на современной дневной поверхности курган выделялся растительностью более светлого оттенка. При снятии насыпи, в северо-западном секторе, на глубине 15 см от современной дневной поверхности, обнаружен фрагмент сероглиняного толстостенного лепного сосуда.

Под насыпью находилась подбойная могила, пятно которой фиксировалось юго-западнее от центра кургана (рис. 9, 2). Входная яма подпрямоугольной формы, ориентирована длинной осью с ССЗ на ЮЮВ (рис. 9, 4); размеры 2,16×0,50–0,56 м, глубина 0,54–0,61 м. Подбой устроен вдоль продольной западной стенки. На уровне дна погребальная камера имела неправильную овальную форму размерами 2,16×0,85 м. На дне подбоя, на глубине 0,87 м, располагался скелет взрослого человека (см. описание в Приложении 1). Он был уложен вытянуто на спине, головой на ССЗ. Череп обращён лицевой частью на запад. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левой – отсутствуют. Ноги, слегка сведённые в коленях, лежали прямо (рис. 9, 3).

Погребённого сопровождал следующий инвентарь:

- лепной плоскодонный сосуд с невысоким, отогнутым наружу венчиком, яйцевидным туловом, узким и плоским дном, находился у изголовья. Сосуд орнаментирован, поверхность сосуда

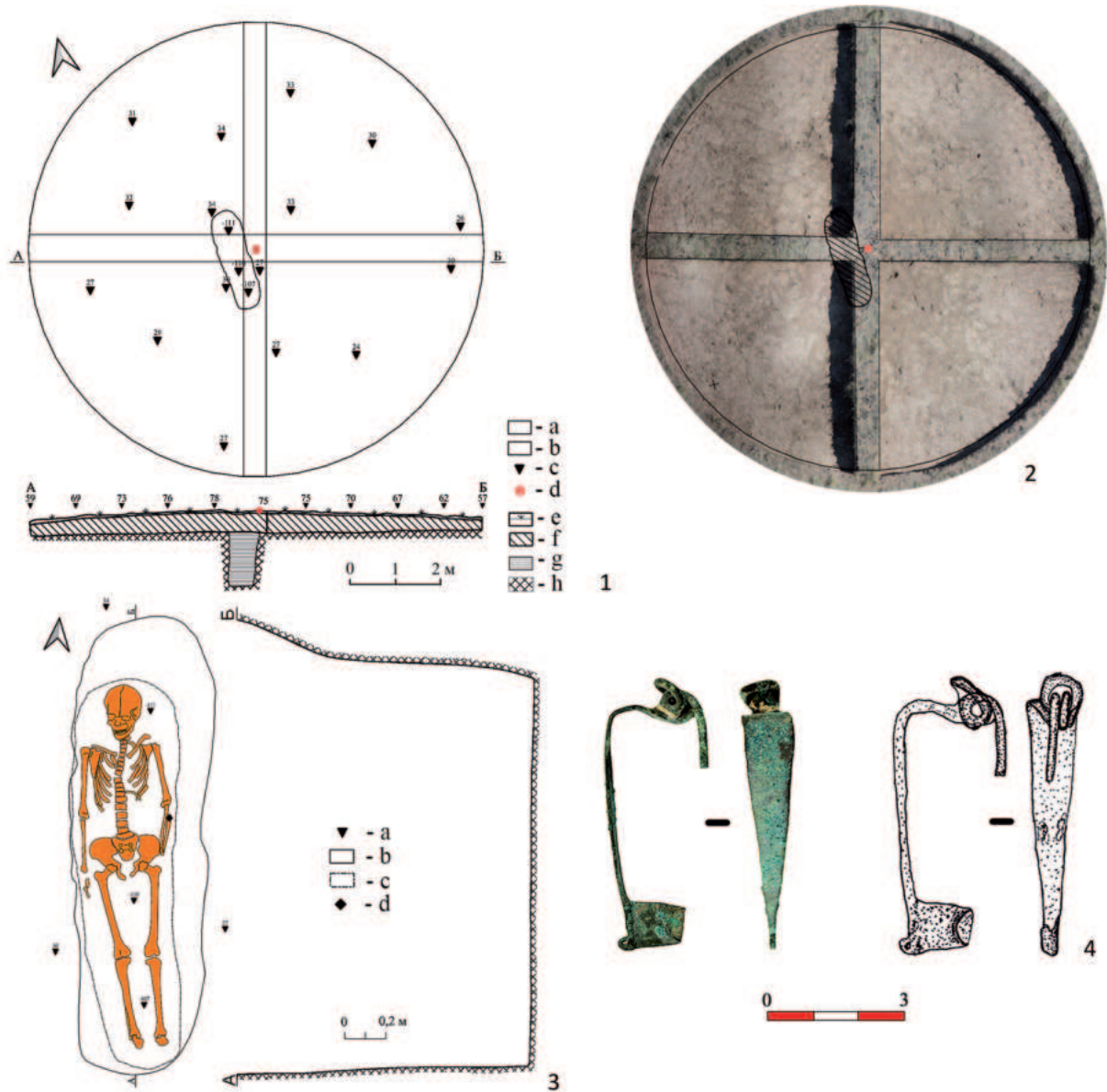

Рис. 8. Мог. Дербисали II, кург. 32: 1 – план; 2 – ортофотоплан (а – граница раскопа; б – верхний контур м.я.; с – отметки высот; d – условный центр кургана; е – дерн; f – светло-коричневый суглинок; g – заполнение м.я.; h – материк); 3 – план и разрез м.я. (а – отметки высот; б – верхний контур м.я.; с – дно м.я.; d – находки); 4 – фибула

8-сур. Дербісәлі II қорымы. № 32 оба : 1 – жоспар; 2 – ортофотожоспар (а – қазба шегарасы; б – қ.ш-ның жоғарғы контуры; с – биіктік белгілері; d – обаның шартты ортасы ; е – шым; f – ашық-қоңыр саздақ; g – қ.ш-ның толтырылуы; h – материк); 3 – қ.ш-ның жоспары мен қимасы (а – биіктік белгілері; б – қ.ш-ның жоғарғы контуры; с – қ.ш-ның түбі; d – олжалар); 4 – фибула

Fig. 8. Derbisali II burial ground, kurg. 32: 1 – plan; 2 – orthophotoplan (a – excavation boundary; b – upper contour of the b.p.; c – elevation marks; d – conditional centre of the kurgan; e – sod layer; f – light brown loam; g – filling the g.p.; h – mainland); 3 – plan and section of the g.p. (a – elevation marks; b – upper contour of the b.p.; c – bottom of the g.p.; d – finds); 4 – fibula

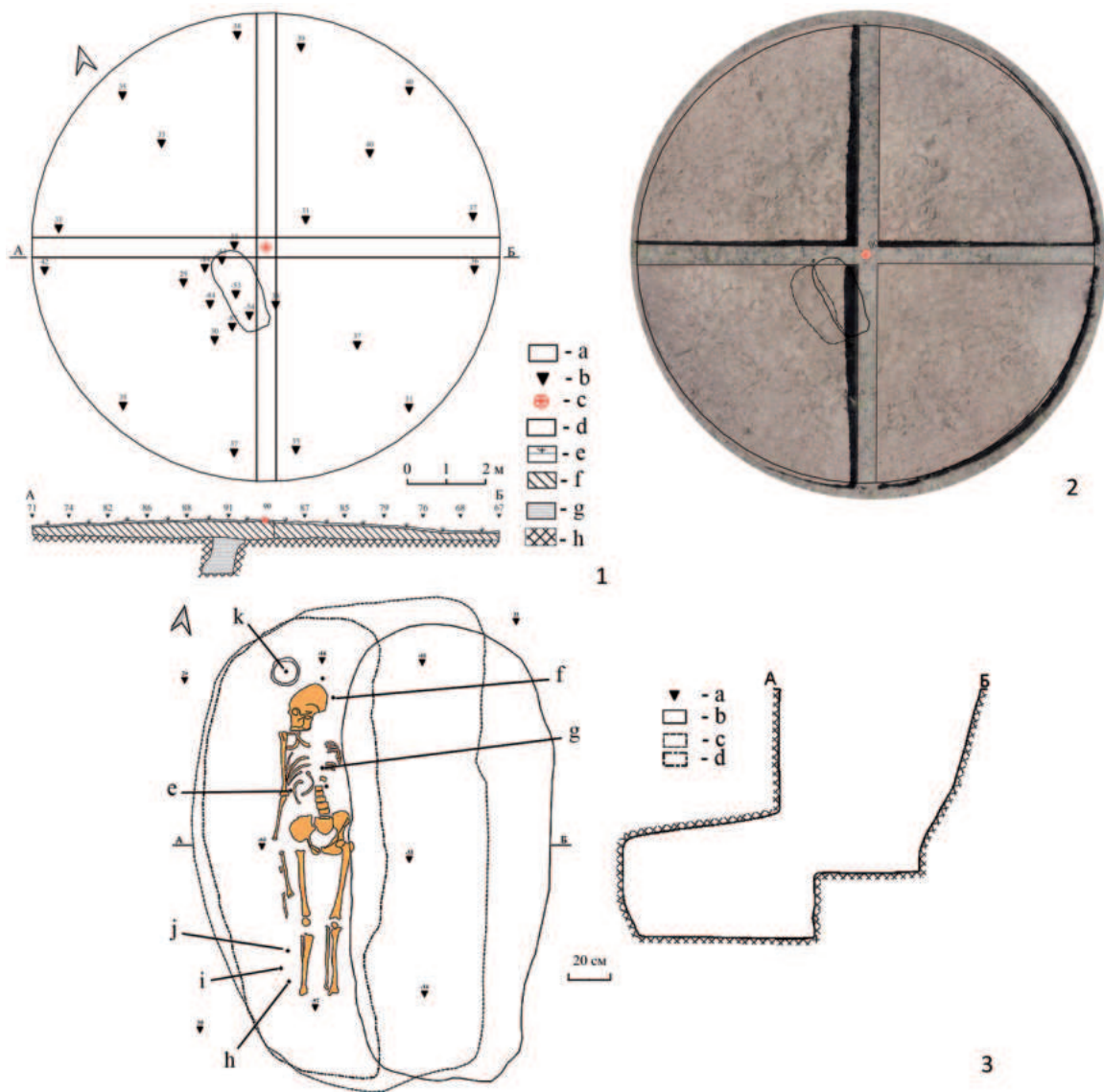

Рис. 9. Мог. Дербисали II, кург. 34: 1 – план; 2 – ортофотоплан (а – граница раскопа; b – отметки высот; c – условный центр курга; d – верхний контур м.я.; e – дерн; f – светло коричневый суглинок; g – заполнение м.я.; h – материк); 3 – план и разрез м.я. (а – отметки высот; b – верхний контур м.я.; c – дно м.я.; d – ступенька; e – бусы; f – бронзовая серьга; g – фибула; h – меловая пирамидка; i – пряслице; j – железный предмет; k – керамический сосуд)

9-сур. Дербісәлі II қорымы. № 34 оба: 1 – жоспар; 2 – ортофотожоспар (а – қазба шегарасы; b – биіктік белгілері; c – обаның шартты ортасы; d – қ.ш-ның жоғарғы контуры; e – шым; f – ашық-қоңыр саздақ; g – қ.ш-ның толтырылуы; h – материк); 3 – қ.ш-ның жоспары мен қимасы (а – биіктік белгілері; b – қ.ш-ның жоғарғы контуры; c – қ.ш-ның түбі; d – баспалдақ; e – моншақтар; f – қола сырға; g – фибула; h – бордан жасалған пирамидка; i – ұршық; j – темір бұйым (зат); k – қыш ыдыс)

Fig. 9. Derbisali II burial ground, kurg. 34: 1 – plan; 2 – orthophotoplan (a – excavation boundary; b – elevation marks; c – conditional centre of the kurgan; d – upper contour of the g.p.; e – turf layer; f – light brown loam; g – filling of the g.p.; h – mainland); 3 – plan and section of the g.p. (a – elevation marks; b – upper contour of the g.p.; c – bottom of the g.p.; d – step; e – beads; f – bronze earring; g – fibula; h – chalk pyramid; i – spinner; j – iron object; k – ceramic vessel)

серого цвета, с пятнами. На плечиках имеются семь пальцевых защипов. На венчике, плечиках и тулове наблюдаются следы нагара и копоти. Стенки в изломе чёрного цвета. Высота сосуда 16,5 см (рис. 10, 1);

- рядом обнаружены две 14-гранные бусины из непрозрачного стекла тёмного цвета. Здесь же лежали ещё две идентичные бусины с металлом внутри отверстия (рис. 10);

- скоба прямоугольной формы, изготовленная из тонкой бронзовой пластины расчищена слева от черепа. Ее размеры 8×19 мм (рис. 10, 24);

- фибула, которая, вероятно, хранилась в кожаном чехле, найдена в нижней части грудной клетки над позвонками. Фибула пружинная, одночленная, изготовлена из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 10, 6);

- три бусины прямоугольной формы серо-зелёного цвета находились ниже, на позвонках, (рис. 10);

- трёхчленная бусина с внутренней позолотой и одна сферическая бусина серого цвета выявлены у рёбер с правой стороны погребённого (рис. 10);

- фрагмент железного предмета обнаружен у правого колена (рис. 10, 3);

- ниже лежал предмет из мела в виде усеченной пирамиды. Вершина и основание пирамиды надломлены. Высота предмета – 6,8 см, основание имеет размеры 3,3×4 см (рис. 10, 5)

- глиняное пряслице биконической формы высотой 2,9 см находилось здесь же. Диаметр отверстия 3,5–6 мм (рис. 10, 4).

«Святимилице» № 35 расположено в центральной части северной цепочки. Представляло собой площадку, окружённую земляным валом, образующим прямоугольную форму с длиной сторон 28,4×29 м. Ширина западного и южного вала 7 м, северного – 8 м, высота от 0,15 до 0,31 м. С южной стороны во внутреннее пространство сооружения ведёт вход-перемычка, образованный за счёт устройства небольших насыпей на концах валов. Их размеры: западный – 0,41×11 м, восточный – 0,41×8 м. Ориентировано сооружение с ССЗ на ЮЮВ.

Могильное пятно, выделявшееся сильно гумусированным суглинком светло-коричневого цвета, выявлено под восточной насыпью. Оно имело прямоугольную форму, ориентированную по оси С-Ю (рис. 11, 2), размерами 2,4×0,9 м. Погребение ограблено. Кости скелета начали встречаться уже на небольшой глубине. На дне могилы, на глубине 1,5 м от уровня материка, в анатомическом порядке находился череп, рёбра и позвонки. Судя по ним, погребённый лежал вытянуто на спине, головой на север (рис. 11, 4) (см. описание в Приложении 1).

Погребённую сопровождали следующие находки:

- глиняное пряслице биконической формы обнаружено в засыпи, среди костей погребённого. Высота изделия 3,5 см, диаметр отверстия 0,6 см (рис. 12, 2);

- две серьги в один оборот, изготовленные из круглого в сечении серебряного прута, найдены с двух сторон от черепа. На обеих серьгах, в месте стыка прута, намотана тонкая проволока (рис. 12, 5, 6);

- серебряная двучленная сильно профилированная фибула длиной 3,5 см обнаружена справа от черепа. Плоская в сечении спинка, овальной формы, орнаментирована двумя биконическими бусинами. Приёмник полукруглой формы с бусиной на конце (рис. 12, 9);

- часть спинки и приёмник ещё одной серебряной фибулы слева выявлены у изголовья погребённого. Судя по сохранившимся фрагментам, она по форме была аналогична предыдущей (рис. 12, 7);

- ожерелье, изготовленное из коленчато-изогнутой, круглой в сечении серебряной проволоки с чередующимися участками спиралей, расчищено в районе шеи. В состав ожерелья входили две

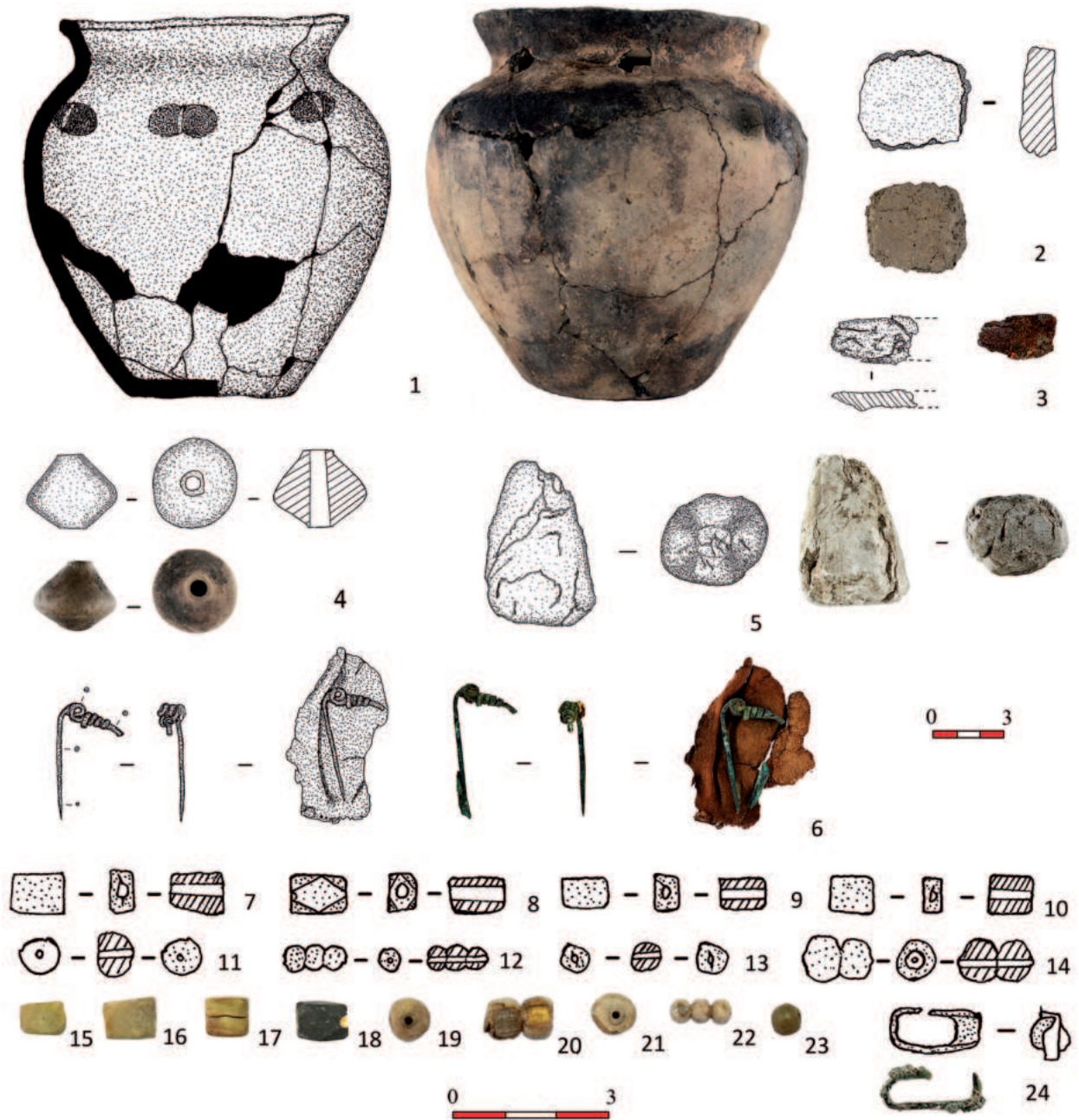

Рис. 10. Мог. Дербисали II, кург. 34. Погребальный инвентарь: 1 – лепной сосуд; 2 – фрагмент керамики; 3 – фрагмент железного предмета; 4 – глиняное пряслице; 5 – предмет из мела; 6 – фибула; 7–23 – бусы; 24 – бронзовая скоба

10-сур. Дербісәлі II қорымы. № 34 оба. Жерлеу заттары: 1 – жапсырма ыдыс; 2 – қыш бөлшегі; 3 – темір заттың бөлшегі; 4 – қыш ұршық; 5 – бордан жасалған бұйым; 6 – фибула; 7–23 – моншақтар; 24 – қола қапсырма

Fig. 10. Derbisali II burial ground, kurg. 34. Funeral equipment: 1 – molded vessel; 2 – a fragment of ceramics; 3 – a fragment of an iron object; 4 – clay spinning wheel; 5 – an object made of chalk; 6 – fibula; 7–23 – beads; 24 – bronze bracket

14-гранные бусины из непрозрачного стекла красного цвета, девять бусин цилиндрической формы из стекла чёрного цвета, восемь бусин округлой формы бежевого цвета из стеклянной массы, три бусины округло-уплощённой формы, одна реберчатая бусина и ракушка (рис. 13);

- подвеска?, по центру инкрустированная белым камнем и украшенная по краю зернью, найдена у грудной клетки. Диаметр изделия 1,3 см (рис. 12, 10);

- предмет из мела в виде усеченной пирамиды, выявлен у восточной стенки могильной ямы, в районе левой руки. Его высота 12 см, размеры основания – 4,5×4,5 см, вершины – 2×2 см (рис. 12, 1);

- небольшой бронзовый колокольчик обнаружен в южной половине могилы среди разбросанных костей. Высота колокольчика 3,2 см, диаметр тулова – 2,3 см. На ручке колокольчика имеются два отверстия. Язычок железный, зафиксирован при помощи бронзового крепления (рис. 12, 8);

- фрагмент кожи найден в южной части погребальной камеры;

- в южной части погребения обнаружена чашка от двусоставной курильницы. Высота чаши 2,5 см, диаметр устья 7,2 см, диаметр поддона составляет 9,3 см, а диаметр выемки под курильницу – 5,3 см. Изделие небольших размеров, с прямым венчиком, поверхность светло-серого цвета. Поддон курильницы, выполненный в форме катушки, находился у северо-западного угла могилы. В центральной части поддона имеется острорёберный валик. Сохранность поддона плохая. Его поверхность тёмно-серого цвета, стенки толстые, в изломе чёрного цвета (рис. 12, 4).

Курган № 38 (диаметр 10 м, высота 0,17 м) расположен в 31 м к юго-востоку от условного центра объекта № 35. На современной дневной поверхности он выделялся небольшим всхолмлением округлой формы. Могильная яма не обнаружена. Дополнительно заложенный шурф не дал результатов (рис. 14).

3 Обсуждение

Исследованные объекты могильника Дербисали II датируются в рамках II–IV в. н.э. и являются однородными в культурно-хронологическом плане. Сам могильник представляет собой один из крупных некрополей кочевников Южного Приуралья.

Погребальный обряд исследованных курганов, «гантелевидного» и «подковообразного» сооружений достаточно однороден. Насыпи курганов земляные, в плане округлой формы и незначительных размеров. Под курганами и насыпями сооружений, как правило, находилось по одной могильной яме. В большинстве случаев захоронения совершены в простых грунтовых могилах прямоугольной формы. При этом у одной из них по трём углам были зафиксированы ниши с погребальным инвентарём. Один раз захоронение совершено в подбойной могиле, с камерой, устроенной вдоль продольной западной стенки. Ориентировка могил – с севера на юг. Могилы индивидуальные, погребённые уложены вытянуто на спине, головой в северную сторону. Погребальный инвентарь достаточно разнообразен.

Объект № 21, представляющий собой «гантелевидное» сооружение, предположительно датируется серединой III в. н.э. Могильная яма прямоугольной формы, обнаружена в восточном окончании сооружения. На дне могильной ямы находился скелет взрослого человека, в вытянутом положении, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к западу. Погребальная камера имела три ниши по углам, вдоль западной стенки фиксировались следы гробовища. Ранее С.Г. Боталовым и С.Ю. Гуцаловым отмечалось, что для большого количества погребений (40 случаев) Южного Приуралья характерны деревянные конструкции. Как правило, они представляют собой продольные и поперечные обкладки стен либо выступают в качестве остатков от гробовищ [Боталов,

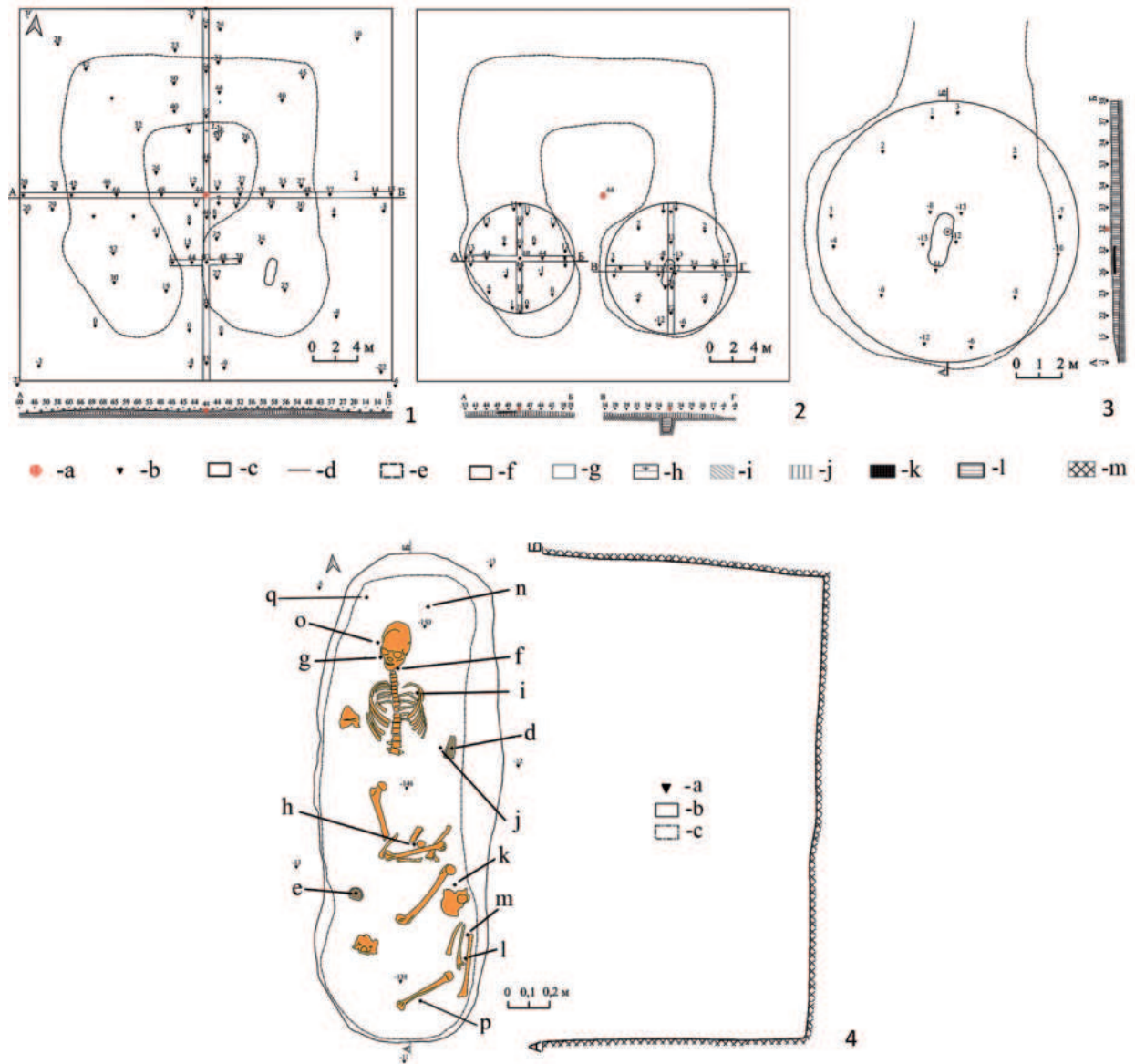

Рис. 11. Мог. Дербисали II. «Святылище» № 35: 1, 2 – план; 3 – план восточной насыпи (а – условный центр сооружения; b – отметки высот; с – граница раскопа; d – бровки; e – контур сооружения; f – верхний контур сооружения; h – дерн; i – светло-коричневый суглинок; j – вал; k – могильный выкид; l – заполнение м.я.; m – материк); 4 – план и разрез м.я. (а – отметки высот; b – верхний контур погребения; с – дно м.я.; d – меловая пирамидка; e – миниатюрный сосудик; f – ожерелье; g – бронзовая серьга; h – бронзовый колокольчик; i – подвеска ?; j, k, l – ожерелье; n – предмет из бронзы; m, o – фибула; p – фрагмент из кожи; q – курильница)

11-сур. Дербісәлі II қорымы. № 35 «ғибадатхана»: 1, 2 – жоспар; 3 – шығыс үйінді жоспары (а – құрылыстың шартты ортасы; b – биіктік белгілері; с – қазба шегарасы; d – жиектер; e – құрылыс контурлары; f – құрылыстың жоғарғы контурлары; h – шым қабаты; i – ашық-қоңыр саздақ; j – дуал; k – қабір шығарылымы; l – қ.ш-ның толтырылуы; m – материк); 4 – қ.ш-ның жоспары мен қимасы (а – биіктік белгілері;

Гуцалов 2000: 125]. Ниши, обустроенные в трёх углах погребальной камеры, также отмечены в женском погребении кургана № 2 Лебедевского могильного комплекса, датированного примерно серединой III в. н.э. [Мошкова 2009: 112].

Бронзовая фибула, найденная в погребении, относится к лучковым. А.К. Амброз, выделивший два варианта таких фибул, датировал их 2-й пол. II–III в. н.э. [Амброз 1966: 50–51]. Позднее А.С. Скрипкин верхнюю границу распространения лучковых фибул определил серединой III в. н.э. [Скрипкин 1977: 107]. Ещё одним хроноиндикатором данного объекта выступает керамическая кружальная миска, возможно, являющаяся продукцией центрально-кавказских мастерских. Аналогичное изделие происходит из погребения 1 кургана № 19 мог. Покровка 10, которое по ремненным гарнитурам датировано не позднее середины III в. н.э. [Малашев, Яблонский 2008: 49].

Хронология железных мечей без навершия и перекрестия достаточно давно рассмотрена и в принципе позволяет датировать комплекс этим временем. Можно предположить, что штырь найденного меча постепенно расширяется к низу, переходя в клинок, что позволяет его соотнести с находками 2 типа по классификации А.М. Хазанова. Как отмечает исследователь, к III в. н.э. рукояти немного изменяются: переход штыря от рукояти к клинку становится прямым [Хазанов 1971: 17, 20].

Под насыпью, в центральной части кургана № 30, было обнаружено одиночное потревоженное погребение, совершенное в могильной яме подпрямоугольной формы, вытянутой по направлению С–Ю. Кости погребённого (череп с признаками искусственной деформации, нижняя челюсть и две трубчатые кости) в разброс фиксировались на глубине 89 см от уровня материка. На дне погребальной камеры вдоль восточной стенки *in situ* находился железный меч плохой сохранности, что затрудняет его датировку. Хронологическую позицию кургана № 30 определяет бронзовая пряжка с рамками овальной формы, обнаруженная у рукояти меча, с правой её стороны. Сочетание полусферических шляпок на штифтах с язычками, прогнутой в средней части и овальной формой щитка позволяет рассматривать датировку в рамках середины – 2-й пол. III в. н.э. [Малашев, Яблонский 2008: 52].

В кургане № 31 могильная яма выявлена юго-западнее центра. Погребённый находился в вытянутом положении, головой ориентирован к северу с небольшим отклонением к западу. Датировку этого комплекса определяют найденные на шее погребённой остатки ожерелья, в частности 14-гранные бусины из непрозрачного стекла красного цвета. Время их появления М.Г. Мошкова определяет примерно с I и II в. [Мошкова 2000: 188, 191]. Датировку в рамках 2-й пол. II – начала III в. н.э. предлагает А.С. Скрипкин [Скрипкин 1984: 51]. Также вместе с 14-гранными бусами были зафиксированы спиралевидные пронизи из серебряной и бронзовой проволоки. Сочетание таких бусин, нанизанных на проволоку, датируется III в. н.э. [Малашев, Яблонский 2008: 64; рис. 164, 2; 180, 1].

b – жерлеу орнының жоғарғы контуры; c – қ.ш-ның түбі; d – бордан жасалған пирамида; e – шағын ыдыс;
f – алқа; g – қола сырға; h – қола қоңырау; i – салпыншақ ?; j, k, l – алқа; n – қоладан жасалған бұйым;
m, o – фибула; p – тері фрагменті; q – түтеткі)

Fig. 11. Derbisali II burial ground. 'Sanctuary' No. 35: 1, 2 – plan; 3 – plan of the eastern embankment (a – conditional centre of the construction; b – height marks; c – excavation boundary; d – edges; e – contour of the construction; f – upper contour of the construction; h – turf layer; i – light brown loam; j – rampart; k – grave outcrop; l – filling of the g.p.; m – mainland); 4 – plan and section of the g.p. (a – height marks; b – upper contour of the burial; c – bottom of the g.p.; d – chalk pyramid; e – miniature vessel; f – necklace; g – bronze earring; h – bronze bell; i – pendant ?; j, k, l – necklace; n – bronze object; m, o – fibula; p – leather fragment; q – incense burner)

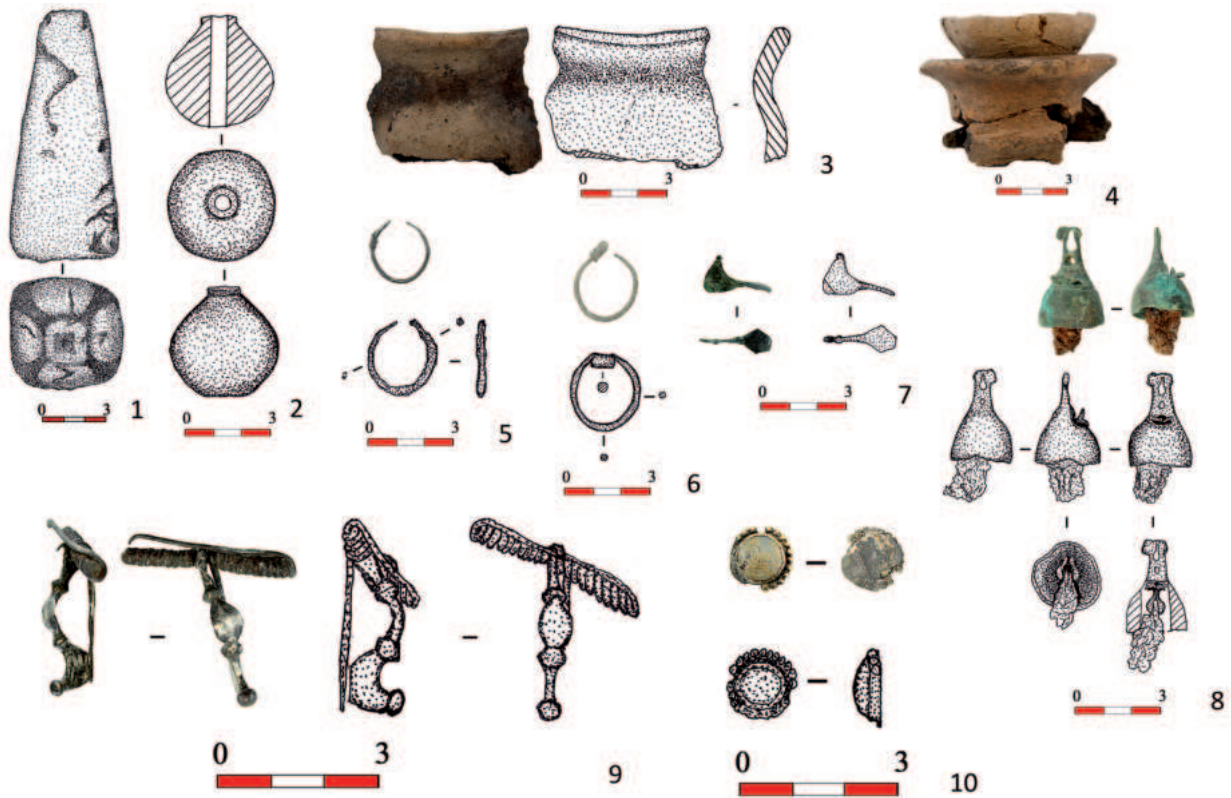

Рис. 12. Могильник Дербисали II. «Святынище» № 35. Погребальный инвентарь: 1 – меловая пирамидка; 2 – глиняное пряслице; 3 – венчик; 4 – двусоставная курильница; 5, 6 – серьги; 7 – приемник фибулы; 8 – бронзовый колокольчик; 9 – фибула; 10 – подвеска?

12-сур. Дербісәлі II қорымы. № 35 «ғибадатхана». Жерлеу заттары: 1 – бордан жасалған пирамида; 2 – қыш ұршық; 3 – ернеу; 4 – екі құрамды түтеткі; 5, 6 – сырғалар; 7 – фибуланың бекіткіші; 8 – қола қоңырау; 9 – фибула; 10 – салпыншақ?

Fig. 12. Derbisali II burial mound. 'Sanctuary' No. 35. Funeral equipment: 1 – chalk pyramid; 2 – clay spinning wheel; 3 – neck; 4 – double-walled incense burner; 5, 6 – earrings; 7 – fibula receiver; 8 – the bronze bell; 9 – fibula; 10 – pendant?

Дату кургана № 32 можно установить по бронзовой пружинной фибуле с пластинчатой треугольной коленчато-изогнутой спинкой и завитком на конце высокого сплошного приёмника. Данный тип фибул датируется концом III – началом IV в. н.э. [Амброз 1966: 46]. А.С. Скрипкин время их бытования отнёс к концу III – IV в. н.э. [Скрипкин 1977: 115]. М.Г. Мошкова не исключает датировку нижней границы фибул с коленчато-изогнутой спинкой 2-й пол. II в. н.э. [Мошкова 2000: 190].

Время сооружения кургана № 34 определяют также две 14-гранные бусины из непрозрачного стекла тёмного цвета и две идентичные бусины с внутренней металлической прокладкой. На территории Северного Причерноморья основное время распространения последних приходится на I–III вв. н.э. [Античные ... 1984: 238; табл. CLVI].

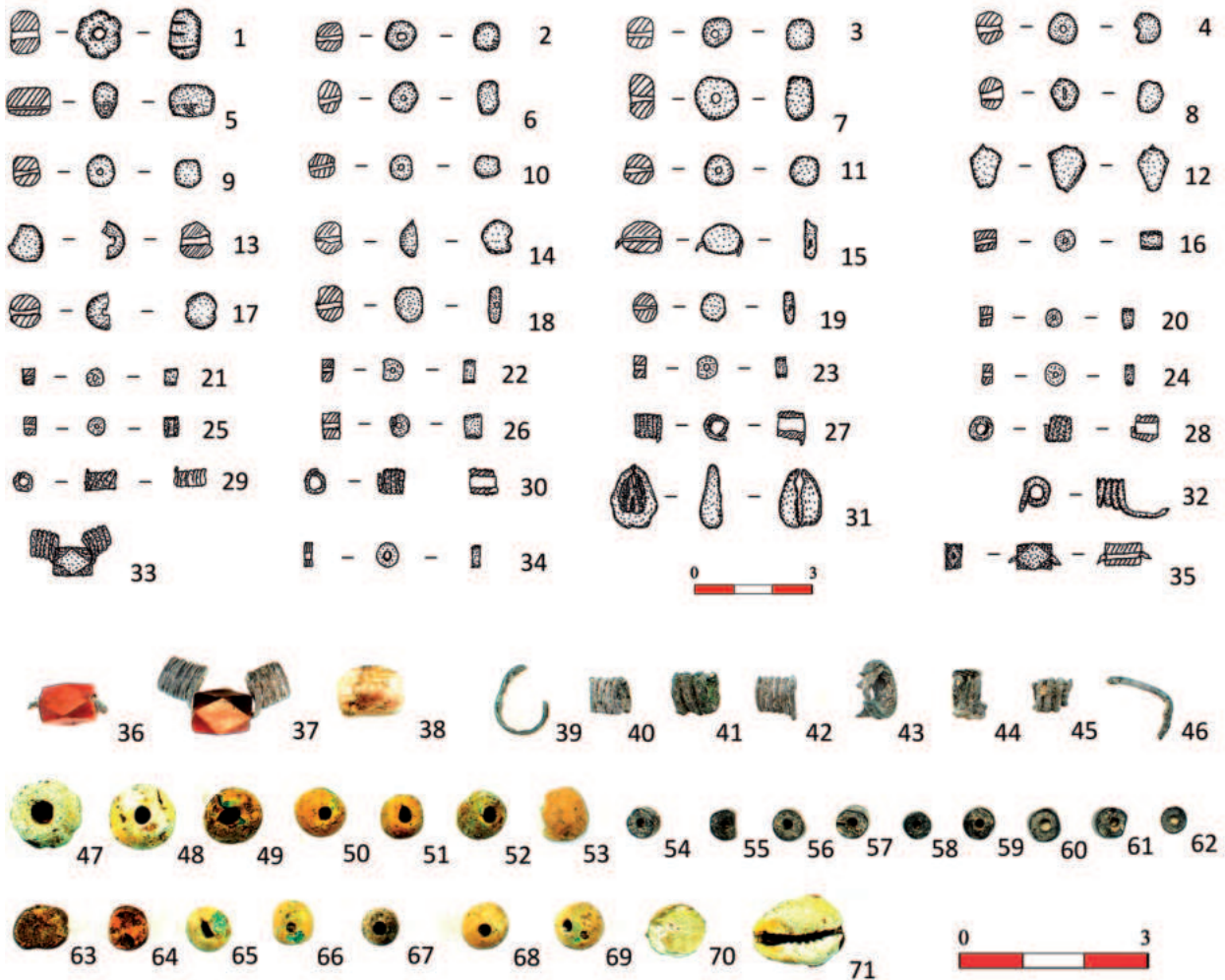

Рис. 13. Мог. Дербисали II, «святилище» № 35. Ожерелье
13-сур. Дербісәлі II қорымы. № 35 «ғибадатхана». Алқа
Fig. 13. Derbisali II burial ground. 'Sanctuary' No. 35. Necklace

Ещё одним хроноиндикатором данного кургана является пружинная, одночленная фибула, изготовленная из круглой в сечении бронзовой проволоки. Изделие отличается тем, что от места соединения пружины с сохранившейся частью спинки идёт завиток. Данная фибула напоминает лучковую одночленную фибулу с широкой раскованной ножкой. Можно предположить, что они являлись «заменой» вышедшим из употребления привычным одночленным лучковым застёжкам и датируются не ранее 2-й пол. III в. н.э. [Малашев, Яблонский 2008: 62–63; рис. 112, 6–7].

При раскопках объекта № 35 у северного вала обнаружен развал сосуда. Погребение, ориентированное по оси С–Ю, выявлено под насыпью восточного окончания. Захоронение ограблено, *in situ* сохранились голова, большая часть позвонков и рёбер, на основании чего можно предположить северную ориентировку погребённой. В районе шеи женщины обнаружено ожерелье,

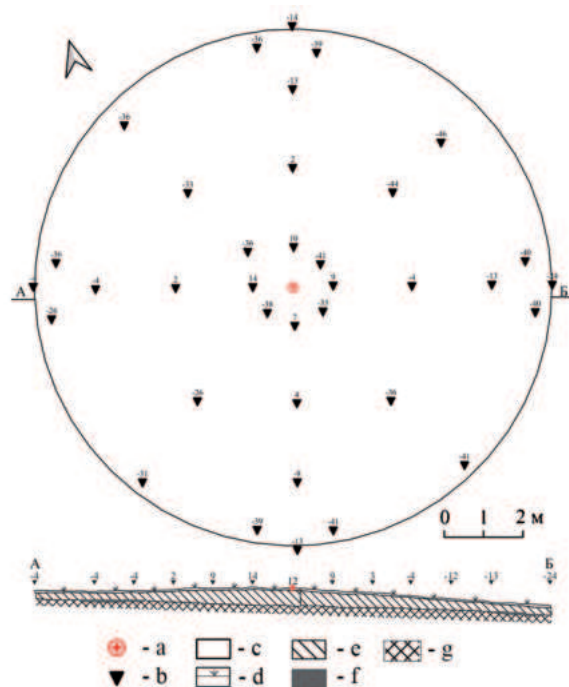

Рис. 14. Мог. Дербисали II, кург. 38. План (а – условный центр кург.; b – отметки высот; c – граница раскопа; d – дерн; e – светло-коричневый суглинок; f – ров; g – материк)

14-сур. Дербісәлі II қорымы. № 38 оба. Жоспар: (а – обаның шартты ортасы; b – биіктік белгілері; c – қазба шегарасы; d – шым; e – ашық-қоңыр саздақ; f – ор; g – материк)

Fig. 14. Derbisali II burial ground, kurg. 38. Plan (a – conditional centre of the kurgan; b – elevation marks; c – excavation boundary; d – turf layer; e – light brown loam; f – ditch; g – mainland)

изготовленное из коленчато-изогнутой, круглой в сечении серебряной проволоки с чередующимися участками спиралей и нанизанными на неё двумя 14-гранными бусами. Две бусины 14-гранные, из непрозрачного стекла красного цвета, девять цилиндрической формы из стекла чёрного цвета, восемь округлой формы из стеклянной массы бежевого цвета, три округло-уплощённой формы, одна известняковая реберчатая бусина и ракушка. Как и в погребении кургана № 32 аналогичные 14-гранные бусы датируются III в. н.э. [Малашев, Яблонский 2008: 64; рис. 164, 2; 180, 1]. Ещё одним хроноиндикатором служат серебряные сильнопрофилированные фибулы, найденные по обе стороны черепа, одна из которых сохранилась частично. Их появление В.Ю. Малашев и З.П. Кадзаева относят к сер. III в. н.э., при этом верхнюю границу бытования данного типа фибул определяют IV в. н.э. [Малашев, Кадзаева 2021: 66].

Вопрос о культовом или погребально-поминальном назначении таких архитектурных сооружений, как объект № 35, остаётся открытым. Аналогичные конструкции фиксируются как в Южном Приуралье, так и в степном Зауралье. Похожие сооружения, представленные каменными оградами различных типов, алтарно-жертвенными конструкциями и бидельтоидными стенками имеются на Мангышлаке (Алтынказган) [Астафьев, Богданов 2018: 348]. Южнее, на Устюрте, на могильнике Чаш-Тепе имеются погребально-поминальные поля, в плане напоминающие памятники Актюбинской области гунно-сарматского периода [Рапопорт, Трудновская 1979: 151].

Рис. 15. Мог. Дербисали II: 1 – кург. 30, череп; 2 – кург. 34, череп; 3 – «святилище» № 35, череп
15-сур. Дербісәлі II қорымы: 1 – № 30 оба, бас сүйегі; 2 – № 34 оба, бас сүйегі; 3 – № 35 «ғибадатхана»,
бас сүйегі

Fig. 15. Derbisali II burial ground: 1 – kurg. 30, skull; 2 – kurg. 34, skull; 3 – «Sanctuary» 35, Skull

Интересен тот факт, что захоронение в объекте № 35 устроено под юго-восточной насыпью. Чаще всего при исследовании памятников позднесарматского времени на территории Актюбинской области раскопкам подвергались курганные насыпи, а количество раскопанных культово-поминальных объектов, таких как «святилища» или «гантелевидные» сооружения, ничтожно малó. К исследованным могильникам со «святилищами» и «гантелевидными» сооружениями относятся Атпа I–III, Сарытау II (Жайлаусай), Целинный I, Сарытау I, Басшийли, Акбулак I–III, Аккисык I, Сорлакмола II. При этом, в двух «святилищах» на могильниках Сарытау II (Жайлаусай)

Рис. 16. Мог. Дербисали II, кург. 30. Дистальная часть левой большеберцовой кости. Стрелкой указано место перелома

16-сур. Дербісәлі II қорымы, 30-оба. Сол жақ асықты жіліктің дистальді бөлігі. Көрсеткішпен сүйектің сынған жері көрсетілген

Fig. 16. Derbisali II burial ground, kurg. 30. The distal part of the left tibia. The arrow indicates the location of the fracture

и Целинный I захоронения фиксировались под насыпями в юго-западной части, а на аналогичных сооружениях на могильниках Сарытау I [Бисембаев, Дусенгали 2008: 99; Боталов, Гуцалов 2000: 90; рис. 30, 1], Восточно-Курайлинский I и Аккисык I погребений не выявлено. Однако в юго-западной части сооружения Сарытау I были обнаружены три бронзовых колокольчика [Бисембаев, Дусенгали 2008: 100]. Как отмечает М.Г. Мошкова в могильниках Лебедевка IV–VI, включающих 28 оград-«сооружений», кроме костей мелкого рогатого скота, развалов сосудов и их фрагментов ничего не было найдено [Мошкова 1984: 196–201]. В последние годы на территории Актюбинской области сотрудниками Актюбинского областного историко-краеведческого музея в ходе целенаправленных археологических разведок выявлен целый пласт аналогичных сооружений, на которых при сборах с поверхности обнаружены фрагменты керамики и кости животных.

Примечателен факт расположения погребальных камер и в разных частях «гантелевидных» сооружений. Так, например, в могильниках Басшийли и Акбулак II они находились под насыпями западной стороны, а захоронения могильников Акбулак III и Аккисык I на месте соединения вала с восточной и северо-восточной насыпью [Бисембаев и др. 2018: 238; Мамедов и др. 2023: 25].

Для изучения погребальной обрядности носителей позднесарматской культуры стоит обратить внимание на объект № 89 мог. Сорлакмола II. Он представлял собой сложное, вытянутое в направлении ЗЮЗ–ВСВ, архитектурное сооружение. Его основу составлял земляной вал длиной примерно 156 м, высотой 0,6 м и шириной 8–8,5 м. К центральной части вала примыкало подквадратное сооружение с могильной ямой [Дуйсенгали и др. 2020: 239]. Кроме того, нужно обратить внимание на то, что такие «гантелевидные» сооружения с дополнительными элементами в степях Западного Казахстана известны в большом количестве. Как правило, они примыкают к южной стороне вала, бывают одинарными или двойными, а по форме в большинстве подквадратными. Ещё в одном случае в могильнике Акбулак I захоронение не было выявлено, хотя в данном случае раскопки были произведены только на окончания сооружений, на валу шурфами на определённых участках [Жамбулатов и др. 2023: 6].

Сохранность и комплектность палеоантропологического материала ограничивают возможности сопоставления их с синхронными находками. На предварительном уровне исследования можно сделать следующие выводы:

- на всех черепах фиксируется преднамеренная искусственная деформация кольцевого типа. В целом, краниумы по комплексу черт относятся к гиперморфным европеоидам и находят аналогии среди других материалов Западного Казахстана и Южного Урала [Китов 2013: 519–544]. Женский череп из «святилища» № 35 сочетает в себе европеоидные и монголоидные признаки;

- кости посткраниального скелета среднемаассивные, имеют средние продольные параметры. Особенности скелетной конституции в целом позволяют отметить близость материалов к морфологическому типу, представленного в синхронных позднесарматских погребениях [Пежемский 2008, Лукпанова, Жанузак 2023]. Сходство, в первую очередь, проявляется как по формам поперечных сечений, так и по степени массивности костей, а так же в некоторой удлинённости верхних конечностей по отношению к нижним.

4 Заключение

Подводя итог, нужно отметить, что могильник Дербисали II является одним из больших некрополей кочевников Западного Казахстана. Мы не исключаем, что первые курганы были сооружены носителями раннесарматской культуры в сер. – 2-й пол. VI–V в. до н.э. Подтверждением этому выступает нахождение в западной части могильника большого кургана. Основное время функционирования памятника приходится на позднесарматский период, когда были сооружены небольшие курганы, «гантелевидные» сооружения и «святилища».

Об этом свидетельствуют формы надмогильных сооружений, способы обращения с погребёнными, фиксация следов искусственной деформации черепа и предметы материальной культуры.

Регистрация на территории Актюбинской области значительного количества памятников, включающих «гантелевидные» сооружения и «святилища» и отдельные раскопки на могильниках, показывает, что Западный Казахстан во II–IV вв. н.э. населяли крупные племенные объединения. Все выявленные на данный момент объекты протянулись широкой полосой от торгайских степей до западных границ Актюбинской области, далее на западе фиксируются в основном в Западно-Казахстанской и Атырауской областях.

Приложение 1

Могильник Дербисали II. Описание палеоантропологического материала

Всего обработаны скелетные останки шести человек. Среди них лишь три черепа имеют хорошую сохранность. Остальные краниумы представлены фрагментами мозговой коробки и некоторыми частями лицевого скелета. Краниометрические и остеометрические данные представлены в таблицах № 1 и 2.

Объект № 21. Скелет принадлежал мужчине 30–40 лет. Череп и посткраниальный скелет плохой степени сохранности. На черепе фиксируются следы искусственной деформации. Лобная кость среднеширокая. Лицевой отдел широкий и высокий на верхнем уровне. Орбиты очень широкие и высокие, по указателю мезоконхные. Нос мезоринных пропорций при средней ширине и большой высоте. Глубина клыковой ямки малая. Мышечковая ширина нижней челюсти большая.

Таблица 1 – могойлик Дербисали II. Краниометрические характеристики
1-кесте – Дербісәлі II қорымы. Краниометриялық сипаттамалар
Table 1 – Derbisali II burial ground. Craniometric characteristics

Мозговой отдел	Дербисали II, об. 30	Дербисали II, об. 32	Дербисали II, об. 31	Дербисали II, объект 34	Дербисали II, объект 35
1. Продольный диаметр	176,0	171,0	160,0	181,0	173,0
1в. Прдольный диам. от орh	166,0	163,0	155,0	172,0	170,0
8. Поперечный диаметр	140,0	150,0	146,0	125,0	136,0
17. Высотный диаметр b-br	140,0	-	-	-	143,0
20. Ушная высота	125,0	-	-	119,0	-
5. Длина основания черепа	97,0	-	-	-	102,0
40. Длина основания лица	97,5	-	-	-	89,5
9. Наименьшая ширина лба	96,0	97,0	95,0	96,0	102,0
10. Наибольшая ширина лба	120,0	121,5	120,0	108,5	118,0
11. Ширина осн. черепа	130,0	-	-	116,0	129,0
12. Ширина затылка	113,0	-	-	-	103,0
23а. Горизонт.окружность	502,0	500,0	472,0	488,0	438,0
24. Поперечная дуга	316,0	-	-	306,0	305,0
25. Сагиттальная дуга	385,0	-	-	354,0	365,0
26. Лобная дуга	129,0	124,0	119,0	121,0	127,0
27. Теменная дуга	130,0	122,0	123,0	118,0	120,0
28. Затылочная дуга	127,0	-	-	114,0	118,0
29. Лобная хорда	118,0	113,5	108,5	115,0	117,5
30. Теменная хорда	105,0	102,0	101,0	106,0	104,5
31. Затылочная хорда	110,0	-	-	98,0	103,0
Высота изгиба лба	17,0	20,0	18,0	15,0	20,0
Высота изгиба затылка	30,0	-	-	19,0	25,0
Верхнелицевой отдел					
43. Верхняя ширина лица	104,0	104,5	109,0	103,0	115,0
45. Скуловой диаметр	142,0	-	-	127,0	137,0
46. Средняя ширина лица	100,5	-	-	95,0	97,5
47. Полная высота лица	127,5	-	-	-	116,5
48. Верхняя высота лица	74,5	-	-	67,0	74,0
51. Ширина орбиты	43,5	41,0	42,0	45,5	46,0
51а. Ширина орбиты от d.	35,5	-	-	-	44,0
52. Высота орбиты	32,0	36,0	36,5	37,0	42,0
54. Ширина носа	23,0	-	-	23,5	26,5

Окончание таблицы 1
1-кестенің соңы
End of table 1

55. Высота носа	53,0	-	-	54,0	56,0
60. Длина альвеол. дуги	53,0	57,0	-	50,0	47,0
61. Ширина альвеол. дуги	62,0	62,0	-	59,0	62,0
62. Длина неба	47,0	-	-	45,0	38,0
63. Ширина неба	38,0	36,0	-	34,0	36,0
<u>Ss. Симотическая высота</u>	2,5	-	-	4,0	4,0
<u>Sc. Симотическая ширина</u>	7,0	-	-	10,0	10,5
Ms. Максиллофронт. выс.	3,0	-	-	5,0	7,0
Mc. Максиллофронт. шир.	15,0	-	-	14,5	21,0
Ds. Дакриальная высота	12,5	-	-	11,5	10,0
Dc. Дакриальная ширина	20,5	-	-	18,0	24,5
<u>FC. Глубина клыковой ямки</u>	5,0	-	3,0	6,5	3,5
Нижняя челюсть					
65. Мыщелковая ширина	-	-	108,0	111,5	119,5
66. Угловая ширина	-	-	102,0	101,5	98,0
67. Передняя ширина	44,0	-	48,0	45,0	45,0
69. Высота симфиза	39,0	-	30,0	32,5	32,0
69/1. Высота тела	37,0	-	37,5	-	30,0
69/3. Толщина тела	13,5	-	12,0	12,5	11,0
71а. Ширина ветви	-	-	35,0	33,5	31,5
C. У.выступания подбородка	65,0	-	72,0	64,0	61,0
Угловые размеры					
<u>32. У.профиля лба от n.</u>	80,0	-	-	69,0	73,0
Угол профиля лба от gl.	67,0	-	-	62,0	65,0
<u>72. Общий лицевой угол</u>	88,0	-	-	85,0	89,0
<u>73. Средний лицевой угол</u>	89,0	-	-	88,0	90,0
<u>74. У.альвеолярной части</u>	87,0	-	-	80,0	85,0
75. У. наклона нос. костей	67,0	-	-	66,0	62,0
<u>75/1. У.выступания носа</u>	21,0	-	-	19,0	27,0
<u>77. Назомаллярный у.</u>	147,0	145,0	160,0	135,0	138,0
<u>Zm. Зигомаксилл. у.</u>	130,0	-	-	130,0	131,0
УПИЛ. У.попер.изг.лба	145,0	140,0	143,0	131,0	138,0

Таблица 2 – Мозильник Дербисали II. Остеометрические характеристики 2-кесте – Дербісәлі II қорымы. Остеометриялық сипаттамалар
Table 2 – Derbisali II burial ground. Osteometric characteristics

	Дербисали II, об. 21		Дербисали II, об. 30		Дербисали II, об. 32		Дербисали II, об. 31		Дербисали II, объект 34		Дербисали II, объект 35	
	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л	П	Л
Плечевая кость												
1. Наибольшая длина	343,0	-	334,0	-	339,0	-	323,0	-	-	-	319,0	315,0
2. Полная длина	338,0	-	329,0	-	332,0	-	319,0	-	-	-	315,0	309,0
Ширина верхнего эпифиза	53,0	-	52,0	-	-	-	-	-	-	-	-	49,0
9. Вертик.д.головки	51,5	-	50,0	-	-	-	-	-	-	-	-	44,5
4. Ширина нижнего эпифиза	68,0	-	67,5	67,0	66,5	65,5	57,0	54,0	59,0	-	58,5	56,0
5. Наиб. диаметр сред. диафиза	24,5	23,5	26,5	26,5	25,0	23,5	22,0	22,0	19,5	20,5	22,5	23,0
6. Наим. диаметр сред. диафиза	18,5	18,5	21,5	20,0	19,0	19,0	15,0	15,0	17,0	17,0	15,5	15,5
7. Наим. окружность	67,0	67,0	74,0	73,0	67,0	65,0	56,0	57,0	56,0	56,0	59,0	57,0
7а. Окр.сред. диафиза	70,0	70,0	76,0	77,0	72,0	70,0	61,0	61,0	59,0	60,0	63,0	64,0
Межмышцелк. отв.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Локтевая кость												
1. Наибольшая длина	282,0	280,0	277,0	269,0	-	-	-	-	-	-	-	251,0
2. Физиол.длина	252,0	250,0	244,0	236,0	-	-	221,0	-	206,0	-	-	219,0
11. Передне-задний диаметр	13,0	14,5	15,0	15,5	13,5	14,5	13,0	11,5	12,0	12,5	11,5	11,0
12. Поперечный диаметр	17,0	16,0	18,0	18,0	18,0	18,5	14,0	13,5	13,5	14,0	16,5	17,5
3. Наименьшая окружность	38,0	39,0	38,0	37,0	40,0	43,0	31,5	32,0	34,0	-	34,0	36,0
Лучевая кость												
1. Наибольшая длина	262,0	262,0	253,0	-	261,0	260,0	225,0	229,0	216,0	-	239,0	237,0
2. Физиол.длина	248,0	248,0	238,0	-	245,0	244,0	216,0	217,0	202,0	-	225,0	221,0
4. Поперечный диаметр диаф.	18,5	19,0	20,0	19,0	20,0	18,0	16,0	15,0	15,5	16,0	18,5	17,0
5. Сагит.диаметр диаф.	11,5	13,0	13,0	12,0	12,0	12,0	10,0	10,5	10,5	10,0	11,5	11,5
3. Наименьшая окружность	40,0	41,0	44,0	46,0	43,0	44,0	36,5	35,0	36,0	36,0	40,0	40,0

Окончание таблицы 2
2-кестенің соңы
End of table 2

Ключица												
1. Длина	149,0	-	-	142,0	-	-	127,0	-	-	-	-	-
6. Окружность	47,0	48,0	46,0	43,0	36,0	35,0	32,0	-	35,0	-	32,0	-
Бедренная кость												
1. Наиб.длина	490,0	-	-	-	450,0	-	-	-	-	407,0	413,0	413,0
2. Длина физиол.	486,0	-	-	-	449,0	-	-	-	-	405,0	412,0	410,0
4. Общая длина от б.вертела	453,0	-	-	442,0	439,0	-	-	-	-	388,0	389,0	389,0
Шир.верхн.эпифиза	91,0	94,0	-	-	102,0	-	-	-	-	88,0	-	91,5
21. Мыщелковая ширина	86,0	-	80,0	81,0	-	-	-	-	-	-	74,0	81,5
6. Сагитт.диаметр середины д.	29,0	28,0	33,0	30,0	30,0	30,0	26,0	27,0	26,0	26,0	25,5	25,5
7. Попер.диаметр середины д.	27,0	26,5	29,0	30,0	28,5	29,0	22,0	25,0	23,0	24,0	24,0	24,0
9. Верх.попер.диаметр	30,0	30,0	31,5	34,0	32,0	34,0	28,5	28,0	32,0	31,0	30,0	31,0
10. Верхний сагитт. диаметр	27,0	27,5	30,0	30,0	28,5	28,0	25,0	24,0	25,0	23,0	24,5	25,0
8. Окружность сер. Диафиза	86,0	85,0	99,0	-	91,0	91,0	77,0	80,0	75,0	75,0	74,0	76,0
Окружность шейки	100,0	98,0	-	-	93,0	97,0	-	-	93,0	92,0	92,0	94,0
Вертик.д.головки	48,0	48,0	-	-	48,0	47,0	-	-	43,5	43,0	45,5	46,0
Третий вертел	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+
Большеберцовая кость												
1. Полная длина	-	-	-	-	379,0	-	-	-	-	-	341,0	343,0
5. Наиб.ширина верхн. эпифиза	-	-	-	74,0	77,0	-	-	-	-	-	71,5	72,5
6. Наиб.шир.нижнего эпифиза	50,0	55,0	51,0	-	51,0	53,0	39,0	-	45,5	48,0	51,0	52,0
8. Сагит.д.сер.д.	24,0	27,0	29,0	-	31,0	29,0	22,0	23,0	26,5	26,0	23,5	24,0
9. Попер.д.сер.д.	21,0	22,5	26,5	-	21,0	22,0	18,0	18,0	20,0	20,0	19,5	19,5
8а. Сагит.д.на ур.пит.отв.	32,0	34,5	33,5	33,0	39,0	40,0	28,0	28,5	29,5	31,5	28,5	30,0
9а. Попер.д.на ур.пит.отв.	26,5	26,0	28,5	27,5	23,5	25,0	20,0	20,0	22,0	22,5	24,0	25,0
10. Окр.сер.д.	75,0	78,0	85,0	-	80,0	80,0	64,0	64,0	72,0	72,0	67,0	67,0
10б. Наим.окр.	71,0	74,0	76,0	-	73,0	71,0	59,0	60,0	68,0	68,0	63,0	64,0

Угол выступания подбородка большой. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на верхнем уровне.

Правая плечевая кость среднемаассивная. Кости предплечья имеют большую длину. Диафизы бедренных костей расширены (эуримерия). Их массивность незначительная. По форме сечения большеберцовые кости характеризуются эурикснемией. Значение луче-плечевого указателя среднее. По величине плече-бедренного индекса можно отметить некоторую укороченность плеча относительно бедра. Элементы мышечного рельефа выражены средне.

Курган № 30. Череп (рис. 15, 1) и посткраниальный скелет имеют хорошую сохранность. Череп мезокраниальный при малом продольном и среднем поперечном диаметре. Макрорельеф выражен средне. Фиксируется искусственная деформация черепной коробки. Высота свода от *ba* большая. Высотный диаметр от *po* также характеризуется очень большой величиной. Лобная кость среднеширокая. Основание черепа малое в длину и очень широкое. Затылочная кость широкая.

Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Лицо характеризуется средней верхней шириной, очень большим скуловым диаметром и большой средней шириной. Нос лепторинных пропорций при малой ширине и средней высоте. Переносье узкое и низкое. Орбиты широкие, низкие, по указателю хамэконхные. Величина глубины клыковой ямки попадает в категорию средних размеров. В горизонтальной плоскости лицо сильно уплощено в верхнем ярусе и средне на уровне передних зигомаксиллярных точек.

Правая плечевая кость очень массивная. Диафизы плечевых костей характеризуются эврибрахией (расширены). Кости предплечья (локтевые и правая лучевая кость) и левая ключица имеют среднюю длину. По форме сечения бедренные кости характеризуются эуримерией. Диафизы большеберцовых костей на уровне питательного отверстия расширены. Луче-плечевой указатель свидетельствует о средних соотношениях длин костей руки. Элементы рельефа в местах прикрепления мускулатуры развиты средне или ниже среднего. В дистальной части левой большеберцовой кости фиксируется прижизненный перелом (рис. 16).

Курган № 31. Скелет принадлежал женщине 35–45 лет. Череп со следами искусственной деформации, имеет плохую сохранность. Разрушена лицевая часть и основание черепа. Посткраниальный скелет также удовлетворительной степени сохранности.

Череп гипербрахикраниальный за счёт очень малого продольного и очень большого поперечного диаметра. Лобная кость среднеширокая по величине наименьшей ширины и очень широкая – по наибольшей. Горизонтальная окружность очень малая. Лицевой отдел очень широкий на верхнем уровне. Орбиты широкие и высокие, гипсиконхные по указателю. Глубина клыковой ямки малая. Мыщелковая ширина нижней челюсти малая. Угол выступания подбородка средний.

Плечевые кости по форме сечения диафизов характеризуются платипрахией. Правая плечевая кость имеет среднюю длину. Её массивность незначительная. Кости предплечья и ключицы малой длины. Бедренным костям свойственна эуримерия, большеберцовые кости характеризуются эурикснемией. По луче-плечевому указателю можно отметить некоторую укороченность предплечья относительно плеча. Мышечный рельеф развит средне. Без особенностей.

Курган № 32. Скелет принадлежал мужчине 30–35 лет. Череп плохой степени сохранности. Искусственно деформирован. Лобная кость среднеширокая по наименьшей ширине и очень широкая – по наибольшей. Горизонтальная окружность очень малая. Лицо среднеширокое на верхнем уровне. Орбиты среднеширокие и высокие, мезоконхные по указателю. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на верхнем уровне. Ширина нёба малая.

Правая плечевая кость среднемаассивная, имеет среднюю длину. Диафизы плечевых костей расширены (эврибрахия). Лучевые кости большой длины. Продольные параметры бедренных

и большеберцовых костей определяются как средние. Бедренные кости средней массивности. Правая бедренная кость характеризуется эуримерией, левая – платимерией. Массивность большеберцовых костей незначительная. По форме сечения диафизов большеберцовые кости отличаются платикнемией.

По берцово-бедренному указателю отмечается укороченность бедра относительно голени. Значение интермембрального указателя свидетельствует об удлинённости верхних конечностей по отношению к нижним. Длина тела, реконструированная по формулам В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца по правой стороне скелета, составила 168,3–176,1 см. Элементы мышечного рельефа выражены слабо.

Курган № 34. Скелет принадлежал женщине 40–50 лет. Череп хорошей степени сохранности, искусственно деформирован. Мозговая коробка долихокранная при большом продольном и очень малом поперечном диаметрах (рис. 15, 2). Макрорельеф выражен средне. Высота свода от ро очень большая. Лобная кость широкая по наименьшей и узкая по наибольшей ширине. Угол профиля лба от п очень малый. Основание черепа малое в ширину. Лицевой скелет средневысокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Средний лицевой и альвеолярный углы большие. Скуловой диаметр и средняя ширина лица средние, в верхнем ярусе лицо широкое. Нос лепторинный при средней ширине и большой высоте. Переносье широкое и высокое. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикальной плоскости лицевого скелета определяется малой величиной. Орбиты мезоконхные за счёт очень большой ширины и высоты. Горизонтальная профилировка резкая на обоих уровнях. Клыковая ямка большой глубины.

По форме сечения плечевые кости характеризуются эврибрахией. Правая лучевая и правая бедренная кости средней длины. Бедренные кости средней массивности, диафизы уплощены. Диафизы большеберцовых костей расширены. Элементы рельефа в местах прикрепления мускулатуры развиты средне. Скелет в целом грацильный.

«Святителище» № 35. Скелет принадлежал женщине 30–35 лет. Череп и посткраниальный скелет в целом хорошей степени сохранности. Череп мезокранный, при средних значениях продольного и поперечного диаметров (рис. 15, 3). Высота свода от ба очень большая. Лобная кость очень широкая по наименьшей ширине и среднеширокая – по наибольшей. Угол профиля лба от п очень малый, его значение едва достигает нижних границ категории «очень малые». Основание черепа большое в длину и очень широкое. Затылочная кость среднеширокая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Лицо широкое. Все три признака, характеризующих ширину лица, попадают в категорию больших размеров. Нос мезоринных пропорций за счёт большой ширины и очень большой высоты. Угол выступания носовых костей средний. Переносье широкое и высокое. Орбиты очень широкие и очень высокие, гипсиконхные по указателю. В горизонтальной плоскости лицо средне профилировано на обоих уровнях. Глубина клыковой ямки малая.

Плечевые кости средней длины и массивности, характеризуются платипрахией. Продольные параметры локтевых и лучевых костей в пределах средних величин. Бедренные и большеберцовые кости характеризуются средней длиной и средней массивностью. Верхняя часть диафизов бедренных костей уплощённая. Большеберцовым костям напротив свойственна эурикнемия.

По величине интермембрального указателя можно отметить удлинённость верхних конечностей по отношению к нижним. Длина тела, реконструированная по формулам В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца по правой стороне скелета, составила 156,5–162,1 см. Элементы рельефа в местах прикрепления мускулатуры развиты ниже среднего.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- 2 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- 3 Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 141 с.
- 4 Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков; авт. Е.М. Алексеева, А.К. Амброз, Т.М. Арсеньева и др. М.: Наука, 1984. 392 с.
- 5 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus* 2018. № 4. С. 347–368.
- 6 Бисембаев А.А., Дүйсенгали М.Н. Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 99–101.
- 7 Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дүйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)*. 2018. № 1–2. С. 235–244.
- 8 Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 269 с.
- 9 Дүйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Мелисов Б.М. Результаты археологических исследований могильника Сорлакмола II // *Маргулановские чтения–2020*. В 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 233–246.
- 10 Жамбулатов К.А., Турмахан Н., Казизова А.У. Отчет о НИР по теме: «Комплексное исследование памятников эпохи гуннов» на могильнике Акбулак I. 2023 г. // *Фонды АОИКМ*.
- 11 Китов Е.П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* / Гл. ред. С.Г. Боталов; отв. ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 519–544.
- 12 Лукпанова Я.А., Жанузак Р.Ж. Новые материалы позднесарматского времени из Западного Казахстана: (курган № 21, мог. Акадыр-2) // *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)*. 2023. № 4 (22). С. 127–139.
- 13 Мамедов А.М., Амелин В.А., Баиров Н.М., Мамиров Т.Б. Отчет о НИР по теме: «Комплексное исследование памятников эпохи гуннов» на могильнике Аккисык I. 2023 г. // *Фонды АОИКМ*.
- 14 Малашев В.Ю., Кадзаева З.П. Сильнопрофилированные фибулы середины III–IV в. н.э. // *Российская археология*. 2021. № 2. С. 54–72.
- 15 Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.
- 16 Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // *Древности Евразии в скифо-сарматское время* / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 196–201.
- 17 Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // *Нижеволжский археологический вестник*. 2000. Вып. 3. С. 186–196.
- 18 Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (Раскопки Г.И. Багрикова) // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб. науч. ст.* / науч. ред. и предисл. А.Г. Фурасьева. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. С. 99–113.
- 19 Пежемский Д.В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С. 95–100.
- 20 Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // *Кочевники на границах Хорезма* / Отв. ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1979. С. 151–166.
- 21 Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // *Советская археология*. 1977. № 2. С. 100–120.
- 22 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / Под ред. М.Г. Мошковой. Саратов.: Саратов. ун-т, 1984. 150 с.
- 23 Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

REFERENCES

- 1 Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Methodology of anthropological research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 2 Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranioimetry: Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 3 Ambrose, A. K. 1966. *Fibuly juga Evropeyskoy chasti SSSR (Fibulae of the south of the European part of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 4 Alekseeva, E. M., Ambrose, A. K., Arsenyeva, T. M. et al. 1984. In: Koshelenko, G. A., Kruglikova, I. T., Dolgorukov, V. S. (eds.). *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya (Ancient states of the Northern Black Sea region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 5 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2018. In: *Stratum plus*, 4, 347–368 (in Russian).
- 6 Bissembaev, A. A., Duisengali, M. N. 2008. In: *Ufimskii arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, 8, 99–101 (in Russian).
- 7 Bissembaev, A. A., Khavansky, A. I., Duisengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Amelin, V. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 235–244 (in Russian).
- 8 Botalov, S. G., Gutsalov, S. Y. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakh steppes)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
- 9 Duisengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Melisov, B. M. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In: 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 233–246 (in Russian).
- 10 Zhambulatov, K. A., Turmahan, N., Kazizova, A. U. 2023. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: «Kompleksnoe issledovanie pamyatnikov epohi gunnov» na mogilnike Akbulak I (Report on research work “Comprehensive study of monuments of the Hunnic era” at the Akbulak I burial ground)*. Funds of the Aktobe Regional Museum of Local History. Aktobe; Almaty (in Russian).
- 11 Kitov, E. P. 2013. In: Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskiy, I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proickhozhdeniya i identifikatsii kultury evraziyskikh gunnov (The Hun Forum. Problems of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ., 519–544 (in Russian).
- 12 Lukpanova, Y., Zhanuzak, R. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (22), 127–139 (in Russian).
- 13 Mamedov, A. M., Amelin, V. A., Bairov, N. M., Mamirov, K. B. 2023. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: «Kompleksnoe issledovanie pamyatnikov erohi gunnov» na mogilnike Akkisyk I (Report on research work “Comprehensive study of monuments of the era of the Huns” at the Akkisyk I burial ground)*. Funds of the Aktobe Regional Museum of Local History. Aktobe; Almaty (in Russian).
- 14 Malashev, V. Y., Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuraliya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- 15 Malashev, V. Y., Kadzayeva, Z. P. 2021. In: *Rossiyskaya arheologia (Russian archaeology)*, 2, 54–72 (in Russian).
- 16 Moshkova, M. G. 1984. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: “Nauka” Publ., 196–201 (in Russian).
- 17 Moshkova, M. G. 2000. In: *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*, 3, 186–196 (in Russian).
- 18 Moshkova, M. G. 2009. In: Furasyev, A. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube)*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, 99–113 (in Russian).
- 19 Pezhemskiy, D. V. 2008. In: Malashev, V. Y., Yablonskiy, L. T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuraliya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in*

- the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground*). Moscow: “Vostochnaya literature” Publ., 95–100 (in Russian).
- 20 Rapoport, Y. A., Trudnovskaya, S. A. 1979. In: Itina, M. A. (ed.). *Kochevniki na granitsah Horezma (Nomads on the borders of Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ., 151–166 (in Russian).
- 21 Skripkin, A. S. 1977. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 100–120 (in Russian).
- 22 Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzhie v pervye veka nashey ery (Lower Volga river region in the first centuries of our era)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
- 23 Khazanov, A. M. 1971 *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the military affairs of the Sarmatians)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.08.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.135.150>

Средневековая стоянка Косозен в долине р. Каскелен

© 2024 г. Рогожинский А.Е., Шатохин А.С.

Keywords: archaeology, medieval urban culture, trade route, medieval site, Ile Valley, Silk Road

Түйін сөздер: археология, орта ғасырлық қала мәдениет, сауда жолы, тұрақ, Іле алқабы, Жібек жолы

Ключевые слова: археология, средневековая городская культура, торговый путь, стоянка, Илейская долина, Шелковый путь

Alexey Rogozhinskiy¹ and Anton Shatokhin²

¹Candidate of Historical Science, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: [0000-0001-6615-9223](https://orcid.org/0000-0001-6615-9223) E-mail: alexeyro@hotmail.com

²Independent Researcher, Almaty, Kazakhstan. ORCID: [0009-0001-2494-516X](https://orcid.org/0009-0001-2494-516X) E-mail: shatohinanton@gmail.com

The medieval site Kosozen in the Kaskelen River valley

In 2022, a significant assemblage of artifacts (over 90 items) was discovered near the village of Kosozen, in the Kaskelen River valley, north of Almaty. The concentrated arrangement of these items marks an unfortified medieval site situated along a trade route connecting the Ile River crossing with urban settlements in the foothills of the Zailiysky (Ile) Alatau. The metal artifacts from the site fall into several distinct categories: jewelry (rings, signet rings, amulet pendants), belt and horse harness components (buckles, decorative plaques, bells, rivets), coins, and weapons. Although the exploratory trench at the site did not reveal substantial archaeological layer, the collective dating of the artifact assemblage suggests the encampment was in use for an extended period, from the mid-8th to the mid-13th century.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN BR21882346.

For citation: Rogozhinskiy, A., Shatokhin, A. 2024. The medieval site Kosozen in the Kaskelen River valley. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 135–150 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.135.150](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.135.150)

Алексей Евгеньевич Рогожинский¹,
Антон Сергеевич Шатохин²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан
²тәуелсіз зерттеуші, Алматы қ., Қазақстан

Қаскелең өзені алқабындағы ортағасырлық
Қосөзен тұрағы

2022 ж. Алматы қ. солтүстігі, Қаскелең өзені алқабы, Қосөзен ауылының маңынан жәдігерлер жиынтығы (90 бірліктен аса) табылды. Бұл заттардың бір жерде шоғырлануы Іле өткелі мен Іле Алатауы бөктерлеріндегі қалалық қоныстар арасындағы сауда жолдарында орналасқан ортағасырлық бекінісі

Алексей Евгеньевич Рогожинский¹,
Антон Сергеевич Шатохин²

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
²независимый исследователь, г. Алматы, Казахстан

Средневековая стоянка Косозен в долине
р. Каскелен

В 2022 г. вблизи п. Косозен, в долине р. Каскелен, севернее г. Алматы обнаружена большая серия предметов (более 90 ед.), компактное расположение которых отмечает местонахождение неукрепленной средневековой стоянки на торговом маршруте между Илийской переправой и городскими по-

жоқ тұрақтардың орнын білдіреді. Тұрақтардан табылған металл бұйымдар бірнеше категорияға жатады: әшекейлер (сақиналар, жүзіктер, тұмар-алқалар), белдіктер мен жүгендердің бөлшектері (тоғалар, әшекей жапсырма айылба-стар, қоңыраулар, тойтармалар), монеталар мен қарулар. Ескерткіштерге жасалған барлау шурфы айтарлықтай мәдени қабаттарды анықтаған жоқ, бірақ заттай кешеннің жалпы мерзімделуі тұрақты VIII ғ. ортасынан – XIII ғ. ортасына дейін ұзақ уақыт бойы тіршілік еткенін көрсетеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR21882346 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Рогожинский А.Е., Шатохин А.С. Қаскелең өзені алқабындағы ортағасырлық Қосөзен тұрағы. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 135–150-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.135.150](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.135.150)

селениями в предгорьях Заилийского (Иле) Алатау. Металлические предметы со стоянки относятся к нескольким категориям: украшения (кольца, перстни, подвески-амулеты), детали поясов и конской упряжи (пряжки, декоративные накладные бляшки, бубенчики, заклепки), монеты и оружие. Разведочный шурф на памятнике не выявил значительных культурных отложений, но совокупная датировка предметного комплекса указывает на длительное функционирование стоянки в середине VIII – середине XIII в.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR21882346.

Для цитирования: Рогожинский А.Е., Шатохин А.С. Средневековая стоянка Косозен в долине р. Каскелен. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (25). С. 135–150.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.135.150](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.135.150)

*Памяти коллеги-археолога
Ерлана Казизова (1983–2022)*

Введение (Рогожинский А.Е.)

Весной 2022 г. в ходе любительского археологического поиска вдоль русла р. Каскелен в 20 км к северу от г. Алматы краеведом А.С. Шатохиным обнаружена группа средневековых металлических предметов¹. Состав находок и место их обнаружения вызвали интерес археологов, поэтому в начале мая того же года Е.С. Казизовым и А.Е. Рогожинским, сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана, проведено натурное обследование памятника и пройден разведочный шурф.

Место находки предметов примечательно, прежде всего, своим географическим положением – в среднем течении р. Каскелен у впадения в неё р. Большая Алматинка, что в современной топонимике отражено в названии близлежащего населенного пункта – Косозен (*русск.* «двуречье» - прим. авт.). Ниже по течению, до заполнения в 1970 г. ложа Капчагайского водохранилища, в Каскелен справа впадала р. Малая Алматинка, а недалеко от устья слившихся в единый поток трёх названных рек соединялась с р. Или (Иле – прим. ред.) река Талгар (рис. 1, 1)* (*Иллюстрации подготовлены авторами). В историческое время здесь, при устье р. Талгар, находилась одна из главных речных переправ через р. Или [Валиханов 1984: 174, 180; Леденев 1909: 74–75], как предполагается, налаженная ещё в домонгольское время, и которой воспользовался Рубрук по пути в Каракорум в 1253 г. На противоположном берегу р. Или ближайшим укрепленным поселением у переправы является городище Шингельды [Бартольд 1966: 85]. Предгорная зона и высокогорья Заилийского (Иле) Алатау, где берут начало реки Каскелен и обе Алматинки, в последней трети XVIII в. обозначались топонимом Уч-Алматы и описываются в источниках как хорошо защищенный и особо благоприятный для долговременного обитания географический район «в крепких и непобедимых гористых местах» [Путевые записки... 2012: 49]. Именно здесь, в предгорной по-

¹ Коллекция предметов передана А.С. Шатохиным на хранение в фонды Центрального государственного музея Республики Казахстан (г. Алматы).

лосе междуречья Уч-Алматы, а также вдоль долины р. Талгар, сосредоточена большая группа памятников средневековой городской культуры Илийской долины [Савельева 1994: 41–49, рис. 1], в которую входит и местонахождение Косозен.

В нижнем течении р. Каскелен окаймляет с востока плато Караой, и вдоль высокого левого берега до соединения с р. Или граничит с песками Прикаскаленских Мойынкумов. Здесь широкая пойма достигает 200–700 м, изобилует меандрами, старыми руслами и озёрными понижениями; местами высота надпойменной террасы превышает 1,0 м и чётко отделяется уступом от современной поймы. Верхняя терраса левого берега имеет высоту 6–8 м, изрезана глубокими поперечными логами. Такие особенности долины делали её удобной и для длительного обитания, и для транзита к переправам через р. Или, особенно в осенне-зимнее время, когда уровень воды в реках был минимальным.

Стоянка Косозен расположена в расширенной части долины (ок. 750 м между берегами) и приурочена к высокой пойме левого берега р. Каскелен, где формирующаяся терраса имеет ширину 350 м; к северу от места скопления находок находится древняя озёрная впадина более 150 м в диаметре. Вокруг котлована водоёма, вдоль края надпойменной террасы и особенно много над уступом верхней террасы сохранились оплывшие руины жилых и хозяйственных построек – остатки обособленных домовладений полуседлых казахов рода шапырашты Мало-Алматинской волости (после 1906 г. – Чапраштинской вол.), которые занимали данный участок долины во 2-й пол. XIX – начале XX в. [Материалы... 1913: 62–65; приложение: карта Верненского уезда, 1911 г., общины 78, 79]. Планировка усадеб, остатки наземных построек разного типа – ещё хорошо различимы и могут реконструироваться по детальному описанию Н.А. Баскакова, изучавшего формы жилища приилийских казахов в 1928 г. [Баскаков 1971]. Материалы поверхностных сборов (мелкие предметы домашней утвари, монеты) в целом подтверждают датировку большинства усадеб 2-й пол. XIX – начала XX в., однако в основании стен одной из построек, расположенной на террасе над стоянкой Косозен, найдены обломки обожжённых кирпичей «караханидского» облика, по-видимому, принесённые с какого-то разрушенного средневекового сооружения.

На призимовочной территории полуседлых общин, населявших низовья р. Каскелен в начале XX в., находились пашни, занимавшие удобные участки высокой и заливной поймы, которые после уборки урожая использовались как пастбище для рабочего скота [Материалы... 1913: 63–64]. Следы старой распашки, каналов и многочисленных поливных арыков заметны и сегодня; здесь на поверхности встречаются фрагменты кринок с коричневой глазурью плохого качества, обломки и целые кованые из железа изделия – продукция кустарного производства российских переселенцев начала XX в. Но здесь же, на старой пашне, на возвышенной площадке первой террасы размерами около 140×250 м, на глубине от 10 до 20 см обнаружены средневековые артефакты, характеристика которых приводится ниже.

2 Материалы и методы исследования (Рогожинский А.Е., Шатохин А.С.)

На всей площади сосредоточения средневековых металлических предметов собрано всего около 10-ти фрагментов керамической посуды – лепной и станковой, неполивной, без декора. Ещё два мелких фрагмента найдены в разведочном шурфе (1,5×3,0 м) на глубине 15–20 см от поверхности, т. е. в том же распаханном слое супесчанистой почвы формирующейся террасы; ниже до глубины 1,0 м залегала однородная супесь без явно выраженных признаков культурного слоя («материк»). В рельефе площадки также не замечено признаков существования древних наземных построек. Очевидно, стоянка Косозен не была долговременным поселением со стационарными строениями, а скорее служила временным становищем, местом бивуачного лагеря, более или менее регулярно возникавшего вблизи пресного водоёма в окружении приилийских песков.

Найденные здесь металлические предметы относятся к нескольким категориям: украшения (кольца, перстни, подвески-амулеты), детали поясов и конской узда (пряжки, декоративные накладные бляшки, бубенчики, заклёпки), монеты и оружие (рис. 1, 2). Некоторые однотипные предметы найдены в нескольких экземплярах, залегали близко один от другого и могли служить украшением целого изделия, составляя вместе с другими группами функционально однородных предметов комплект одежды или конского снаряжения. При этом выделяются несколько хронологических групп предметов в пределах общей датировки комплекса находок: сер. VIII–XIII в.

Примечательно, что предметы вооружения – самая малочисленная группа находок на стоянке Косозен. Лишь в одном месте рядом один с другим найдены наконечник стрелы и короткое колющее оружие (вместе с ними обнаружена железная фигурная пластина с остатками покрытия фольгой из серебра (рис. 2, 1), назначение которой неясно). Наконечник стрелы черешковый (рис. 2, 2), перо уплощённое асимметрично-ромбической формы, с упором (длина пера 3,0 см). Подобные наконечники широко представлены в культуре енисейских кыргызов конца X–XII в. [Кызласов 1983: 48–50, табл. XXVII, 5–10; табл. XXVIII, 2–4], а также в памятниках сrostкинской культуры на Алтае, датирующихся 2-й пол. XI–XII в. [Грязнов 1956: 154–155, табл. LXI, 6; Горбунов 2006: 36, 135, 136; рис. 32, 17, 20]. Второе оружие (клинок круглый в сечении, длина 10 см; на черене – медное упорное кольцо с декоративной насечкой в виде косой сетки) напоминает короткий кинжал типа мизерикорд («кинжал милосердия»), который появился в Западной Европе в XII в. [Какие кинжалы...]. В литературе по вооружению средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии аналогий боевому клинку из Косозен отыскать не удалось. В.В. Горбунов считает, что «помимо кинжалов, средневековые воины Алтая могли применять еще один вид короткого оружия колющего действия – стилет» [Горбунов 2006: 83], но единственная подобная находка, происходящая из мог. Кудыргэ [Гаврилова 1965: 24, табл. XVII, 11], не имеет сходства с миниатюрным клинком с р. Каскелен (рис. 2, 4).

К предметам декоративного оформления оружия относится зооморфная бронзовая накладка на рукоять боевого ножа или кинжала (рис. 5, 2). Литое изделие передаёт образ оскалившегося кошачьего хищника; в двух сквозных отверстиях (на ухе и в пасти зверя) сохранились остатки железных заклёпок для крепления навершия на рукояти; сверху имеется круглое отверстие для продевания шнура. Две похожие зооморфные накладки найдены в предгорьях Кыргызского Алатау [Камышев 2023: 63, табл. XVII, 1, 2]. В настенных росписях Согда (Афрасиаб, Пенджикент) и Уструшаны (Калаи-Каххаха I) известны изображения зооморфных и орнитоморфных наверший мечей и кинжала [Аржанцева 1987а: рис. 1, 3; 2, 2; 1987б: 123–124, рис. 3, 1, 4, 6]; самые ранние из них относятся к 3-й четв. VII в. (Афрасиаб), наиболее поздние к концу VIII – началу IX в. (Калаи-Каххаха I) [Беленицкий, Маршак 1979: 34–36].

Самую многочисленную категорию находок на стоянке Косозен составляют предметы поясной гарнитуры: накладки, пряжки и наконечники ремней, ременной распределитель и т. п. Две группы разнотипных ременных накладок компактно залегали на северном и южном участках площадки (рис. 1, 2), при этом каждая из них в своё время служила украшением, по-видимому, целого изделия или его фрагмента. Остальные предметы, обнаруженные на разных участках сто-

Рис. 1. Стоянка Косозен: 1 – местонахождение стоянки на карте Семиреченской области начала XX в.;
2 – схематический план находок на стоянке

1-сур. Қосөзен тұрағы: 1 – тұрақтың XX ғ. басындағы Жетісу облысы картасындағы орны;

2 – тұрақтағы табылған заттардың схемалық жоспары

Fig. 1. Kosozen site: 1 – location of the site on the map of the Semirechenskaya oblast in the early 20th century;
2 – schematic plan of finds at the site

Рис. 2. Стоянка Косозен. Предметы вооружения и монеты
2-сур. Қосөзен тұрағы. Қарулар мен монеталар
Fig. 2. Kosozen site. Weapons and coins

янки, могут быть соотнесены с этими группами находок по функциональной и хронологической принадлежности.

Вдоль северной границы площадки обнаружена следующая группа предметов: комплект гладких накладок (три большие, одна маленькая прямоугольные и одна полукруглая с прорезью прямоугольной формы), фрагменты накладок с выпуклым овалом в центре, пять круглых накладок со шпеньком и два бронзовых бубенца с прорезью снизу, а также литая бронзовая монета с квадратным отверстием (рис. 2, 5; 3, 1–4; 4, 11). По определению В.А. Беляева (г. Москва), это монета династии Тан, 1 вэнь, с легендой *да-ли юань-бао* (по часовой стрелке), 766–779 гг., отлита в Куче для нужд танского корпуса, который там располагался.

Бубенцы цельнолитые, петля для подвешивания закруглена сверху (рис. 5, 19). Поодаль от них в южной части стоянки найдены ещё два бубенца (целый и фрагмент) другого типа (рис. 5, 20): половинки спаяны по горизонтали, петля имеет квадратную форму (ср., напр., с находкой в пахсовом блоке пом. III в буддийском храме Акбешима [Кызласов 1959: 211–212, рис. 41, 11]).

Рис. 3. Стоянка Косозен. Поясные пряжки и накладные металлические украшения
3-сур. Қосөзен тұрағы. Белдіктің тоғалары мен жапсырма металл әшекейлер

Fig. 3. Kosozen site. Belt buckles and applied metal jewelry

Все бубенцы сходные по размерам: высота 2,2 см, диаметр 1,6–1,8 см. Бубенцы широко использовались населением Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Восточного Туркестана; они являлись принадлежностью костюма и конской узды. В целом, подобные найденным в Косозен бубенцы датируются в пределах VIII–X вв. [Распопова 1980: 119, рис. 78, 12; Могильников 2002: 93–94, рис. 82, 17; Смагулов 2010: 263, рис. 40, 1–3, 5; Торгоев и др. 2023: 106, рис. 117, 1–16].

Прямоугольные и полукруглые накладки с прямоугольной прорезью и высоким бортиком характерны для поясной гарнитуры катандинского этапа в целом, но использовались позже середины VIII в., вплоть до 3-й четв. столетия (даже значительно позднее; см.: [Савинов 1987: 86]), когда появились новые типы вещей в рамках развития уже существовавшей традиции, в т. ч. бляхи-оправы порталной формы с фестончатыми очертаниями краёв [Торгоев и др. 2023: 81, 95]. На южном участке стоянки обнаружена полукруглая гладкая накладка с фестончатыми краями и нервюрой (рис. 3, 5), ближайшей (территориально и типологически) аналогией которой является накладка из разрушенного погребения с конём у с. Рот Фронт в Чуйской (р. Шу – прим. ред.) долине, также входившая в комплект гарнитуры с гладкими прямоугольными и полукруглой бляхами катандинского типа [Шер 1961: рис. 2, 1, 2, 14, 15].

Еще одна находка в Косозен является сравнительно ранним предметом коллекции: вблизи стоянки, на берегу упомянутого выше озёрного котлована, обнаружен наконечник ремня с литым растительным орнаментом в виде виноградной лозы (рис. 3, 10), точными аналогиями которому являются накладки из Самаркандского оазиса и городища Пенджикент из слоя середины VIII в. [Распопова 1979: 112, рис. 5, 8, 9]. По мнению А.И. Торгоева, подобные накладки катандинского типа являются специфическими для Согда и областей расселения согдийцев, включая Чуйскую долину, где похожее изделие найдено на Красной Речке, однако «большинство находок деталей поясов с растительным орнаментом концентрируется в Самаркандской области» [Торгоев и др. 2023: 88, рис. 95, 2]. Исследователь подчёркивает, что «если сами формы изделий – явление типично кочевническое, то орнамент в виде виноградной лозы являлся определяющим признаком для деталей именно согдийских поясов» [Торгоев и др. 2023: 88].

К данной группе относительно ранних предметов со стоянки относятся две цельнолитые бронзовые пряжки основного ремня. На одной из них сохранились остатки железного язычка; рамка овальная, щиток удлинённой формы с округлым концом, украшен растительным орнаментом (рис. 3, 7). Подобная пряжка найдена на Красной Речке [Торгоев 2011: рис. 13, 14]; датированные аналогии происходят из слоев 3-й четв. VIII в. городища Пенджикент [Распопова 1979: 109, рис. 1, 13]. Вторая пряжка имеет короткий прямоугольный щиток с тремя отверстиями для крепления шпеньками к ремню, дужка и язычок утрачены (рис. 3, 6); похожие пряжки тоже найдены в поздних слоях Пенджикента [Распопова 1965: рис. 3, 7; 1980: 89, рис. 61, 16].

Ременные наконечники представлены в Косозен несколькими экземплярами разного вида. Примечателен широкий литой наконечник основного ремня с крыловидным вырезом сверху и плавным подтреугольным окончанием, с фигурно-скобчатыми выступами на боках (по классификации А.И. Торгоева, тип ПН28 (D5) [Торгоев 2013: 380, ил. 1]). Щиток украшен двумя парами противоположащих волют, закрученных на $\frac{3}{4}$ оборота (рис. 3, 12). Наиболее близкой аналогией по форме является наконечник из кургана № 8 мог. Юстыд I на Алтае, датируемый 2-й пол. VIII – IX в. [Кубарев 2005: 140, табл. 18, 5]; форма подобного наконечника из парного кенотафа в кургане № 2 мог. Узунтал усложнена ещё фигурно-скобчатым окончанием [Савинов 1982: рис. 7]. Д.Г. Савинов отметил высокое качество изготовления и своеобразие декорировки этого поясного набора, его вероятное происхождение из Средней Азии или Восточного Туркестана и датировал «в пределах IX, возможно, начала X в.» [Савинов 1987: 88].

Рис. 4. Стоянка Косозен. Предметы ременной гарнитуры
4-сур. Қосөзен тұрағы. Белдік гарнитурасы заттары
Fig. 4. Kosozen site Belt garniture

Другой наконечник относится, по А.И. Торгоеву, к типу ПН2 (А1а) – с овальным окончанием (сохранился правый край), прямым верхом и фестончатым очертанием щитка; лицевая поверхность щитка украшена рельефным орнаментом и позолотой (рис. 4, 4). Подобные изделия исследователь относит к 5-й хронологической группе и датирует 2-й пол. IX – сер. X в. [Торгоев 2011: рис. 72, 120]. Ещё два наконечника характеризуются признаками деталей поясной гарнитуры караханидского времени 2-й пол. X – сер. XI в. (рис. 3, 11, 13). Один из них с прямоугольной рельефной «надстройкой» сверху и прорезной орнаментацией; наиболее близкие аналогии происходят с городища Красная Речка [Торгоев 2013: 388, ил. 6, 1, 4, 6].

На стоянке обнаружены четыре удлинённых ременных наконечника, которые различаются по форме, размерам и украшению лицевой поверхности; один наконечник декорирован псевдоэпиграфическим орнаментом (рис. 4, 1–3, 7). Несмотря на отличия, все изделия обладают характерными чертами гарнитуры караханидского периода и датируются 2-й пол. X – нач. XIII в. [Торгоев 2013: 385, 394, 396].

К предшествующему периоду (2-я пол. IX – сер. X в.) относятся четыре (одна во фрагментах) одинаковые вытянутые по ширине сердцевидные «гофрированные» накладки, обнаруженные в южной части стоянки Косозен (рис. 4, 8). Такие же накладки найдены в Чуйской долине в Кыргызстане [Торгоев 2011: 30, рис. 20, 27; 72, 72] и в Чу-Илийских (Шу-Илейских – прим. ред.) горах в Казахстане, на средневековой горной стоянке в ущелье Унгурли. Рядом с комплектом «гофрированных» изделий на площадке найдена круглая декоративная накладка с растительным мотивом в рельефном картуше (рис. 4, 10); подобная накладка происходит с городища Красная Речка [Торгоев 2011: 19, 4].

В центральной части площадки выделяется скопление находок: бронзовые лировидная пряжка, распределитель ремней, антропоморфная подвеска-личина и две монеты из меди и сплава белого цвета (биллон). По определению П.Н. Петрова, медный саманидский фалс с именем Нуха б. Мансура, 358 г. х. (969 г.), Фергана, бит поддельными штампами (рис. 2, 7); возле края маленькое отверстие (3 мм). Вторая монета – дирхем «бухархудатского типа», вероятно, X в.; в центре монетного кружка – овальное отверстие 6×8 мм (рис. 2, 6).

Лировидная пряжка сохранилась не полностью (рис. 3, 9), что затрудняет точное определение типа. Сходные по пропорциям и форме приёмника для продевания ремня экземпляры найдены на Красной Речке [Байпаков и др. 2007: 17, рис. 6, 3, 5] и датируются сер. IX–X в. [Торгоев 2011: 72, 74, рис. 72, 55, 57, 58]. К той же хронологической группе относится коньковая подвеска (рис. 4, 14). Караханидским временем датируется [Торгоев 2011: 37, 75–76, рис. 33, 2] объёмный распределитель подквадратной формы с куполовидной выпуклостью в центре (рис. 4, 6).

Особый интерес представляет подвеска в форме личины, впервые найденная на юго-востоке Казахстана (рис. 5, 1). Подвеска литая, с поперечным ушком для подвешивания; по классификации Г.Г. Король [Король 2008: 102-103], относится к разряду антропоморфных личин с портретными чертами и, несмотря на условность (слитная линия бровей и носа), вполне реалистично передаёт лик молодого мужчины без усов, с клиновидной бородой, миндалевидными глазами, с короткой чёлкой, перехваченной на лбу узкой лентой. Благодаря этим особенностям, находка из Косозен пополняет коллекцию редких изделий, какими видятся две уникальные подвески-личины с индивидуализированными портретными чертами из Прииссыккуля и Чуйской долины в Кыргызстане [Король 2017: 61-62, рис. 1, 16, 23].

В южной части стоянки найдена серия однотипных декоративных изделий – четыре миниатюрные орнитоморфные фигурки (три целые и фрагмент ещё одной), служившие украшением какого-то железного предмета, ручками или навершиями: на целых изделиях внизу сохранились следы окислов (рис. 5, 4–7). Ажурные литые фигурки сходны по форме, но различаются по высоте:

Рис. 5. Стоянка Косозен. Амулеты-подвески, фигурные навершия, украшения и бубенцы
5-сур. Қосөзен тұрағы. Тұмар-алқалар, заттардың пішінделген бас жақтары, әшекейлер мен қоңыраулар
Fig. 5. Kososen site. Amulets-pendants, figural tops, jewelry and bells

2,0 и 2,5 см. Ещё одна найденная на стоянке бронзовая фигурка птицы могла использоваться как нашивное украшение (рис. 5, 8). Орнитоморфные подвески-амулеты, фигурные навершия булавок и др. широко представлены в сборных коллекциях мелких предметов торевтики со средневековых памятников При Тяньшаня [Камышев 2023: табл. V, VI, VIII], однако точных аналогий находкам в Косозене среди них нет. Можно отметить сходство в моделировке формы и, вероятно, технологии отливки отдельных зооморфных фигурок, найденных на Красной Речке [Байпаков и др. 2007: 183, рис. 296, фото 13].

Ещё одно изделие из Косозен находит аналогию на том же памятнике (рис. 5, 3). Миниатюрная подвеска в виде стремени, на внешнюю поверхность ромбовидного щитка нанесены 14 углублений, создающие несложный узор: прямой крест с четырьмя точками между лучами. В отличие от подвески в форме стремени из городища Красная Речка [Байпаков и др. 2007: 160, рис. 258], петля на дужке здесь расположена вдоль неё, как на реальном стремени. Возможно, помимо апо-тропеического назначения изделие из Косозен использовалось в качестве напёрстка. Круглые щитковые напёрстки с похожими углублениями на рабочей поверхности являются частыми находками на стоянках кочевников XVIII – сер. XIX в. на юге и востоке Казахстана; похожие изделия представлены в этнографических коллекциях по культуре западных монголов [Amgalan 2008: 170, fig. 248, 6].

На разных участках стоянки обнаружены семь перстней нескольких типов (рис. 5, 9–13, 15, 16). Почти все разновидности представлены в коллекции находок с городища Красная Речка [Байпаков и др. 2007: рис. 166, 4, 6; 168, 4, 6]. Два бронзовых перстня найдены вместе, к сожалению, оба со сломанными шинками. Изделия литые, каст шестигранной формы, в одном перстне сохранилась вставка из стекла (рис. 5, 12, 15). Ближайшей аналогией из датированного комплекса является перстень из женского погребения в кургане № 2 мог. Самсы к западу от г. Алматы [Шерб-баев, Буранбаев 2021: 208–209, рис. 2, 3]. Найденное там же зеркало с петельчатой ручкой и циркульным орнаментом на оборотной стороне подобно зеркалу из мог. Бел-Саз II [Табалдиев 1996: 58, рис. 24, 1], а также зеркалу из слоя 3-й четв. VIII в. городища Пенджикент [Распопова 1980: 119–120, рис. 79, 7]. Для погребения с конём в соседнем кургане № 1 мог. Самсы исследователями получена 14С дата 774–994 гг. (95.4%), последняя четверть VIII–X в. [Шагирбаев и др. 2024: 257, табл. 1].

Вероятно, самой поздней находкой на стоянке Косозен является серебряный щитковый перстень с гравированной четырёхлепестковой розеткой (рис. 5, 16), аналогия которому имеется среди предметов Отрарского клада, датированного 60-ми годами XIII в. [Акишев и др. 1987: 198, 203, рис. 90, 91].

Обсуждение (Рогожинский А.Е.)

На сравнительно небольшой площади средневековой стоянки Косозен, не превышающей 300 кв. м, обнаружено более 90 изделий из металла и незначительное количество фрагментов керамической посуды. Некоторую часть находок составляют неопределённые изделия (целые и фрагменты), а также рубленные медные пластины с отверстиями, скорее всего, служившие для крепления наременных накладок, – их совокупная доля не превышает 10%. Весь комплекс остальных атрибутируемых предметов по функциональной принадлежности приблизительно распределяется следующим образом: ременная гарнитура 60%, личные украшения 12%, амулеты-подвески 10%, предметы вооружения 5%, монеты 3%. Следует отметить большое разнообразие и обилие, безусловно, дорогих изделий – поясных украшений, конской упряжи, перстней и проч. При этом практически полностью отсутствуют какие-либо орудия труда (возможно, один предмет (рис. 2, 3) является проколкой или шилом) и даже такие заурядные бытовые предметы, как ножи, которые

часто встречаются на средневековых стоянках кочевников и долговременных поселениях оседлых жителей края. Всё это, наряду с отсутствием в Косозен признаков стационарных построек, говорит об особом назначении открытой площадки на песчаной террасе, расположенной в живописном месте – близ озёрной впадины и неширокой реки с тенистыми тугайными зарослями. По-видимому, это место предназначалось для короткого отдыха в пути, регулярно избиравшееся путешествовавшими через Илийские переправы в течение нескольких веков.

Местонахождение стоянки, неординарный состав находок и преобладание аналогий им в материалах городских центров Чуйской долины, Средней Азии и юга Казахстана позволяют предполагать причастность бывших обладателей этих вещей, скорее всего, к транзитной региональной торговле. По-видимому, неслучайно и местоположение стоянки Косозен на одинаковом расстоянии примерно в 30 км (5 фарсахов?), с одной стороны, от Илийской переправы, с другой, – от крупнейшего средневекового городского центра округи – городища Талгар (Талхиз) или городища Алматы.

Как показывает анализ собранных на стоянке материалов, посещение местности путешественниками началось не ранее 2-ой пол. VIII в., активно продолжалось в IX – 1-й пол. X в., а затем в караханидский период до XII в. включительно, прервавшись только во 2-й пол. XIII в. Датировка начального этапа функционирования стоянки подтверждается и монетными находками: последняя треть VIII–X в. Этот временной интервал характеризуется заселением края карлуками и утверждением здесь власти Караханидов, а вместе с тем – началом урбанизации в северных предгорьях Тянь-Шаня и на северо-западных склонах Джунгарского (Жетысуского) Алатау, а также формированием северного ответвления Шёлкового пути через Илийскую долину. Угасание городской культуры в регионе во 2-й пол. XIII в. и разрыв прежде сложившихся торгово-экономических связей после занятия края монголами нарушили сеть традиционных транспортных коммуникаций, возрождение которой началось только в последней трети XVIII – начале XIX в. (о караванной дороге «Жетысу»/«Семь рек» подробнее см.: [Рогожинский, Калдыбаева 2024]). Новый этап использования места стоянки Косозен как пахотного надела полуоседлого казахского населения Илийской долины состоялся на рубеже XIX–XX вв.

Выводы (Рогожинский А.Е.)

Стоянка Косозен в долине р. Каскелен представляет собой ранее неизвестный тип памятников средневековой культуры Юго-Восточного Казахстана – традиционный пункт остановки для отдыха на необустроенном участке живописного ландшафта, расположенном вблизи магистрального торгового тракта трансрегионального значения. Открытие памятника позволяет предполагать существование и других подобных объектов, поиск и изучение которых поможет расширить и конкретизировать представления о реальных путях сообщения, исторических дорогах и водных переправах, соединявших удалённые области и население разных стран сетью международных коммуникаций, условно именуемой Шёлковый путь.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность нумизматам П.Н. Петрову (г. Алматы) и В.А. Беляеву (г. Москва) за любезную помощь в определении монетных находок со стоянки Косозен.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.
- 2 Аржанцева И.А. Пояса на росписях Афрасиаба // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент: Фан, 1987а. С. 92–114.
- 3 Аржанцева И.А. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли // Древний и средневековый Восток. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987б. С. 121–134.

- 4 Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). Алматы: Гылым, 2007. 304 с.
- 5 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. Соч. Т. 4. М.: Изд-во вост. лит., 1966. 496 с.
- 6 Баскаков Н.А. Жилища приилийских казахов // СЭ. 1971. № 4. С. 104–115.
- 7 Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л.: Наука, 1979. С. 32–37.
- 8 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Под ред. А.Х. Маргулана. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. 432 с.
- 9 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.
- 10 Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Алтайский ун-т, 2006. 232 с.
- 11 Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ Большая Речка. / МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
- 12 Какие кинжалы называли «божьей милостью», и сколько их насчитывается. URL: <https://novate.ru/blogs/150621/59388/> (дата обращения: 09.09.2024).
- 13 Камышев А.М. Зооморфные сюжеты в торевтике Притяньшанья. Бишкек: Литературный Кыргызстан, 2023. 112 с.
- 14 Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.
- 15 Король Г.Г. Реалистичные образы-«личины» в средневековой Центральной Азии: портрет или символ // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 60–65.
- 16 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. 400 с.
- 17 Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. / САИ ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.
- 18 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 155–237.
- 19 Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный: Тип. Семиреченского обл. правления, 1909. 859 с.
- 20 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. Т. IV: Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб.: Тип. «Экономия», 1913. 1002 с.
- 21 Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- 22 Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века / Отв. ред. Жанасев Б.Т. / Сб. док. и м-лов. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 758 с.
- 23 Распопова В.И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 78–91.
- 24 Распопова В.И. Основания для датировки металла Пенджикента // КСИА. 1979. № 158. С. 106–113.
- 25 Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.
- 26 Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г.А. О границах «Жетысу» и «Семиречья» в научных трудах, казахском фольклоре и художественной литературе // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 3 (66). С. 106–115.
- 27 Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. Алматы: Гылым, 1994. 216 с.
- 28 Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- 29 Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени из Южного Алтая // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири / Отв. ред. Н.А. Томилов. Томск: Томский ун-т, 1987. С. 80–89.
- 30 Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани». 2010. 358 с.
- 31 Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 254 с.
- 32 Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII в. (Вопросы хронологии). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 222 с., ил.
- 33 Торгоев А.И. Ременные украшения Караханидов (к постановке проблемы) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники / ТГЭ. Т. LXII. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2013. С. 376–401.

- 34 Торгоев А.И., Мирзаахмедов Д.К., Курбанов Б.Г. Художественный металл Бухары и Бухарского оазиса VIII–XIV вв. Самарканд: МИЦАИ, 2023. 278 с.
- 35 Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К. Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2024. № 2 (24). С. 252–269.
- 36 Шер Я.А. Погребение с конем в Чуйской долине // СА. 1961. № 1. С. 280–282.
- 37 Шербаев Р.К., Буранбаев Р.Н. Раннесредневековые захоронения кочевников в Илейской долине // Маргулановские чтения–2021. В 3-х т. Т. 2 / Гл. ред. А. Онгарулы; отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 205–210.
- 38 Amgalan M. The cultural monuments of Western Mongolia. Ulaanbaatar: Monsudar, 2008. 211 p. (на монг. и англ. яз.).

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV vekah (Otrar in the 13th–15th centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 2 Arzhantseva, I. A. 1987a. In: *Istoriya materialnoy kultury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan)*, 21, 92–114 (in Russian).
- 3 Arzhantseva, I. A. 1987b. In: *Drevniy i srednevekovyy Vostok (Ancient and medieval East)*. Moscow: “Nauka” Publ., 121–134 (in Russian).
- 4 Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A., Goryacheva, V. D. 2007. *Khudozhestvennyy metall gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII v.) (Artistic metal of the Krasnaya Rechka settlement (6th – early 13th century))*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 5 Bartold, V. V. 1966. *Sochineniya*. T. 4 (*Works*. Vol. 4.). Moscow: “Vostochnaya Literatura” Publ. (in Russian).
- 6 Baskakov, N. A. 1971. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)*, 4, 104–115 (in Russian).
- 7 Belenitsky, A. M., Marshak, B. I. 1979. In: *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii (Advances in Central Asian Archaeology)*. Issue 4. Leningrad: “Nauka” Publ., 32–37 (in Russian).
- 8 Valikhanov, C. C. 1984. *Sobranie sochineniy v pyati tomah (Collected works in 5 vol.)*, 1 / Margulan, A. K. (compl.). Alma-Ata: “Kazahskaya sovetskaya entsiklopediya” Publ. (in Russian).
- 9 Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskih plemen (Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 10 Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II. Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) (The military affairs of the Altai population in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons)*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 11 Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz Bolshaya Rechka (History of ancient tribes of the Upper Ob River based on excavations near Bolshaya Rechka)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 12 Kakie kinzhaly nazyvali “bozhiei milostiyu”, i skolko ih naschityvaetsya (Which daggers were referred to as “God’s Mercy,” and how many of them are known to exist). URL: <https://novate.ru/blogs/150621/59388/> (accessed 09.09.2024) (in Russian).
- 13 Kamyshev, A. M. 2023. *Zoomorfnye syuzhety v torevitike Prityvanshanya (Zoomorphic motifs in torevitics of the Tianshan region)*. Bishkek: “Literarnyi Kyrgyzstan” Publ. (in Russian).
- 14 Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii (The art of medieval nomads of Eurasia)*. Moscow; Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).
- 15 Korol, G. G. 2017. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya (Tomsk State University Journal of History)*, 49, 60–65 (in Russian).
- 16 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 17 Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kultura Yuzhnoy Sibiri. X–XIV vv. (The Askiz culture of Southern Siberia. 10th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 18 Kyzlasov, L. R. 1959. In: *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kyrgyz archaeological-ethnographic expedition)*, 2, 155–237 (in Russian).
- 19 Ledenev, N. V. 1909. *Istoriya Semirechenskogo kazachyego voiska (History of the Semirechye cossack army)*. Verny: Printing house of the Semirechensk regional government (in Russian).

- 20 *Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhilcheskogo khozyaistva i zemlepolzovaniya v Semirechenskoj oblasti, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom P.P. Rumyantseva*. T. IV: Vernenskiy uezd. Kirgizskoe khozyaistvo (*Materials on the study of indigenous and russian settler economy and land use in Semirechye Region, Collected and Developed Under the Guidance of P.P. Rumyantsev*. Vol. IV: Verny Uezd. Kyrgyz Economy). 1913. St. Petersburg: “Economiya” Typography (in Russian).
- 21 Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 22 Zhanaev, B. T. (ed.). 2012. *Putevye dnevniki i zapiski rossiyskikh chinovnikov i issledovateley o Kazakhskoy stepi XVIII – serediny XIX veka (Travel diaries and notes of Russian officials and researchers on the Kazakh Steppe of the 18th – middle 19th century)*. Astana: Obschestvo invalidov-Chernobylets (in Russian).
- 23 Raspopova, V. I. 1965. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 78–91 (in Russian).
- 24 Raspopova, V. I. 1979. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief communications of the Institute of Archaeology)*, 158, 106–113 (in Russian).
- 25 Raspopova, V. I. 1980. *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda (Metal artifacts of early medieval Sogd)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 26 Rogozhinsky, A. E., Kaldybayeva, G. A. 2024. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, anthropology and Ethnography)*, 3 (66), 106–115 (in Russian).
- 27 Savelieva, T. V. 1994. *Osedlaya kultura severnykh sklonov Zailiyskogo Alatau v VIII–XIII vv. (Sedentary culture of the northern slopes of the Zailiysky Alatau in the 8th–13th centuries)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 28 Savinov, D. G. 1982. In: Konopatsky, A. K., Khudyakov, Y. S. (eds.). *Arkheologiya Severnoy Azii (Archaeology of Northern Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 102–122 (in Russian).
- 29 Savinov, D. G. 1987. In: Tomilov, N. A. (ed.). *Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri (Problems of the origin and ethnic history of Turkic peoples of Siberia)*. Tomsk: Tomsk University Publ., 80–89 (in Russian).
- 30 Smagulov, E. A. 2010. *Drevniy Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: ABDI Company (in Russian).
- 31 Tabaldiev, K. S. 1996. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov Tyan-Shanya (Kurgans of medieval nomads of the Tianshan)*. Bishkek: “Aybek” Publ. (in Russian).
- 32 Torgoev, A. I. 2011. *Remennye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII v. (Voprosy khronologii) (Belt decoration of Semirechye in the 5th – early 13th Centuries (Chronological Issues))*: abstract of Thesis Cand. of Historical sciences. St. Petersburg (in Russian).
- 33 Torgoev, A. I. 2013. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)*. St. Petersburg: State Hermitage, 376–401 (in Russian).
- 34 Torgoev, A. I., Mirzaakhmedov, D. K., Kurbanov, B. G. 2023. *Khudozhestvennyi metall Bukhary i Bukharskogo oazisa VIII–XIV vv. (Artistic metalwork of Bukhara and the Bukhara Oasis in the 8th–14th Centuries)*. Samarkand: IICAS (in Russian).
- 35 Shagirbayev, M. S., Buranbayev, R. N., Sherbayev, R. K. 2024. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (24), 252–269 (in Russian).
- 36 Sher, Y. A. 1981. In: *Sovetskaya Arheologiya (Soviet Archaeology)*, 1, 280–282 (in Russian).
- 37 Sherbayev, R. K., Buranbayev, R. N. 2021. In: Onggaruly, A. et al. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan Readings–2021)*. In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, , 205–210 (in Russian).
- 38 Amgalan, M. 2008. *The cultural monuments of Western Mongolia*. Ulaanbaatar: Monsudar (in Mongolian and English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.09.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

УДК 902.904(574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.151.174>

Строительная история средневекового городища Кызылкала (Мангистау) и проблемы ее хронологии

© 2024 г. Астафьев А.Е.

Keywords: archaeology, Mangystau Region, Kyzylkala Settlement, fortress, construction horizons, chronology, Middle Ages, residential buildings, adobe masonry, pakhsa

Түйін сөздер: археология, Маңғыстау облысы, Қызылқала қаласы, бекініс, құрылыс қабаттары, хронология, Орта ғасыр, тұрғын үй құрылыстары, қам кірпішті құрылыс, пахса

Ключевые слова: археология, Мангистауская область, городище Кызылкала, крепость, строительные горизонты, хронология, Средневековье, жилые строения, сырцовые кладки, пахса

Andrey Astafiev¹

²Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0001-7632-5819](https://orcid.org/0009-0001-7632-5819) E-mail: aasta@list.ru

The construction history of the medieval settlement of Kyzylkala (Mangystau) and the issues of the chronology

The article presents the results of archaeological research on the settlement of Kyzylkala, the only urban-type medieval archaeological monument in the Mangystau region. The emergence of the fortified settlement here was linked to the functioning of a trade route connecting Khorezm with the steppe region of Western Kazakhstan, where Kyzylkala served as a way station. The monument is situated on a flat elevation in the central part of a rocky ridge and is represented by the ruined remains of a strong stone fortress wall, a citadel, a necropolis, and an extensive water supply system. The fortress perimeter is surrounded by numerous estates. The total area of the complex is estimated to be over 70 hectares. Archaeological excavations were conducted to study the construction history of the monument and to determine its chronological framework. As a result, preliminary data indicate that five construction horizons were identified at the settlement, which in turn can be subdivided into nine periods, likely linked to event-related chronological causes. It was established that the initial construction of the fortress wall, distinguished by its structural features and the parameters of adobe and raw clay masonry, was carried out according to the building principles and traditions of Khorezmian craftsmen. Based on the identification of features related to the architectural standards and norms of that time, the analysis of the ceramic complex, and the stratified division of construction horizons, a preliminary attempt is made to determine relative chronological markers in the construction history of the monument. According to these markers, the settlement of Kyzylkala is dated to the last third or quarter of the 10th to 13th centuries.

Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Astafiev, A. 2024. The construction history of the medieval settlement of Kyzylkala (Mangystau) and the issues of the chronology. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 151–175 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.151.174](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.151.174)

Андрей Евгеньевич Астафьев¹

¹Ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтау қ., Алматы қ., Қазақстан

Андрей Евгеньевич Астафьев¹

¹научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актау, г. Алматы, Казахстан

**Ортағасырлық Қызылқала қаласының
(Маңғыстау) құрылыс тарихы және оның
хронология мәселелері**

Мақалада Маңғыстау аумағынан табылған ортағасырлық қала типті жалғыз археологиялық ескерткіш — Қызылқала қаласының археологиялық зерттеу нәтижелері жарияланған. Бұл жерде бекіністі қаланың пайда болуы Хорезмді Батыс Қазақстанның далалалық аймағымен жалғастырып тұрған сауда жолының болуымен байланысты, ал Қызылқала тоқтайтын бекет ретінде қолданылды. Ескерткіш жартасты жотаның орталық бөлігіндегі тегіс төбенің үстіне тұрғызылған. Бекіністің мықты тас қабырғаларының, цитадельдің, сағананың, тармақталған су құбыры жүйелерінің қираған қалдықтары қалған. Бекініс периметрі көптеген үй-жаймен қоршалған. Бағалау деректеріне сәйкес, кешеннің жалпы ауданы 70 гадан жоғары. Археологиялық қазба жұмыстары ескерткіштің құрылыс тарихын зерттеу және оның хронологиялық шегін анықтау мақсатында жүргізілді. Нәтижесінде алдын ала деректер бойынша қалада тоғыз кезеңге бөлінетін бес құрылыс қабаты анықталды. Бұл оқиға-хронологиялық сипаттағы себептерге байланысты сияқты. Құрылымдық ерекшеліктері, сондай-ақ пахса мен қам кірпіштен қаланған құрылыстардың параметрлері бойынша анықталған бекініс қабырғасының бастапқыда Хорезм шеберлерінің құрылыс қағидасы мен дәстүрлері бойынша салынғаны анықталды. Сол заманның архитектуралық стандарттары мен нормаларын қолдану ерекшеліктерін анықтау, керамика кешенін талдау, сондай-ақ құрылыс қабаттарын стратификациялап бөлу негізінде ескерткіштің құрылыс тарихының салыстырмалы хронологиялық реперін анықтауға алдын ала әрекеттер жасалды. Сол бойынша Қызылқала қаласы X–XIII ғғ. соңғы үшінші немесе төртінші кезеңі шегінде мерзімделеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Астафьев А.Е. Ортағасырлық Қызылқала қаласының (Маңғыстау) құрылыс тарихы және оның хронология мәселелері *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 151–174-бб.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.151.174](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.151.174)

**Строительная история средневекового
городища Кызылкала (Мангистау)
и проблемы ее хронологии**

В статье публикуются результаты археологического изучения городища Кызылкала – единственного археологического памятника Средневековья городского типа, представленного на территории Мангыстау. Появление укрепленного городища здесь было связано с функционированием торгового пути, соединяющего Хорезм со степным регионом Западного Казахстана, где Кызылкала использовалась как перевалочный пункт. Памятник возведен на уплощенном возвышении в центральной части скалистого хребта. Представлен руинированными остатками мощной каменной крепостной стены, цитаделью, некрополем, разветвленной системой водообеспечения. Периметр крепости окружен многочисленными усадьбами. Общая площадь комплекса, по оценочным данным, составляет свыше 70 га. Археологические раскопки проводились с целью изучения строительной истории памятника и определения его хронологических рамок. В результате, по предварительным данным, на городище было выделено пять строительных горизонтов, которые в свою очередь подразделяются на девять периодов, что, вероятно, увязывается с причинами событийно-хронологического характера. Установлено, что первоначальное возведение крепостной стены, выделяемой по конструктивным особенностям, а также параметрам пахсовых и сырцовых кладок, осуществлялось по строительным принципам и традициям хорезмийских мастеров. На основе выделения особенностей применения архитектурных стандартов и норм того времени, анализа керамического комплекса, а также стратифицированного разделения строительных горизонтов, осуществляется предварительная попытка определения относительных хронологических реперов строительной истории памятника. По ним городище Кызылкала датируется в рамках последней трети или четверти X–XIII в.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Для цитирования: Астафьев А.Е. Строительная история средневекового городища Кызылкала (Мангистау) и проблемы ее хронологии. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С.151–174.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.151.174](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.151.174)

Введение

Начало изучения средневекового городища Кызылкала, расположенного на территории Мангистауского района Мангистауской области, начато еще в 70–80-х годах прошлого столетия Волго-Уральской археологической экспедицией АН СССР под руководством Льва Леонидовича Галкина [Галкин 1990: 101]. В 1975 году этот памятник показал Л.Л. Галкину местный знаток истории Еспол Умирбаев. Эти работы носили в большей степени ознакомительный характер: составлен первый план поселения, произведены раскопки двух небольших усадеб, остатки мавзолея и трёх печей для обжига керамики [Галкин 1978; 1981; 1983]. Установлено, что поселение окружает большую квадратную в плане постройку, сохранившуюся в виде земляных валов с фрагментами массивной каменной кладки. Л.Л. Галкин эту постройку определил, как крепость при однослойном характере поселения, которое существовало в X–XII вв. [Варущенко и др. 1987: 91].

Новый этап изучения памятника был предпринят автором, начиная с 2004 года [Астафьев 2004]. Цель этих исследований состояла в более детальном изучении остатков крепости, определения границ и структуры поселения. На основе предварительной шурфовки и рекогносцировочных раскопов был установлен многослойный характер строительной истории памятника. В 2005 году с внешней стороны крепостной стены заложен раскоп площадью 600 кв.м с целью изучения строительной истории памятника, формирования представлений о его материальной культуре и определения хронологических маркеров [Астафьев 2005; 2009; 2010а; 2010б: 38–47; 2015]. Первые публикации результатов этих исследований предприняты М.Д. Калменовым на основе полевых отчётов автора [Калменов 2007; 2012; Калменов, Бижанова 2019].

В 2008 году на памятнике работает экспедиция ТОО «Археология» под руководством М. Елеуова. Исследователем раскопочные работы были перенесены на внутреннее пространство восточного угла крепости [Елеуов 2008]. В 2021 году работы на площади основного раскопа были завершены экспедицией ТОО «Рутрум» под руководством Д.В. Марыксина [Марыксин 2021; Марыксин и др. 2022: 98–105].

2 Материал и методы исследования

2.1 Методика исследования

Городище Кызылкала протянулось вдоль двух русловых протоков с севера на юг на 600 м при ширине 400 м, что составляет площадь около 24 га без учёта прилегающих могильников, систем ирригации и отдельно стоящих усадеб (рис. 1)* (*Иллюстрации подготовлены автором). Местность на междурусловом участке относительно спокойная с уклоном в северо-восточном направлении и перепадом высот до 4 м. В западном секторе находится грядовое возвышение, преобладающее над местностью.

Городище состоит из остатков крепостного укрепления (цитадели), по периметру окружённого многочисленными усадьбами. С учётом выявленных особенностей планировки (рабат, могильники, гидротехнические сооружения, участки сезонного заселения) его возможная площадь составляет более 70 га.

Предварительные археологические исследования городища были направлены на изучение строительной истории памятника и определения его хронологических рамок. Полевые исследования велись по двум направлениям: первое – сплошное обследование площади обживания территории с выявлением закономерностей планировки и сбором подъёмного материала; второе – проведение археологических раскопок автором данной работы на ограниченной площади в пределах двух раскопов общей площадью 625 кв.м. В основу изучения строительной истории памятника

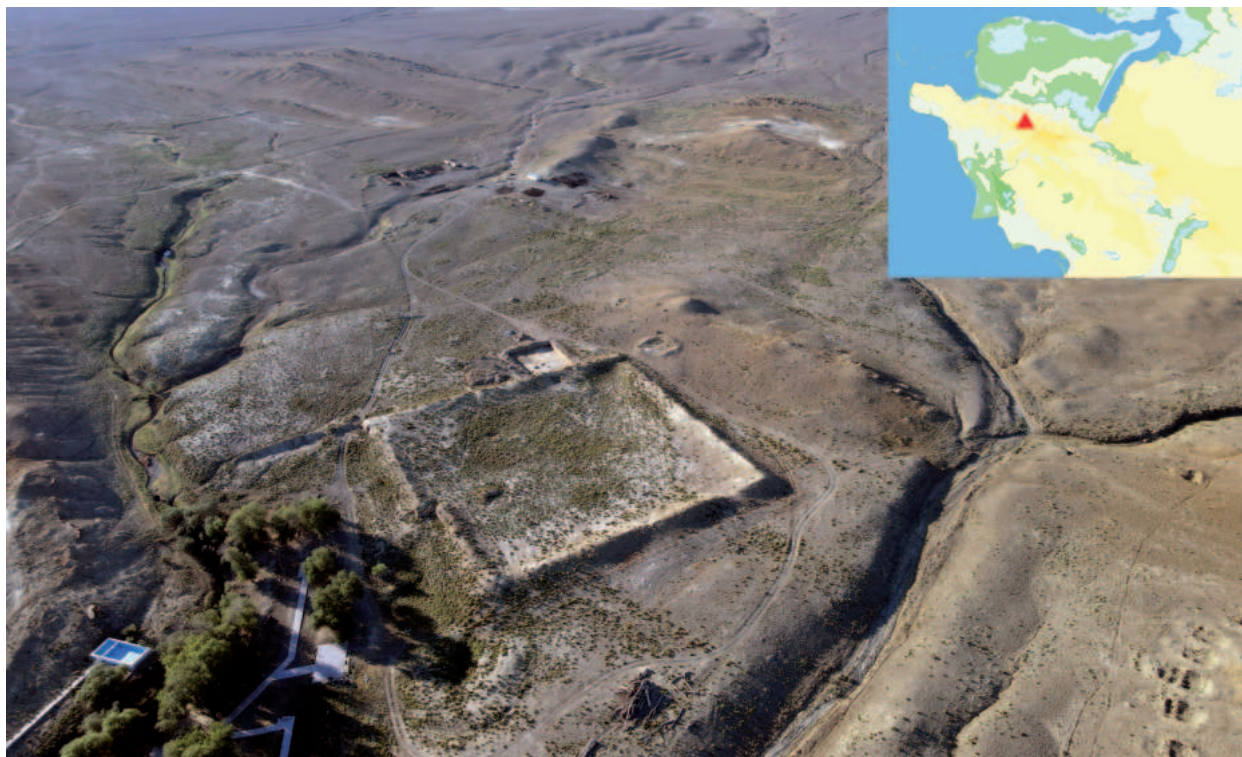

Рис. 1. Мангыстау. Городище Кызылкала. Аэрофотосъемка
1-сур. Маңғыстау. Қызылқала қаласы. Аэрофотосурет
Fig. 1. Mangystau. Kyzylkala Settlement. Aerial Photography

положены особенности изменения фортификационных приёмов возведения крепости, последовательности и структуры построек гражданской застройки в сочетании с детальным анализом полного стратиграфического разреза раскопов и вспомогательных бровок культурных отложений. Наибольшая мощность культурного слоя на площади основного раскопа была получена в 2021 году и составляет 2,3 м.

2.2 Описание крепости (цитадели)

Остатки укрепления отчётливо читаются по высокому валу (высота 1.6–3 м) с просматривающимися элементами массивных каменных кладок панцирного типа шириной 1.9–2 м и остаткам 12 башен, из которых четыре угловых и по две пристенных (рис. 2). Угловые и пристенные башни относительно равноудалены друг от друга (в среднем на 30 м). Исключение составляет северо-восточная стена, где расстояние варьирует из-за конструкции ворот. Размеры крепости по плоскостям стен на уровне поверхности валов составляют: северо-восточная – 118 м, юго-восточная – 116 м, юго-западная – 116 м, северо-западная – 118 м. Башни выступают на 1–1.2 м при средней ширине 6 м. Деформация квадратного плана крепости вызвана созданием диагональной конструкции входных ворот у одной из башен северо-восточной стены. Ширина входного проёма составляет 2.2 м. Северо-восточная и северо-западная стены крепости с напольной стороны перекрыты от нападений естественными русловыми понижениями ныне сухого родника Акмыш, расположенного на удалении 50–90 м.

Рис. 2. Остатки кызылкалинской крепости. Аэрофотосъемка. 1 – раскоп 2021 года
2-сур. Қызылқала бекінісінің қалдықтары. Аэрофотосурет. 1 — 2021 жылғы қазба
Fig. 2. Remains of the Kyzylkala Fortress. Aerial Photography. 1 – excavation of 2021

Микрорельеф внутреннего пространства крепости (рис. 3) указывает на то, что к южной башне с северо-западной стороны примыкали малые ворота (конструкция и размеры пока не определены). Плоскость двора крепости заглублена относительно внешней поверхности на 50–90 см и имеет блюдцеобразное понижение без явных следов застройки. Шурфовка в юго-западном секторе двора позволила выявить мусорный горизонт мощностью 60–70 см, перекрытый суглинистыми отложениями.

В основу тела крепостной стены положены остатки глинобитной стены раннего происхождения (эти данные – результат рекогносцировочного раскопа с внутренней стороны крепостной стены). Её ширина в основании достигала 3.5 м (рис. 4). Внешняя и внутренняя плоскости стены имеют положительный уклон с приблизительно равным углом наклона 15–18 градусов. Внутренняя стена выложена комбинированной кладкой чередующихся слоев кирпича-сырца $25 \times 25 \times 4$ см и пахсы толщиной 7–8 см. К внутренней плоскости стен пристроены помещения, стены которых были сложены паховыми блоками высотой 85 см. Очертания помещений не прослежены, но, судя по протяженности глинистых оплывов, они располагались по всему внутреннему периметру крепости. Важно отметить, что на площади рекогносцировочного раскопа 5×5 м, заложенного

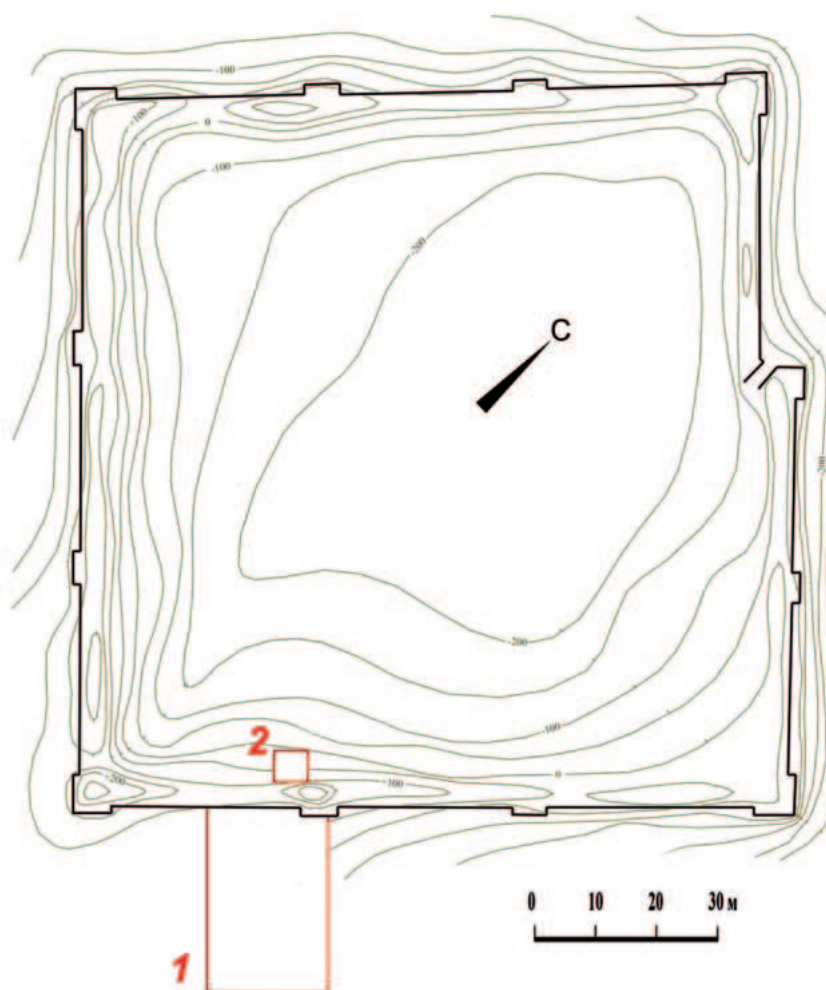

Рис. 3. План кызылкалинской крепости: 1 – раскоп № 1; 2 – раскоп № 2
3-сур. Қызылқала бекінісінің жоспары. 1 – № 1 қазба; 2 – № 2 қазба
Fig. 3. Plan of the Kyzylkala Fortress: 1 – excavation No. 1; 2 – excavation No. 2

с внутренней стороны крепостной стены, вскрыт мусорный горизонт с керамикой, отличной от основного комплекса. Вероятно, эти материалы сопряжены с позднесредневековым временем использования крепости.

Определены внешние и внутренние границы парапета, имевшего в основании ширину 1.5 м со стрелковой площадкой шириной 0.8 м на высоте 3.2 м от основания стены. С учётом возможной высоты парапета и барбаканов, общая высота стены могла достигать высоты 5 м (рис. 5). Глинобитная стена крепости имела четырёхугольные глухие башни, выступавшие на 0.6–0.8 м. Ширина угловых башен достигала 6.5 м, а промежуточных – 4.8–6.5 м. Расстояние между башнями – от 27 до 34 м.

С внешней стороны, на удалении 15–17 м, крепость была окружена рвом и валом, которые следует рассматривать как вспомогательные фортификационные сооружения. Ширина рва на участке вскрытия составляет 4.5 м при глубине в пределах 1 м. Вынутый грунт с napольной

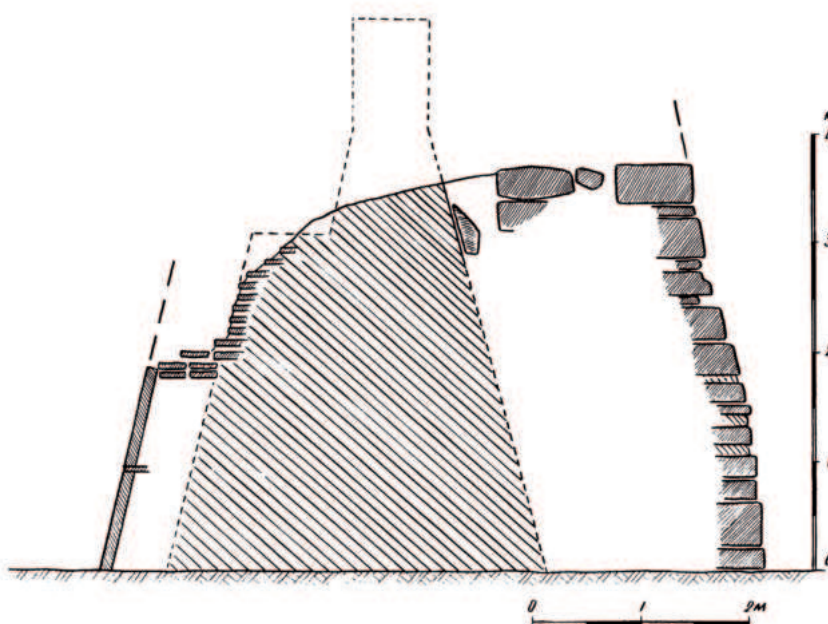

Рис. 4. Городище Кызылкала. Структура крепостной стены
4-сур. Қызылқала қаласы. Бекініс қабырғасының құрылымы
Fig. 4. Kyzylkala Fortress. Structure of the fortress wall

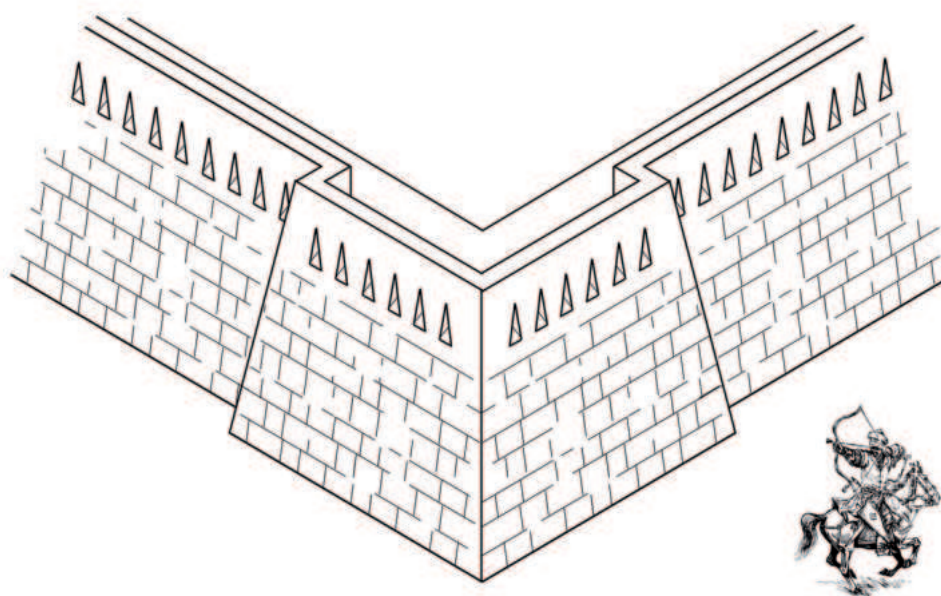

Рис. 5. Городище Кызылкала. Реконструкция глинобитной крепости раннего периода
5-сур. Қызылқала қаласы. Ерте кезеңдегі саз балшықтан салынған бекіністің реконструкциясы
Fig. 5. Kyzylkala settlement. Reconstruction of the adobe fortress from the early period

стороны формировал вал шириной не менее 3.5 м при реконструируемой высоте 1.5 м. Таким образом, прицельно простреливаемое пространство составляло порядка 25–27 м.

Позже происходит реконструкция крепостной стены: с внешней стороны она укрепляется каменной двухрядной кладкой панцирного типа (рис. 6). Крупные блоки местного песчаника уложены на предварительно вычищенную от ранних культурных отложений и утрамбованную древнюю поверхность. Кладка имеет толщину до 2 м. Наибольшая достоверно реконструируемая высота составляет 4.5 м, однако с учётом парапета и барбаканов истинная высота стен была значительно выше. Вероятно, при этой реконструкции внутренняя стена крепости была перелицована двухрядной кладкой сырцового кирпича $25 \times 25 \times 4$ см с паховыми прослоями толщиной 6–7 см с покрытием слоем пахсы, рассеченной швами по сетке 55×85 см и перемеженной рядом сырцового кирпича (рис. 7).

2.3 Строительные горизонты гражданской застройки

Изучение строительной истории городища Кызылкала осуществлялось на площади основного раскопа размерами 30×20 м, заложенного с внешней стороны крепостной стены в районе южной угловой башни, и рекогносцировочного раскопа 5×5 м, расположенного зеркально с внутренней стороны крепости (рис. 3).

Исследование культурных напластований на площади основного раскопа произведено до материкового основания. На основе изучения изменения планиграфии застройки и полного

Рис. 6. Городище Кызылкала. Каменная облицовочная кладка крепостной стены б-сур. Кызылқала қаласы. Бекініс қабырғасының таспен қалап қаптаған құрылысы

Fig. 6. Kyzylkala settlement. Stone facing of the fortress wall

Рис. 7. Городище Кызылкала. Раскоп 2: внутренний фас крепостной стены 7-сур. Қызылқала қаласы. № 2 қазба: бекініс қабырғасының ішкі қасбеті
Fig. 7. Kyzylkala settlement. Excavation 2: inner facade of the fortress wall

стратиграфического профиля юго-западной стенки раскопа зафиксировано пять основных строительных горизонтов, разбитых на девять периодов, вероятно, событийно-хронологического характера. История формирования горизонтов осложнена неравномерностью формирования культурно-строительных элементов (северо-восточный сектор раскопа был менее застроен и, скорее всего, использовался в качестве дворового пространства) и многочисленными ямами хозяйственно-бытового предназначения, часто приводившими к просадкам фундаментов при уплотнении ямных заполнений.

Конструктивно фундаменты стен строений устроены из композитного блока небольших плит песчаника, песчаных конкреций, целой или кусков битой плинфы, глинистого раствора или пахсовых блоков. В редких случаях фиксируется кладка из кусков сырцового кирпича на мощных прослоях глинистого раствора. Стены строений, вероятно, сложены из сырцовых кирпичей.

Мусорные ямы всех горизонтов содержат практически однородное наполнение артефактами: кости мелкого, реже, крупного рогатого скота, лошади и верблюда, жаберные щитки различных пород красной рыбы, фрагменты станковой и лепной керамики, куски обожженного кирпича, мелкие и небольшие камни, куски глины или сырцовых кирпичей, редко железные изделия, скопления астрагалов мелкого рогатого скота, зольно-пепельные сбросы.

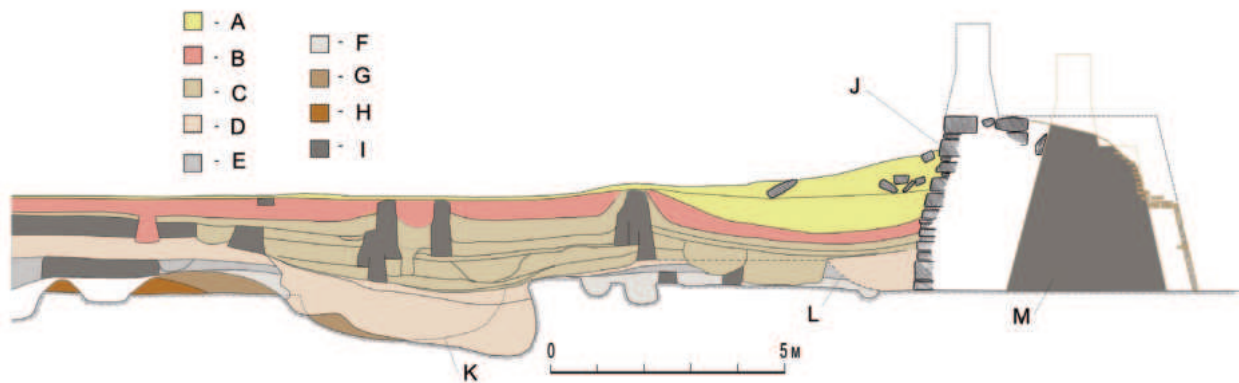

Рис. 8. Городище Кызылкала. Стратиграфический профиль участка юго-западной стенки раскопа 1: А – слой поздних наносов; В – горизонт V; С – горизонт IV; D – горизонт III; E – горизонт II; F – горизонт I период 2; G – оплывший крепостной вал; H – остатки крепостного вала; I – фундаменты и стены сооружений; J – каменная облицовка крепостной стены периода 4 горизонта III; K – контуры крепостного рва; L – контуры планировки периода 4 горизонта III; M – крепостная стена периода 1 горизонта I

8-сур. Қызылқала қаласы. № 1 қазбаның оңтүстік-батыс қабырғасы учаскесінің стратиграфиялық профілі: А – кейінгі үйінділер қабаты; В – V қабат; С – IV қабат; D – III қабат; E – II қабат; F – I қабат 2-кезең; G – бекіністің сырғып кеткен дуалы; H – бекініс дуалының қалдықтары; I – құрылыстардың іргетасы мен қабырғалары; J – III қабат 4-кезеңнің бекініс қабырғасының тас қаптамаcы; K – бекініс шұңқырының контуры; L – III қабат 4-кезең жоспарының контуры; M – I қабат 1-кезеңнің бекініс қабырғасы

Fig. 8. Kyzylkala settlement. Stratigraphic profile of the southwestern wall section of excavation 1: A – layer of late deposits; B – horizon V; C – horizon IV; D – horizon III; E – horizon II; F – horizon I, period 2; G – washed-out fortress rampart; H – remnants of the fortress rampart; I – foundations and walls of structures; J – stone facing of the fortress wall from period 4 of horizon III; K – outlines of the fortress moat; L – outlines of the layout from period 4 of horizon III; M – fortress wall from period 1 of horizon I

Нумерация горизонтов приводится снизу-вверх (рис. 8).

Горизонт I

Период 1. Строительство глинобитной крепости на уровне существующей древней поверхности, обнесение её рвом и валом. Материковым основанием служил серо-зеленоватый суглинок.

Период 2. Вероятно, чуть позже строительства крепости на пространстве между стеной и рвом появляются первые объекты гражданского строительства (рис. 9). В северном секторе раскопа была выкопана узкая землянка 3.0×1.1 м и глубиной 0.9 м без каких-либо признаков благоустройства, вытянутая по линии СЗ–ЮВ с входом-пандусом дромосного типа с юго-восточной стороны. Немного позже она заполняется мусором и перекрывается на уровне материкового основания многокомнатной постройкой, от которой сохранился участок каменного фундамента и одно помещение на высоту 40–65 см. Фундаменты сложены непосредственно на материковом горизонте. Вероятно, ещё одна подобная землянка располагалась у крепостной стены в западном секторе раскопа. Её глубина достигала 100–120 см от уровня материковой поверхности. По прошествии времени землянка забутовывается суглинисто-мусорной массой. На её месте устраивается четырёхугольная полуземлянка размерами приблизительно 4.0×2.9 м с ориентацией углов по сторонам света. Её котлован заглубляется на 40 см и обкладывается по периметру камнем и обломками плитки в сочетании с пахсой, формирующем фундамент стен шириной 35–40 см с наибольшей сохранившейся высотой до 110 см. За пределами крепостного рва на уровне материкового основания зафиксирован целый ряд ямных перекопов и следы узких водогонных канальцев. Следует обратить внимание на факт встречаемости в ямных заполнениях и кладках фундаментов этого периода об-

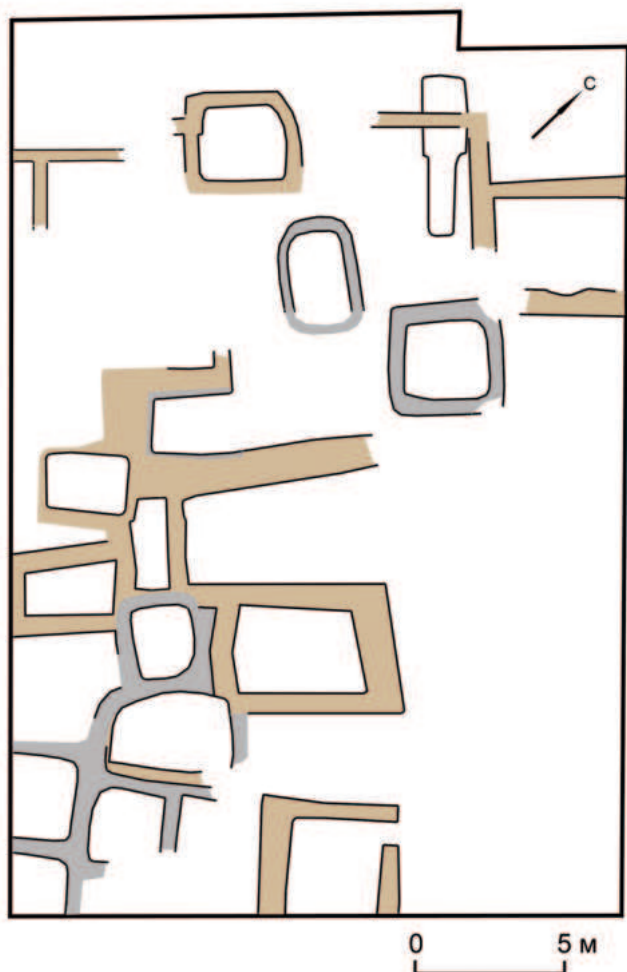

Рис. 9. Городище Кызылкала. Планировка строений горизонтов II и III
9-сур. Қызылқала қаласы. II және III қабаттардағы құрылыстардың жоспары
Fig. 9. Kyzylkala settlement. Layout of structures from horizons II and III

ной стенки раскопа. Их планировка близка особенностям формирования помещений вышележащего горизонта IV, сильно просевшего в объёмное ямное заполнение «землянки» (элемент 39). Пожалуй, только помещение 3 следует отнести к этому периоду строительства. Согласно стратиграфически сохранившегося полного профиля стены, это помещение было выявлено только на уровне верхней плоскости сохранившегося фундамента и не было раскрыто полностью. Более того, на отчётных photographиях внутри помещения видна вертикально врытая плита, вероятно, являющаяся элементом стенки непрочитанной суфы.

Ввиду сказанного можно предположить, что в третий период строительства возводятся смежные помещения подпрямоугольных очертаний (рис. 9), в которых в трёх случаях можно

ломков и даже целых форм обожженного кирпича-плинфы, что может свидетельствовать о существовании до возведения глинобитной крепости ныне неизвестного сооружения или, возможно, культурного горизонта.

Горизонт II

Период 3. Засыпка или естественное замывание рва и начало гражданской застройки перед крепостными стенами. Мощность культурного слоя 70–75 см. В настоящее время очень сложно судить о планиграфических особенностях застройки. К великому сожалению, работы 2021 года были произведены на низком методическом уровне. Несмотря на привязку находок к тем или иным открываемым объектам и подробную посткамерально-информационную подачу найденного материала [Марыксин 2021], за пределами полевых исследований остался важный этап изучения последовательности соотношения строительных горизонтов II, III и IV (горизонт III был срыт без какой-либо фиксации остатков строений). В рамках данного исследования эти закономерности пришлось восстанавливать по детальным планово-стратиграфическим сопоставлениям. Некоторые зафиксированные в 2021 году фундаменты отдельно стоящих строений вписываются в общий план построек, очертания которых были намечены в 2015 году. Однако, помещение 2, как и часть стены помещения 1, не находит подтверждения в стратиграфическом разрезе юго-запад-

предполагать остатки прямоугольных «глухих» суф, в одном случае – остатки ташнау в виде плитчатой отмостки, перекрывающей сливную яму. В некоторых случаях при возведении фундаментов используется бой обожженного кирпича-плинфы. Строения углами ориентированы по сторонам света. Скорее всего, восточный сектор раскопа был свободен от застройки и представлял собой участок двора с различными ямами.

У крепостной стены в северо-западном секторе раскопа на свободных от построек участках фиксируется горизонт плотных суглинистых напластований пола, перебитых многочисленными ямами. Это пространство характеризуется остатками объектов хозяйственного назначения: различными площадками, в том числе с подами тандырных печей диаметром 42–50 см, зольниками и фрагментами кладок фундаментов небольших построек.

Горизонт III

Период 4 соотносится со сносом всех существующих построек на площади раскопа и формированием, вероятно, ровной площадки, послужившей позже основанием под строения горизонта IV в. Д.В. Марыксин, автор раскопок 2021 года, упоминает о существовании толстого суглинистого прослоя, возникшего в результате перепланировочных работ [Марыксин и др. 2022: 99]. Мощность планировочного слоя на участке наиболее плотной застройки за рвом согласно имеющейся и дешифрованной стратиграфии составляет 40–45 см.

Планировочные работы, скорее всего, были сопряжены с удалением до материкового основания культурных отложений строительных горизонтов I и II на участке вдоль глинобитной крепостной стены для создания площадки под массивную каменную облицовку панцирного типа. Ширина подготовленной площадки составила 3–4 м. При этом происходила забутовка и утрамбовывание суглинистым грунтом всех существовавших ранее углублений в материковом основании во избежание последующих просадок каменной кладки. Эта реконструкция крепости увеличила толщину стен в основании до 6 м и имела в истории городища крайне значимый характер. Было добыто, доставлено и уложено более 7 000 т природного камня. Отдельные блоки достигают веса 600–700 кг. Возведение каменной кладки на высоту не менее 4.5 м, без сомнения, потребовало больших трудозатрат, использование подъёмных механизмов и явно сильной политической воли. Строительство из камня явно не хорезмийская традиция. Но для Мангистау использование этого материала уходит корнями в конец каменного и бронзовый век [Самашев, Астафьев 2007: 132–138]. Следовательно, столь грандиозная реконструкция кызылкалинской крепости имела не только фортификационно-стратегическое значение, но и проводилась далеко не с ведома Хорезма, что указывает, по крайней мере, на вероятную заявку местной правящей власти на политический суверенитет.

Период 5. В планировочном прослое периода 4 до уровня набивок пола горизонта II устраиваются небольшие котлованы, возможно, построек полуземляночного типа, концентрация которых зафиксирована в южном секторе раскопа (рис. 9). Два отдельно расположенных котлована имели место в северном секторе раскопа. Углубления имели вид глубоких чашевидных котлованов четырёхугольной формы с сильно скруглёнными или прямыми углами и смежными стенками шириной от 40 до 80 см. Основанием стен могли служить фундаменты предшествующих построек, либо облицовочная пахсовая кладка шириной 40–50 см. В 2010 году были выявлены очертания шести котлованов, в 2015 году ещё двух, но полностью исследованы только три. Их размеры 2.5×2.3 м, 2.6×2.2 м и 4.4×3.15 м при глубине 0.5–0.9 м. В основании стен-перегородок частично положен ранний фундамент спрямлённых очертаний из плотно уложенных кусков камня и обломков плинфы на глинистом растворе. Плоскость стен как вертикальная, так и с положительным уклоном. Мощность напластований пола составляет 25–50 см, ввиду чего фундаменты строений горизон-

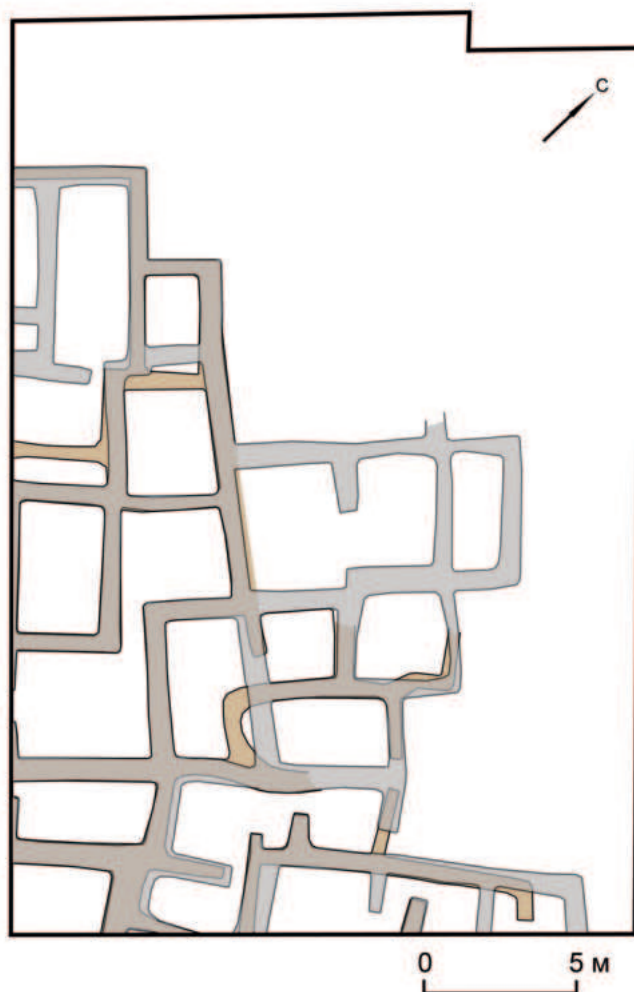

Рис. 10. Городище Кызылкала. Планировка строений горизонта IV

10-сур. Қызылқала қаласы. IV қабаттағы құрылыстардың жоспары

Fig. 10. Kyzylkala settlement. Layout of structures from horizon IV

благоустройства следует отнести плитчатые ташнау, устраиваемые у стен или в углу комнат. Имеется ташнау, сильно утопленное в основание пола за счёт облицовки стенок вертикально установленными тонкими плитами песчаника (рис. 12). В двух случаях зафиксированы небольшие отсеки с валиками-порожками для омовений с перекрытием плитами сливной ямы. В обустройстве комнат имеет место единичный случай устройства суфы-лежанки, лишённой какой-либо системы обогрева.

Часто встречается приём облицовки нижнего яруса стены вертикально установленными обожжёнными или сырцовыми кирпичами, реже плитняком. Отмечен способ скругления углов комнат за счёт вертикальной установки обломков кирпичей или плитняка. Практически у всех стен на уровне фундамента имеется многослойная глинистая обмазка толщиной 5–20 см. В прослоях

та IV местами поставлены на набивные полы периода 5. На верхнем уровне полов одного из котлованов найдено основание тандырной печи диаметром 35 см и «П»-образный очаг из трёх кирпичей-плинф, вкопанных в набивной пол с развалом лепного котла перед топкой. Тандыр изготовлен из красножгущейся глины с большой примесью дровсы.

Горизонт IV

Период 6. Новая застройка 2/3 площади раскопа по уровню планировочного слоя периода 4. Строения полуземляночного типа периода 5 сносятся. Мощность культурного слоя в среднем составляет 70 см. Всего раскрыто 16 разноразмерных комнат плотной квартальной планировки и участок дворового пространства (рис. 10). Застройка значительно расширяется в сторону крепостной стены с сохранением пространственной ориентации. Часть помещений совмещена проходами. Найдены остатки двух тандырных печей диаметром 31 и 64 см с притопочными площадками в виде плитчатой отмостки или четырёхугольного углубления, обложенного по периметру узкими плитками. Сохраняется прежний тип открытых очагов в виде «П»-образно врытых на ребро плит или кирпичей-плинф, либо отдельно стоящих у стен или в углах небольших печных тандыров. На внутренней стороне обломков тандыров имеется прямоили кососетчатая насечка. К элементам

обмазки иногда прослеживаются следы побелки. Полы помещений и отчасти дворовых площадей имеют многослойную глинисто-супесчаную набивку толщиной 5–15 мм.

В восточном секторе раскопа выявлен участок более ранней планировки помещений, очертания которых практически совпадают с вышележащими фундаментами.

Одной из важных особенностей обустройства жилого пространства этого горизонта является наличие небольшого сохранившегося участка явно водогонного канальца, перекрытого трёхрядной кладкой из сырцового кирпича с напуском.

Период 7. Главной особенностью остатков сооружений четвёртого строительного горизонта является наличие хорошо определяемого суглинистого прослоя мощностью 20–30 см, перекрывавшего горизонты полов и мусорных отложений. Этот прослой отмечен только на месте наличия фундаментов построек. Его происхождение точно сопоставлено с остатками завалившихся кладок стен из сырцового кирпича размерами 28×28×7 см, что позволяет судить о периоде сплошной перепланировки жилого массива, по крайней мере, на площади раскопа.

Несколько важных замечаний. В профилях заполнения некоторых комнатах периода 6 под планировочным горизонтом хорошо просматриваются плотные многослойные грязевые затеки, которые повторяют очертания разреза жилищного котлована. Данное наблюдение позволило высказать предположение об осадочном (дождевом) характере этих отложений, которые могли появиться только в период отсутствия перекрытия помещений. Из этого наблюдения следует, что финальный этап четвёртого строительного периода характеризуется временем запустения и забрасывания, по крайней мере, части помещений.

При расчистке одной из жилых комнат получена очень вероятная подсказка причин его забрасывания. Здесь, непосредственно на горизонте полов, расчищен участок упавшей сырцовой кладки одной из стен (рис. 13). Кладка упала монолитом так, что к противоположной стене отлетели только отдельные кирпичи. Это позволило определить, с учётом высоты сохранившегося

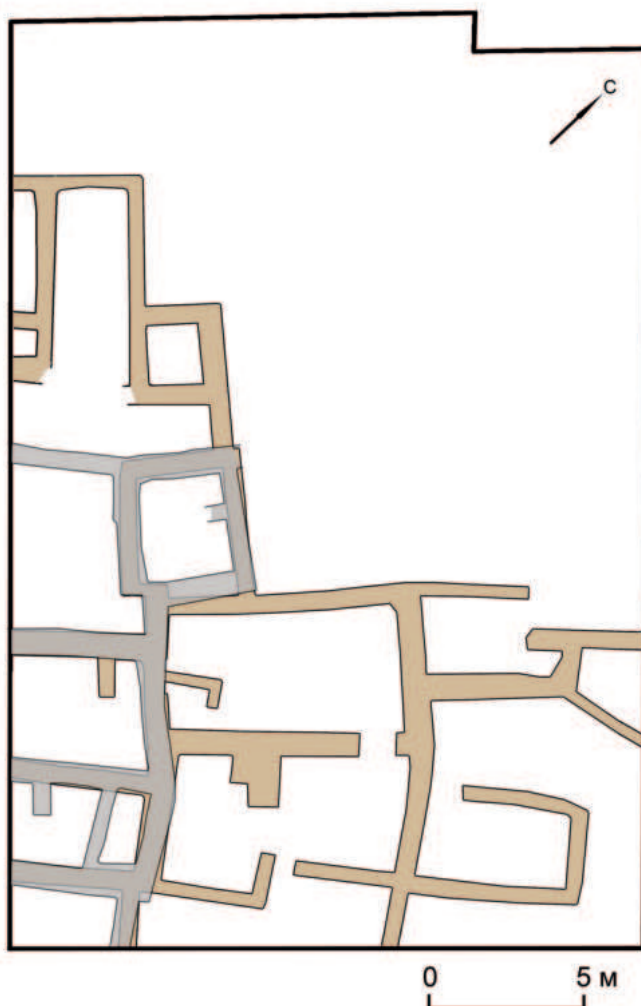

Рис. 11. Городище Кызылкала. Планировка строений горизонта V

11-сур. Қызылқала қаласы. V қабаттағы құрылыстардың жоспары

Fig. 11. Kyzylkala settlement. Layout of structures from horizon V

Рис. 12. Городище Кызылкала. Конструкция ташнау горизонта IV
12-сур. Қызылқала қаласы. IV қабаттағы ташнау құрылымы
Fig. 12. Kyzylkala settlement. Structure of the tashnau from horizon IV

Рис. 13. Городище Кызылкала. Завал стены из кирпича-сырца жилого помещения горизонта IV
13-сур. Қызылқала қаласы. IV қабаттың қам кірпіштен жасалған тұрғын үй қабырғасының қирандысы
Fig. 13. Kyzylkala settlement. Collapse of the raw adobe wall of a residential building from horizon IV

фундамента, что высота стены комнаты составляла не менее 2 м. Она была сложена сырцовыми кирпичами со средними размерами 26×26×6 и 27×27×6 см. Вместе с этим были зафиксированы две важные детали обрушения этой стены:

1. под одним из крайних кирпичей, вылетевших из стеновой кладки, непосредственно на половой глинистой набивке залегал целый лепной светильник, возможно, первоначально находившийся в нише этой стены (рис. 14, 3).

Рис. 14. Городище Кызылкала. Образцы керамической посуды из горизонтов III–V 14-сур. Қызылқала қаласы. III–V қабаттардан табылған керамика ыдыстардың үлгісі
Fig. 14. Kyzylkala settlement. Samples of pottery from horizons III–V

2. северо-восточный край стены упал на «П»-образный очаг. В момент падения стены на очаге был установлен лепной котёл с сильно закопчёнными стенками и дном (рис. 14, 4), что, не исключено, свидетельствует о действующем жизненном процессе в момент обрушения стены.

Более того, под завалами стены соседней комнаты был найден целый раздавленный трёхручный хум с преднамеренно выбитым дном (рис. 14, 1). Так же имеется случай разрушения тандырной печи на уровне пола с односторонним разбросом обломков, вероятно, образовавшихся при обрушении стены помещения.

При разборке сырцовых завалов других помещений найдено два железных наконечника стрел. Один из них крупный имел широкое ромбовидное перо и удлинённый черешковый насад, разграниченные между собой ступенчатым основанием пера (рис. 15, 1). Другой наконечник бро-

Рис. 15. Наконечники стрел горизонта IV (1–5) и динар Махмуда Газневи из горизонта III
15-сур. IV қабаттан табылған жебе ұштықтары (1–5) және III қабаттан табылған Махмұд Ғазнауи динары
Fig. 15. Arrowheads from horizon IV (1–5) and a dinar of Mahmud of Ghazni from horizon III

небойного типа, имеет массивную миндалевидную головку круглого сечения и удлинённый черешок (рис. 15, 3). Наконечники явно принадлежат тяжёлым стрелам дальнего боя. Ранее подобные находки были сделаны при расчистке отложений у основания крепостной стены (рис. 15, 2, 4, 5).

Все вышеперечисленные факты могут свидетельствовать о преднамеренности разрушения в результате боевых действий помещений четвёртого строительного горизонта в результате неких боевых действий, с последующим их забрасыванием и, как следствие, сплошной планировкой развалин под новое строительство на площади всего раскопа.

Горизонт V

Период 8. Возведение нового комплекса помещений, частично совпадающих с фундаментами предшествующего горизонта. Мощность культурных отложений составляет 40–50 см. Остатки фундаментов построек жилого и хозяйственного назначения заполняют 2/3 площади раскопа (рис. 11). Помещения ориентированы углами по сторонам света. Остальная часть свободна от застройки и интерпретируется как «двор». Всего открыто восемь смежных помещений, из которых только три имеют входные проёмы.

Особенностью горизонта является наличие четырёх случаев обнаружения в центре помещений остатков небольших печных тандыров с топочным отверстием и притопочной площадкой, утопленной в пол на 10–25 см (рис. 16). Стенки площадок выложены вытянутыми плитками песчаника или битой плинфой, а дно вымощено плитняком. Тандыры диаметром от 30 до 60 см с

Рис. 16. Городище Кызылкала. Притопочная камера печного тандыра горизонта V 16-сур. Қызылкала қаласы. V қабаттағы тандыр пештің оттығы алдындағы камера
Fig. 16. Kyzylkala Settlement. The furnace chamber of the tandyr from horizon V

внутренней стороны имеют прямосетчатую насечку. В одном случае край печи был оформлен массивным полочковидным венчиком с массивным грибовидным выступом.

Полы помещений проявляются несколькими глинистыми обмазками с золистыми прослоями, достигают толщины 10–15 см. Три помещения, соединённые проходами, следует рассматривать как единый жилой комплекс, состоящий из относительно просторной прихожей, совмещённой с небольшим жилым отсеком и большой прямоугольной комнатой. Жилой отсек состоит из «Г»-образной глинобитной суфы размерами 3,8×1,8 м и высотой 35 см, одна из стенок которой облицована вертикально установленной плинфой. Подле суфы установлена одна из тандырных печей. Большая комната 7,0×3,7 м снабжена тандырной печью, расположенной в центре. К одному из углов пристроена трапециевидная в плане каменно-глинобитная суфа параметрами 3×0,6×2,6×1,2 м и высотой 35 см. В смежном углу находится небольшой отсек 1,3×1,2 м с плитчатым покрытием сливной ямы. Его стенки сложены сырцовым кирпичом размерами 30×30×8 см. Входной проём шириной 70 см имеет невысокий глинобитный порожек. Данное сооружение следует рассматривать как комнатку для совершения омовений. Ещё один из подобных отсеков с соседствующей тандырной печью открыт в смежном помещении.

К большой комнате с западной стороны пристроено небольшое помещение с тандырной печью в центре и, вероятно, небольшим погребком в углу, который обустроен двумя ступенями и перекрыт тремя продолговатыми плитами. Со стороны притопочной площадки на уровне пола расчищено большое зольное пятно. Данное помещение, вероятно, следует рассматривать как кухонное. Оно было совмещено с небольшим внутренним двориком, в котором устроена большая мусорная яма. В одном помещении южного угла раскопа найден большой красноглиняный хум, врытый в пол по срез горловины и перекрытый на момент раскопок тонкими плитами песчаника (рис. 14, 2).

С северо-восточной стороны к жилому комплексу пристроено два небольших подсобных помещения с плитчатыми порогами и шириной стен от 40 до 60 см. В упавшей кладке одного из них найдены три целых жернова диаметром 25–31 см. Описанный комплекс строений с юго-восточной стороны имел выход на дворовое пространство.

Период 9. Финальный этап перестройки жилой застройки и запустение. Мощностные культурные отложения 25–40 см.

Остатки построек сохранились в юго-западном секторе раскопа. Они представлены шестью смежными помещениями, четыре из которых выходят за границы раскопа. Вероятно, они имели прямоугольную достаточно просторную планировку, вытянутую по линии СВ–ЮЗ. Из бытового обустройства выделена только одна «глухая» широкая суфа, вытянутой трапециевидной формы 240×160 см и высотой 35 см, продольная стенка которой была облицована вертикально установленными плитами, а поперечная выполнена плитчатой горизонтальной кладкой. На углу суфы устроена топочная камера. Два небольших помещения имеют явно вспомогательный характер. Ширина стен 60–80 см при сохранившейся высоте до 40 см.

Все помещения повторяют очертания комплекса застройки предшествующего периода.

3 Обсуждение результатов исследования

Несмотря на дробное вычленение периодов строительной истории городища, вопрос их хронологии не такой простой. Первое, что целесообразно сделать на данном этапе исследований – это определить временные рамки существования городища Кызылкала. Согласно конструктивным параметрам паховых и сырцовых кладок, принципы возведения кызылкалинской крепости соответствуют хорезмийским строительным приёмам, бытующим на протяжении IX–XII вв. [Воронина

1953: 13]. Более детальную хронологию строительной истории памятника позволяет определить стратифицированное распределение находок того или иного типа глиняной посуды.

В данной работе автор не ставит своей целью анализ керамической коллекции, но хотел бы обратить внимание на некоторые формы и технологии, обладающие явными хронологическими признаками. Без каких-либо сомнений с поверхностных сборов Кызылкалинского городища происходят только обломки керамики домонгольского времени. Среди них подняты небольшие обломки иранского люстрового фаянса «монументального» стиля последней трети XII в. (рис. 17, 3)

и «кашанского» стиля с подцветкой рисунка полосами кобальта, нанесённого по сырой глазури, и гравированными по люстру надписью почерком “наسخ” с датировкой первыми двумя десятилетиями XIII в. (рис. 17, 1; [Коваль 2010: 41]). В IV горизонте периода 9 найдены фрагменты иранского кашинного сосуда с росписью люстром золотистого оттенка по молочно-белой поливе без подсветки (рис. 17, 2). Вероятно, данные обломки следует отнести к фаянсу миниатюрного стиля домонгольского периода, датированного последней четвертью XII – началом XIII в. [Коваль 2010: 41].

Для горизонтов III и IV характерна сероглиняная керамика, облицованная тёмно-серым или чёрным ангобом, которая составляет только 4% от общего числа керамических изделий. По Н.Н. Вактурской, подобная керамика характеризует неполливную посуду Хорезма XII – начала XIII в. [Вактурская 1959: 302, 326]. Наиболее выразительны обломки кызылкалинских кувшинов с высокой цилиндрической горловиной, широкими плечами, приземистым туловом и высокой массивной ручкой круглого сечения, как правило, с примесью дресвы, бытующие в Хорезме в домонгольское время (рис. 14, 5, 6; [Вактурская 1959: 305, рис. 21, 3]).

Рис. 17. Городище Кызылкала. Образцы поливной керамики горизонта V (1–3), горизонта II и III (4–7) и горизонта III (8, 9)
 17-сур. Қызылқала қаласы. V қабаттағы (1–3), II және III қабаттардағы (4–7), III қабаттағы (8, 9) сырлы керамика үлгілері
 Fig. 17. Kyzylkala settlement. Samples of glazed pottery from horizon V (1–3), horizons II and III (4–7), and horizon III (8, 9)

Из горизонтов II, III и IV происходят немногочисленные обломки столовой посуды с глиняным тестом красновато-кремового цвета, покрытой прозрачной свинцовой поливой по светлому ангобному с кистевой росписью тонким слоем доминирующей чёрной, коричневой и красной (рис. 17, 4–7). Эта особенность отмечается исследователями для поливной керамики Средней Азии X–XI вв. [Вактурская 1959: 299; Якобсон 1978: 153].

Вероятно, с горизонтами II и III следует сопоставлять обломки глазурированной посуды с тонким гравированным орнаментом (рис. 17, 8, 9), который в XI в. стал господствовать в искусстве поливной керамики на Ближнем Востоке, Византии и Средней Азии [Якобсон 1978: 152].

Бесспорным является практически полное соответствие кызылкалинского керамического комплекса красноглиняных неполивных сосудов с материалами домонгольского времени городища Самосделка, расположенного в дельте р. Волги, что позволяет судить о тесных взаимосвязях Нижнего Поволжья, Закавказья и п-ва Мангышлак. Несмотря на устное мнение Е.М. Болдыревой о традиционной датировке керамического комплекса Кызылкалы в пределах X–XIII вв., осуществляется попытка омолаживания её до XI в. с туманным и невнятным обоснованием на находки «поливной керамики, в том числе люстра» [Марыксин и др. 2022: 103].

Автор данной работы знаком как с отчётом Д.В. Марыксина, так и с методикой проведения полевых работ 2021 г. Сложность исследований нижних строительных горизонтов городища Кызылкала на площади раскопа заключалась в сохранении всей специфики планов строений, котлованов и стратиграфических закономерностей раскопок прежних лет, в том числе впускного характера части ям. Ранний опыт работ на площади раскопа позволил наблюдать картину проникновения глубоких хозяйственных и бытовых ям верхних строительных периодов даже в материковое основание. Следовательно, при стратиграфических нарушениях выявления закономерностей формирования культурных отложений многослойного памятника, крайне велика возможность ошибочной привязки ямных заполнений к тому или иному строительному горизонту. В верхних горизонтах пропуск ямных устьев сводится к минимуму, в то время как при увеличении мощности культурных наслоений процент подобных ошибок значительно возрастает, если не выполняется фиксация последовательности возникновения тех или иных объектов жизнедеятельности. Именно по этой причине, отдельные находки образцов поливной керамики, происходящих из чётко не прослеженных стратиграфических ямных заполнений (особенно, редкий люстровый фаянс) могут вносить хронологическую путаницу. В этой связи, предпочтение будет отдаваться особенностям распределения более массовых типов посуды, что мы можем наблюдать на примере смены форм и технологии изготовления кухонных котлов Кызылкалинского городища.

Критично следует рассматривать находку газневидского динара периода правления Йамин ад-давлага амин ал-милла Абу-л-Касим Махмуда (388/998–421/1030 г.), чекана Газны 405 г.х./1014–1015 гг. (атрибуция П.Н. Петрова), по мнению Д.В. Марыксина, найденного в «предматериковом» комплексе и послужившим подтверждением нижней даты Кызылкалы [Марыксин и др. 2022: 103]. По мнению П.Н. Петрова, динары газневидов находились в обороте до начала монгольского нашествия, а золотые монеты как таковые из-за долгого срока обращения, особенно в единичных экземплярах, не могут быть использованы как хронологические реперы. Однако, находка на городище Кызылкала динара Махмуда Газневи позволяет всё же уточнить закономерности формирования строительных горизонтов. Д.В. Марыксин считал, что монета привязана к полам большой землянки, вырытой в материковом основании на начальном этапе возникновения городища и перебитой двумя мусорными ямами [Марыксин и др. 2022: 99]. В таком умозаключении можно усомниться. Вопрос о предназначении данного сооружения далеко не однозначен, т. к. раскопками была вскрыта только часть углубления с неровным дном. При этом была полностью проигнорирована стратиграфическая составляющая истории её возникновения (рис. 8). Детальное изучение разреза

заполнения «землянки» и её соотношение с обозначенными выше строительными перепланировками позволили установить следующие важные моменты. «Землянкой» было рассечено заполнение крепостного рва и прорезаны отложения всего строительного горизонта II мощностью от 60 до 110 см. На этом участке материковое основание имело естественное понижение от крепостной стены с перепадом высот 30–35 см. Золисто-мусорное заполнение котлована было настолько объёмным, что из-за постоянной усадки приводило к деформации полов и даже фундаментов и, как следствие, периодические перестройки строений горизонта IV. Из этого наблюдения следует, что «землянка» относится не к раннему периоду возникновения городища, а, скорее всего, к строительному периоду 5 горизонта III. находка в нижних отложениях «землянки» динара Махмуда Газневи чеканки 1014–1015 гг. убедительно свидетельствует о том, что яма не могла возникнуть как максимум раньше начала XI в. (разумнее рассматривать более позднее время). Но при этом ямой был пробит мощный строительный горизонт начального периода жизни городища, составляющий больше половины толщины всех культурных наслоений. Следовательно, с учётом хронологии бытования хорезмийской сероглиняной керамики в горизонтах III и IV, соотносимых с XII– началом XIII в., долговременный горизонт II не только соотносится с XI в., но может, как и строительство крепости, опускаться в последнюю треть или четверть X в.

Финальный этап существования городища Кызылкала помимо керамических маркеров, вероятно, определяется находками кладов золотых монет и их мелких фракций на торжище у горы Шеркала, расположенного в 2 км от городища и обустроенного караван-сараям с большим водохранилищем. Часть динаров принадлежит чекану Мухаммада ибн Текеша последних лет (или года) существования государства Хорезмшахов перед завоевательными походами Чингизхана [Астафьев, Петров 2017: 103]. Дважды мелкие обломки золотых монет были встречены при подъёмных сборах на территории кызылкалинского рабата. Можно допустить, что одной из причин угасания жизни поселения является нарушение налаженных торговых потоков в монгольский период.

Выводы

Итогом этой части исследований являются следующие послылы:

1 Городище Кызылкала, вероятно, существовало в период с **последней трети или четверти X по начало XIII в.**

2 Начало его строительной истории сопряжено с возведением глинобитной крепости по хорезмийским строительным традициям и последующим укреплением стен мощной каменной кладкой.

3 Жилой комплекс переживает два периода сплошной перестройки, причиной последней из которых однозначно является вражеское нападение.

4 Существует вероятность, что крепость и первичная гражданская застройка возникают на месте более раннего селения.

5 Городище Кызылкала является единственным памятником городского типа средневековой археологии п-ва Мангышлак (Мангистау).

Сопоставление этих признаков с существующими свидетельствами нарративных источников может не только уточнить событийную хронологию строительной истории Кызылкалы, но и пролить свет на изначальное имя этого города.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Астафьев А.Е. Отчет по археологическому исследованию городища Кызылкала, расположенного на территории Мангистауской области в 2004 году. Рукопись. Актау, 2004 // Архив Мангистауского государственного историко-культурного заповедника, хранение КП-551.
- 2 Астафьев А.Е. Отчет Мангистауского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. Раздел 3: Археологические исследования средневекового городища

- Кызылкала в 2005 году. Рукопись. Актау, 2005 // Архив Мангыстауского государственного историко-культурного заповедника, хранение КП-720.
- 3 Астафьев А.Е. Отчет о проведении археологических исследований средневекового городища Кызылкала (10–13 вв.) в 2009 г. Рукопись. Актау, 2009 // Архив Мангыстауского государственного историко-культурного заповедника, хранение КП-1054.
 - 4 Астафьев А.Е. Археологические исследования на памятнике Кызылкала (X–XVII вв.) в 2010 году. Рукопись. Актау, 2010а // Архив Мангыстауского государственного историко-культурного заповедника, хранение КП-1147.
 - 5 Астафьев А.Е. Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау: [б./и.], 2010б. 147 с.
 - 6 Астафьев А.Е. Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований по Мангыстауской области по теме «Проведение археологических исследований на городище Кызылкала X–XVII вв. (Акмышсай) Мангыстауского района». Рукопись. Актау, 2015 // Архив Мангыстауского государственного историко-культурного заповедника.
 - 7 Астафьев А.Е., Петров П.Н. Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды // Археология Евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С. 101–115.
 - 8 Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. ТХАЭЭ / Отв. ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. Т. IV. М.: АН СССР, 1959. С. 261–342.
 - 9 Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 234 с.
 - 10 Воронина В. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследие / Отв. ред. Б. Михайлова и др. Т. 3. М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1953. С. 3–35.
 - 11 Галкин Л.Л. Отчет о работах в Гурьевской, Мангыстауской областях Казахской ССР в 1978 г. Волго-Уральская экспедиция Института археологии АН СССР. Рукопись. Актау, 1979 // Фонды Мангыстауского областного историко-краеведческого музея, хранение КП-1983.
 - 12 Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР в Северо-Восточном Прикаспии. Рукопись. Актау, 1981 // Архив Мангыстауского областного историко-краеведческого музея, хранение КП-3549/1,2.
 - 13 Галкин Л.Л. Отчет Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР о работах в Северо-Восточном Прикаспии в 1983 г. Рукопись. Актау, 1984 // Архив Мангыстауского областного историко-краеведческого музея, хранение КП 4160/1,2.
 - 14 Елеуов М. «Ортағасырлық Қызылкала қалашығындағы археологиялық зерттеулер» тақырыбында 2008 жылы Маңғыстау Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайымен жасалған № 17 (23.06.2008) келісім-шарт негізінде жүргізілген қазба жұмыстарының есебі. Алматы, 2008 // Архив Мангыстауского государственного историко-культурного заповедника, хранение КП-790.
 - 15 Калменов М.Д. Средневековое городище Кызылкала // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 144–164.
 - 16 Калменов М.Д. Археологические аспекты планировки территориальных границ средневекового городища Кызыл-кала (X–XIII вв.) // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. История. 2012. Вып. 51. № 16 (270). С. 5–7.
 - 17 Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 237–261.
 - 18 Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси: IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 270 с.
 - 19 Марьксин Д.В. Научный отчет №Rt-21-3 о результатах археологических исследований по специфике 007–015–159: «Завершение археологических работ с целью создания археологического парка на территории «Городище Кызылкала». Том I–III. Алматы, 2021 // Архив Мангыстауского государственного историко-культурного заповедника, КП-1230/1-3.
 - 20 Марьксин Д.В., Попов П.В., Крыгин А.П. Работы на городище Кызылкала в 2021 году и предварительный анализ керамического материала // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 98–105.
 - 21 Самашев З., Астафьев А.Е. К вопросу об истоках происхождения архитектурных традиций каменного зодчества Мангыстау // Кадырбаевские чтения: м-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: ПринтА, 2007. С. 132–138.
 - 22 Якобсон А.Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // Византийский временник. Т. 39. М.: Наука, 1978. С. 148–159.

REFERENCES

- 1 Astafiev, A. E. 2004. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve, KP-551 (in Russian).
- 2 Astafiev, A. E. 2005. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve, KP-720 (in Russian).
- 3 Astafiev, A. E. 2009. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve, KP-1054. (in Russian).
- 4 Astafiev, A. E. 2010a. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve, KP-1147 (in Russian).
- 5 Astafiev, A. E. 2010b. *Puti torgovyh soobshcheniy epohi srednevekoviya na territorii Aralo-Kaspiyskogo vodorazdela (The ways of trade communications of the Middle Ages in the territory of the Aral-Caspian watershed)*. Aktau (in Russian).
- 6 Astafiev, A. E. 2015. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve (in Russian).
- 7 Astafiev, A. E., Petrov, P. N. 2017. In: *Arheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 6, 101–115 (in Russian).
- 8 Vakturskaya, N. N. 1959. In: Tolstov, S. P., Vorob'yova, M. G. (eds.). *Keramika Horezma (Ceramics of Khorezm)*. Vol. IV. Moscow: USSR Academy of Sciences, 261–342 (in Russian).
- 9 Varushchenko, S. I., Varushchenko, A. N., Klige, R. K. 1987. *Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besсточnykh vodoemov v paleovremeni (Changing the regime of the Caspian Sea and drainless reservoirs in paleotime)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 10 Voronina, V. 1953. In: Mikhailova, B. et al. (eds.). *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*. Vol. 3. Moscow: State Publishing House on Construction and Architecture, 3-35 (in Russian).
- 11 Galkin, L. L. 1978. In: Funds of the Mangystau regional Museum of Local History, KP-1983 (in Russian).
- 12 Galkin, L. L. 1981. In: Funds of the Mangystau regional Museum of Local History, KP-3549/1,2 (in Russian).
- 13 Galkin, L. L. 1983. In: Funds of the Mangystau regional Museum of Local History, KP-4160/1,2 (in Russian).
- 14 Eleuov, M. 2008. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve, KP-790 (in Kazakh).
- 15 Kalmenov, M. D. 2007. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan)*, 1, 144-164 (in Russian).
- 16 Kalmenov, M. D. 2012. In: *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya (Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. History)*, vol. 51, no. 16 (270), 5–7 (in Russian).
- 17 Kalmenov, M. D., Bizhanova, A. E. 2019. In: Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda (Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Vol. 2 Kazan; Chisinau: Stratum plus, 237-261 (in Russian).
- 18 Koval, V. Y. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi: IX–XVII veka (Ceramics of the East in Russia: 9th–17th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 19 Maryksin, D. V. 2021. In: Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve, KP-1230/1-3 (in Russian).
- 20 Maryksin, D. V., Popov, P. V., Krygin, A. P. 2022. In: *Arheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 3, 98–105 (in Russian).
- 21 Samashev, Z., Astafiev, A. E. 2007. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbayev chteniya (Kadyrbayev readings)*. Aktobe: "PrintA" Publ., 132–138 (in Russian).
- 22 Yakobson, A. L. 1978. In: *Vizantiiskii vremennik (The Byzantine vremennik)*. Vol. 39. Moscow: "Nauka" Publ., 148-159 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.07.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 15.07.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

**Ортағасырлық Сарайшық қаласындағы
зерттеу нәтижелері туралы**
(2022 жылғы далалық маусым материалдары бойынша)

© 2024 ж. Мұқтар Ә., Ахметова У., Тұрарұлы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж.

Keywords: archaeology, medieval settlement, room, corridor, tandyr oven, bell, pool

Түйін сөздер: археология, ортағасырлық қала, бөлме, дәліз, тандыр пеш, қоңырау, пұл

Ключевые слова: археология, средневековое городище, комната, коридор, тандырная печь, колокольчик, пұл

Abilseit Muktar¹, Ulzhan Akhmetova², Aibek Turaruly^{1*}, Amangeldi Zhumabayev¹ and Zhunys Baigaliev¹

¹Doctor of Historical Sciences, Director, State Historical-Cultural Museum-Reserve “Saraishyq”, Atyrau, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-7177-0710 E-mail: muktar64@mail.ru

²Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-4274-8602](https://orcid.org/0000-0002-4274-8602) E-mail: ulzhan.a67@mail.ru

^{1*}Corresponding author, chief inspector, State Historical-Cultural Museum-Reserve “Saraishyq”, Atyrau, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-4671-6990](https://orcid.org/0000-0002-4671-6990) E-mail: aibek_tu@mail.ru

¹Scientific secretary, State Historical-Cultural Museum-Reserve “Saraishyq”, Atyrau, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-8863-5638](https://orcid.org/0000-0002-8863-5638) E-mail: tarix212@mail.ru

¹Researcher, State Historical-Cultural Museum-Reserve “Saraishyq”, Atyrau, Kazakhstan. ORCID: [0000-0001-9483-2278](https://orcid.org/0000-0001-9483-2278) E-mail: baigalievzh@mail.ru

About the results of research in the medieval settlement Saraishyq
(based on the materials of the 2022 field season)

The article presents the results of archaeological work continued in 2022 at the excavation № 3 of the medieval settlement of Saraishyq. The excavation is located on the site of the settlement, in the coastal strip of the Zhaiyk River. The work carried out earlier here consisted of two stages. The first stage of work was completed in 2019. At the upper cultural layer (15th–16th centuries) family burials were revealed – crypts and dozens of single grave pits, parts of residential and utility rooms. At the second stage, in 2021, with further deepening of the excavation, the central part of the structure with rooms located along long corridors, stretched in the north-south direction and dating from the Golden Horde period, was investigated. Structurally, this building is similar to medieval establishments of the “khan” type – caravanserais where distinguished guests, travelers, merchants, and pilgrims could find accommodation. 30 m from this object there is a complex palace building – khan (inn), consisting of more than 40 rooms, discovered by archaeologist Z. Samashev in 1996–2008. This site of the settlement probably consists of a structure built for overnight caravans, travelers and pilgrims.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN AP19678171.

For citation: Muktar, A., Akhmetova, U., Turaruly, A., Zhumabayev, A., Baigaliev, Zh. About the results of research in the medieval settlement Saraishyq (based on the materials of the 2022 field season). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 175–185 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.175.185](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.175.185)

Әбілсейіт Мұқтар¹, Улжан Ахметова²,
Айбек Тұрарұлы^{1*}, Амангелді Жұмабаев¹,
Жүніс Байғалиев¹

¹тарих ғылымдарының докторы, директор,
«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени
музей-қорығы, Атырау, Қазақстан

²тарих ғылымдарының докторы,
қауымдастырылған профессор,
Х. Досмұхамедов ат. Атырау университеті,
Атырау, Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, бас инспектор,
«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени
музей-қорығы, Атырау, Қазақстан

¹ғалым хатшы, «Сарайшық» мемлекеттік тарихи-
мәдени музей-қорығы, Атырау, Қазақстан

¹ғылыми қызметкер, «Сарайшық» мемлекеттік
тарихи-мәдени музей-қорығы,
Атырау, Қазақстан

Ортағасырлық Сарайшық қаласындағы зерттеу нәтижелері туралы

(2022 жылғы далалық маусым
материалдары бойынша)

Мақалада 2022 жылғы ортағасырлық Сарайшық қаласы орнындағы №3 қазбада жалғасқан археологиялық жұмыстың нәтижесі ұсынылған. Бұл жерде жүргізілген жұмыстар екі кезеңнен тұрды. Бірінші кезеңдегі жұмыстар 2019 жылы жүргізілді, жоғарғы құрылыс қабатынан (XV–XVI ғғ.) отбасылық жерасты жерлеу орындары – сағаналар мен ондаған жеке жерлеу шұңқырлары, тұрғын және шаруашылық бөлмелердің бөліктері анықталды. 2021 жылы, яғни екінші кезеңде № 3 қазбаны ары қарай тереңдетіп қазғанда солтүстік-оңтүстік бағытта созылған, ұзынша дәліздердің бойына қатарласып орналасқан бөлмелері бар алтынордалық кезеңге тиесілі ғимараттың орталық бөлігі ашылды. Құрылымы жағынан бұл ғимарат құрметті қонақтарды, жолаушыларды, саудагерлерді қабылдайтын «хан» типтес қоғамдық нысанға жақын. Бұл нысаннан 30 м-дей жерде 1996–2008 жж. археолог З. Самашев ашып зерттеген 40-тан астам бөлмеден тұратын кешенді сарай «хан» (қонақ қабылдайтын орын) ғимараты орналасқан. Қаланың бұл ауданы керуеншілер, саяхатшылар, зиярат етушілердің түнеп ғибадат етуі үшін салынған құрылыстардан тұрған деген болжам бар.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыру аясында дайындалды, жобаның ЖТН АР19678171.

Сілтеме жасау үшін: Мұқтар Ә., Ахметова У., Тұрарұлы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж. Ортағасырлық Сарайшық қаласындағы зерттеу нәтижелері туралы (2022 жылғы далалық маусым материалдары бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 175–185-бб.

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.175.185](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.175.185)

Абилсеит Мұқтар¹, Улжан Ахметова²,
Айбек Тураулы^{1*}, Амангелді Жұмабаев¹,
Жүніс Байғалиев¹

¹доктор исторических наук, директор,
Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Сарайшық», г. Атырау, Казахстан

²доктор исторических наук, ассоциированный
профессор, Атырауский университет
им. Х. Досмұхамедова, г. Атырау, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, главный инспектор,
Государственный историко-культурный музей-
заповедник «Сарайшық», г. Атырау, Казахстан

¹ученый секретарь, Государственный историко-
культурный музей-заповедник «Сарайшық»,
г. Атырау, Казахстан

¹научный сотрудник, Государственный историко-
культурный музей-заповедник «Сарайшық»,
г. Атырау, Казахстан

О результатах исследований средневекового городища Сарайшык

(по материалам полевого сезона 2022 г.)

В статье представлены результаты археологических исследований средневекового городища Сарайшык 2022 г., полученные на раскопе № 3. Проведенные ранее здесь работы состояли из двух этапов. Первый – выполнен в 2019 г.; в верхнем строительном горизонте (XV–XVI вв.) выявлены подземные семейные захоронения – склепы и десятки одиночных могильных ям, фрагменты жилых и хозяйственных помещений. На втором этапе, в 2021 г., при дальнейшем углублении исследована центральная часть сооружения с помещениями, расположенными вдоль длинных коридоров, ориентированных в направлении север–юг и датированных золотоордынским периодом. По структуре это сооружение близко к средневековым заведениям типа «хан» – постоянным дворам, где могли остановиться почётные гости, путешественники, купцы и паломники. В 30 м от этого объекта находится комплексное дворцовое здание, состоящее из более чем 40 комнат, открытых под руководством З. Самашева в 1996–2008 гг. Этот участок городища, вероятно, состоит из строений, предназначенных для ночлега караванщиков, путешественников и паломников.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 годы, ИРН проекта АР19678171.

Для цитирования: Мұқтар А., Ахметова У., Тураулы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж. О результатах исследований средневекового городища Сарайшык (по материалам полевого сезона 2022 г.). *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 175–185 (на каз.яз.).

[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.175.185](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.175.185)

1 Кіріспе (Мұқтар Ә.)

Ортағасырлық Сарайшық қаласы Атырау облысы Махамбет ауданы Сарайшық ауылы маңында, Жайық өзенінің оң жағалауында орналасқан. Қала орнында археологиялық зерттеу жұмыстары ХХ ғасырдың 30-жылдарынан бастап қолға алынды. 1937 жылы археолог Н.К. Арзютов кешенді қазба жұмыстарын жүргізді [Арзютов 1949]. 1950 жылы Ә.Х. Марғұлан бастаған Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы ортағасырлық Сарайшық қаласы орнында тыңғылықты зерттеу жұмыстарын жүргізді [Марғұлан 1951: 8]. Одан кейін, ХХ ғасырдың 70–80 жылдарында археолог Л.Л. Галкин Сарайшықта зерттеу, барлау жұмыстарын өткізгенін атап өткен жөн. Ал 1989 жылдан бастап қала орнына З. Самашев жетекшілік еткен Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы археологиялық зерттеулер жүргізді [Самашев 1996; 1998; 2003; 2005]. 2017 жылдан бері Сарайшықты жергілікті археологтар зерттеуде. 2019 жылы № 3 қазба орнын алғаш зерттеп бастаған Атырау облысы тарихи-өлкетану музейінің қызметкерлері болса, 2021 жылдан бастап «Сарайшық» музей-қорығының археологтары Қазақстан Республикасының Мәдениет және спорт министрлігі Мәдениет комитетінің 2021–2023 жж. арналған № BR10164208 бағдарламалы-нысаналы қаржыландырылған ғылыми жоба аясында одан әрі нақты зерттеулер жүргізді [Ахметова және т.б. 2022; Петров и др. 2022; 2023]. Қазба орнында көлемі ауқымды, саман кірпіштен тұрғызылған құрылыс нысаны ашылды. Оның сыртқы шегаралары 2021 жылы түгел анықталған жоқ. Қазбаны жалғастыру келесі маусымға жоспарланды.

2022 жылғы қазбадағы жұмыстардың жалпы мақсаты Сарайшықтың ХІІІ–ХV ғғ. тән құрылыс қабаттарын ашу болып табылды. Сонымен бірге қазбада анықталған нысанның аумағын айқындау және сәулеті мен табылған жәдігерлері арқылы Сарайшықтың экономикалық, сауда байланыстарын зерттеу, қаланың орта ғасырдағы рөлін саралау кіреді. 2021 жылғы қазба орта ғасырларда Сарайшық қаласының ғимараттары алдын ала ойластырылған жоспар бойынша, түзу әрі қатар-қатар тұрғызылғанын көрсетті. Ұзын дәліздің бойындағы ірі ғимарат қарапайым қала тұрғынының үйі емес, қоғамдық кешенді құрылыс болса керек. Мәдени қабаттан жәдігерлердің, түрлі бұйым қалдықтарының көптеп табылғанына қарай, қаланың үлкен мәдени-саяси орталығы болған секілді. Жәдігерлер Сарайшықтың Жошы ұлысындағы басқа қалалармен сауда байланысының болғанын білдіреді. Сондай-ақ экономикалық байланыстардың ауқымы қала тұрғындарының Алтын Орда мемлекеті кезеңіндегі мәдени сипатын саралауға көмектеседі.

2 Зерттеу әдістері мен материалдар

2.1 Зерттеу әдістері (Ахметова У., Тұрарұлы А., Жұмабаев А.)

Қазбада қалаларды зерттеудің эмпирикалық қалыптасқан әдістемесі қолданылды, яғни, табылған барлық заттарды белгілей отырып, мәдени қабаттар ашылды. Белгілеу жұмыстары сызба, сипаттау және фотосуретке түсіру арқылы тіркеліп отырды. Жұмыс барысында ғимарат аумағын, жоспарын анықтау мақсатындағы қазба түрі қолданылды, анықталған ғимараттың көлемді болуына байланысты қазба алаңы жан-жағына қарай кеңейіп отырды. Қазба орны әуеден «DJI Mavic 2 Pro» квадрокоптері арқылы суретке түсірілді.

2.2 Материалдың сипаттамасы (Тұрарұлы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж.)

Алынған материалдар өңделіп, ғылыми тұрғыдан талданып отырды. Қазба барысында ғимарат бөлмелерінің шикі кірпіштен қаланған қабырғалары ашылды. Кірпіштердің көлемі біркелкі емес. Сонымен қатар пахса блоктардан құйылған қабырға қабаты кездеседі. Шикі кірпіштер сары түсті саз балшықтан құйылған болса, пахса блоктарынан күлгін түстес, арасында

ұсақ мал сүйектері, кож, әртүрлі қыш ыдыс сынықтары кездеседі. Қабырғалардың кейбірінде құм аралас сазбен сыланған сылақтары болды. Қабырғалар бірнеше құрылыс кезеңдерінен тұрады. Мұның бәрі ғимарат қабырғаларының ұзақ жылдар бойы пайдаланылғанын, бірнеше рет сол орында қайта салынғанын байқатады. Сондай-ақ жөндеу, қайта құрылымдау кезеңдерінен өткені белгілі. Құрылыс кезеңдерін анықтауда мәдени қабаттардан табылған тиындардың атрибуциясы ескерілді.

3 Талқылау (Мұқтар Ә., Ахметова У., Тұрарұлы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж.)

Қазбада анықталған ғимаратты зерделеу барысында осыған ұқсас келетін нысандар іздестірілді. Қонақ қабылдау мақсатында салынған ғимараттарды жіктеу барысында құрылымы типтік емес және талдауы күрделі ғимараттар жиі ұшырасты. Сондықтан жіктеу барысында осындай мақсаттағы барлық ғимараттарды толық қамту мүмкін болған жоқ. Оған қоса ол ескерткіштердің жеке ерекшеліктерін сипаттау - бөлек тақырып.

Біз зерттеген ғимаратқа біршама ұқсас деп Алтын Орданың астанасы – Сарай қаласында қазылған ғимаратты атауға болады. Бұл ғимаратты орналасқан жері мен жобасының ерекшелігіне байланысты мұсылман дінімен байланыстыруға болатын шығар деген пікір бар. Ол қаладағы үлкен мешітке қарсы 5,5 м қашықтықта, көшенің екінші бетінде орналасқан. Ғимараттың солтүстік бөлігі қираған, сондықтан оның нақты пішіні мен өлшемдерін анықтау мүмкін болмады. Зерттелген бөлігінің жобасы Г тәріздес. Үй-жайлар екі перпендикуляр сызықтың бойына орналасқан. СШ–ОБ бағытындағы ұзындығы шамамен 20 м, СБ–ОШ бағыты бойынша ұзындығы – 9,7 м. Ғимарат ені 5,25 м [Зиливинская 2011: 137].

Ғимараттың солтүстік-батыс қанатындағы бес бөлме зерттелді. Олардың төртеуінің көлемі бірдей, стандартты орналасқан қарапайым қонақ бөлмелері. Бұл бөлмелерде тұрмыстық заттар жоққа тән, белсенді өмірдің ізі білінбейді. Сондай-ақ оларда алтынордалық тұрғын үйлерге тән қайта жасаулар мен қайта жобалау да жоқ. Бұл ғимараттың қоғамдық сипатын көрсетеді, ол бөлмелерді үй шаруашылығымен айналыспаған, уақытша тұрғындар жайлаған.

Г.А. Федоров-Давыдов бұл ғимаратты қонақ қабылдайтын үй – ханака деген болжам айтты. Бұл болжам көңілге қонымды, өйткені жақын жерде тек мешіт қана емес, зиярат ету нысаны болуы мүмкін кесенелер де бар.

Шығыс елдерінде көпшілікке белгілі, саудагер керуендеріне арналып біркелкі етіп салынған, жолаушылар тоқтайтын орындар бар. Араб елдерінде мұндай ғимараттарды керуен-сарай дейді, яғни, керуендерге арналған сарай ғимараты, ал түркі тілдері басым жерлерде оларға хан деген атау қолданылған [Зиливинская 2018: 12].

Жол бойындағы қонақүйлерден басқа қалаларға кіре берісте және қала ішінде де керуен-сарайлар болған. Қалалық керуен-сарайларда қонақүйлер ғана емес, сонымен қатар оларда қолөнер шеберханалары мен саудагерлер дүкендері де болуы мүмкін. Вакф (уақып) ретінде қалалық керуен-сарайлар өз иелеріне айтарлықтай табыс әкелді (*вакф - мұсылман елдерінде мемлекет немесе жеке тұлға тәрпынан діни ұйымдарға қайырымдылық ретінде берілген салық салынбайтын мүлік*) [Беленицкий және т.б. 1973: 139]. Ортағасырлық қала керуен-сарайлары аз зерттелген, өйткені олар толық сақталмаған, бірақ жол бойындағы жолаушылар тоқтайтын орындар барлық шығыс елдерінде кеңінен танымал [Зиливинская 2018: 14].

Сарайшықта 1996 жылдан бастап қазылған «хан» типті сарай кешенінде орналасқан орта ғасырлардағы саяхатшылар мен көпестер жатын орындарға жайғасып, жылқыларына қора тауып, тауарларын сатып, басқа саудагерлермен және келушілермен аралас-құралас болған.

Бұл ғимарат туралы «Сарайшықтың қыш бұйымдары» атты еңбекте былай сипатталған: «Оның пішіні, негізінде архитектуралық “хан” типтес жобаланған сарай кешенді. “Ханалар” қадірлі қонақтар, көпестер мен тәу етушілер, саяхатшылар үшін тұрғызылатын. Ол XIV–XVII ғасырларда шығыстағы мұсылман елдерінде өте кең таралған еді. Құрылыстың көлемі зәулім 40×20 метрлік. Бұл жерде бұрын болған құрылыс нысандары кезінде тегістеліп, бітеліп те тасталған» [Самашев және т.б. 2008: 19].

Ғимараттың 20×20 метрлік орталық бөлігінің негізгі қаңқасы екі метрлік құйылған платформаның үстіне мықтап шикі кірпіштен қаланған. Қаңқаның қабырғаларының іші әртүрлі материалдармен толтырылып бекітілген. Ғимаратта 25 бөлме тазартылды. Оның оңтүстік жағындағы портал бөлігі аркалы келген, кіре-берісіндегі шығыңқы тұсында кең пандусы бар. Бұрыш-бұрышында сәл шығыңқылау жасалған мұнаралар орналастырылған. Портал күйдірілген кірпіштен қаланып, бедерлі панель және кестелі өрнектер түрінде ақ алебастрден жасалып, сәндік элементтермен қапталған.

Кіре берісінде кең алаң бар. Бұл ғимаратты, болжам бойынша Жошының ұрпағы Орыс хан салдырған [Самашев және т.б. 2008: 19]. Ол 1370 жылдары Дешті-Қыпшақтың шығысындағы өз иелігіне өткен жерлерде билігін нығайтып, күйреуге бет бұрған империяны қайта қалпына келтіруге тырысты. Сығанақтағы резиденциясын ұстай отырып, Сарайжұқты өз иелігінің астанасына айналдырғысы да келді. «Көптеген медресе, ханака, мешіт және басқа игілікті ғимараттар салдыртқан» атасы Еженнің үлгісіне сай, Орыс хан да орталық қалаларды гүлдендіруді қолға алады [Кляшторный, Султанов 1992: 198].

Көп ұзамай ғимарат жан-жағына қарай кеңейе бастаған, оның қапталдарына симметриялық түрде қанат секілді бөлмелер жалғанған. Артқы шығыс жағы да көптеген жанама құрылыс нысандарының есебінен өсе түседі. Құрылыс саны 40 шақты болып көбейді. Ансамбльдің орта тұсы жанамалап салынған тұрғынжай шатырларының үстінен биік тұрды. Негізінен олардың көбісі тұрғылықты бөлмелер болған [Самашев және т.б. 2008: 20].

Бұл қазба біз қарастырып отырған № 3 қазбадан 30 м-дей жерде орналасқанын ескерсек, қаланың осы ғимараттар орналасқан ауданы керуеншілер, саяхатшылар, жолаушылар, зиярат етушілердің түнеуі үшін салынған құрылыстардан тұрған болса керек.

2021 жылы № 3 қазбадан ұзын дәліздердің бойында қатар-қатар орналасқан бес бөлменің ашылуына байланысты бұл нысанды да қоғамдық ғимарат – қонақ қабылдайтын орын деп болжаған болатынбыз [Жумабаев, Тұрарұлы 2021: 165].

4 Зерттеу нәтижелері (Мұқтар Ә., Ахметова У., Тұрарұлы А., Жұмабаев А., Байғалиев Ж.)

Ғимараттың орталық бөлігі бұрын ашылғандықтан, солтүстік және оңтүстік бөлігінде қазбаны кеңейту арқылы жүргізу жоспарланды. Осы мақсатта 2021 жылы қазбаның солтүстік-шығыс бұрышы солтүстікке қарай 3 м-ге кеңейтіліп қазылса, 2022 жылы сол аумақ солтүстікке қарай 7 м-ге дейін, шығыс бағытқа 4 м-ге кеңейтіліп қазылды. Осы бөліктен ғимараттың солтүстік шеті айқындалды. Ғимараттың солтүстік қабырғасының қалыңдығы 85 см, биіктігі 80 см. Осы солтүстік қабырға мен қазбада ашылған № 1 бөлме арасында ені 70 см, ұзындығы 400 см болатын дәліз ашылды. Кейіннен ғимарат қайта салынған кезінде бұл дәлізді қалыңдығы 5-6 см бірнеше қабат балшық ерітіндісін құю арқылы бітеп тастаған. Дәліздің шығыс жақ шетінде тандыр пеш орналасқан. Пештің диаметрі 38 см, тереңдігі 15 см. Ауызы батысқа қараған. Дәліздің оңтүстігіндегі № 1 бөлменің қабырғасы 2021 жылы ашылған болатын, ол ағаш қаңқалы қабырға түрінде жасалған. Ағаш сырықтарды тірек етіп жасаған қабырғаның қалыңдығы 25 см, сырықтардың арасы 30 см.

2021 жылғы маусымда ашылған батыс қабырғаның бойындағы ені 75-100 см болатын дәліздің шетінде ғимараттың солтүстік қабырғасынан шығатын есігі болған. Ол кейін көлемі 42×21×8 см шикі кірпіштермен қаланып бітелген, қаланған кірпіштер ішкі жағында 35 см-дей қабырғадан шығып тұр.

Солтүстік қабырға үстіне шығыс жағында тағы бір күлгін түсті пахса қабырға қаланып биіктетілген. Солтүстік-батыс бұрышта солтүстікке 73 см шығыңқы қабырға жалғасқан. Оның қалыңдығы 36 см. Бұл ғимараттың батыс қабырғасымен байланысты болса керек. Ал осы солтүстік-батыс бұрышта батыс қабырғаның сыртқы жағынан тақап тағы бір қабырға қаланған, ол кейінгі құрылыс қабатында салынғаны байқалады. Жер бетінен 55 см тереңдіктен қаланып басталған, одан төмен күл аралас топырақ қабаты жатыр. Бұл қабырға ұзындығы оңтүстік бағытқа қарай 320 см, қалыңдығы 60-70 см. Қабырға сыртынан қатар орналасқан екі тандыр пеш ашылды. Бұл тандыр пештердің көлемі үлкен. Тандырлардың диаметрі 60 см, биіктігі де 60 см, қабырғасының қалыңдығы 5 см. Екі пештің аралығы 20 см. Тандыр пештердің солтүстік және батыс жағында онша айқын емес қабырға сұлбалары байқалады. Яғни, тандыр пештер бөлме ішінде орналасқан болуы мүмкін.

Қазбаның солтүстік-шығыс тұсынан, ғимарат сыртынан үш жеке жерлеу шұңқыры және шаруашылық мақсатта қазылған шұңқыр анықталды. Шаруашылық шұңқыры ішінен қыш ыдыс сынықтары, мал сүйектері және ерекше айта кетер нәрсе, дөңгелек ойықтар ойылған қойдың жауырын сүйектері табылды. Өңделген жауырын сүйектерінің саны – 9. Сондай-ақ қазбаның шығыс жиегінен қыш кірпіштен салынған көрхана ғимаратының бір бөлігі ашылды. Бұл адам қабірінің біз зерттеп жатқан ғимаратқа қатысы жоқ, кейінгі кезеңде пайда болған нысандар болғандықтан, қазбадағы жұмыс күші ғимараттың топырақтан ашылмай жатқан оңтүстік бөлігіне жұмылдырылды.

Қазбаның оңтүстік шетіндегі бөлменің қабырғалары 2021 жылғы маусымда жартылай қазылғандықтан оны толықтай ашу мақсатындағы жұмыстар 2022 жылы жүргізілді. Бұл бөлме шартты түрде № 7 бөлме деп белгіленді. 2021 жылы ашылған алты бөлменің сипаттамасы бұдан бұрын жарияланған болатын [Ахметова және т.б. 2022].

№ 7 бөлме. № 5 бөлменің оңтүстігінде орналасқан. Бөлме көлемі 5,10×3,75 м. Қабырғалардың биіктігі 1,80-1,88 м, қалыңдығы 75-50 см. Шығыс қабырғаның қаландыларына қарасақ, оның бірнеше құрылыс кезеңдерінен тұратыны, қабырғаға жөндеу жұмыстары жүргізілгенін байқаймыз. Әсіресе, бірнеше қабат етіп қара сұр түсті балшықтан құйылған бөлігі айқын көрініп тұр. № 5 бөлменің батыс жағында орналасқан дәліз осы бөлмеге шығатын болған. Солтүстік қабырғасына тақалған жерге шикі кірпіштен аласа келген тұғыр бағана қаланған. Оның көлемі 1,1×0,5 м, биіктігі 45 см. № 5 бөлменің есігі осы бөлмеге қарай шығатын болған, бірақ кейіннен бітеліп, орнын сылақпен сылап тастаған. Бөлменің ішкі көрінісінде басқа ешқандай құрылыс элементтері жоқ. Едені саз балшықпен сыланған. Бөлмені тазалау барысында қыш ыдыс сынықтары, мал сүйектері табылды.

№ 8 бөлме. № 7 бөлменің оңтүстік жағынан ашылды. Есігі солтүстігінде, № 7 бөлме жаққа қараған. № 8 бөлменің батыс жағында дәліз орналасқан. Бөлме көлемі 3,1×4 м (ШБ–СО бағытында). Қабырғаларының биіктігі 65 см-ден 148 см-ге дейінгі аралықта, қалыңдығы 50-70 см шамасында. Қабырғалар ішкі жағынан саз балшықпен сыланған. Сылақтың қалыңдығы 2 см. Бөлменің шығыс, оңтүстік және батыс қабырғалары бойында II тәріздес сыпа салынған, сыпаның кеңдігі шығыс бөлікте 80 см, оңтүстік бөлікте 178 см, батыс бөлікте 50 см. Биіктігі 30-40 см шамасында. Бөлменің басқа аумағы түгелдей саз балшықпен сыланған еденнен тұрады (1-сур.). Нивелирмен өлшегенде

еден қазбаның беткі деңгейінен 250 см тереңдіктен анықталды. Шығыс сыпада тандыр пеш орналасқан. Сыпа ішімен тандырдан екі арналы қан оңтүстік бағытқа қарай жүргізілген. Канның ұзындығы 240 см, әрбір арнасының ені 10 см, екі арнаның арасындағы қабырғаның қалыңдығы 25 см. Қан бөлменің оңтүстік-шығыс бұрышында қабырға ішіне жүргізілген мұржамен жалғасады. Бөлмедегі тандыр пештің диаметрі 40 см, қабырғасының биіктігі 35 см. Пештің ауыз қуысы батыс жаққа қараған, оның ені 20 см, биіктігі 30 см. Тандырдың ауыз қуысы алдында оттық шұңқыры бар, оның көлемі 35×30 см, тереңдігі 10 см. Тандыр пештің солтүстік жағында, бөлменің солтүстік-шығыс бұрышында шаруашылық мақсатта қазылған шұңқыр еден деңгейінен анықталды. Шұңқыр диаметрі 50 см, тереңдігі 60 см, қабырғасы тік, түбі тегіс келген. Ішінен мал сүйектері, қыш ыдыс сынықтары, тандыр пеш қабырғасының сынықтары шықты, шұңқыр саз топырақпен аралас толтырылған. Шығыс сыпаның шетінен бөлменің батыс қабырғаға дейін еденнен қазылған ордың орны анықталды. Ордың ұзындығы 210 см, ені 10 см, тереңдігі 10-20 см. Ор ішінің топырағын тазалау барысында жұқа ағаш тақтай қалдықтары, ағаш үгінділері шықты. Шамасы, ордың ішіне ағаштан жасалған жұқа қабырғаның түбі бекітіліп, қалқа (ширма) немесе шымылдық тәрізді үй жабдығы болғанға ұқсайды. Сыпадан орға дейінгі еденнің көлемі 1,80×1,35 м болса, ордан солтүстік қабырғаға дейінгі еденнің көлемі 2,40×0,75 м. Бөлме есігін солтүстік қабырғаның батыс

1-сур. Сарайшық. Ғимараттағы № 8 бөлме. Фотосурет: Жүніс Байғалиев

Fig. 1. Saraishyq. Room № 8 of the building. Photo: Zhunis Baigaliev

Рис. 1. Сарайшык. Комната № 8 в здании. Фото: Жунис Байғалиев

жақ шетіне орнатқан. Есіктің ені 70 см. Саман кірпіштен табалдырық салынған, биіктігі 5 см, қалыңдығы 30 см. Бөлмені топырақтан ашу барысында мыс тиындар, жылқы бейнесіндегі қола құлып, қола қоңырау, екі қыш шырағдан және қыш ыдыстардың сынықтары табылған.

Дәліздер. № 8 бөлменің батыс қабырғасының сыртында С–О бағытта салынған дәліз бар. Ол № 7 бөлменің оңтүстік шетінен басталып 6,20 м ұзындыққа дейін созылған, ені 1 м болады. Дәліздің батыс қабырғасының биіктігі 140 см, қалыңдығы 60 см. Бұл қабырға батысқа қарай қисайып тұр.

№ 8 бөлменің шетінен ғимараттың шығыс қабырғасындағы есіктің орны ашылды. Есіктің ені 1,40 м. Бұл жерде ұзындығы 5,30 м, ені 1,40 м болатын қуыс – кіреберіс дәліз пайда болған. Дәліз қабырғаларының биіктігі 84-90 см шамасында. Бұл дәліз № 8 бөлменің батыс жағындағы дәлізге дейін созылған. Ол екі дәліздің арасы шикі кірпішті қабырғамен бөлініп тұр. Осы дәліздердің оңтүстік жағынан № 9 бөлме ашылды.

№ 9 бөлме. Бұл бөлме ғимараттың алдыңғы ашылған бөлмелерінен жоғарғы мәдени қабаттан анықталды. Сондықтан уақыты бойынша кейінгі кезеңдегі тұрғынжай деп есептелінді. Бұл бөлменің есігі солтүстік қабырғасының шығыс жақ шетінде орналасқан, кіреберіс дәлізге шығатын болған. Есіктің ені 98 см, табалдырығының биіктігі 7 см, қалыңдығы 23 см. Есіктің батыс жағында солтүстік қабырғаға тақала тандыр пеш салынған. Тандырдың диаметрі 47 см, биіктігі 37 см, қабырғасының қалыңдығы 3 см болды. Қабырғасының ішкі жағына тарақ тісімен салынған өрнектер жүргізілген. Пештің ауыз қуысы оңтүстікке қараған, көлемі 20×15 см. Ауыз қуысы алдында пеш шұңқыры анықталды, оның көлемі 35×25 см, тереңдігі 5 см. Тандыр пештен батыс бағытқа қарай ұзындығы 180 см екі кан арнасы созылған, арналардың ені 16 см, аралық қабырғасының ені 16 см. Кан арналары солтүстік қабырғаның бойына ойып жасалған тік мұржаға жалғасқан. Тандырдың аузынан оңтүстік бағытқа қарай 2,65 м-ге дейін сыпаның қабырғасы созылған. Қабырғаның биіктігі 38 см, ені 20 см. Сыпаның ені 2 м шамасында. Іші топырақпен толтырылған.

Бөлменің жалпы көлемі 5,75×4,75 м. Бөлменің шығыс қабырғасының биіктігі 100 см, қалыңдығы 60 см, сарғылт түсті шикі кірпіштен қаланған. Солтүстік қабырғасының биіктігі 84 см, қалыңдығы 45 см. Ол қабырға үш құрылыс қабатынан тұрады. Оңтүстік қабырғадан екі құрылыс кезеңі байқалды. Төменгі қабаттағы қабырға қара-сұр түсті блоктан соғылған, ал жоғарғы қабаттың сарғылт түсті кірпіш қаландылары бар. Қабырғаның жалпы биіктігі 1,4 м. Бөлменің батыс қабырғасы айқын емес. Еден деңгейінде анықталған қабырғаның сұлбасы 20 см тереңдікте қазылды.

Оңтүстік қабырғадан 2,25 м, шығыс қабырғадан 1,60 м сыпаға дейінгі бөліктің бәрін еден алып жатыр. Еден саз балшықпен сыланған. Еденде оңтүстік қабырғадан солтүстікке қарай 1,20 м жерде батыс-шығыс бағытында қазылған ор анықталды. Ордың шеті шығыс қабырғаға еніп кеткен. Ор шығыс қабырғадан есептегенде 160 см ұзындықта қазылған, оның ені 20 см, тереңдігі 7 см. Бұл жерде ағаштан құрылған қалқа қабырға – шымылдық секілді интерьер бөлшегі орналасқан болуы мүмкін.

2022 жылғы қазба жұмыстарының нәтижесі ғимараттың екі параллель қабырғасы бойында қатарласа орналасқан бөлмелері мен дәліздерін ашып көрсетті [Ахметова және т.б. 2023: 39] (2-сур.). Одан басқа, ғимараттың солтүстік шегарасы анықталды. Ғимараттың ұзын келген шығыс қабырғасы № 8 бөлменің оңтүстік шетінен үзіліп, ішке кіретін есік орны, одан әрі дәліз пайда болды. Ғимарат әр кезеңде жаңартылып, құрылысына өзгерістер енгізіліп отырған. Қазбада бөлмелердің интерьері орта ғасырлық қалалар бөлмелерінің классикалық үлгісінде салынғаны

2-сур. Сарайшық. Ғимараттың 2022 жылы ашылған оңтүстік бөлігі. Фотосурет: Жүніс Байғалиев

Fig. 2. Saraishyq. The southern part of the building excavated in 2022. Photo: Zhunis Baigaliev

Рис. 2. Сарайшык. Южная часть здания, исследованная раскопками в 2022 г. Фото: Жунис Байғалиев

байқалады. Яғни, бөлменің біраз бөлігін сыпа алып жатыр. Ішіне тандыр пеш салынып, сыпа ішімен кан арналары жүргізілген. Сонымен қатар бөлмелердің бір бөлігін керме – шымылдықпен бөлгенін дәлелдейтін еденнен қазылған орлардың орны табылуы да маңызды. Тек, № 7 бөлме ішіне еш құрылыс салынбаған, бос кеңістік болды. Ол заттарын уақытша сақтауға қоятын қойма ретінде қолданылған болуы мүмкін. Кіреберіс дәліз бен № 9 бөлме ғимараттың басқа бөлмелері деңгейінен 50–60 см-дей жоғары орналасқан. Олар мерзімдеу бойынша кейінгі уақытқа жатады деп есептелгендіктен, бұл бөлмелерді тағы да тереңдетіп қазуды қажет етеді.

5 Қорытынды (Мұқтар Ә., Тұрарұлы А.)

Көлеміне, ішкі құрылымына қарағанда бұл қонақ қабылдау қызметін атқарған қоғамдық ғимарат деп қорытындылауымызға болады. Табылған жәдігерлер ішінде жылқы бейнесіндегі қола құлып фрагменті, таңба салынған шырағдан, шеңберлер ойылып алынған қой жауырындары қызығушылық тудырады. 2021 жылғы қазба кезінде № 4 бөлмеден қола қоңырау табылса, 2022 жылы № 8 бөлмеден дәл осындай қоңырау табылып отыр. Бұл керуеншілердің немесе хабаршы атшабарлардың қоңырауы болса керек. Дәліздердің бірінен қоладан жасалған шағын кір тасы табылды. Бұл жәдігердің саудагерлердің тауары өлшеміне қатысты болғаны анық. Сонымен қатар Өзбек, Жәнібек, Хызыр хандардың пұлдары бар, екі дана дирхем мен 28 пұлдан тұратын тиындар жиынтығы қазылған нысанды мерзімдеу, ақша қатынасы бойынша жақсы ақпараттар берері сөзсіз. Ғимараттың құрылысын ашу болашақта оңтүстік бағытта жалғасады. Қорыта айтқанда, мақала жазу барысында 2022 жылғы № 3 қазба орнынан қоғамдық ғимарат – ханның жалғасын қаздық деген ой түйіндедік.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Арзютов Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин Золотоординского города Сарайчика // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 126–134.
- 2 Ахметова У.Т., Тұрарұлы А., Жұмабаев А.Ж. 2021 ж. ортағасырлық Сарайшық қаласында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары // Қазақстан археологиясы. 2022. № 2 (16). 111–120-бб.
- 3 Ахметова У.Т., Мұқтар Ә.К., Қасенов М.С., Тұрарұлы А., Жұмабаев А.Ж. Жайық бойы Алтынорда қалалары (XIII–XVI ғғ.). Алматы: Болат Медиа, 2023. 148 б.
- 4 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 393 с.
- 5 Жұмабаев А.Ж., Тұрарұлы А. Ортағасырлық Сарайшықтағы 2021 жылғы археологиялық жұмыстар // Вестник Атырауского университета. 2021. № 3 (62). 18–27-бб.
- 6 Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2011. № 2. С. 129–151.
- 7 Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.
- 8 Маргулан А.Х. Тезисы доклада «Раскопки Сарайчика» на Всесоюзном археологическом совещании 1951 года (24.04.1951 г.) // НА ИА КН МНВО РК. Д. 219.
- 9 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
- 10 Петров П.Н., Муктар А.К., Биккиняев Н.Х., Жұмабаев А.Ж. Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Ч. I // МАИАСП. 2022. № 14. С. 382–404.
- 11 Петров П.Н., Ахметова У.Т., Жұмабаев А.Ж. Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Клады. Ч. II // МАИАСП. 2023. № 15. С. 857–872.
- 12 Самашев З. Отчет о работах ЗКАЭ в Атырауской и Мангыстауской областях 1996 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2463.
- 13 Самашев З. Отчет о работах ЗКАЭ на городище Сарайчик в 1998 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2500.
- 14 Самашев З. Отчет об аварийно-спасательных археологических работах на городище Сарайчик в 2003 году // Фонд Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшық». 189 с.
- 15 Самашев З. Отчет о работах ЗКАЭ ИА МОН РК в 2005 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2748.
- 16 Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Сарайшықтың қыш бұйымдары. Алматы: Археология, 2008. 264 б.

REFERENCES

- 1 Arzyutov, N. 1949. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archaeol.)*, 2, 126–134 (in Russian).
- 2 Akhmetova, U., Turaruly, A., Zhumabayev, A. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (16), 111–120 (in Kazakh).
- 3 Akhmetova, U. T., Muktar, A. K., Kasenov, M. S., Turaruly, A., Zhumabayev, A. Z. 2023. *Zhaiyk boyy Altynorda kalalary (XIII–XVI gg.) (Golden Horde cities at the Zhaiyk river region (13th–16th centuries)*. Almaty: “Bolot Media” Publ. (in Kazakh).
- 4 Belenitskiy, A. M., Bentovich, I. B., Bolshakov, O. G. 1973. *Srednevekovyy gorod Sredney Azii (A medieval city of Central Asia)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 5 Zhumabayev, A. Z., Turaruly, A. 2021. In: *Vestnik Atyrauskogo universiteta (Bulletin of Atyrau University)*, 3 (62), 18–27 (in Kazakh).
- 6 Zilivinskaya, E. 2011. In: *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)*, 2, 129–151 (in Russian).
- 7 Zilivinskaya, E. 2018. *Arhitektura Zolotoy Ordyy. Ch. II. Grazhdanskoe zodchestvo (Architecture of the Golden Horde. Part II. Civil architecture)*. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
- 8 Margulan, A. 1951. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 219 (in Russian).
- 9 Klyashtornyy, S. G., Sultanov, T. I. 1992. *Kazakhstan: letopis trekh tysyacheletiy (Kazakhstan: the chronicle of three millennia)*. Alma-Ata: “Rauan” Publ. (in Russian).

- 10 Petrov, P. N. Akhmetova, U. T. Zhumabayev A. Zh. 2023. In: *Materialy po Arkheologii i Istorii Antichnogo i Srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 15, 857–872 (in Russian).
- 11 Petrov, P. N. Muktar, A. K. Bikkiyev, N. H., Zhumabayev, A. Zh. 2022. In: *Materialy po Arkheologii i Istorii Antichnogo i Srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 14, 382–404 (in Russian).
- 12 Samashev, Z. 1996. In: *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii Komiteta nauki MNVO RK (Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology)*. D. 2463 (in Russian).
- 13 Samashev, Z. 1998. In: *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii Komiteta nauki MNVO (Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology)*. D. 2500 (in Russian).
- 14 Samashev, Z. 2003. In: *Fond Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika «Saraishyk» (Scientific Archive of the Saraishyk state historical and cultural museum-reserve)* (in Russian).
- 15 Samashev, Z. 2005. In: *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii Komiteta nauki MNVO (Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology)*. D. 2748 (in Russian).
- 16 Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Sarayshyqtyn qysh buiymdary (Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: “Archaeology”. Publ. (in Kazakh, Russian, English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.12.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

ӘОЖ 902.930 (574)
МРНТИ: 03.41.91; 03.81.51

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.186.206>

Тобыл бойы эпиграфикалық ескерткіштері:

кешенді зерттеулердің алдын ала нәтижелері

© 2024 ж. Жұмабекова Г.С., Дүйсенов Б.Д., Таран Н.И.,
Манапова Ә.М., Базарбаева Ғ.А.

Keywords: ethnoarcheology, expedition, Tobol, Epigraphy, tombstone, text in Arabic script, source

Түйін сөздер: этноархеология, экспедиция, Тобыл, эпиграфика, құлпытас, арабжазулы мәтін, дереккөз

Ключевые слова: этноархеология, экспедиция, Тобыл, эпиграфика, кулпытас, арабографичный текст, источник

Gulnara Jumabekova¹, Bagdat Dyussenov², Natalia Taran³, Aliya Manapova^{1*} and Galiya Bazarbayeva¹

¹Candidate of historical sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-2145-2615](https://orcid.org/0000-0003-2145-2615) E-mail: gdzhuma@mail.ru

²Senior Researcher, Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-4313-1874](https://orcid.org/0000-0002-4313-1874) E-mail: bagdat75@inbox.ru

³Head, Denis Museum of Local History, Denisov village, Kostanay region, Kazakhstan. E-mail: my3eu@mail.kz

^{1*}Corresponding author, Candidate of historical sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-1091-0211](https://orcid.org/0000-0003-1091-0211) E-mail: merekeevna@mail.ru

¹Candidate of historical sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-4755-9007](https://orcid.org/0000-0003-4755-9007) E-mail: galiya2002@gmail.com

Epigraphic monuments of the Tobol river region:

preliminary results of a comprehensive study

The article presents the results of field research conducted in the Denisovsky, Kamystinsky, and Zhitikarinsky districts of Kostanay region as part of a study on the population's use of the natural and ecological niche during various epochs, based on the analysis of historical and cultural heritage objects in the southern part of the Kazakh Tobol region. The aim is to determine the importance of the epigraphic monuments found during fieldwork, translate the Arabic-script text into modern Kazakh, and supplement the discovered data on historical figures with archival documents. The primary material for the research consists of tombstones from the Qarpyq Zhamanqarin dynasty, located in the Denisovsky district of the Kostanay region. Historical, documentary, philological, paleographic, textological, chronological, ethnolinguistic, and comparative methods, commonly used in the study of epigraphic monuments, were applied to the materials. A total of 11 stone stelae with inscriptions have been studied, originating from the burial ground near the aul of Qarpyq (Denisovsky district, Kostanay region). The article analyzes and introduces into scientific discourse the epitaphs from three kulpytases — the stone installed on the grave of Qarpyq Zhamankarin, known in the region as a bai* (*in Kazakh — a wealthy person) engaged in trade between Tobol and Bukhariya, as well as the tombstones of his two wives, Ulpan Qultyqyzy and Momynai Aqtasqyzy. The Arabic-script epigraphic monuments of the Kazakh Tobol river region are a valuable source for studying the culture of the Steppe population.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP 14870373.

For citation: Jumabekova, G., Dyussenov, B., Taran, N., Manapova, A., Bazarbayeva, G. 2024. Epigraphic monuments of the Tobol river region: preliminary results of a comprehensive study. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 186–206 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.186.206](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.186.206)

**Гүлнар Сайынқызы Жұмабекова¹,
Бағдат Даниярұлы Дүйсенов²,
Наталья Ивановна Таран³,
Әлия Мерекеқызы Манапова^{*1},
Ғалия Аппазқызы Базарбаева¹**

¹тарих ғылымдарының кандидаты,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

²аға ғылыми қызметкер, Р.Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институты, Алматы қ., Қазақстан

³директор, Денисов тарихи-өлкетану музейі,
Денисов а., Қостанай обл., Қазақстан

^{1*}корреспондент-авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

**Тобыл бойы эпиграфикалық ескерткіштері:
кешенді зерттеулердің алдын ала нәтижелері**

Мақалада Қазақ Тобылының оңтүстік бөлігіндегі тарихи-мәдени мұра нысандарын талдау арқылы әртүрлі дәуірлердегі тұрғындардың табиғи-экологиялық бөлшектерін игеру мәселелерін зерттеу шеңберінде Қостанай облысының Денисов, Қамысты, Жітіқара аудандарының аумағына жүргізілген далалық зерттеулердің нәтижелері берілген. Мақсаты – далалық зерттеулер барысында табылған эпиграфикалық ескерткіштердің маңызын айқындау, арабжазулы мәтіндерді қазіргі қазақ тіліне аудару, тарихи тұлғалар туралы деректерді табылған архивтік құжаттармен толықтыру. Зерттеудің негізгі материалдары – Қостанай облысының Денисов ауданында орналасқан Қарпық Жаманқарин әулетінің құлпытастары. Материалдармен жұмыс барысында эпиграфикалық ескерткіштерді зерттеу кезінде қолданылатын тарихи, құжаттық, филологиялық, палеографиялық, текстологиялық, хронологиялық, этнолингвистикалық және салыстырмалы зерттеу әдістері қолданылды. Қарпық ауылы жанындағы (Қостанай облысы, Денисов ауданы) бейіттен табылған жазуы бар 11 құлпытас зерттелді. Мақалада Тобыл мен Бухария арасында саудамен айналысқан аймақтың ауқатты байы Қарпық Жаманқариннің және оның екі әйелі – Ұлпан Құлтықызы мен Момынай Ақтасқызының бейіттеріне қойылған тас – үш құлпытастағы эпитафия талданып, ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Қазақ Тобылының арабжазулы эпиграфикалық ескерткіштері – Дала тұрғындары мәдениетін зерттеу үшін баға жетпес дереккөзі болып табылады.

**Гульнара Саиновна Джумабекова¹,
Бағдат Даниярович Дюсенов²,
Наталья Ивановна Таран³,
Алия Мерекеевна Манапова^{1*},
Ғалия Аппазовна Базарбаева¹**

¹кандидат исторических наук, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

²старший научный сотрудник,

Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова,
г. Алматы, Казахстан

³директор, Денисовский историко-краеведческий
музей, с. Денисовка, Костанайская обл., Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

¹кандидат исторических наук, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

**Эпиграфические памятники Притоболья:
предварительные результаты
комплексного исследования**

В статье представлены результаты полевых исследований, проводившихся на территории Денисовского, Камыстинского, Житикаринского районов Костанайской области в рамках изучения вопросов освоения природно-экологической ниши населением в различные эпохи на примере анализа объектов историко-культурного наследия южной части Казахского Притоболья. Цель – выявить важность эпиграфических памятников, найденных в ходе полевых исследований, перевести арабписьменный текст на современный казахский язык, дополнить архивными документами обнаруженные в ходе исследования данные об исторических личностях. Основным материалом исследования являются надгробия династии Карпыка Жаманкарина, расположенные в Денисовском районе Костанайской области. В ходе работы над материалом использованы исторические, документальные, филологические, палеографические, текстологические, хронологические, этнолингвистические и сравнительные методы исследования, применяемые при изучении эпиграфических памятников. Всего изучено 11 каменных стел с надписями, происходящие с кладбища у аула Карпык (Денисовский р-н, Костанайская обл.). В статье проанализированы и вводятся в научный оборот эпитафии с трёх кулпытасов – камня, установленного на могиле Карпыка Жаманкарина, известного в региона бая* (*на каз. – зажиточный человек), занимавшегося торговлей на промежутке между Тоболом и Бухарией, а также надгробия двух его жён – Улпан Култықызы и Момынай Ақтасқызы. Арабписьменные эпиграфические памятники Казахского Притоболья – ценный источник для изучения культуры населения Степи.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР БЖҒМ Ғылым комитетінің 2022–2024 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР 14870373.

Сілтеме жасау үшін: Жұмабекова Г.С., Дүйсенов Б.Д., Таран Н.И., Манапова Ә.М., Базарбаева Ғ.А. Тобыл бойы эпиграфикалық ескерткіштері: кешенді зерттеулердің алдын ала нәтижелері. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 186–206-бб. DOI: [10.52967/akz2024.3.25.186.206](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.186.206)

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК2022–2024, ИРН проекта АР 14870373.

Для цитирования: Джумабекова Г.С., Дюсенов Б.Д., Таран Н.И., Манапова А.М., Базарбаева Г.А. Эпиграфические памятники Притоболья: предварительные результаты комплексного исследования. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 186–206 (на каз. яз.). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.186.206](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.186.206)

*Өткеннің өнегесі – бүгінгінің баға жетпес байлығы
Халық даналығы*

1 Кіріспе

Ұлы дала төскейінде теңдесі жоқ тарих іздері мен өркениеттердің белгісі сақталған. Археологтар тарихымыздың әр кезеңін жеке-жеке зерттеп, баға жетпес көне заттарды тауып, ғылыми айналымға енгізіп, зерттеу алаңына тартқанменен ақпараттық дереккөз ретінде аса құнды материал болып табылатын эпиграфикалық ескерткіштер мен этнографиялық сипаттағы символдар, танбалар, ою-өрнектер, архитектуралық көркем шешімдер, арабжазулы каллиграфиялық жазбалар қашалған құлпытастардың сырын ашу ісі көп зерттелмей келе жатқан сала болып отыр.

Қазіргі таңда кең байтақ дала төсінде мыңдаған жылдар бойы бастан өткен күрделі үдерістерді қайта қарау үшін тарихи-мәдени мұра объектілерін кешенді, ауқымды әрі жан-жақты зерттеу ісінде тиісті тиімділігін көрсететін этноархеология сияқты зерттеу бағыты қарқынды дамып келеді. Ғалымдарымыз тарихтың ерте кезеңінде қазақ мәдениетінде орын алған дәстүрлерді, көшпенділердің мәдени генезисін зерттеуді мақсат етіп отыр.

Құлпытастардың қойылуы жайында академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан: «XVI–XVIII ғасырлар арасындағы бұрынғы тас мүсін жасау дәстүрі бүтіндей жойылып, оның орнына арабша жазу түсірген көктас, құлпытастар белең ала бастайды. Құлпытас та төрт бұрышты шарбақтың не там үйдің күнбатыс-солтүстік жағына қадалады. Бірақ мұның өзінде де тас мүсін тұрғызудың ежелгі дәстүрі ұзақ уақыт тарихи негізін сақтап отырады» деп алғашқылардың бірі болып сипаттама берді [Марғұлан 1966: 50].

Көшпенділердің культтік-мемориалдық архитектурасы генезисін зерттеп жүрген көрнекті мамандардың бірі – Серік Әжіғали ежелден бері келе жатқан құрбан шалу, құлшылық қылу ғұрпының түбегейлі жетілген тәжірибесін бағамдап, бақылап, ғылыми еңбектер жазды [Ажигали 2002].

Археологтар арасында арабжазулы құлпытастарды зерттеп, маңызды материалдар жариялап жүрген А.З. Бейсеновтің пікірі де назар аударарлық: «Жаңа заман археологиясы этноархеологиямен тығыз байланыс орната отырып, өз алдына оңаша, өзекті әрі келешегі кемел бағдарламалық міндеттерді орындауға мүмкіндік алады» дейді ғалым [Бейсенов 2023: 118]. Қазақстан аумағынан табылған әртүрлі ескерткіштер сол аймақты мекендеген тайпалардың түсінігі мен өмір сүру салты, тұрмысы мен мәдениетіне байланысты дамып отырған. Дала мәдениетінің сан қырлы тарихын этноархеологиямен ұштастыра отырып зерттеу бүгінгі күні өте өзекті мәселе болып отыр.

Даладағы әртүрлі дәуірдің тарихи-мәдени, этникалық, интеграциялық процестеріндегі культтік-мемориалдардың рөлін белгілеуге үлкен мән берілуде [Сакральный ландшафт... 2020]. Мәселен, қазақтың ас беру дәстүрін зерттеу нәтижесінде ортағасырлық тас мүсіндерді орнату орындары бертіңгі ғасырлардағы ас беру орындарымен сәйкес келетіні анықталды. Қазіргі заманғы

жерлеу және еске алу ғұрыптары ежелгі ас беру дәстүрімен байланысын байқатады [Ошанов 2024].

Ә.Х. Марғұлан «Тарихи дәуірдегі қазақ тайпаларының жазу мәдениеті» атты мақаласында: «Егер Қазақстан өлкесінде топталған көп құлпытастағы эпиграфикалық жазуларды топтап, фотоға түсіріп, альбом жасап көпшіліктің алдына тартса, ол ашылған кітапханадан кем болмас еді. Тарихи заманнан, неше ғасыр бойы үсті-үстіне топталып келе жатқан “көктастағы”, “құлпытастағы” эпиграфикалық жазулар – қазақ халқының білімді, ой-сананы, жазуды жақсы көргенін, оған аса ынта қойғанын, аса жарқын түрде суреттейтін бір ашық дәлел» деп өз бағасын берген [Марғұлан 2007: 150].

Ғалымның берген бағасын: «қазірге дейін Қазақстанда 25 мыңнан астам тарихи-мәдени ескерткіш табылған болса (ал табылмағандары қаншама?), соның 10,5 мыңнан астамы Батыс Қазақстан өлкесінде орналасқан екен» деген ақпарат дәлелдей түседі [Тасмағамбетов 2002: 14]. Келесі сараптамада: қазіргі уақытта Батыс Қазақстан облысының өзінде 50–60 мың эпиграфикалық жазу бар деген болжам айтылып отыр [Набиоллаұлы 2016]. Қазақ құлпытастарының саны жөнінде Серік Әжіғалидың айтқан мына пікірі ойымызды одан ары нақтылай түседі: «Қазақстан аумағында тасқа қашалған құлпытастардың саны 100 мыңнан кем емес, бұлардың басым көпшілігі еліміздің батыс өңіріне тиесілі» [Ажигали 2023: 21]. Әрі Қазақстанның батыс өңірінде орналасқан құлпытастар басқа өңірлердегі ескерткіштерге қарағанда жан-жақты зерттелген.

Бұдан бөлек, кейбір ауызша айтылып жүрген деректер бойынша Қазақстан аумағын тұтастай алғанда елімізде 400 мыңнан астам құлпытас сақталған деген мәлімет бар. Бұл бекер берілген статистика емес. Еліміздің әрбір облысында Тарихи ескерткіштерді қорғау инспекциясы бар. Олар тарихи ескерткіштерді тіркеуге алумен айналысады. Қазақ даласындағы үлкен қорымда ең азы 100 құлпытасан кем болмайды. Мәселен, Қарқаралы қаласының орталығында орналасқан «Үлкен зират» деп атайтын қорымды ескерткіштер тізіміне алғанда Қарқаралы қаласындағы бір объект ретінде тіркеуге алады. Ал ол қорымда 100-ден астам құлпытас бар. Сол сияқты Маңғыстау облысындағы Шопан ата қорымын бір объект ретінде тіркейді. Шындығында бұл қорымда 3000 жерлеу, соның ішінде 2000-ға тарта құлпытас бар. Дұрыс тіркеулер жүргізілмегендіктен қазақ даласында қанша құлпытас бар екендігін нақтылап айту қиын. Сол үшін әрбір облысқа экспедициялар жүргізіп, қорымды бір объект ретінде тіркеп қана қоймай, қорымдағы құлпытастардың бірлік санын да тіркеуге алу керекпіз. Арнайы мамандар тарапынан жоспарлы зерттеу аясына тартылып, ғылыми айналымға енгізілуі қажет [Ажигали 2011; Ажигали, Бекназаров 2012; Бейсенов 2019].

Арабжазулы эпиграфикалық ескерткіштер Қазақстан аумағында өте көп сақталған. Мақалада Қостанай облысы аумағы Тобыл бойындағы арабжазулы эпиграфикалық ескерткіштерді саралап, алғаш рет ғылыми ортаға ұсынып отырмыз. Жоба аясында жүргізілген экспедициялар кезінде Тобыл бойында эпиграфикалық ескерткіштердің ерекше түрлерін анықталды. ЮНЕСКО құжаттарына сәйкес материалдық және материалдық емес тарихи ескерткіштер қатарына – архитектуралық ескерткіштерді, археология, этнология, топонимдер, архивтік және библиографиялық деректемелерді жатқызамыз.

2. Материалдар мен әдістер

2.1 Зерттеу әдістері. Археологиялық экспедиция жұмыстары кезінде белгілі бір аймақтың мәдени ландшафтын зерттеу аясында материалдық және материалдық емес мәдени ескерткіштерді зерттеу нысанына айналдыру қосалқы пәндік ғылымды талап етеді. Қазба жұмыстары мен экспедиция кезінде кездескен түсініксіз мәтіндердің кілтін ашу – сол мәдени ландшафт төңірегіндегі өркениеттің кезеңдерін айқындауға зор ықпалы бар. Бұл зерттеу жұмысында алдыменен археологиялық зерттеу әдістерін қолданып, зерттелетін өңірдің мәдени қабаттарын анықтау арқылы жергілікті жердің

тарихы мен аумақтық шекарасын танып-білуге архивтік құжаттар мен деректану ғылымының әдістері арқылы дереккөздерді қарастырдық. Бұдан бөлек, эпиграфикалық ескерткіштерді зерттеуде қолданылатын тарихи, деректемелік, филологиялық, палеографиялық, текстологиялық, хронологиялық, этнолингвистикалық және салыстырмалы зерттеу әдістерін қолдандық.

2.2 Материалға сипаттама

Экспедицияның зерттеу жұмысы барысында Қостанай облысының Денисов, Жітіқара, Қамысты және т. б. шектесіп жатқан аудандары аумағынан 50-ден астам арабжазулы құлпытас табылды. Атап айтсақ Денисов ауданын табылған 11 тас пен Денисов музейінде сақтаулы бір тас (КП-1923) орта жүздің қыпшақ руы қарабалық тайпасына тиесілі. Ал қалғаны Кіші жүздің жағалбайлы және жаппас руларына тиесілі. Зерттеу барысында тастағы арабжазулы мәтінді оқып, транскрипциясын түзіп, қазіргі қазақ тіліне аудармасын жасадық.

Экспедиция кезінде Қостанай облысының Денисов, Жітіқара, Қамысты аудандарынан табылған 54 тасқа бастан-аяқ сипаттама жасап, мәтінін, аудармасын, транскрипциясын, зерттелуін беруге мақаламыздың көлемі көтермегендіктен Денисов ауданынан табылған Қарпық Жаманқарин мен оның екі әйеліне қойылған үш тас негізінде зерттеу жүргізіп, қазақстандық деректану ғылымына тың материал ұсынуды жөн көрдік. Осы материалдар арқылы Тобыл бойындағы мәдени ландшафттық кеңістіктегі өркениеттің кезеңдерін айқындап, ХІХ ғасырдағы қазақтың жазба мәдениетінің айқын көрінісін анық көрсетуге болады.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты қызметкерлерінің Қостанай облысы аумағына жүргізген далалық зерттеулері кезінде тіркеуге алынған құлпытастар әртүрлі. Денисов, Жітіқара және Қамысты аудандарының аумағында орналасқан қорымдардағы (1-сур.) құлпытастардың басым көпшілігі ХІХ – ХХ ғасыр басына тиесілі тас қашау өнерінің шебер шедеврі болып табылды. Тіпті сәндік сәулеті жоқ, монолит тастан жасалған құлпытастар да кездесті.

Далалық зерттеулер кезінде цемент пен құм қолданып құйылған құлпытастар да тіркеуге алынды. Құм қоспасын қалыпқа құйып, әлі кеппеген кезінде бет жағына эпитафия бәдізделген. Тіпті, соңғы кездері араб жазуында (мыс. Жарық елдімекені) қалай қашалса, дәл солай кирилл жазуында да (мыс. Тұмарлы көліндегі зиратта) қашап қалдырған тастар табылды. Расында да, құлпытастар замана көшінің ақиқат айнасы сияқты бірқатар факторлармен байланысты мәдени құбылыстардың деректерін зерттеудің қайнар көзі болып табылады. Жүргізілген жұмыстар нәтижесінде қабір (тас) стелаларын орнату дәстүрлерін тарихшы, шығыстанушы және өзге де пән мамандарымен бірлесе отырып зерттеу келешегі кемел іс екендігін айрықша атап өткен жөн. Кешенді зерттеу барысында әр сала мамандары пәнаралық байланыс арқылы бірін бірі толықтыра түседі.

3 Талқылау

Қазақстанның солтүстік-батыс өңіріндегі Тобыл бойына адамдар ежелгі дәуірден қоныстанған. Мұнда әрбір кезең өркениеттерінің ізі қалған. Бұл өңірлерде археологиялық зерттеулер аз жүргізілгендіктен аймақ тарихының ерте кезеңін түбегейлі қарастыру мүмкін емес. Дегенмен, осы олқылықтың орынын толтыру мақсатында Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ғылыми қызметкерлері соңғы жылдары археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді¹. Осы экспедиция нәтижесінде алынған мәліметтерге сүйене отырып, Тобыл бойындағы өркениеттер кезеңінің жалпы картинасын жасауға болады. Мамандар осынау әрбір кезеңнің қатпарын аршып, тарихын танып, мол архив қорларын тапты, әлі де жұмыс жалғасын табады [Базарбаева и др. 2023: 103–116].

¹ Торғай отрядының, кейіннен – Институттың Қостанай археологиялық экспедициясының жұмысына (2020; 2022–2024 жж.) белсенді қатысқан Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қызметкерлері – Қ.А. Жамбулатов, И.К. Ахияров, Н.Ш. Жұманазаровтар, Жітіқара қаласындағы өлкетанушы – В.А. Лопатин.

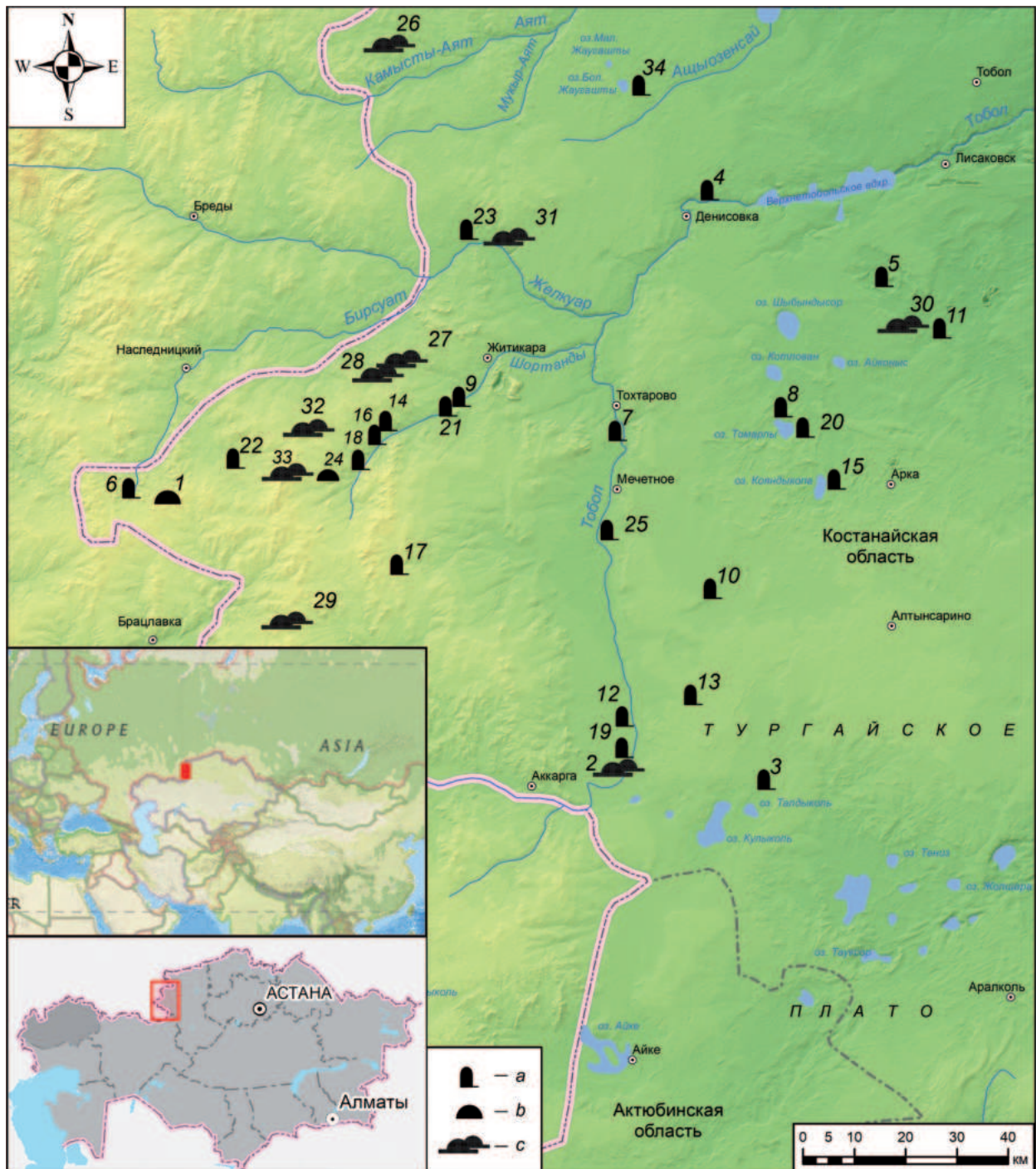

Зерттеу аймағында – Қазақтың Тобыл бойының оңтүстік бөлігінде – жерлеу-ғұрыптық, діни-архитектуралық ескерткіштер, ерте көшпенділер дәуірінен Жаңа заманға дейінгі аралықты қамтитын қоныстар, сондай-ақ, алғашқы «Қалалар елі» – протомемлекеттік құрылымдар (мысалы – Қамысты²) табылды.

Тобыл бойы орал-қазақстандық далаға, Оңтүстік Орал бойына кіреді. Бұл өңірдің көшпенді қоғамы біртұтас мәдени-шаруашалық қауымдастықтың көрінісін береді [Таиров 2019: 13–14]. Ерте көшпенділер дәуірінің бастапқы кезеңінде Оңтүстік Орал бойы тұрғындары тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығына кірді. Археологиялық деректер бұл аймақ тұрғындарының Солтүстік, Орталық және Шығыс Қазақстан, Саян-Алтай, Орал бойы және Батыс Сібір орманды жазығы тайпаларымен тығыз байланыста болғанына дәлел бола алады. Қарым-қатынастар шаруашылық сипатта болып, тайпалардың екі бағыттағы көші-қоны мен іріктелуі, тайпалық-саяси қатынастары болған деп болжанады. Орал-қазақстандық далада тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастықтың кіндігі – Орталық Қазақстан тайпалары қарқынды күшпен бірігуді бастан кешірді [Таиров 2019: 95–97, 133; Хабдулина 2007].

Б.д.д. VI ғ. мен V ғ. соңынан бастап Оңтүстік Орал бойында ерте сармат мәдениетінің ескерткіштері тіркелген. Бұл кезеңдері Оңтүстік Орал аумағы байланыс аймағы бола білді. Көшпенділер көші-қон және еркін өмір салты арқасында өздерінің қысқы жайылымы орналасқан оңтүстік және оңтүстік-шығыс Арал өңірі тайпаларымен байланыстарын жүзеге асырды. Жалпы Оңтүстік Орал бойының байланыс салалары Солтүстік және Орталық Қазақстан, Арал өңірі мен Саян-Алтайға бағытталды [Таиров 2019: 15, 228, 135]. Сонымен қатар, ескерткіш материалдарында б.д.д. VI ғ. мен V ғ. басында Кавказ және Солтүстік Қаратеңіз маңы тұрғындары Еділ маңы және Оңтүстік Орал тұрғындарымен сауда-саттық және алыс-беріс орнатып, бірігіп жорықтарға қатысқан байланыстары болғандығы тіркелген. Барыс-келіс қозғалысына жан бітірген үзілмес шынжыр сияқты ерте сақ типті мәдениеттің қалыптасу кезеңінде Орал бойының малшылары батысқа және оңтүстік-батысқа көші-қон жүргізген екі бірдей кезеңдері туралы болжамдар айтылған болатын [Яблонский 2010: 89]. Сондай-ақ, Оңтүстік Орал материалдарында Үстірт пен Каспий маңының б.д.д. V–IV ғғ. көшпенділердің жерлеу элементтерінің аналогтары табылып отыр [Таиров 2019: 279]. Осылайша, аймаққа өзгешелік беретін Тобыл бойы аумағы – сақтар мен сарматтар мәдениеті арасындағы байланыс аймағы бола білді; бүкіл далалық және орманды далалық Еуразияның б.д.д. VI ғ. басталған мәдени-тарихи өзгерістердегі оның тұрғындарының рөлін анықтау болашақтың ісі [Махортых 2016]. Бұл аймақта ерте сақ пен сарматтар ескерткіштерінен бөлек, хуннулардың таралуымен байланысты шығыс жаңалықтары қалыптасқан кезде б.д.д. I мыңж. аяғында далалық Еуразиядағы этномәдени өзгерістердің жаһандық үдерістерін көрсететін обалар белгілі [Онгарулы и др. 2020: 233; Логвин и др. 2016: 107–110; 2019: 324]. 2007 жылы б.д.д. IX ғасырдан бастап б.д. бірінші ғасырымен мерзімделген Торғайдың ғұрыптық кешені табылды және ары қарай зерттелді [Логвин и др. 2018]. 2015 ж. бастап ерте көшпенділер дәуірінің жерлеу-ғұрыптық кешендерінде зерттеу жұмыстары жүргізілді. Аймақтың ежелгі сармат кезеңі бірнеше археологиялық экспедициялардың жұмыстары барысында зерттелді [Евдокимов, Сеитов 2021; Сеитов и др. 2021; Джумабекова и др. 2024]. XX ғ. 80 жж. облыс аумағында барлығы 20 жерлеу орыны және ерте көшпенділер дәуірінің кездейсоқ табылымдары белгілі болды [Культура населения... 2017]. Соңғы жылдары Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты қызметкерлерінің барлау жұмыстары нәтижесінде ежелгі көшпенділердің нысаны – сарматтарға тиесілі болуы мүмкін он шақты «мұртты» обалар мен құрылыстар айқындалды. Жарық ауылынан (Қостанай обл., Денисов ауд., Покровка а.) табылған көнетүркі дәуірінің (VII–VIII ғғ.) тас

² Соңғы бірнеше жыл ескерткіште археологиялық зерттеулер жүргізілді. Қазбаның алдын ала нәтижелерімен осы жерден танысуға болады: [Логвин и др. 2023].

1-сур. Қостанай облысының Жітіқара, Қамысты, Денисов аудандарының аумағындағы құлпытастардың орналасу картасы (а – зират; b – оба; с – бейіт): 1 – Хазірет 3; 2, 19 – Тоқбай; 3 – Талдықөл; 4 – Алшан; 5 – Арыстансор; 6 – Бірсуат; 7 – с. Коломенка; 8 – с. Ливанов; 9 – Түргенов а.; 10 – Білісқопа; 11 – Алтай; 12 – Жайылма; 13 – Қаракөл (Сахаров а. жақын); 14 – Қойлыбай; 15 – Қоянды; 16 – Қызылжар;

мүсіні аймақтың ортағасырлық тарихының қайталанбас «куәгері» болып табылады. Ол Денисов тарихи-өлкетану музейінің экспозициясында өзінің лайықты орынын алып тұр. Тас мүсін (КП-2540) отырған ер адамның бедерлі бейнесін береді. Мұндай нысандар бұл аймақтарда өте сирек кездеседі; бұдан бөлек, олар Батыс Түрік қағанаты ареалының көш түзеушісі ретінде көзге түседі [Хасенова и др. 2023].

XVIII ғ. – XX ғ. басында Қазақ Тобылы бойының оңтүстік бөлігінде қыстаулар мен жерлеу ескерткіштерін қалдырған Орта жүз бен Кіші жүз қазақтары өмір сүрген [Логвин и др. 2018]. А.З. Бейсеновтың пікірінше «Орталық Қазақстан мен Торғай құлпытастары, негізінен XIX ғ. екінші жартысы мен аяғында кеңінен қойыла бастап, бұл үрдіс XX ғ. 20 жж. ортасы мен аяғына дейін жалғасқан... Аталмыш құлпытастар толығымен араб қарпінде, Арқа жерінде кең тараған “қадым” стилімен берілген. Ол татарша емес, шағатайға жақындау, атақты кітаби түркі» [Бейсенов 2022: 219]. Сондай-ақ, Торғаймен еншілес отырған Тобыл бойында да осы кезеңдері қойылған құлпытастар қатары көп. Бүгінгі күнге дейін киелі кеңістікті ұйымдастырудың сабақтастық элементі қалыптасты. XIX ғасыр мен XX ғасырдың басында қазақтар ерте көшпенділер дәуіріндегі обалар мен табиғи төбешіктер анықталған жерлерге зираттар орнатты. Бұл қорымдарда адамдар жерленіп, қазақтың тас қашау өнерінің шебер үлгілері қойылды. Дала өркениетінің ескерткіштері белгілі бір аймақтарда шоғырланғандықтан, олар мәдени ландшафт элементтерін өмірге әкелді, оларды біртұтас ғұрыптық жерлеу кешені ретінде зерттеу керек.

Қазақ хандығы дәуірінің айнымас дереккөзі болып табылатын артефактілер Тобыл бойындағы тарихи оқиғалардың куәсі бола алады. Қазақ хандығының соңғы кезеңдері Ресей империясына қараған қазақ жерінде әртүрлі өзгерістер орын алды. 1844 ж. «Положение об управлении Оренбургскими казахами» қаулысы жарық көрді. Орыс шенеуніктерінен қазақ әкімшілігінің іс-әрекетін бақылайтын өкілетті лауазым иелері тағайындалды. Шығыс бөлігі билігі кезіндегі хат тіркеуші, губерния хатшысы Половоротовтың мәліметтеріне сәйкес, 1846 жылы Арақарағай тоғайында ұзын қыпшақ ауылы көшіп жүрді. Оның биі хорунжий Балқожа Жамбыршин болған. Қарабалық қыпшақтар өз билері Наурызбай Қазыбаевтың басшылығымен Тобыл мен Аят арасында көшетін. Николаев станциясында (Федоров пен Қарабалық аудандары) қыпшақтың қарақыз

17 – Мүктікөл; 18 – Тамсай (Шевченков а. жақын); 20 – Тұмарлықопа; 21 – Орманов; 22 – Хазірет; 23 – Чайковский а.; 24 – Кісенсай; 25 – Мырзабек; 26 – Ақтас; 27 – Дауылбай 3; 28 – Дауылбай 2; 29 – Жалтыркөл; 30 – Жарық (Бекберген); 31 – Желқуар 1; 32 – Құсаққан; 33 – Құсаққан 2; 34 – Қарпық а. Құрастырушылар: Ислам Ахияров, Айша Казизова

Fig. 1. Map of the location of kulpytases in the Zhitikarinsky, Kamystinsky, and Denisovsky districts of the Kostanay region (a – cemetery; b – burial mound; c – burial ground): 1 – Khazret 3; 2, 19 – Toqbay; 3 – Taldykol; 4 – Alshan; 5 – Arystansor; 6 – Birsuat; 7 – Kolomenka village; 8 – Livanovka village; 9 – Turgenovka village; 10 – Bliskopa; 11 – Eltai; 12 – Zhaiylma; 13 – Karakol (near Sakharovka village); 14 – Koilybai; 15 – Koyandy; 16 – Kyzylzhar; 17 – Muktikol; 18 – Tamsai (near Shevchenkova village); 20 – Tumarlykopa; 21 – Urmanov; 22 – Khazret; 23 – Chaikovsky village; 24 – Kusenai; 25 – Myrzabek; 26 – Aktas; 27 – Dauylbai 3; 28 – Dauylbai 2; 29 – Zhaltyrkol; 30 – Zharyk (Bekbergen); 31 – Zhelkuar 1; 32 – Kusakan; 33 – Kusakan 2; 34 – a. Qarpyq. Compiled by: Islam Akhiyarov, Aisha Kazizova

Рис. 1. Карта расположения кулпытасов на территории Житикаринского, Камыстинского, Денисовского районов Костанайской области (а – кладбище; б – курган; с – могильник): 1 – Хазрет 3; 2, 19 – Токбай; 3 – Талдыкол; 4 – Алшан; 5 – Арыстансор; 6 – Бирсуат; 7 – с. Коломенка; 8 – с. Ливановка; 9 – с. Тургеновка; 10 – Блископа; 11 – Елтай; 12 – Жайылма; 13 – Каракол (близ с. Сахаровка); 14 – Койлыбай; 15 – Коянды; 16 – Кызылжар; 17 – Мүктикол; 18 – Тамсай (близ с. Шевченковка); 20 – Тұмарлықопа; 21 – Урманов; 22 – Хазрет; 23 – с. Чайковский; 24 – Күсенсай; 25 – Мырзабек; 26 – Ақтас; 27 – Дауылбай 3; 28 – Дауылбай 2; 29 – Жалтыркөл; 30 – Жарық (Бекберген); 31 – Желқуар 1; 32 – Кусакан; 33 – Кусакан 2; 34 – а. Карпық. Составители: Ислам Ахияров, Айша Казизова

бөлімінің билері Жыланбас Қылышбаевтың басшылығымен көшіп жүрді. Қазіргі Қарабалық пен Федоров аудандарының аумағында орналасқан Қаракөл қамалы жерінде Тілеубай би Жамантаев бастаған қыжық көлденең қыпшақтардың қыстақтары орналасқан болатын [Материалы... 1948: 100].

Шекара линиясы бойындағы қазақтардың сенімді өкілі Кастыриннің мәліметі бойынша, Үй өзенінің өзегінде, Тобыл мен Тоғызақ арасында көлденең қыпшақ Дүйсенбек Кұрынбаев, Мұғал Қазантаев, Тоқы Жаппақов пен Найман Қуанбаев, сондай-ақ, қарабалық қыпшақ биі Тұрмамбет Құмбасов көшіп жүрді [Материалы... 1948: 100].

Ерекше тапсырмалар шенеунігі Д'Андре жинаған материалдарда қазіргі Қарабалық, Федоров пен Қостанай аудандарының аумағындағы Тобыл мен Үй арасында көшіп жүрген Орынбор ведомствасы билерінің толыққанды тізімі берілген. Бұлар ұзын қыпшақ Балғожа Жамбыршин, Байтөке Қалданов, Тілесбай Меңдібаев, Ақдәулет Қанаужин, Бақай Рахметов, көлденең қыпшақтар Найман Қабанбаев, Қарақозы Қарақәев, Мәулен Шотанов, Мікенбай Шығыров, Байғазы Тастеміров, Тоқы Шапақов, Сасық Сартанов, Олжабай Сағындықов, Алшан Қостанов, Елемес Күнбасов, Тілеубай Жамантаев, Итемген Көтекаев, Құрманқұл Тұрдығұлов, Қосылбай Сатыбалдин, қарабалық қыпшақтар Қарпық Жаманқарин, Көкбас Баубекөв, Сүйінішғали, Шабдарбек Балтабекөв, Орынбай Айтұғанов, Жыланбас Қылышбаев, Шойбас Жапанов, Елемен Төлегенов [Материалы... 1948: 136–137]. Байқағанымыздай, Тобыл бойын ұзын қыпшақ, көлденең қыпшақ, қарабалық қыпшақ рулары көшіп-қонып мекендеген.

Жоғарыда атап өткеніміздей экспедиция кезінде Денисов ауданындағы қарабалық қыпшақ руының ұста бөлімінен тараған ұрпақтардың құлпытастарын тауып, ғылыми айналымға енгізіп отырмыз. Денисов ауданы – Қостанай облысының батыс бөлігінде орналасқан. Солтүстігі мен батысы – Челябинск облысымен (Ресей), оңтүстігі – Қостанай облысының Қамысты, Жітіқара аудандарымен, шығысы – Б. Майлин ауданымен шегаралас. Өзен, көл, бұлақтардың көп бөлігі ауданның солтүстік және шығыс аумағында. Аты белгілі үлкен өзен-көлдер – Арыстансор, Аққусор, Сасықсор, Сарыкөл, Үлкен Кусет, Жақсы Алакөл, Жалтыркөл, Обалыкөл, Песчаное, Светлое [Экологический атлас 2004: 16–18].

Денисов ауданының Жауғашты көліне құятын өзен бойында Байтеленсу, Қылтабек, Қарпық ауылдары болған. Осы өңірдегі Қарпықов, Асатов деген байлар жергілікті кедей шаруаларға уақытша қолдануы үшін сиыр және мініске ат, басқа да малдар беріп, көмек көрсетіп отырған. Ал XX ғасыр басында Ресей мен Украинаның орталықтарынан шаруа переселендер келген [Абиль, Күзембайұлы 2010: 132]. Қарпық Жаманқарин Жауғашты көлінің етегін жайлаған аса ірі бай болған, өзі де, ұрпақтары да халыққа қамқорлық көрсеткен жергілікті ауқатты әулет.

4 Нәтижелер

XVIII ғ. соңы – XIX ғ. басында Тобыл өзенінің орта және төменгі ағысы бойында Орта жүз рулары – қыпшақтар (торайғыр, қарабалық, көлденең, торы, ұзын) [...] өз қыстауларын сала бастады [Востров, Муканов 1968: 203]. Қыстау салып, тұрақты мекендеген жерлерде қасиетті орындар мен қорымдар пайда болатыны белгілі. Осындай қорымның бірі Жауғашты көлінің жағасындағы Қарпық ауылының жанынан табылған құлпытастар.

Белгілі шығыстанушы Ә.Қ. Мүминов арабжазулы эпиграфикалық ескерткіштерді зерттеу және жарыққа шығару, жариялау өте маңызды әрі тарихымызды танудың кезек күттірмес өзекті мәселелерінің бірі екендігін әрдайым айтып келеді [Мүминов және т.б. 2024: 521]. «Эпиграфикалық жазбаларды жарыққа шығару, әсіресе, құлпытас жазбаларын жариялау маңызды, бұл жұмыстардың мақсаты Қазақстанның әлеуметтік тарихы бойынша жергілікті дереккөздерінің түрін кеңейтіп, көбейту болса, оның мәліметтері ата-бабаларымыздың да әлеуметтік байланыстары мен мәдениеті

1

2

2-сур. Қарпық Жаманқараұлы (1)
және оның екі әйелі – Ұлпан Құлтықызы (2)
мен Момынай Ақтасқызының (3) бейіттеріне
қойылған құлпытастар

Fig. 2. Qarpyq Zhamanqarauly (1) and his two wives,
Ulpan Qultyqyzy (2) and Momynai Aqtasqyzy (3) the
kulpytases

Рис. 2. Кулпытасы Карпыка Жаманкараулы (1)
и двух его жён Улпан Култыкызы (2)
и Момынай Актаскызы (3)

3

туралы түсінігімізді байыта түседі. Эпиграфикалық дереккөздері арасында эпитафиялар өзіндік артықшылықтарымен ерекшеленеді, олар бұл өмірден қайтқан кісі туралы нақты мәліметтер жеткізеді, яғни, қайтыс болған (кей кезде туған) жылы, мекені, шежіресі, нисбасы (яғни, қасиетті мұрагерлік шежіресі), тұлғаның басқа да өмірбаяндық тарихы, тарихи оқиғаларға қатысы, т. б.» [Сейсем Ата 2015: 6]. Эпиграфикалық ескерткіштерде сақталған мәтіндегі мәліметтер сол кезеңнің мәдениет, білім, сауаттылық, көркемдік, архитектуралық, сәулеттік және т. б. салалары бойынша анық ақпарат беретін аса құнды дереккөз болып табылады. Зерттеп отырған арабжазулы эпиграфикалық ескерткіштерге тоқталып өтсек, бұл құлпытастар Тобыл бойындағы мәдени ландшафтыда дала өркениетінің үлкен бір кезеңінің дереккөзі болып табылады.

№ 001 құлпытас (2-сур. 1)³. Шартты түрде № 001 деп белгілеген құлпытастың төбесі доғал пішінді, жақсы сақталған. Төбе жағы аздап көркемделіп, доғал қоршаулар ішіне өрнек салынған. Эпитафия мәтіні ойып қашалған. Тастың алдыңғы бетіндегі мәтін бір қоршаулы шаршыға қашалған, 23 қатар жазу бар. Құлпытастың биіктігі жер бетінен 236 см, ені 48 (38) см, қалыңдығы 11 (15) см. Құлпытас гранитоидтан жасалған.

Эпитафия мәтіні:

1. هو الخلاق البقي
2. رَبِّ لَا تَذَرْنِي فَرْدًا وَأَنْتَ خَيْرُ
3. الْوَارِثِينَ
4. تاريخ سنه ١٨٧٣ انچيده
5. نويابر ننگ ٢٣ نچي كنده
6. قبقاق روعى قاراباليق
7. طائفه سى اوسطه ايماعى
8. ننگ بىي قاريق جامانقرا
9. اوعلى بو فناء يرنده ٧٩
10. يل ساكن⁴ اولوب روزگارنده⁵
11. دولت برله كچوروب سخي⁶
12. ليك برلن مشهور اولوب
13. دايم الاوقات انعام احسان
14. قيلماقده ايكن عاقبيت
15. باد اجل شمع روحنى نابود
16. ايلاب جوار رحمة الله عه
17. واصل قيلدى
18. انا لله و انا اليه راجعون
19. بيت
20. بوجهانحانه سى اكردا سراى
21. كن بكن كوچر گيدار شاه كدى
22. قايرنان حكم ايدر سنكه جبار
23. عاقبيت زير⁷ زنده⁸ اول جاي

Аудармасы: Ол Жаратушы мәңгілік. «Раббым! Мені жалғыз қойма. Сен ең жақсы мұрагерсің» (21: 89). Тарих: жылы 1873-іншіде ноябрьдің (қарашаның) 23-інші күнінде Қытшақ руы Қарабалық тайпасы Ұста аймағының биі Қарпық Жаманқара ұлы бұл фана (пәни) жерінен 79 жыл сакин (тұрғын) болып, рузгаринда (тіршілікте) дәулетті болып өмір кешіріп, сахилықпенен (жомарттықпенен) мәшһүр болып, дәйім ауқатты, ән'ам, ихсан (нығмет, қайырым) қылған екен. Соңында ажал желі оның рухының шамын өшіріп, Алланың рахметінің маңайына уасыл қылды (жалғастыруға жеткізді). «Шын мәнінде, біз Аллаға тәнбіз әрі Оған қайтушымыз!» (2:156).

Бәйіт

Бұл жаһанханасы егерде болса сарай,
Күнбе күн көшер-кетер шаһ пен кедей.
Қабірінен үкім етер саған Жаббар,
Соңында төмендегі жайсыз орын болар жай.
Құлпытас мәтінінің композициясы дәстүрлі формада сақталған. Алдыменен мұсылман

³ Фотосуреттерді түсірген Б.Э. Испулов, Е.А. Баум.

⁴ араб тілінде: ساكن – тұрғын

⁵ парсы тілінде: روزگار – тіршілік

⁶ араб тілінде: سخي – жомарт

⁷ парсы тілінде: زير – төмен

⁸ парсы тілінде: زنده – жайсыз

құлпытастарының көпшілігінде кездесетін «Ол Жаратушы мәңгілік» дұғасы жазылған. Бұдан соң Құранның «Әнбия» сүресінің «Раббым! Мені жалғыз қойма. Сен ең жақсы мұрагерсің» (21: 89) деген 89 аяты жазылған. Бұл аят сирек қолданылады. Бұдан кейін «тарих» деп жазып, марқұмның қайтыс болған жылы мен күнін, руын, тайпасын, бөлімін, аты-жөнін, өмірден өткен жасын, қоғамдағы орынын жазып, оған дұға келтіріп, ең соңында «Бақара» сүресінің 156 аяты берілген. Негізгі мәтін аяқталған соң «бәйіт» деп жазып, төрт жол элегиялық мазмұндағы марсия жазылған. Бұл құлпытастағы мәтінде марқұмға арналатын жазбалар толыққанды берілген деп бағалауға болады.

Құлпытас мәтіні өте сауатты жазылған. Араб тілі мен парсы тілдері еркін қолданыс тапқан. Одан бөлек, Қазақстанның батыс, солтүстік, орталық өңірлеріндегі құлпытастардан өзгешелігі анық байқалады. Осы дәуірдегі құлпытастардың көбінде адамның қайтыс болғанын *اوفات بولدى – вафат (опат) болды* деген тіркес арқылы беретін. Ал бұл құлпытаста *عاقبيت باد اجل شمع روحنى نابود ايلاب جوار رحمة الله عه واصل قيلدى* – *Соңында ажал желі оның рухының шамын өшіріп, Алланың рахметінің маңайына уасыл қылды (жалғастыруға жеткізді)* деген тіркес алғаш рет кездесіп отыр. Бұл Тобыл бойындағы эпиграфикалық ескерткіштердегі эпитафия мәтінінің ең бір ерекше үлгісі.

№ 002 құлпытас (2-сур. 2). Құлпытастың төбесі доғал пішінді, түрі эпиграфикалық, жақсы сақталған. Эпитафия мәтіні ойып қашалған. Құлпытастың биіктігі жер бетінен 177 см, ені 50 см, қалыңдығы 13 (15,5) см. Тастың алдыңғы бетіндегі мәтін екі бөлек қоршаулы шаршыға қашалған, 15 қатар жазу бар.

Эпитафия мәтіні:

1. *السلام عليكم يا أهل*
2. *القبور أنتم لنا سلف ونحن با*
3. *لأثر يرحمكم الله تعالى ايانا*
4. *اياكم اللهم انى اسألك بحق*
5. *محمد وآل محمد ان لا تعذب*
6. *هذا الميت برحمتك يا ارحم الراحمين*
7. *تاريخ من هجرة النبي ١٢٩٦*
8. *نچي يلى ماه رمضانك ٢٠نچي*
9. *كوننده قبچاق روغى اوسطه*
10. *طائفه سينگ قارپق جماتفرا او على*
11. *تتك جماعتى اولبان قلطى*
12. *قزى ٧٥ ياشنده بو فنا*
13. *يرندان دار عقبايه رحلت*
14. *اتدى رحمته الله غريق اولغاي*
15. *آمين*

Аудармасы: *Ассаламу‘алейкум, ей, қабір тұрғындары! Сендер біз үшін алдымыздағысыңдар (сәләф) және біз сендердің ізіндеміз. Алла тағала біздерге және сіздерге рақым қылсын! (Сүнән Тирмизи № 1053). Уа, Алла, Мұхаммедтің және Мұхаммедтің отбасының құрметіне сұраймын, мейірімділердің мейірімдісі, осы мәйітке мейіріміңмен азап бермеуіңді тілеймін! (әд-Дәйлеми № 4409).*

Тарих: *Пайғамбардың көшуінен (хижра жыл есебі бойынша) 1296-ыншы жылы / 1879-ыншы жылы рамазан айының (mah⁹ рамадан) 20-ыншы күнінде*

⁹ парсы тілінде: ماه – ай

Қыпшақ руы Ұста тайпасының Қарпық Жаманқара ұлының жамағаты (әйелі) Ұлпан Құлты қызы 75 жасында пәни жерінен соңғы баратын үйіне сапар етті. Алланың рахматына қарық болғай! Әмин!

Құлпытастың аудармасында *ألسلام عليكم يا أهل القبور أنتم لنا سلف ونحن بالأثر برحمكم الله تعالى إيانا و إياكم – Ассаламу‘алейкум, ей, қабір тұрғындары! Сендер біз үшін алдымыздағысыңдар (сәләф) және біз сендердің ізіндеміз. Алла тағала біздерге және сіздерге рақым қылсын!* – деген сахих хадис келтірілген. Бұл хадис Ибн Аббастың (Аллаһ оларға разы болсын) хадисінде: «Алла Елшісі (оған Алланың игілігі мен сәлемі болсын) Мәдинадағы қабірлердің жанынан өтіп бара жатып, оларға жүзімен қарап айтылған сөзден алынған (Сүнән Тирмизи № 1053).

Бұдан кейінгі екінші хадис мәтіні кездеседі:

اللهم انى اسألك بحق محمد وآل محمد ان لا تعذب هذا الميت برحمتك يا ارحم الراحمين – Ya, Алла, Мұхаммедтің және Мұхаммедтің отбасының құрметіне сұраймын, мейірімділердің мейірімдісі, осы мәйітке мейіріміммен азап бермеуіңді тілеймін! – деген дұға да сахих хадистерде кездеседі (Әд-Дәйлеми № 4409). Бұл құлпытас Қарпық Жаманқараұлының жамағаты (әйелі) Ұлпан Құлтықызына тиесілі.

№ 003 құлпытас (2-сур. 3). Құлпытастың төбесі доғал пішінді, жақсы сақталған. Эпитафия ойып қашалған. Құлпытастың биіктігі жер бетінен 117 см, ені 49 (44,5) см, қалыңдығы 12,5 (13) см¹⁰. Тастың алдыңғы бетіндегі мәтін бір қоршаулы шаршыға қашалған, 13 қатар жазу бар.

Мәтін:

- Аудармасы:** Ол Жаратушы мәңгілік!
 «Раббым! Мені жалғыз қойма. Сен ең жақсы мұрагерсің» (21: 89). 1902-інші жыл 1-інші октябрьде (қазанда) дүйсенбі күн Қыпшақ руы Қарабалық тайпасы Ұста аймағының Қарпық Жаманқара ұлының жамағаты (әйелі) Момынай Ақтас қызы 77 жасында ажал желі оның рухының шамын өшіріп, Алланың рахметінің маңайына уасыл қылды (жалғастыруға жеткізді).
- Бұл құлпытас Қарпық Жаманқараұлының әйелі Момынай Ақтасқызына қойылған. Мәтіні Қарпық Жаманқараұлының құлпытасының мәтініне өте жақын. Мұнда да «Әнбия» сүресінің 89-шы аяты берілген. Одан соң қайтқан жылы, күні, күйеуінің руы, тайпасы, аймағы жазылған. Көбінесе әйелінің руы жазылмайды. Осы тас сияқты тек әкесінің аты беріледі. Құлпытастағы араб жазу каллиграфиясы түркі халықтарының арасында кең тараған насх жазу үлгісімен қашалған.
هو الخلاق الباقي	1.
رَبِّ لَا تَذَرْنِي فَرْدًا وَأَنْتَ خَيْرُ	2.
الْوَارِثِينَ	3.
٩٠٢ انچى يل انچى اوكتبرده	4.
دوشنبه كون قبچاق روعى	5.
قار ابالق طائفه سى	6.
اوسطه ايماعى نك	7.
قارپق جمائقرا اوعلى نك	8.
جماعتى مومناى اقتاس	9.
قزى ٧٧ ياشنده	10.
باد اجل شمع روحنى	11.
نابود ايلاب رحمة الله غه	12.
واصل قيلدى	13.

¹⁰ Осы және басқа да бірнеше құлпытастың бет жағынан табиғи сипаттағы өзгерістерді байқауға болады.

Қостанай өңірінен шыққан әйгілі ақын, журналист А. Шаяхмет қарабалық қыпшақ руынан шыққан игі-жақсыларды танытып, зерттеу мақалалар жазып, тың мәліметтер берген: «Қыпшақ шежіресіне қарағанда, қарабалық қыпшақтан тарайтын Танабұғаның екінші баласы Қошалақтан Тақсопы, одан Жолжақсы, ал Жолжақсыдан Жантілес туады. Жантілес найза мен қылыш соғатын әйгілі ұста болған. Ұста аталатын ру осы Жантілестен тарайды. Күні бүгінге дейін атадан балаға мирас болып келе жатқан оның төсі мен балғасын Қарабалық өңірін мекен қылған Құмаш деген үрім-бұтағы үйінде көздің қарашығындай сақтап отыр. Аталған рудың Жантілес аты айтылмай, ұста атанып кеткен. Шежіре бойынша, Жантілес Жаманқараның бесінші атасы, яғни, түп атасы. Тектіден текті туады деген де рас. Жаманқараның Қарпық, Қараман, Қарман, Тағылшы және Тағылы деген балалары болған» [Шаяхмет 2011: 311]. Құлпытаста Қарпық байдың қысқаша шежіресі беріледі. Мұнда оны қыпшақ руы қарабалық тайпасы ұста аймағынан таратады. Ұста деген адамның рас аты – Жантілес, Қарпық байдың алтыншы атасы екендігі анықталып отыр. Сонымен қатар, Қарпық байдың Қараман, Қарман, Тағылшы, Тағылы атты бірге туған ағайындары болғандығын да байқауға болады. Бірге туған ағайындары да елдің тізгінін ұстаған билер мен болыстар, байлар болған. Мәселен, «Қарпық байдың Тағылы деген інісінің баласы Жүсіп ел басқарған, болыс болып халықтың ақ батасын алған, әділеттілікті жақтаған жан екендігі жазылған» [Шаяхмет 2011: 357].

Қарпық Жаманқарин туралы «История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков» атты он томдық еңбектің 8-томында мынандай деректер келтірілген: «Қарпық Жаманқарин, бий, 56 лет. Лицом моложе, слишком полный, росту среднего, волосы черные. Сын простого киргиза. Кипчакского рода, карабалыцкого отделения, успишского (устинского) подразделения. Место кочевания: летнее – в разных местах степи за Новой линией; зимнее – в верстах в 8 от Велико-Петровской станицы. Семейство: шесть жен, два сына и две дочери. Состояние: лошадей около 1000 и очень большие деньги, а также ведет торговлю с Бухарией» [О почетнейших... 2006: 89].

Бұл деректерге қарап отырсақ, Қарпық Жаманқарин аса ірі бай болған әрі Бұхарияға сауда жүргізген. Бұхарияға жүргізілген сауда туралы Я.П. Гавердовский мынадай мәліметтер береді: «Обыкновение для препровождения караванов между всеми киргизцами одинаково. Осенью или весною, когда ходят караваны, приезжают главные вожаки в предназначенное на границе место, где купцы, избрав из них достойного, договариваются с ним о количестве верблюдов и о цене за провоз. Таким же точно образом делается в Бухарии¹¹ и Хиве» [История Казахстана 2007: 51]. Тобыл бойынан шыққан керуен Үргеніш, Хиуа арқылы Бұхарияға сапар шегіп, сауда-саттық жүргізген. Бұл сауда жолы бұрыннан орныққан әрі қауіпсіздігі мен жағдайы жасалған керуен жолы болатын.

Жоғарыда келтірілген деректерде Қарпық байдың алты әйелі болғандығы жазылған еді. Қарастырып отырған Қарпық байдың құлпытасында ол 1873 жылы 79 жасында өмірден өткен деп жазылған. Егерде 1873 жылғы қайтыс болған жылынан 79 жасты алсақ, ол 1794 жылы туған болып шығады. Ал оның әйеліне қойылған № 002 құлпытаста әйелі Ұлпан Құлтықызы 1879 жылы 75 жасында қайтыс болған деп жазылған. Бұны да сол тәртіппен есептесек, ол әйелі 1804 жылы туған. Қарпық байдан 10 жасы кіші болған әрі ол өмірден өткенде 69 жаста жесір қалған. № 003 құлпытаста аты жазылған әйелі Момынай Ақтасқызының туған жылын есептесек, ол 1825 жылы туған болып шығады. Бұл әйелі Қарпық байдан 31 жас кіші болған әрі Қарпық бай өмірден өткенде 48 жаста жесір қалған. Денисов ауданына жүргізілген зерттеу жұмыстары нәтижесінде Қарпық байдың екі әйелінің ғана құлпытасы табылды. Бұл әулетке тиесілі қалған құлпытастар болашақта жүргізілетін зерттеу барысында табылады деген сенімдеміз.

¹¹ «Бухария» ұғымына қатысты бұл атауды Балқаштың оңтүстігіне қарай созылып жатқан және "Үлкен Бухария" деп аталатын аумақтарды белгілеу үшін қолданғанын кездестіреміз. Сонымен қатар, Шыңжаңның қазіргі аумағымен байланысты "Кіші Бухария" деген де белгілеу бар (қараңыз: [Шаблей 2020: 77, прим.]).

Бұдан бөлек, А. Шаяхмет: «Өтеміс Қалабаевтың шежіресіне сүйенсек, Қарпық байдың Құрманқұл, Омар, Ахмет, Бекмұхамбет, Дүйсенбай және Уәші деген балалары болған. Бекмұхамбеттен Мірсалық, Әбубәкір, Садық, Жорабек, Әбдібек, Сыздық және Хакім тарайды» деген деректер берген [Шаяхмет 2018].

Қарпық Жаманқаринның ұрпағы, мемлекеттік жауапты қызметтер атқарған қоғам қайраткері Шәңгерей Жәнібековтың естелігінде: «Атам Салық Бекмұхаммедұлы Қарпықов пен Айша әжемнің төрт ұлы болған. Аттары – Жәнібек, Шайбек, Сапабек және Файызбек, қызы – Күлдірайхан. Олардың арасындағы үлкені менің әкем Жәнібек, шамамен 1887 жылы Жауғашты ауылында туған. Ол Қостанай облысының Денисов ауданының орталығындағы кенттен 20–25 км солтүстікке қарай орналасқан Жауғашты көлінің жанындағы ауыл. Бұл ауылды ХІХ ғасырдың алғашқы ширегінде әкемнің атасы Қарпық Жаманқарин құрған» – деген дерек келтіреді [Жаныбеков Шангерей 2014; Жаныбеков 2014].

Жауғашты көлі жанындағы ауылды 1820–1825 жылдары Қарпық Жаманқарин құрғандықтан, ауыл негізін қалаушының атымен Қарпық ауылы деп аталды. Шамамен Тобыл мен Қамысты-Аяттың ортасында орналасқан қыстау ХІХ ғасырда Шұбар мен Дамбар қазақ болыстарының орталығы болған. «Әкеміз қайтыс болған соң 1860 ж. соңы мен 1890 жылдар аралығында Дамбар болысын басқарған әулетіміздің басшысы Бекмұхаммед Қарпықов болды. Үлкен Жауғашты көлінің маңында Қарпық ауылының шамамен он-он бір қыстауы және дала төскейіндегі жел диірмені қанаттарын қаққан құстай қалықтап тұрушы еді» деп еске алады [Карпов 2021: 288; 2024]. 1898 жылғы санақ бойынша Жауғашты шатқалындағы ауылда 147 адам тұратын, болыстықтағы ең көп қоныстанған ауылдың бірі болып саналды [Материалдар... 1903]. Байқағанымыздай, Қарпық Жаманқарин өз дәуірінің ірі тұлғасы, Бұхариямен сауда жасаған бақуатты бай болса, оның ұрпақтары елге танымал тарихи тұлғалар болған. Әсіресе, Торғай облысында орасан зор ықпалға ие болған ұлы Бекмұхаммед Қарпықовтың қадірі өте жоғары болды: Ол 20–25 жыл бойы Дамбар болысының басшысы, Ы. Алтынсарин ұйымдастырған Қостанайдың 2 кластық училищесінің құрметті қамқоршысы болған [Шефер 2018: 40]. Сонымен қатар Б. Қарпықов 1900 жылға қарай құрамында он қазақ бар Императорлық Орыс географиялық қоғамының Орынбор бөлімінің толық мүшесі болды [Бегимбаева 2015: 65; Карпов 2021: 289–290]. Қарпық байдан тараған ауқатты әулеттің Синегоркадан Жаксы-Алакөлге дейін; Тавриченкодан Аршағлы-Аятқа (өзен) дейін дархан далада өз иеліктері болса, Қарпықовтардың оңтүстік пен шығысқа созылған жайлауы мен қыстауы Бестөбе жазығы мен Тобыл өзеніне дейін жететін [Карпов 2021: 289].

Текті әулеттің даңқты ұрпағы, Қарпық Жаманқариннің шөбересі – Шәңгерей Жәнібеқұлы Жәнібеков (1924–2024), Қазақстанның көрнекті мемлекет қайраткері, Ұлы Отан соғысының ардагері, Қарпық ауылының тумасы, атажұртына деген ыстық ықыласы мен шексіз махаббатын өмірбойы айтумен өтті: «Маған қазіргі заман өркениеттерінің бүкіл игілігін пайдалана отырып, Рудный, Қостанай, Алматы қалаларында тұрып, жұмыс істеуге тура келді. Бірақта, көз жауын алатын әсем қалалар, шамшырақты шаһарлар қанша айтсаң да кіндік қаның тамған, ауасын жұтып, суын ішкен, ана сүтін емген әрі алғашқы қадамыңды басқан жер бетіндегі жұдырықтай ғана ата-мекен туған жеріңе жетпейді екен. Мұндай жағдайды қазақтар “Туған жер – алтын бесігің, ұшқан ұяң”» деген сөзбен нақтылайды [Жаныбеков Шангерей 2014; Жаныбеков 2014].

Бір әулеттің тарихы арқылы бір өңірдің тарихының бөлшегін жазуға зор мүмкіндік бар. Тақырып бойынша әлі де зерттеу жұмыстары жалғасып, қосымша материалдармен толығырақ түседі деп сенеміз.

5 Қорытынды

Тобыл бойының мәдени-ландшафтық кеңістігіндегі дала өркениетінің үлкен бір кезеңі Ресей империясының жүргізген отарлаушылық саясаты тұсында көп қыры ашылмаған тарихымызды, белгілі тұлғаларымызды тану жолында жазылған бұл зерттеудің берері мол. Дархан дала төсіндегі құлпы шешілмеген құлпытастардың кілтін ашып, тарих көшіне ілестіру басты міндеттеріміздің бірі деп білеміз. Осы мақсаттарымызға жетіп, өзге өңірлерде кездесе бермейтін мәтіні айрықша, композициясы ерекше эпиграфикалық ескерткіш эпитафиясының мәтінін ескі қазақ тілінен қазіргі қазақ тіліне аударып, мағынасы көмескі тұстарының мәнін ашып, сонымен қатар, құлпытас қойылған тұлғаның өмір дерегі мен атқарған қызметі, қоғамдағы орыны туралы азды-көпті материалдар ұсындық.

Бұл мақалада Тобыл бойы аумағында бұрын зерттелмеген тың материалдар ғылыми айналымға еніп отыр. Зерттеу барысында дала өркениетінің белгісіз қырлары ашылды. Оның дәлелі, бір құлпытастың өзінен қаншама ақпарат алуға болады: эпитафияда үш тіл (араб, парсы, шағатай) еркін қолданыс тапқан. Ислам өркениетінің қатарынан ойып орын алып, Құран аяттары мен хадистердің мәтіні өте сауатты араб тілінде жазылған. Күллі ортаазиялық түркітілдес халықтар еркін қолданған шағатай-түркі жазба тіліндегі мәтіннің композициясы қазақтың дәстүрлі құлпытас мәтіндеріне сай келеді.

Қазақ Тобылы бойы аумағында сақталған құлпытастардағы тас қашау өнерінің ең көп тараған эпиграфикалық түрі қолданылған. Тасқа жазуды ойып қашаған. Мәселен, Момынай Ақтасқызының құлпытасының үстіңгі жағына шалқасынан жатқан жарты айдың бейнесі салынған. Тасқа жарты ай бейнесін салу технологиясы *hilāl* **هلال** ұғымына сәйкес келеді. **هلال** – жарты ай сөзі, арабша **الله** – Алла сөзімен әріптері бірдей, сондықтан бұлардың *абжад* есебі де бірдей болып келеді. Бұл екі сөзді *абжадқа* ауыстырса 66 саны шығады. Жарты айдың бейнесі арабша *Алла* сөзі мен *жарты ай* сөзінің мағынасын бірдей береді. Қазақ құлпытастарына осындай қасиет дарытып, тастың сакралдығын арттыру тұстары көп болған.

Бұдан бөлек, құлпытастарда ашық алақан (бес саусақ ашық түрінде) бейнеленуі кездеседі. Сопылық философияда бұны «белгісіз бес нәрсе» (*Муғайабат хамса*) деп атайды. Оның мәнісі – Алладан басқа ешкім білмейтін бес нәрсені жасырып көрсету. Құранның Лұқман сүресінің 34-аятында «белгісіз бес нәрсе» баяндалған: 1) Қиямет күні қашан болатыны; 2) Қанша мөлшерде жауын жауатыны; 3) Жатырдағының ұл немесе қыз екені; 4) Адам ертең не табатыны; 5) Адам қай жерде өлетіні белгісіз, білмейді. Сонымен қоса, ашық алақан – Исламның бес шарты немесе «дүние өмірінен ақыретке мал-дүние алып кетпеді, ашық алақанмен кетті» деген ұғымның образды бейнеленуі. Сондықтан да қазақ құлпытастарын зерттеу кезінде тек араб, парсы, шағатай тілін білуден бөлек, діни-сопылық сауаттылық өте қажет. Әрбір құлпытастың сырын ашу үшін жан-жақты зерттеу жүргізу керек.

Қазақ даласындағы эпиграфикалық ескерткіштерді зерттеу ісінің болашағы зор. Әсіресе Тобыл бойындағы құлпытастар бұрын-соңды ешқашан зерттеу алаңына алынған емес. Бұл өңірдегі тастарды сөйлетіп, тарих сырын ашу – болашақтағы зерттеулер еншісінде.

Алғыс айту. Қамысты және Жітіқара аудандарының аумағындағы көне құлпытастардың орналасқан орыны жайында айтқан әріптес археологтар В.Н. Логвин мен С.С. Қалиеваға, құлпытастардың аймақтық ерекшеліктеріне алғашқы болып авторлар назарын аударған А.З. Бейсеновке, берген кеңестері үшін тарихшылар А.Б. Шалғынбеков пен Н.Ы. Жетпісбайға, құлпытастар жасалған тау жыныстарын анықтауда көмек көрсеткені үшін С.А. Нигматоваға,

құлпытас бетіндегі табиғи сипаттағы өзгерістер жайында кеңес бергені үшін Л.Ф. Чарлинаға¹², сондай-ақ, Қарпық байдың ататегі, өмірдерегі туралы мәліметтер берген белгілі ақын, журналист А. Шаяхмет мырзаға, өлке жайында, оның ішінде Қарпық ауылы жайлы ақпарат жинаған, Денисов ауданының өлкетанушысы С.Г. Карповқа, Қарпық ауылына жақын жердегі құлпытастарды зерттеу кезінде көмек берген Денисов ауылының тұрғыны – Б.Э. Испуловқа, Денисов тарихи-өлкетану музейінің қызметкерлері, әріптестеріміз Е.А. Баум, В.М. Топорковаға шын жүректен алғыс айтамыз. 2015–2024 жж. далалық зерттеулер жүргізу кезінде қолдау білдіріп, қол ұшын созған Қостанай облысының тұрғындарына арнайы ризашылығымызды білдіреміз.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Абиль Е.А., Күзембайұлы А.* Историческая топонимика Костанайской области. В 5-ти частях. Научное издание. Ч. 3 (Тарановский, Денисовский и Житикаринский районы). Костанай: ТОО «Центрум», 2010. 227 с.
- 2 *Ажигали С.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Науч.-изд. центр «Гылым», 2002. 654 с.
- 3 *Ажигали С.Е.* «Казахское памятниковедение» как важнейшее научно-практическое направление в сфере культуры // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. М-лы II Междунар. конф., посвящ. 20-летию независимости РК (г. Ақтобе, 14–18 сентября 2011 г.). Алматы; Ақтобе: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2011. С. 337–339.
- 4 *Ажигали С.Е.* Казахские кулпытасы – аналоги якутских сэргэ: ареал, типология, генезис // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 4 (45). С. 20–36.
- 5 *Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А.* К методике комплексного исследования архитектурных некрополей и кладбищ Западного Казахстана: предварительные замечания (Из опыта работы ЗККАЭ) // Материалы 1 и 2 Симпозиумов по казахскому памятниковедению. Алматы; Атырау: Ағатай, 2012. С. 24–40.
- 6 *Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К.* К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара (Северный Казахстан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 2 (20). С. 103–116.
- Бегимбаева Ж.* Проекты Оренбургского отдела Русского географического общества по изучению культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 55–66.
- 7 *Бейсенов А.З.* К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения–2019 / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2019. С. 10–38.
- 8 *Бейсенов А.З.* Әлихан Бөкейханов ата қорымы Талдыбейіттегі құлпытастар // Қазақстандағы археологиялық зерттеулер–2021 / Бас ред. А. Касенәлі. Астана: ҚР Ұлттық музейі, 2022. 215–221-бб.
- 9 *Бейсенов А.З.* Поездка в Милыбулак, Центральный Казахстан: обследование курганов с «усами» и руин зимовок, чтение старинных кулпытасов // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 1. С. 109–127.
- 10 *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 255 с.
- 11 *Джумабекова Г., Жамбулатов К., Сеитов А., Ахияров И., Лопатин В., Базарбаева Г.* Каратобе-3 – комплекс сарматского времени близ г. Житикара (Северный Казахстан): предварительное сообщение // Маргулановские чтения–2024 / Гл. ред. А. Онгарулы, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МНВО РК (в печати).
- 12 *Евдокимов В.В., Сеитов А.М.* Савроматские погребения могильника Перелески II в Верхнем Притоболье // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021. № 3 (13). С. 49–65.

¹² Геолог С.А. Нигматова мен реставратор Л.Ф. Чарлиның археологтармен бірлескен жұмыстарының нәтижесімен мақалаларынан танысуға болады. Мысалы, Танбалы кешеніндегі жаргас беттерін зерттеу мен сақтау тәжірибесі бойынша: [Нигматова и др. 2024; Чарлина 2024; и др.].

- 13 Жаныбеков Шангерей. Өнегелі өмір. В. 31 / Гл. ред. Г.М. Мутанов. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 462 б.
- 14 *Жаныбеков Ш.Ж.* О пройденном пути и добрых попутчиках: воспоминания одного из ветеранов Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 426 с.: ил.
- 15 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. V. 620 с. + 4 с. вкл.
- 16 *Картов С.Г.* Приаятые. Новосибирск: [б./и.], 2021. 544 с.
- 17 *Картов С.Г.* Послесловия. Сборник произведений разных жанров: очерки, повести, стихи. Новосибирск: [б./и.], 2024. 399 с.:ил.
- 18 Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 360 с.
- 19 *Логвин А.В., Сеитов А.М., Шевнина И.В.* Исследования кургана Жалтыр // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 107–110.
- 20 *Логвин А.В., Шевнина И.В., Лошакова Т.Н.* Исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Камысты (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения–2023. В 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. А. Онгарулы, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023. С. 78–87.
- 21 *Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.* Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар // Маргулановские чтения–2019 / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 316–327.
- 22 *Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Немета А.В.* Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай: Костанайский обл. историко-краеведческий музей, 2018. 132 с. (на каз., рус. яз.).
- 23 *Марғұлан Ә.Х.* Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет кұәлары / Ред. А.Х. Марғұлан. Алма-Ата: Қазақстан, 1966. 3–87-бб.
- 24 *Марғұлан Ә.Х.* Тарихи дәуірдегі қазақ тайпаларының жазу мәдениеті // Труды по культуре письменности казахского народа / Отв.ред. Ж. Артыкбаев. 2-ое изд.доп. Астана. Алтын кітап, 2007. (Библиотека казахской этнографии). Т. 8. С. 149-205.
- 25 Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1 / Под ред. С.В. Юшкова. Алма-Ата: АН КазССР, 1948. 350 с.
- 26 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Кустанайский уезд. 1903. Т. 5. URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1TsvkGmZb6QuWxRwnlyUkgHrsO78jJiEO> (дата обращения: 02.07.2024).
- 27 *Махортых С.В.* К вопросу о контактах населения Предкавказья с Поволжьём и Южным Уралом в VI в. до н.э. // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 128-141.
- 28 *Муминов Ә.Қ., Медерова Д.Е., Дүйсенев Б.Д.* «Абат-Байтақ» қорымының арабжазулы эпиграфикалық ескерткіштері Алтын Орда кезеңінен кейінгі қоғамның тілдік-мәдени дереккөзі ретінде // Отан тарихы. 2024. Т. 27. № 2. 514–528-бб.
- 29 *Набиоллаұлы Н.* Хан зираты құпиясын ашты // *Danakaz* журналы. 2016. № 6 (29). 13-16-бб.
- 30 *Нигматова С.А., Мадиярова И.Т., Пирогова Т.Е., Марынич О.В.* Геолого-геоморфологические аспекты консервации петроглифов урочища Тамгалы (Шу-Илейские горы). *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)*. 2024. № 1 (23). С. 350–367.
- 31 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. / Сер. «История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков, т. VIII. Ч. 2 / Сост., предисл., комм. и указатели Б.Т. Жанаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 962 с. + 8 с. вкл.
- 32 *Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж.* Курган военной элиты саков Торгая // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 233–247.
- 33 *Ошанов О.Ж.* Жайлау как центр поминальной обрядности древних тюрков и казахов XVIII–XIX веков // *Qazaq Historical Review*. 2024. № 2. С. 91–224.

- 34 Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В., Букешева Г.К., Сапарова К.С., Файса А.М., Бонора Ж.Л. Нур-Султан–Рим: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2020. 222 с.
- 35 Сеитов А.М., Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Раннесарматское погребение курганной группы Кенеш-3 в Казахском Притоболье // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 37–48.
- 36 Сейсем Ата қорымының араб жазуындағы эпиграфикасы – Арабографическая эпиграфика некрополя Сейсем Ата – Arabographic Inscriptions of the Sisem Ata Necropolis // Кіріспе, құрастыру, араб, парсы, түркі тілдерінен аударма, көрсеткіштер А.Қ. Муминов, А.Ш. Нұрманова, Н.А. Құлбаев. Ғылыми консультант М.С. Нұрқабаев. Ағылшын тіліне аударма Нил Робинсондікі / Жауапты ред. Б.М. Бабаджанов. Астана, 2015. 160 б.
- 37 Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников / История Южного Урала: в 8 т. Т. 3. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2019. 400 с.
- 38 Тасмагамбетов И.Н. Құлпытас. Астана: ОФ «Берел», 2002. 392 б.
- 39 Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. Вып. 2. С. 181–194.
- 40 Хасенова Б.М., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. След великой империи: изваяние древнетюркской эпохи из Притоболья (Северный Казахстан) // МАИАСП. 2023. № 15. С. 529–541.
- 41 Чарлина Л.Ф. История становления консервации петроглифов Тамгалы // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2024. № 1 (23). С. 305–349.
- 42 Шаблей П.С. История татарской общины Семипалатинска // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 75–94.
- 43 Шаяхмет А. Қарабалық батыр өмірде болған адам // abai.kz. 10 сентября 2018 г. URL: <https://abai.kz/post/76437> (дата обращения: 02.07.2024).
- 44 Шаяхмет А. Тайбағар¹³. Астана: Фолиант, 2011. 578 б.
- 45 Шефер А.А. История Дамбарской и Валерьяновской волостей в архивных документах (конец XIX – начало XX веков) // Туған жер. История Костанайской области в краеведческих исследованиях и публицистике / Отв. ред. Ш.Е. Ермагамбетова, сост. Ю.П. Буданова. Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья Управления культуры акимата Костанайской области, 2018. С. 39-73.
- 46 Экологический атлас Костанайской области / Под ред. Ю.А. Ким. Костанай: Костанайполиграфия, 2004. 253 с.
- 47 Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 384 с.

REFERENCES

- 1 Abil, E. A., Kuzembaiuly, A. 2010. *Istoricheskaya toponimika Kostanayskoy oblasti*. V 5-ti chastyah. Ch. 3 (*Taranovskiy, Denisovskiy i Jitikarinskiy raiony*) (*Historical toponymy of Kostanay region. In 5 parts. Part 3 (Taranovsky, Denisovsky and Jitikarinsky districts)*). Kstanay: “Centrum” Publ. (in Russian).
- 2 Azhigali, S. 2002. *Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona* (*Architecture of nomads – a phenomenon of the history and culture of Eurasia*) monuments of the Aral-Caspian region)). Almaty: “Gylm” Publ. (in Russian).
- 3 Azhigali, S. E. 2011. In: *Aralo-Kaspiiskiy region v istorii i kulture Evrazii* (*The Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia*). Almaty; Aktobe: Walikhanov Institute of History and Ethnology, 337–339(in Russian).
- 4 Azhigali, S. E. 2023. In: *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* (*North-Eastern Journal of Humanities*), 4 (45), 20–36 (in Russian).
- 5 Azhigali, S. E., Beknazarov, R. A. 2012. In: *Materialy 1 i 2 Simpoziumov po kazahskomu pamyatnikovedeniyu* (*Materials of the 1st and 2nd Symposiums on Kazakh monument studies*). Almaty; Atyrau: “Agatay” Publ., 24–40(in Russian).
- 6 Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy* (*Kazakhstan Archeology*), 2 (20), 103–116 (in Russian).
- Begimbayeva, Z. 2015. In: Sultangalieva, G. S. (ed.). *Kochevye narody Tsentralnoy Evrazii XVIII–XIX vv.: sravnitelno-istoricheskyy analiz politiki Rossiyskoy imperii* (*The Nomadic peoples of Central Eurasia of the*

¹³ Тайбағар – Алаш ардақтысы Елдес Омаровтың псевдонимі.

- 18th–19th centuries: a comparative historical analysis of the policy of the Russian Empire). Almaty: Kazakh University, 55–66 (in Russian).
- 7 Beisenov, A. Z. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: Gumilyov Eurasian National University, 10–38(in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z. 2022. In: Kasenali, A. (ed.). *Kazakstandagy arheologiyalyk zertteuler–2021 (Archaeological research in Kazakhstan–2021)*. Astana: National Museum of the Kazakhstan, 215–221 (in Kazakh).
- 9 Beisenov, A. Z. 2023. In: *Ufimskiy arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)*, vol. 23, no. 1, 109–127 (in Russian).
- 10 Vostrov, V. V., Mukanov, M. S. 1968. *Rodoplemennoy sostav i rasselenie kazahov (konets XIX – nachalo XX v.) Tribal composition and settlement of Kazakhs (late 19th – early 20th century)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 11 Jumabekova, G., Zhambulatov, K., Seitov, A., Akhiyarov, I., Lopatin, V., Bazarbayeva, G. 2024. In: Onggaruly, A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2024 (Margulan readings–2024)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in print) (in Russian).
- 12 Evdokimov, V. V., Seitov, A. M. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (13), 49–65 (in Russian).
- 13 Mutanov, G. M. (ed.). 2014. *Zhanybekov Shangerey. Onegeli omir (Remarkable People)*. Is. 31. Almaty: “Kazakh University” Publ. (in Kazakh).
- 14 Zhanybekov, S. Z. 2014. *O proidennom puti i dobrykh poputchikakh: vospominaniya odnogo iz veteranov Kazakhstana (About the life journey and gentle companions: memoirs of one of the veterans of Kazakhstan)*. Almaty: “Kazakh University” Publ. (in Russian).
- 15 Yerofeeve, I. V., Zhanaev, B. T. (compl.). 2007. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov (The History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries)*. Vol. V. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).
- 16 Karpov, S. G. 2021. *Priyatnye (Near Ayat River region)*. Novosibirsk(in Russian).
- 17 Karpov, S. G. 2024. *Poslesloviya. Sbornik proizvedeniy raznyh zhanrov: ocherki, povesti, stihi (Afterwords. A collection of works of various genres: essays, novellas, poems)*. Novosibirsk (in Russian).
- 18 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). 2017. *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 19 Logvin, A. V., Seitov, A. M., Shevnina, I. V. 2016. In: Onggaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskikh stepey: kontakt kultur (Saks and Sauromats of the Kazakh steppes: contact of cultures)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 107–110 (in Russian).
- 20 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Loshakova, T.N. 2023. In: Onggaruly, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2023 (Margulan readings–2023)*. In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 78–87 (in Russian).
- 21 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: Gumilyov Eurasian National University, 316–327 (in Russian).
- 22 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M., Neteta, A. V. 2018. *Ritualno-sakralnye geometricheskie komplekсы (“geoglify”) Turgaya (Ritual-sacred geometric complexes (“geoglyphs”) of Turgay)*. Kostanay: Kostanay regional museum of local history (in Kazakh, Russian).
- 23 Margulan, A. K. 1966. In: Margulan, A. K. (ed.). *Ezhelgi madeniet kualary (Witnesses of Ancient Culture)*. Alma-Ata: “Kazakhstan” Publ., 3–87 (in Kazakh).
- 24 Margulan, A. K. 2007. In: Artykbayev, Z. (ed.). *Trudy po kulture pismennosti kazahskogo naroda (Proceedings on the culture of writing of the Kazakh people)*. 2nd ed. (Biblioteka kazahskoy etnografii/The library of Kazakhs ethnography). Vol. 8. Astana. “Altyn kitap” Publ., 149–205(in Kazakh).
- 25 Yushkov, S. V (ed.). 1948. *Materialy po kazahskomu obychnomu pravu (Materials on Kazakh customary law) Sb. I*. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences (in Russian).
- 26 *Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannye i razrabotannye Ekspeditsiyey po issledovaniyu stepnykh oblastey. Turgayskaya oblast. Kustanaiskiy uезд (Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the Expedition to explore the steppe regions. Turgay region. Kostanay county)*. 1903. Vol. 5. URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1TsvkGmZb6QuWxRwnlyUkgHrsO78jJiEQ> (accessed: 02.07.2024).

- 27 Makhortyk, S. V. 2016. In: Onggaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskih stepey: kontakt ku'tur (Saks and Sauromats of the Kazakh steppes: contact of cultures)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 128–141 (in Russian).
- 28 Muminov, A. K., Mederova, D. E., Duysenov, B. D. 2024. In: *Otan tarihy (The Homeland History)*, 2 (27), 514–528 (in Kazakh).
- 29 Nabiollauly, 2016. In: *Danakaz*, 6 (29), 13–16 (in Kazakh).
- 30 Nigmatova, S., Madiyarova, I., Pirogova, T., Marynich, O. 2024. In: *Kazakstan archeologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (23), 350–367 (in Russian).
- 31 Zhanaev, B. T. (compl.). 2006. O pochetneishih i vliyatelneishih ordyntsah: alfavitnye, imennye, formulyarnye i posluzhnye spiski. 12 noyabrya 1827 g. – 9 avgusta 1917 g. / Ser. Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikakh XVI—XX vekov (About the most honorable and influential Horde members: alphabetical, nominal, formulary and service records. November 12, 1827 – August 9, 1917 / Ser. History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries). Vol. VIII, part 2. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).
- 32 Onggaruly, A., Kairmagambetov, A. M., Nuskabai, A. A., Rahimzhanova, S. Z. 2020. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river Region archaeology)*, 3 (33), 233–247 (in Russian).
- 33 Oshanov, O. J. 2024. In: *Qazaq Historical Review*, 2, 91–224 (in Russian).
- 34 Khabdulina, M. K., Tleugabulov, D. T., Dukombayev, A. T., Koshman, T. V., Bukesheva, G. K., Saparova, K. S., Gaisa, A. M., Bonora, J. L. 2020. *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rome: Gumilyov Eurasian National University, (in Russian).
- 35 Seitov, A. M., Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2021. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)* 1 (35), 37–48 (in Russian).
- 36 Muminov A., Nurmanova A., Qulbayev N. (comp.). 2015. *Seisem Ata korymynyn arab zhazyyndagy epigrafikasy – Arabograficheskaya epigrafika nekropolya Seisem Ata – Arabographic Inscriptions of the Sisem Ata Necropolis*. Astana (in Russian, Kazakh and English).
- 37 Tairov, A. D. 2019. *Yuzhnyj Ural v epohu rannih kochevnikov (Southern Urals in the era of early nomads)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 38 Tasmagambetov, I. N. 2002. *Qulpytas (Tombstone)*. Astana: “Berel” Publ. (in Russian).
- 39 Khabdulina, M. K. 2007. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan)*, 2, 181–194 (in Russian).
- 40 Khassenova, B., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G. 2023. In: *Materialy po arkeologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 15, 529–541 (in Russian).
- 41 Charlina, L. 2024. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (23), 305–349 (in Russian).
- 42 Shablei, P. S. 2020. In: *Istoricheskaya etnologiya (Historical Ethnology)*, vol. 5, no. 1, 75–94 (in Russian).
- 43 Shayakhmet, A. 2018. In: abai.kz. URL: <https://abai.kz/post/76437> (accessed 02.07.2024) (in Kazakh).
- 44 Shayakhmet A. 2011. *Taibaghar (Taybagar)*. Astana: “Folio” Publ. (in Kazakh).
- 45 Schaefer, A. A. 2018. In: Ermagambetova, S. E. (ed.), Budanova, Y. P. (comp.). *Tugan zher. Istoriya Kostanayskoy oblasti v kraevedcheskih issledovaniyakh i publitsistike (Tugan zher. The history of the Kostanay region in local history studies and journalism)*. Lisakovsk: Lisakovsky Museum of History and Culture of the Upper Tobol river region of the Department of Culture of the Akimat of Kostanay region, 39–73 (in Russian).
- 46 Kim, Y. A. (ed.). 2004. *Ekologicheskij atlas Kostanayskoy oblasti (Ecological atlas of Kostanay region)*. Kostanay: “Kostanay Polygraphy” Publ. (in Russian).
- 47 Yablonskiy, L. T. 2010. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoy arheologii (Prokhorovka: at the origins of Sarmatian archaeology)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.07.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.207.224>

Скотоводы Мугалжар:

по материалам поселения эпохи бронзы Тарангул

© 2024 г. Шагирбаев М.С., Байтлеу Д.А.

Keywords: archaeology, archaeozoology, steppe zone, Bronze Age, Tarangul settlements, animal husbandry

Түйін сөздер: археология, археозоология, далалық аймақ, қола дәуірі, Таранғұл қонысы, мал шаруашылығы

Ключевые слова: археология, археозоология, степная зона, эпоха бронзы, поселение Тарангул, животноводство

Mambet Shagirbayev^{1*} and Darkhan Baitileu¹

^{1*}Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0001-8176-9329 E-mail: mambet_87@mail.ru

¹Candidate of historical sciences, Margulan Institute of Archaeology in Astana, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0003-4083-5558 E-mail: baitileu@gmail.com

Mugalzhar Cattle Breeders:

based on the materials from the Bronze Age Tarangul settlement

The article presents the results of archaeozoological studies of animal bone remains discovered in 2021–2022 at the Bronze Age settlement of Tarangul (Kargaly district, Aktobe region). The purpose of the study is to identify cultural and economic species in the settlements of the Bronze Age of the Ural-Mugalzhar region, to understand the directions of development of animal husbandry and hunting in the region and to analyze the composition of ancient fauna. During the study, the species composition of the paleofauna was determined, the morphological features of domestic animals (age, exterior characteristics) were evaluated, the seasons of animal slaughter and pathological bone changes were revealed. A total of 6.089 bones belonging to mammals were studied, of which 2.447 (40.1%) bones were separated into specific animal species. Among the animal remains, bones of domestic animals predominated (95.6%), and bones of wild mammals were also found (4.4%). Cattle bones predominate among the remains of domestic animals (58.8%). The bones of small cattle are in second place (31.8%), horses are in third place (2.6%). Dog and pig bones are found in small quantities. It was noticed that most of the small cattle were slaughtered between the ages of 1.5 and 2.5 years. Most cattle were used for meat at the age of 2.5 years and older. The results of studies of the annual layer on the teeth of animals showed that animals were slaughtered more in autumn and winter (54.2%). The discovery of bone remains of newborns among the bones of cattle and small cattle indirectly confirms that the inhabitants wintered in the settlement.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Shagirbayev, M., Baitileu, D. 2024. Mugalzhar Cattle Breeders: based on the materials from the Bronze Age Tarangul settlement. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 207–224 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.207.224](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.207.224)

**Мамбет Сапарбекович Шагирбаев^{1*},
Дархан Айтжанұлы Байтілеу¹**

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

²тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан
атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

**Мамбет Сапарбекович Шагирбаев^{1*},
Дархан Айтжанұлы Байтілеу¹**

^{1*}автор-корреспондент, старший научный
сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Қазақстан

¹кандидат исторических наук,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Қазақстан

Мұғалжар бақташылары:
қола дәуірінің Таранғұл қонысының
материалдары бойынша

Мақалада қола дәуірінің Таранғұл қонысынан (Ақтөбе обл., Қарғалы ауданы) 2021–2022 жылдары табылған жануар сүйектеріне жүргізілген археозоологиялық зерттеулердің нәтижелері беріледі. Зерттеудің мақсаты Орал-Мұғалжар өңіріндегі қола дәуірінің қоныстарындағы мәдени-шаруашылық түрлерін анықтау, өңірдегі мал шаруашылығы мен аңшылық кәсіптердің даму бағыттарын түсіну және ежелгі фаунаның құрамына талдау жүргізу болып табылады. Жұмыс барысында палеофаунаның түр бойынша құрамы анықталып, үй жануарларының морфологиялық ерекшеліктері (жас ерекшеліктері, экстерьерлік сипаты) бағаланып, жануарларды сою мезгілдері мен сүйектердегі бірқатар патологиялық өзгерістер анықталды. Жалпы 6089 сүтқоректілерге тиесілі сүйек зерттеліп, оның ішінде 2447 (40,1%) сүйек нақты түрге ажыратылды. Жануар қалдықтарының ішінде үй жануарларының сүйектері басым (95,6%), сондай-ақ жабайы жануарлардың сүйектері де (4,4%) кездесті. Үй жануарларының қалдықтарының арасында ірі қараның сүйектері басым (58,8%). Екінші орында – уақ мал (31,8%), үшінші орында – жылқы сүйектері (2,6%). Аз мөлшерде ит және шошқа сүйектері кездеседі. Уақ малдың басым бөлігі 1,5–2,5 жас аралығында көбірек сойылғаны байқалды. Ірі қараны 2,5 жастан асқанда көбірек етке пайдаланған. Жануар тістеріндегі жыл қабаттарын зерттеу нәтижелері жануарлардың күз және қыс мезгілдерінде көбірек сойылғанын (54,2%) көрсетті. Уақ мал мен ірі қара сүйектерінің арасында жаңа туған төлдердің сүйектерінің анықталуы, тұрғындардың қоныста қыстағанын жанама түрде растайды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023-2024 жж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы, ЖТН BR18574223 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Шагирбаев М.С., Байтілеу Д.А. Мұғалжар бақташылары: қола дәуірінің Таранғұл қонысының материалдары бойынша. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 207–224-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.207.224](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.207.224)

Скотоводы Мугалжар:
по материалам
поселения эпохи бронзы Тарангул

В статье приводятся результаты археозоологических исследований костных остатков животных, обнаруженных в 2021–2022 гг. на поселении бронзового века Тарангул (Каргалинский р-н, Актыубинская обл.). Целью исследования являлось определение культурно-хозяйственных типов на поселениях эпохи бронзы Урало-Мугалжарского региона, выявление направлений развития животноводства и охотничьих промыслов в регионе и проведение анализа состава древней фауны. В ходе работы определён видовой состав палеофауны, оценены морфологические особенности домашних животных (возраст, экстерьерные характеристики), выявлены сезоны забоя животных и некоторые патологические изменения костей. В общей сложности исследовано 6089 костей, принадлежащих млекопитающим, из которых 2447 (40,1%) костей определены до вида. Преобладали кости домашних животных, кости диких млекопитающих редки (4,4%). Среди остатков домашних животных наиболее многочисленны кости крупного рогатого скота (58,8%), на втором месте – кости мелкого рогатого скота (31,8%), на третьем – лошади (2,6%). В небольших количествах встречаются кости собаки и свиньи. Большая часть мелкого рогатого скота была забита в возрасте от 1,5 до 2,5 лет. Крупный рогатый скот содержался населением ради мяса – в основном в возрасте от 2,5 лет и старше. Результаты исследований годовых слоев на корнях зубов копытных показали, что забой по большей части осуществляли осенью и зимой (54,2%). Находки костных остатков новорожденных среди костей крупного и мелкого рогатого скота косвенно указывают на тот факт, что жители зимовали на поселении.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК на 2023–2024 гг., ИРН BR18574223.

Для цитирования: Шагирбаев М.С., Байтілеу Д.А. Скотоводы Мугалжар: по материалам поселения эпохи бронзы Тарангул. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 207–224. DOI: [10.52967/akz2024.3.25.207.224](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.207.224)

1 Введение

В 2019 г. сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана совместно с коллегами из Актыубинского областного историко-краеведческого музея инициирована программа в области изучения, сохранения и популяризации древней и средневековой археологии Актыубинской области.

Одним из важных направлений научных изысканий стало выявление и исследование поселенческих комплексов эпохи бронзы в степной части Мугалжар и в Приюжноуральской степной предгорно-равнинной области. На первом этапе исследований в ходе разведочных работ обнаружен археологический комплекс Тарангул. Рекогносцировочные раскопки памятника начаты в 2020 г., а полноценные комплексные исследования объекта продолжаются и в настоящее время. Вопросам истории обнаружения и промежуточным результатам исследования комплекса посвящены отдельные статьи [Байтлеу, Калиева 2020; Байтлеу и др. 2021].

Археологический комплекс Тарангул является одним из новых и интересных памятников, который можно рассматривать в контексте проблем изучения Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра (ГМЦ) позднего бронзового века. Памятник расположен в северо-восточной части Орь-Илекской возвышенности, на левобережье р. Тарангул, в 6.3 км к северу от сельского округа Кос-Естек (Каргалинский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 1).

Комплекс, состоящий из одноименного поселения и могильника, локализован на левом берегу р. Тарангул – на первой надпойменной террасе, разделенной на восточную и западную части оврагом с сезонным водотоком. На восточной части террасы располагается поселение Тарангул, которое характеризуется как стационарное поселение позднего бронзового века, связанное с кожумбердынской группой алакульской культуры. Кроме того, поселение Тарангул входит в систему

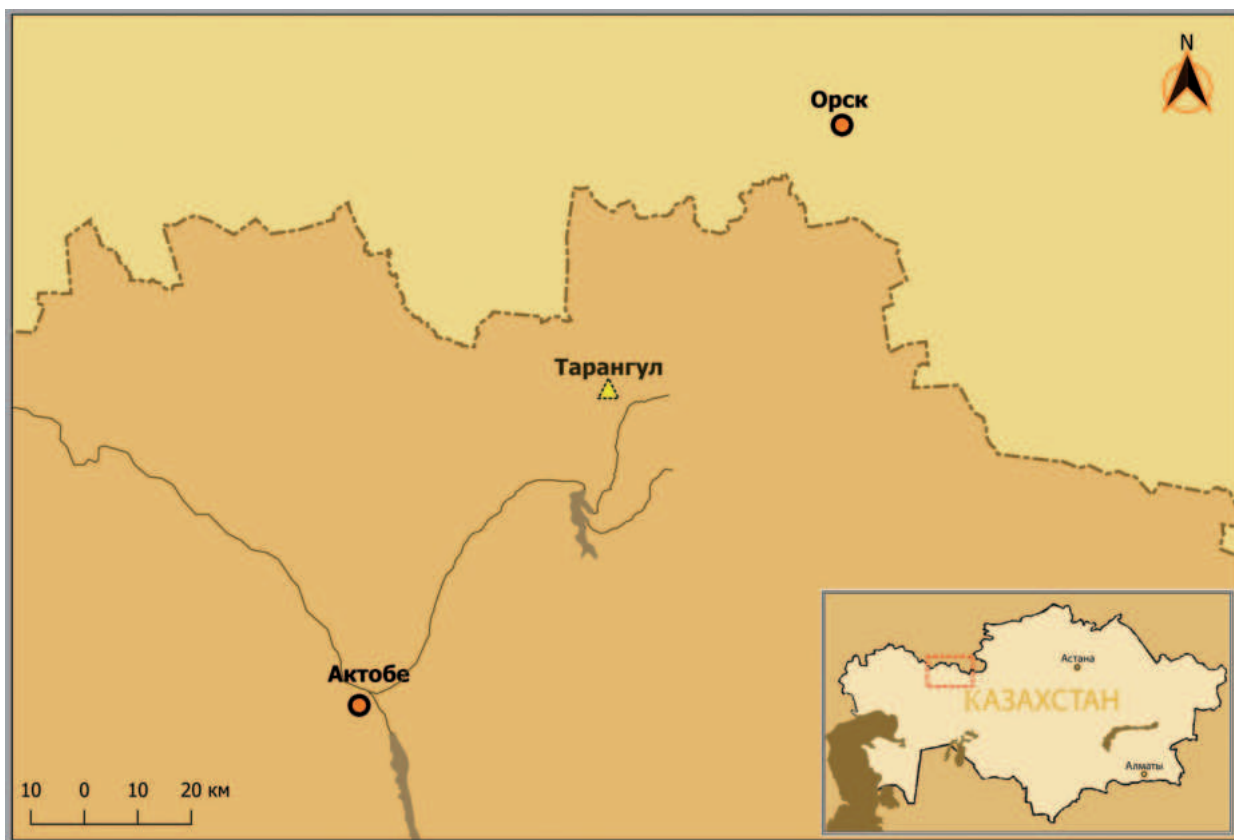

Рис. 1. Поселение Тарангул на карте Казахстана. Исполнитель: Мамбет Шагирбаев
1-сур. Таранғұл қонысы Қазақстан картасында. Орындаған: Мамбет Шагирбаев
Fig. 1. Settlement of Tarangul on the map of Kazakhstan. Performer: Mambet Shagirbayev

Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра и географически приурочено к Каргалинскому и Косистекскому рудным районам, а характер производственной деятельности древнего населения памятника связан непосредственно с металлургическим переделом и металлопроизводством [Байтлеу и др. 2022].

Анализ представительной коллекции археозоологического материала из поселения Тарангул был произведен ранее [Байтлеу, Шагирбаев 2021]. В ходе исследования определены видовая принадлежность костей, состав элементов скелета, степень раздробленности, возраст животных по состоянию зубной системы. Помимо этого, определялись следы термического воздействия и остеофагии. Необходимо отметить, что на начальном этапе изучения вследствие редкого обнаружения в культурном слое поселения костей молодых особей домашних млекопитающих было сделано предварительное заключение о превалировании на поселении Тарангул отгонной формы скотоводства [Байтлеу, Шагирбаев 2021: 147], но в настоящий момент новые сведения позволили дополнить и частично пересмотреть предварительные выводы.

В рамках настоящего исследования проведен археозоологический анализ костей животных, найденных на поселении Тарангул, определены таксономические группы, элементы и отделы скелета, соотношение количества особей в возрастных группах животных, исследована сезонность забоя домашних животных, проведены расчёты мясного потребления, а также исследованы патологические изменения на костях.

2 Материал и методы

Проанализированы данные по 6089 костям животных, которые получены при раскопках 2021-2022 гг. на общей площади 415 кв. м с мощностью культурного слоя, достигающей 190 см. Материал проанализирован по двум группам, соответствующим условно выделенным верхнему (0–50 см) и нижнему (50–190 см) стратиграфическим горизонтам. Большая часть костного материала имеет хорошую степень естественной сохранности (стадия 0 по: [Behrensmeyer 1978]), остальная часть остеологического материала имеет более значительные следы выветривания (стадия 1-2).

Для работы с костными остатками использована эталонная коллекция костей скелета животных, хранящаяся в лаборатории зооархеологии Института археологии им. А.Х. Маргулана. Возраст забоя домашних копытных определялся по степени прорезания щёчных зубов и состоянию эпифизов [Silver 1969]. При дифференциации костей овцы и козы среди остатков мелкого рогатого скота (далее МРС) использованы специальные методики [Zeder, Pilaar 2010; Zeder, Lapham 2010]. Промеры костей осуществлялись по схеме А. Дриш [Driesch 1976]. При вычислении примерного роста в холке крупного рогатого скота (далее КРС) и МРС использованы коэффициенты для таранной кости и метаподий [Цалкин 1960: 119; 1961: 127; 1970: 161; Teichert 1975]. Определение хронологии забоя животных осуществлялось по Г.А. Клевезаль [Клевезаль 1988]: метод позволяет установить возраст особей старше 1 года, а установление календарного времени гибели животного возможно только до сезона. Для реконструкции рациона мясного питания использована специальная методика лаборатории естественно-научных методов ИА РАН [Антипина 2013: 139]. Проведена оценка некоторых патологических изменений костей животных. По характеру разрушений (раздробленности) определённые до вида кости разделены на две группы. В первую вошли целые кости и неизмельчённые скелетные элементы, из которых к последним отнесены: крупные фрагменты (половинки) верхних и нижних челюстей с полными альвеолярными рядами щёчных зубов, фрагменты трубчатых костей конечностей и поясов конечностей с неповреждёнными суставными элементами, диафизы трубчатых костей с сомкнутыми стенками тела, длинные (более половины длины) фрагменты тел рёбер. Вторую группу составили части черепов, разрушенные поперёк че-

люсти с неполными рядами щёчных зубов, фрагменты трубчатых костей конечностей и поясов конечностей с расколотыми суставными элементами, фрагменты тел и отростков позвонков, короткие (менее половины длины) фрагменты тел ребер, фрагменты базиподиальных костей.

Неопределимые до вида кости млекопитающих разделены на две группы: крупные – размеров крупных копытных и среднеразмерные – звери меньших размеров (не мельче зайца или сурка).

3 Результаты

3.1 Таксономический состав коллекции

В ходе археозоологического исследования изучено 6089 костей млекопитающих, среди которых 2447 (40,1%) костей определены до вида. Основу коллекции составляют кости домашних копытных (табл. 1). В них преобладают остатки КРС. Практически вдвое меньше костей МРС. Среди определимых до вида костей МРС преобладают остатки овец (71,1%). Остальные виды домашних животных представлены незначительным количеством костей лошади, свиньи и собаки. Кости диких животных очень малочисленны и представлены как «мясными», так и «пушными» видами. Количество неопределимых до вида костей составило 60%. В этой категории преобладают кости крупных млекопитающих (77,1%). Наиболее вероятно, что кости этой категории в основном принадлежат КРС.

Таблица 1 – Поселение Тарангул. Видовой состав костных остатков животных 1-кесте – Таранғұл қонысы. Жануар сүйектерінің түр бойынша құрамы
Table 1 – Tarangul settlement. Species composition of animal bone remains

Вид	Горизонты		Всего	%
	0–50 см	50–190 см		
Домашние животные				
КРС – <i>Bos taurus</i>	779*/17**	600/11	1379/28	58,8
МРС – <i>Ovis et Capra</i>	328/11	416/10	744/12	31,8
Овца – <i>Ovis aries</i>	44/8	55/11	99/19	4,2
Коза – <i>Capra hircus</i>	15/5	21/6	36/11	1,5
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	36/4	26/2	62/6	2,6
Свинья домашняя – <i>Sus scrofa</i>	3/1	0/0	3/1	0,1
Собака – <i>Canis familiaris</i>	6/3	14/3	20/6	0,9
Всего домашних животных	1211/49	1130/43	2341/83	100,0
Дикие животные				
Заяц – <i>Lepus europaeus</i>	1/1	4/1	5/2	4,7
Волк – <i>Canis lupus</i>	1/1	0	1/1	0,9
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	0	2/1	2/1	1,9
Медведь – <i>Ursus arctos</i>	0	3/2	3/2	2,8
Кабан – <i>Sus scrofa</i>	4/1	9/4	13/5	12,3
Косуля – <i>Capreolus pygargus</i>	2/1	3/1	5/2	4,7
Лось – <i>Alces alces</i>	2/1	4/1	6/2	5,7
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	3/3	1/1	4/4	3,8

Окончание таблицы 1
1-кестенің соңы
End of table 1

Всего промысловых животных	13/8	26/11	39/19	100,0
Суслик – <i>Spermophilus fulvus</i>	28	24	52	
Сурок – <i>Marmota bobak</i>	6	7	13	
Неопределимые до вида кости				
Млекопитающие – Mammalia indet.	Крупные	2808	3642	
	Средние	834		
Птица – Aves	0	3/2	0	3/2
Моллюск – Mollusca	4/2	4/2	0	8/4
<i>Примечание: * количество костей; ** количество особей</i>				

3.2 Возраст домашних животных

КРС. Среди забитых особей доминируют взрослые. Из 28 особей к ним относятся 19 особей, или 67,8%. Молодые представлены пятью особями, или 17,9%. Единичные фрагменты нижних челюстей и изолированных зубов принадлежат телятам в возрасте до полугода.

Овца. Данные по зубной системе указывают на преобладание особей в возрасте 1-2 лет (18 особей, или 42,8%) (табл. 2). Из 42 особей к взрослым (старше 2-х лет) отнесено 10 особей (23,8%). Группу молодых животных составили 10 особей.

Лошадь. Из шести особей две забиты в возрасте старше 15 лет, три особи – в 4-5 лет и одна особь в возрасте 2-3 лет.

Данные по прирастанию эпифизов. Среди костей КРС представительная серия получена для метаподий (19 экз.). Согласно состоянию их эпифизов, 11 особей забиты в возрасте старше 2-2,5 лет, а восемь особей – погибли до 2-х лет. Анализ состояния эпифизов для трубчатых костей МРС свидетельствует о преобладании остатков животных в возрасте между 2 и 3 годами. Данные по прирастанию эпифизов лошади не анализируются по причине малочисленности пригодных для этой оценки костей.

Таблица 2 – Поселение Тарангул. Возрастной состав копытных 2-кесте – Таранғұл қонысы. Тұяқтылардың жас ерекшеліктері
Table 2 – Tarangul settlement. The age composition of ungulates

Состояние зубной системы нижней челюсти	Возраст, месяц	Абс.	%
m3 постоянный	Старше 34 месяцев	3	10,7
m3 есть	Старше 28 месяцев	9	32,1
m2 есть, m3 нет	18–28 месяцев	7	25,0
m1 есть, m2 нет	6–18 месяцев	5	17,9
m1 отсутствует	До 6 месяцев	4	14,3
Всего особей		28	100
МРС			

Окончание таблицы 2
2-кестенің соңы
End of table 2

m3 есть	Старше 24 месяцев	10	23,8
m2 есть, m3 нет	12–24 месяцев	18	42,8
m1 есть, m2 нет	3–12 месяцев	10	23,8
m1 отсутствует	До 3 месяцев	4	9,5
Всего особей		42	100
Лошадь			
Старые особи		2	33,3
Взрослые особи		3	50,0
Полувзрослые особи		0	0,0
Молодые особи		1	16,7
Всего особей		6	100

3.3 Сезон забоя и возраст домашних животных

Для анализа из всей выборки отобраны 24 зуба трёх наиболее многочисленных видов домашних копытных (табл. 1): КРС (*Bos taurus*) – 15 экз.; МРС (*Ovis et Capra*) – 10 экз., лошадь (*Equus caballus*) – 3 экз.

КРС. Сезон и возраст забитых животных определён для 14 особей. Один зуб оказался непригодным для исследования. 50% всех особей забиты в холодный период года – осенью или зимой. Следующий пик забоя животных приходится на весну. В летний период забой животных производился редко. Большинство животных, забитых осенью и зимой, были в возрасте от 2 до 5 лет. Самое старое животное забито в возрасте 8-9 лет в холодное время года.

МРС. Необходимые данные получены для восьми из 10-ти особей. В проанализированной выборке преобладают особи, которые забиты в осенне-зимний период. Значительную долю составляют «весенние» особи, две из трёх особей забиты в возрасте от 2 до 4 лет. Среди взрослых особей МРС одна забита весной в возрасте 6-7 лет.

Лошадь. Исследованы зубы трёх особей. Один зуб оказался непригодным для исследования. Установлено, что одна особь забита летом, другая – осенью (табл. 3). Обращает на себя внимание то, что обе лошади были в возрасте 4-5 лет.

Таблица 3 – Поселение Тарангул. Результаты определения сезона гибели животных
3-кесте – Таранғұл қонысы. Жануарлардың өлген мезгілдерін анықтаудың нәтижелері
Table 3 – Tarangul settlement The results of determining the season of death of animals

Сезон	Возрастные группы, лет								Всего	
	2-3	3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	?	Абс.	%
КРС										
Весна	0	2	0	0	2	1	0	0	5	35,7
Лето	0	1	0	1	0	0	0	0	2	14,2

Окончание таблицы 3
3-кестенің соңы
End of table 3

Осень	1	1	1	0	1	0	0	0	4	28,5
Осень – зима	1	0	1	0	0	0	1	0	3	21,6
?	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Всего	2	4	2	1	3	1	1	–	14	100,0
МРС										
Весна	1	1	0	1	0	0	0	0	3	37,5
Осень	0	3	1	0	0	0	0	0	4	50,0
Осень – зима	1	0	0	0	0	0	0	0	1	12,5
?	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–
Всего	2	4	1	1	0	0	0	–	8	100,0
Лошадь										
Лето	0	0	1	0	0	0	0	0	1	50,0
Осень	0	0	1	0	0	0	0	0	1	50,0
?	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–

3.4 Соотношение элементов и отделов скелета

КРС. Присутствуют почти все элементы скелета (табл. 4). В коллекции отсутствуют только крестцовые позвонки и сесамовидные кости. В составе скелетных элементов роговые стержни встречены в очень малом количестве. Среди отделов скелета наиболее полно представлены проксимальные кости конечностей. Кости из отделов туловища и дистальных отделов конечностей представлены почти в равных пропорциях (табл. 5).

МРС также представлен почти всеми элементами скелета (табл. 2). В коллекции отсутствуют лишь некоторые элементы черепа, эпистрофей и фаланга 3. Соотношение отделов скелета МРС повторяет ситуацию КРС. Среди отделов скелета наиболее многочисленными являются кости проксимальных отделов конечностей. Кости из отделов туловища и дистальные части ног также представлены в равных пропорциях. Среди отделов скелета КРС и МРС реже всего встречены изолированные зубы (соответственно 6.7% – 9.7%).

Лошадь. Кости лошади немногочисленны и составляют в обоих горизонтах не больше 2.5%. Имеются не все элементы скелета (табл. 4). Среди отделов скелета преобладают кости проксимальных отделов конечностей и туловища.

Таблица 4 – Поселение Тарангул. Состав элементов скелета домашних копытных
4-кесте – Таранғұл қонысы. Үй тұяқтыларының қаңқа элементтерінің құрамы
Table 4 – Tarangul settlement. The composition of the elements of the skeleton of domestic ungulates

Элементы скелета	КРС		МРС		Лошадь	
	Ф	Ц	Ф	Ц	Ц	Ф
Рог – <i>Cornu</i>	0	4	7	14	–	–
Череп – <i>Cranium</i>	0	62	0	28	0	3
Каменистая кость – <i>Pars petrosa</i>	1	0	0	0	0	0

Окончание таблицы 4
4-кестенің соңы
End of table 4

Подъязычная кость – <i>Os hyoideum</i>	0	2	0	2	0	0
Верхняя челюсть – <i>Maxilla</i>	0	41	16	1	0	0
Нижняя челюсть – <i>Mandibula</i>	27	80	42	82	0	4
Зуб – <i>Dentes</i>	110	18	47	11	5	4
Атлант – <i>Atlas</i>	6	3	0	2	0	0
Эпистрофей – <i>Axis</i>	0	4	0	0	0	0
Позвонок – <i>Vertebrae</i>	7	73	14	14	0	1
Крестец – <i>Sacrum</i>	0	0	1	0	0	0
Ребро – <i>Costae</i>	45	191	64	54	0	15
Лопатка – <i>Scapula</i>	6	54	26	27	2	3
Таз – <i>Pelvis</i>	0	14	1	14	0	3
Плечо – <i>Humerus</i>	29	57	10	41	0	0
Лучевая – <i>Radius</i>	21	40	15	53	1	3
Локтевая – <i>Ulna</i>	7	9	6	3	0	2
Бедро – <i>Femur</i>	12	37	15	40	0	0
Коленная чашечка – <i>Patella</i>	2	0	1	0	0	0
Большая берцовая – <i>Tibia</i>	34	73	24	38	2	1
Пяточная – <i>Calcaneus</i>	9	3	9	2	0	0
Таранная – <i>Talus</i>	43	10	42	0	1	0
Карпальная – <i>Carpus</i>	16	1	2	0	0	0
Тарзальная – <i>Tarsus</i>	4	0	6	1	0	0
Метаподия – <i>Metapodium</i>	0	62	32	1	0	2
Пясть – <i>Metacarpale III+IV (III)</i>	6	23	5	13	0	0
Плюсна – <i>Metatarsale III+IV (III)</i>	13	37	9	11	0	0
Грифельная кость – <i>Metacarpale (tarsale) II, IV</i>	–	–	–	–	1	0
Фаланга 1 – <i>Phalanx 1</i>	10	19	20	4	0	1
Фаланга 2 – <i>Phalanx 2</i>	27	5	5	0	3	0
Фаланга 3 – <i>Phalanx 3</i>	18	2	0	0	2	0
Сесамоидные – <i>Sesamoideum</i>	0	0	4	0	3	0
Всего	453	924	423	456	20	42
	1377		879		62	
%%	32,9	67,1	48,1	51,9	32,2	67,8

Таблица 5 – Поселение Тарангул. Состав отделов скелета домашних животных
5-кесте – Таранғұл қонысы. Үй жануарларының қаңқа бөліктерінің құрамы
Table 5 – Tarangul settlement. The composition of the departments of the skeleton of domestic animal

Отдел скелета	КРС		МРС		Лошадь	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голова (череп, нижняя челюсть)	217	15,8	192	21,8	7	11,3
Зубы	134	9,7	59	6,7	9	14,5
Туловище (позвонок, крестец, ребра)	327	23,7	149	17,0	16	25,8

Проксимальные отделы конечностей (лопатка, таз длинные трубчатые кости)	389	28,2	313	35,6	17	27,4
Дистальные отделы конечностей (короткие трубчатые кости, кости базиподия)	310	22,5	166	18,9	13	21,0
Количество костей, экз.	1377	100	879	100	62	100
	2318					

3.5 Биометрические особенности домашних копытных

Морфометрические исследования проводились на пригодных для измерений костях КРС и МРС (табл. 6); в обоих случаях выборка для таранной кости оказалась наиболее многочисленной. Выборка костей лошади недостаточна для статистического анализа. Промеры в отношении рогатого скота получены для нескольких элементов скелета (и дают некоторое общее представление об изменчивости размеров животных), из которых для восстановления примерного роста особей пригодна именно таранная кость.

КРС. Реконструкция роста в холке по таранной кости показывает, что средний рост поголовья этого скота на поселении Тарангул – 119,8 см. Высота в холке самого низкого животного составляет 102,5 см, а самого высокого – 133,5 см. В целом можно отметить широкие пределы изменчивости роста в холке на поселении.

МРС. Средний рост в холке, реконструируемый по таранной кости (всего 35 экз.), для поголовья овец на поселении Тарангул составляет – 72,4 см. Разница между ростом самых высоких и низких овец составляет 13,8 см. Пределы изменчивости высоты в холке 67,3–81,1 см.

Таблица 6 – Поселение Тарангул. Размеры (мм) и пропорции (%%) костей МРС и КРС 6-кесте – Таранғұл қонысы. Уақ мал мен ірі қара сүйектерінің өлшемдері (мм) мен пропорциясы (%%)
Table 6 – Tarangul settlement. Dimensions (mm) and proportions (%%) of bones of small cattle and cattle

Морфологические признаки	n	Lim (Min–max)	M±m	σ
КРС – <i>Bos taurus</i>				
Атлант – Atlas				
Ширина в крылях (GB)	4	132,5–188,2	150,6±12,6	25,3
Длина наибольшая (GL)	4	87–121,5	98,5±7,7	15,5
Ширина каудального сустава (BFcd)	4	93,5–117	106,3±6	12,1
Лопатка – Scapula				
Длина суставного конца с бугром (GLP)	4	62,5–78,9	66,9±3,9	7,9
Длина суставной впадины (LG)	4	52,2–68,9	57,4±3,8	7,7
Поперечник сустава (BG)	4	42,5–61,8	49,2±4,2	8,5
Ширина шейки (SLC)	3	50,5–56,5	54,5±2	3,4
Таранная – Talus				
1. Длина латеральная (GL1)	44	55,1–71,8	64,4±0,5	3,5

Продолжение таблицы 6
6-кестенің жалғасы
Continuation of table 6

Длина медиальная (GLm)	45	50,2–67,2	59,3±0,4	3,1
Длина сагиттальная	45	35,1–57	50,1±0,5	3,7
2. Ширина дистального конца (Bd)	45	33–52,5	41,8±0,5	3,6
Поперечник латеральный (DI)	45	29,5–40,2	35,7±0,3	2,2
2:1	44	59,2–73,1	64,9±0,4	3,2
Фаланга 1 – Phalanx 1				
Длина наибольшая (GL)	6	57,5–70,5	63,7±1,9	4,7
Ширина проксимального конца (Bp)	9	25,5–37,8	29,4±1,2	3,8
Ширина диафиза минимальная (SD)	9	23–33,5	26,2±1,1	3,3
Ширина дистального конца (Bd)	9	25,5–36	29±1,1	3,3
Фаланга 2 – Phalanx 3				
Длина наибольшая (GL)	19	35–48,5	40,8±0,7	3,2
Ширина проксимального конца (Bp)	21	23,1–35,5	28,5±0,6	3
Ширина диафиза минимальная (SD)	22	17,5–31	24,4±0,6	2,9
Ширина дистального конца (Bd)	21	20–30,5	22,7±0,5	2,4
Фаланга 3 – Phalanx 3				
Длина дорсальной поверхности (Ld)	17	35–58,2	47,7±1,5	6,2
Длина подошвы по диагонали (DLS)	15	49,8–75,5	61,6±2	8
MPC – <i>Ovis et Capra</i>				
Нижняя челюсть – Mandibula				
Альвеолярная длина зубного ряда (pm-m) (7)	5	68,8–81,0	75,7±2,0	4,6
Альвеолярная длина премоляров (pm) (9)	5	41,9–54,1	47,7±2,4	5,4
Лопатка – Scapula				
Длина суставного конца с бугром (GLP)	11	32–40,1	36,7±0,7	2,5
Длина суставной впадины (LG)	11	26–31,5	29,4±0,5	1,8
Поперечник (BG)	13	19,9–26,2	24,2±0,4	1,6
Ширина шейки (SLC)	13	16,5–26,0	22,3±0,6	2,3
Плечевая – Humerus				
Ширина дистального конца (Bd)	4	28,1–35,5	31,3±1,7	3,4
Лучевая – Radius				
Ширина проксимального конца (Bp)	6	32,1–36	34,1±0,5	1,4
Ширина проксимального суставной поверхности (BFp)	6	30–33,5	31,3±0,4	1,2
Большая берцовая – Tibia				
Ширина дистального конца (Bd)	5	27,9–32,9	30,1±0,8	1,9

Окончание таблицы 6
6-кестенің соңы
End of table 6

Поперечник дистального конца (Dd)	5	21,5–25	23,1±0,7	1,6
Таранная – Talus				
1. Длина латеральная (GLl)	35	29,8–35,9	32,1±0,2	1,5
Длина медиальная (GLm)	37	26,9–34,5	30,4±0,3	1,8
Длина сагиттальная	36	19,8–29,5	25,7±0,3	1,8
2. Ширина дистального конца (Bd)	37	17,9–22,5	20,3±0,2	1,3
Поперечник латеральный (Dl)	35	15–20	17,5±0,1	1,1
2:1	37	60,6–72,1	66,8±0,4	2,8

3.6 Следы внешнего воздействия на костях. Костных остатков с различными видами модификации на поселении Тарангул выявлено относительно немного – 5,2% от всех костей (табл. 7). Бóльшая часть (69,3%) модифицированных костей обнаружена в нижнем горизонте (50–190 см) поселения. В верхнем горизонте обожжённые кости не встречены. В обоих горизонтах (0–50 см и 50–190 см) кости со следами зубов хищника (по видимому собакой) являются самой многочисленной категорией; кости со следами зубов копытных в нижних горизонтах не зафиксированы. Среди костей со следами погрызов копытными имеется шейный позвонок МРС, тело грудного позвонка крупного копытного, первая фаланга КРС. Второй наиболее многочисленный вид модификаций – следы разделки (порезы и рубка). Также выявлены единичные обработанные кости или заготовки орудий. Среди обработанных костей встречены ребра и лопатки КРС, таранная кость овцы. Лопатки КРС сломаны посередине, латеральная поверхность и дорсальный край обработаны. Медиальный и латеральный края таранной кости овцы зашлифованы. Тело ребра КРС было сломано под углом (*angulus costae*), а краниальный край обработан.

Остеофагия. Следы зубов КРС выявлены на некоторых костях скелета КРС и МРС: фаланга 1 (2, К, L), шейные (2, М), грудные позвонки, позвонки, диафизы трубчатых костей

Таблица 7 – Поселение Тарангул. Соотношение костей с модифицированными изменениями
7-кесте – Таранғұл қонысы. Модификацияланған өзгерістері бар сүйектердің арақатынасы
Table 7 – Tarangul settlement. The ratio of bones with modification and pathological changes

Модификация костей	0–50 см		50–190 см	
	абс.	%	абс.	%
Следы рубки	24	25,5	51	23,8
Следы порезов	25	26,6	58	27,1
Следы полировки	5	5,3	9	4,2
Горелые кости	0	0,0	14	6,5
Погрызенные хищниками (собаками)	32	34,0	79	36,9
Погрызенные копытными	7	7,4	0	0,0
Кости из желудка КРС	1	1,1	3	1,4

Окончание таблицы 7
7-кестенің соңы
End of table 7

Всего	94	100	214	100
	308			
Модифицированные человеком	54	57,4	132	61,6
Модифицированные животным	40	42,6	82	38,4

3.7 Следы патологических процессов на костях животных. На костях домашнего скота зафиксированы некоторые возрастные и патологические изменения (рис. 2), (табл. 8).

КРС. Среди изменений зубной системы выявлен суставной отросток на суставной поверхности мыщелкового отростка одной нижней челюсти имеется остеохондротический дефект (рис. 2С). Также выявлены преждевременный износ последнего премоляра и первого моляра нижней челюсти (рис. 2А). На другом фрагменте нижней челюсти КРС наблюдаются следы воспалительного

Рис. 2. Поселение Тарангул. Патологические и возрастные изменения костей домашнего скота.
Исполнитель: Мамбет Шагирбаев
2-сур. Таранғұл қонысы. Үй жануарларының сүйектеріндегі патологиялық және жас ерекшелік өзгерістері.
Орындаған: Мамбет Шагирбаев
Fig. 2. Tarangul settlement. Pathological and age-related changes in the bones of livestock.
Performer: Mambet Shagirbayev

процесса в районе первого моляра (рис. 2В). Нужно отметить, что на некоторых тазовых костях на поверхности вертлужной впадины выявлены дегенеративные изменения суставной поверхности в виде эбурнеации (рис. 2, D). На ряде первых и третьих фаланг КРС наблюдается выраженное расширение и деформация проксимальной суставной поверхности (рис. 2, H, I, J).

МРС. Дистально-медиальные экзостозы зафиксированы на некоторых берцовых костях овец (рис. 2, E).

Лошадь. На третьей фаланге лошади обнаружены незначительные остеофиты и липпинг суставной поверхности (рис. 2, F, G).

Таблица 8 – Поселение Тарангул. Соотношение костей с патологическими изменениями 8-кесте – Таранғұл қонысы. Патологиялық өзгерістері бар сүйектердің арақатынасы
Table 8 – Tarangul settlement. The ratio of bones with pathological changes

Патологии костей	0–50 см		50–190 см	
	абс.	%	абс.	%
Остеохондротический дефект (нижняя челюсть)	0	0,0	2	5,7
Преждевременный износ	1	5,9	3	8,6
Расширения суставной поверхности (липпинг)	12	70,6	23	65,7
Костные наросты/экзостозы	4	23,5	3	8,6
Эбурнеация	0	0,0	3	8,6
Клиновидный дефект	0	0,0	1	2,9
Всего	17	100	35	100
	52			

3.8 Расчет мясного потребления

Костные (кухонные) остатки в остеологической коллекции поселения Тарангул достоверно происходят в основном от туш трёх форм домашних копытных: КРС, МРС и лошади. Во всех горизонтах раскопа их кости преобладают. Кости КРС в среднем составляют 57,1%; остатки МРС – 35,2%. Остатки скелета лошади показывают в среднем 2% в обоих горизонтах.

Расчёт потребления мясных продуктов показывает, что в рационе жителей поселения Тарангул мясо КРС было на первом месте (в среднем – 85,9%, табл. 9). Можно заметить, что бóльшая часть потребляемого мяса приходилась на животных в возрасте от 1,5 до 2,5 лет. Баранина потреблялась почти в девять раз меньше, чем говядина. Около 70% забитых МРС составляли животные в возрасте 2–4 лет.

Таблица 9 – Поселение Тарангул. Расчёт относительных объёмов потребления мяса домашних копытных, (%)
9-кесте – Таранғұл қонысы. Тұяқтыларының ет өнімдерін тұтынудың салыстырмалы көлемін есептеу, (%)
Table 9 – Tarangul settlement. Calculation of accounting objects of consumption of meat of domestic ungulates, (%)

Показатель	КРС	МРС	Лошадь	Всего
Остеологический спектр (все горизонты), %	59,3	37,9	2,8	2320 кости
Кратность веса туш крупных копытных к одной туше овцы	6	1	5,5	–
Объём мясных продуктов в условных единицах	355,8	37,9	15,4	409,1
Соотношение объёмов мясных продуктов, %	86,9	9,2	3,9	100

4 Обсуждение

В обоих горизонтах памятника преобладают кости КРС. Однако разница по количеству костей в нижнем горизонте не особенно велика. Среди особей МРС костей овец в 2–2,5 раза больше, чем коз. В археозоологических материалах поселений Большая Березовая-2, Малая Березовая-4, Александро-Невское-II [Рассадников 2017: 117, табл. 1], Коноплянка [Рассадников 2019б: 34, табл. 1], Устье [Косинцев, Бачура 2013: 364, табл. 12.1] и Каменный Амбар [Рассадников 2019а: 238, Прил. I, табл. 1], расположенных в южных районах Урала и датируемых бронзовым веком, среди костей домашних животных также преобладает КРС.

Отмечается редкое использование конины в рационе. Морфологические исследования показывают, что скелетные элементы свиньи были обнаружены только в верхнем горизонте, и что только на более позднем этапе существования поселения свинья использовалась в хозяйстве. Присутствие костей собак во всех горизонтах раскопа показывает, что это животное было обычным на поселении.

Характер разведения домашних копытных был различным. Возрастные показатели КРС косвенно указывают, что животное в первую очередь больше использовалось для мясного производства. Около 60% из 28 особей были забиты в возрасте от 1,5 до 2,5 лет. Также присутствуют кости телят в возрасте до 6 мес. О прижизненной эксплуатации крупных домашних копытных свидетельствует наличие в коллекциях костей старых особей. Изменения на костях животных, такие как разные стадии липпинга и т. д., могут быть связаны с возрастом животных. Обнаружение остатков костей старых лошадей среди кухонных отходов не исключает возможности использования их в качестве рабочей силы до старости.

Палеопатологический анализ показывает, что здоровье поголовья домашнего скота находилось в удовлетворительном состоянии. Большинство патологий костей носит случайный или воспалительный характер. Также на ряде тазобедренных суставов зафиксирована эбурнеация. В археозоологических исследованиях говорится, что этиология эбурнеации формируется под влиянием нескольких факторов. Дегенеративное поражение тазобедренного сустава приводит к хромоте животного, затруднению движений и в дальнейшем к поражению сустава, что может привести к потере веса у животного [Barbosa et al. 2014: 847; Рассадников 2019б: 80]. А.Ю. Рассадников, основываясь на материалах поселений бронзового века Южного Урала и ссылаясь на другие исследования [Barbosa et al. 2014], указывает, что этиология эбурнеации может быть связана с зимним стойловым содержанием и особенностями минерального состава почвы [Рассадников 2019б: 92]. В материалах поселения Тарангул, количество костей с указанными патологическими изменениями, недостаточно для того, чтобы сделать определённые выводы.

Результаты исследования зубов домашних животных показали, что большая часть была забита осенью и в начале зимы. Следующий пик забоя животных приходится на весну. Установлено, что в летний период забивали только КРС и лошадей. Проведённое исследование позволяет заключить, что археологический комплекс Тарангул, вероятно, являлся стационарным объектом с постоянным проживанием населения на поселении и некрополем (родовым, племенным) вблизи поселения.

В определённой степени полученные результаты лишь отчасти опровергают возможное применение на Тарангуле отгонной формы скотоводства. В данном контексте можно допустить, что домашние копытные находились на поселении Тарангул лишь на передержке, в определённое время года с целью дальнейшего убоя, а основные пастбища для выпаса скота располагались на более благоприятных сезонных участках в отдалении от поселения. Подобная модель в некоторой степени схожа с предположением о сезонном характере хозяйства населения эпохи поздней бронзы с горно-металлургической производственной специализацией в Южных Мугалжарах [Ткачев и др. 2023]. В то же время мобильные группы насельников Тарангула могли передвигаться на

определённые расстояния с целью выпаса скота на отдалённых участках либо же с целью добычи полезных ископаемых по типу хозяйствования, предложенному для населения Южного Зауралья позднего бронзового века [Ankusheva et al. 2024: 14].

5 Заключение

Данные археозоологического анализа свидетельствуют о развитом животноводстве у населения поселения Тарангул. Разведение домашних животных было основным источником получения мясных и молочных продуктов питания. Первое место занимал КРС, второе – МРС (а именно овца), третье – лошадь. Из 42-х особей МРС выявлено 11 особей коз, что свидетельствует о значительном развитии козоводства. КРС на поселении содержался в первую очередь для получения мяса и молочных продуктов. Говорить об использовании КРС для тягловых работ в хозяйстве пока затруднительно. Забой основной их части приходится на холодное время года, в возрасте от 1,5 до 6-7 лет. Кости животных 8-9 лет встречаются крайне редко. Овец содержали с целью получения шерсти и мяса. Их забой носил сезонный характер, т. е. большинство животных утилизировали в конце весны и осени. Возраст МРС составлял к этому моменту от 2-х до 4-х лет. Лошадей использовали для транспортных целей и в небольшом количестве на мясо. Основная часть лошадей была забита в возрасте старше 5 лет. Несмотря на то, что в составе остеологической коллекции выявлено большое количество видов диких животных, обнаружено очень мало скелетных элементов: очевидно, охота не играла важной роли в жизни населения. Промысел птиц и рыболовство не были развиты.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Антитина Е.Е. Модели древнего скотоводства на Кавказе: археозоологические исследования на поселении Кабардинка-2 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2013. С. 126–141.
- 2 Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С. Результаты исследований археологического комплекса эпохи бронзы Тарангул на севере Орь-Илекской возвышенности в 2020 году // Кадырбаевские чтения–2020: м-лы VI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.Б. Уразова (г. Актюбе, 27–28 ноября 2020 г.). Актюбе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей. 2020. С. 7–22.
- 3 Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С., Искаков А.Ш. Результаты исследований поселения эпохи бронзы Тарангул в 2021 году (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения–2021. В 3-х. Т. 1 / Гл. ред. А. Онгарулы, отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 198–206.
- 4 Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С., Искаков А.Ш. К вопросу о месте археологического комплекса Тарангул в системе Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи палеометалла // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V Междунар. конгресса археологии евразийских степей / Гл. ред. А. Онгарулы, отв. ред.: Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). Т. 1. Алматы; Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. С. 119–125.
- 5 Байтлеу Д.А., Шагирбаев М.С. Анализ археозоологического материала поселения Тарангул (предварительные данные) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021. № 2 (12). С. 141–151.
- 6 Ерохин Н.Г., Бачура О.П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований: сб. науч. ст. / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Наука, 2011. С. 62–69.
- 7 Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.
- 8 Косинцев П.А., Бачура О.П. Костные остатки животных из поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Коллект. моногр. / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 363–387.
- 9 Рассадников А.Ю. Условия содержания домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по результатам анализа патологических изменений костной системы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 180–187.

- 10 *Рассадников А.Ю.* Результаты археозоологических исследований на поселениях Большая Березовая-2, Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 176–185.
- 11 *Рассадников А.Ю.* Животноводство у населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам поселений долин р. Карагайлы Аят и Гумбейка): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2019а. 238 с.
- 12 *Рассадников А.Ю.* Результаты археозоологических исследований на поселении бронзового века Коноплянка в Южном Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019б. Т. 47, № 2. С. 33–39.
- 13 *Рассадников А.Ю.* Археозоологические свидетельства рабочей эксплуатации крупного рогатого скота в бронзовом веке Южного Зауралья // *Stratum plus*. 2021. № 2. С. 85–98.
- 14 *Ткачев В.В., Косинцев П.А., Бачура О.П., Байтлеу Д.А.* Модель скотоводческого хозяйства населения позднего бронзового века с горно-металлургической производственной специализацией в Южных Мугалжарах (Западный Казахстан) // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 377–395.
- 15 *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 279 с.
- 16 *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1961. Т. 66. Вып. 5. С. 115–132.
- 17 *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1960. Т. 65. Вып. 1. С. 109–126.
- 18 *Ankushева P.S., Rassadnikov A. Yu., Ankushev M.N., Bachura O.P., Chechushkov I.V., Kiseleva D.V., Zazovskaya E.P., Epimakhov A.V.* Meat Supply of Alakul Miners at the Bronze Age Vorovskaya Yama Copper Mine (Southern Trans-Urals) // *Environmental Archaeology*. 2024.
- 19 *Barbosa, J., Lima, D., Belo-Reis, A., Pinheiro, C., Sousa, M., Silva, J., Salvarani, F., Oliveira C.* Degenerative joint disease in cattle and buffaloes in the Amazon region: a retrospective study // *Pesquisa Veterinária Brasileira*. 2014. 34 (9). Pp. 845–850.
- 20 *Behrensmeyer A.* Taphonomic and ecologic information from bone weathering // *Paleobiology*. 1978. Vol. 4. Iss. 2. Pp. 150–162
- 21 *Silver I.A.* The Ageing of Domestic Animals // *Science in Archaeology*. Basic books, Inc., Publishers. New York, 1969. Pp. 250–268.
- 22 *Teichert M.* Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Schafen // *Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974)*. Amsterdam (North Holland) & New York (American Elsevier). Pp. 51–69.
- 23 *Von Den Driesch A.* A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Harvard University. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Peabody Museum bulletin. 1976. Vol. 1. Pp. 68–101.
- 24 *Zeder M.A., Lapham H.A.* Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, *Capra* // *JAS*. 2010. Vol. 37. Iss. 11. Pp. 2887–2905.
- 25 *Zeder M.A., Ptilaar S.E.* Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, *Capra* // *JAS*. 2010. Vol. 37. Iss. 2. Pp. 225–242.

REFERENCES

- 1 Antipina, E. E. 2013. In: Chernykh, E.N., Zavyalov, V.I. (eds). *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical studies of the Laboratory of Natural Science methods)*. Vol. 3. Moscow: Institute of Archaeology of the RAS, 126–142 (in Russian).
- 3 Baitileu, D.A., Kalieva, Z. S. 2020. In: Urazova, A. B. (ed). *Kadyrbaevskie chteniya–2020 (Kadyrbaev Readings–2020)*. Aktobe: Aktobe regional museum of local history, 7–22 (in Russian).
- 4 Baitileu, D.A., Kalieva, Z. S., Iskakov, A. S. 2021. In: Onggaruly, A. et al. (ed). *Margulanovskiy chteniya–2021 (Margulan Readings–2021)*. Volume 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 198–206 (in Russian).
- 2 Baitileu, D. A., Kalieva, Z. S., Iskakov A. S. 2022. In: Onggaruly, A. et al. (eds.). *Evrasiiskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Vol. 1. Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 119–125 (in Russian).
- 5 Baitileu, D. A., Shagirbayev, M. S. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 141–151 (in Russian).

- 6 Yerokhin, N. G., Bachura, O. P. 2011. In: Tataurova, L. V. (ed.). *Metodika mezhdistsiplinarnykh arkeologicheskikh issledovaniy (Methods of interdisciplinary archaeological research)*. Omsk: “Nauka” Publ., 62-69 (in Russian).
- 7 Klevezal, G. A. 1988. *Registritruiyushchiye struktury mlekopitayushchikh v zoologicheskikh issledovaniyakh (Recording structures of mammals in zoological research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 8 Kosintsev, P. A., Bachura, O. P. 2013. In: Vinogradov, N. B. (ed.). *Drevnne Uste: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaurale (The Ancient Uste: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: “Abris” Publ., 363–387 (in Russian).
- 9 Rassadnikov, A. Y. 2016. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 4 (35), 180–187 (in Russian).
- 10 Rassadnikov, A. Y. 2017. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 3 (38), 176–185 (in Russian).
- 11 Rassadnikov, A. Y. 2019a. In: *Zhivotnovodstvo u naseleniya Yuzhnogo Zauralya v epohu bronzy (po materialam poselenii dolin r. Karagaily Ayat i Gumbeika) (Animal husbandry among the population of the southern Trans-Urals in the Bronze Age (based on the materials of settlements in the valley of the Karagaily Ayat and Gumbeyka rivers): Cand. Diss. Thesis)*. Ekaterinburg, 328 p. (in Russian).
- 12 Rassadnikov, A. Y. 2019b. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)*, 47/2, 33–39 (in Russian).
- 13 Rassadnikov, A. Y. 2021. In: *Stratum plus*, 2, 85–98. (in Russian).
- 14 Tkachev, V. V., Kosintsev, P. A., Bachura, O. P., Baitileu, D. A. 2023. In: *Ufimskii arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)*, 23/2, 377–395 (in Russian).
- 15 Tsalkin, V. I. 1970. *Drevneishie domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy (The oldest pet of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 16 Tsalkin, V. I. 1961. In: *Byulleten Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologiya (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)*, 66/5, 115–132 (in Russian).
- 17 Tsalkin, V. I. 1960. In: *Byulleten Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologiya (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)*, 65/1, 109–126 (in Russian).
- 18 Ankusheva, P. S., Rassadnikov, A. Y., Ankushev, M. N., Bachura, O. P., Chechushkov, I. V., Kiseleva, D. V., Zazovskaya, E. P., Epimakhov, A. V. 2024. In: *Environmental Archaeology* (05 Mar 2024) (in English).
- 19 Barbosa, J., Lima, D., Belo-Reis, A., Pinheiro, C., Sousa, M., Silva, J., Salvarani, F., Oliveira C. 2014. In: *Pesquisa Veterinária Brasileira (Brazilian Veterinary Research)*, 34 (9). 845–850 (in English).
- 20 Behrensmeyer, A. 1978. In: *Paleobiology*, 4/2, 150–162 (in English).
- 21 Silver, I. A. 1969. In: *Science in Archaeology*. Basic books, Inc., Publishers. New York, 250–268 (in English).
- 22 Teichert, M. 1974. In: *Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974)*. Amsterdam (North Holland) & New York (American Elsevier), 51–69 (in German).
- 23 Driesch, A. V. 1976. In: *Preabody Museum of Archaeology and Ethnology*. Harvard University, Bulletin 1 (in English).
- 24 Zeder, M. A., Lapham, H. A. 2010. In: *JAS*, vol. 37, iss. 11, 2887–2905 (in English).
- 25 Zeder, M. A., Pilaar, S. E. 2010. In: *JAS*, vol. 37, iss. 2, 225–242 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 20.08.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.225.243>

Керамические тандыры (VIII–XV вв.) Нижней и Средней Сырдарьи: технология и классификация

© 2024 г. Амиргалина Г.Т., Билалов С.У.

Keywords: archaeology, Syrdarya region, Middle Ages, ceramic tandyr, Jankent, Sortobe 1, Karatobe, Otrar

Түйін сөздер: археология, Сырдария алқабы, орта ғасыр, керамикалық тандырлар, Жанкент, Сортобе 1, Қаратөбе, Отырар

Ключевые слова: археология, Сырдарьинский регион, Средневековье, керамические тандыры, Джанкент, Сортобе 1, Каратобе, Отрап

Gulmira Amirgalina^{1,2*} and Seidaly Bilalov²

¹Doctoral student, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany;

^{2*}Corresponding author, Researcher, Kyzylorda University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-4639-731X](https://orcid.org/0000-0002-4639-731X) E-mail: amirgalina81@mail.ru

²Head of the Scientific Center for Archaeology and Ethnography, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-0282-4842](https://orcid.org/0000-0002-0282-4842) E-mail: seidaly.bilalov@mail.ru

Ceramic tandyr (8th–15th centuries) of the Lower and Middle Syrdarya: technology and classification

Tandyr are unique ceramic artifacts that consist of a simple design and have historically played a significant role in the lives of various peoples inhabiting Asia. Even today, they hold a special place in the cultures of Asian nations for preparing various dishes and are also used for heating rooms. It can be confidently stated that tandyr are a cultural treasure and shared heritage of many Asian peoples. In Central Asia and Kazakhstan, the origins of these ovens date back to ancient times, as confirmed by archaeological data. A general overview of archaeological research on medieval fortresses, settlements, and cities in Southern Kazakhstan reveals that extensive information about tandyr has been collected to date. The volume of available material allows for the examination of the characteristics of these ceramic ovens. This study reviews several archaeological sites along the Lower and Middle Syrdarya (Zhankent, Sortobe 1, Karatobe, Otrar) where tandyr have been found. The materials from the examined sites showcase the diversity of tandyr types, explore their technological features, and define their functional significance, role, and place in the lives of medieval society.

Source of financing: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN project AR19678131.

For citation: Amirgalina, G., Bilalov, S. 2024. Ceramic tandyr (8th–15th centuries) of the Lower and Middle Syrdarya: technology and classification. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 225–243 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.3.25.225.243](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.225.243)

Гүлмира Темірболатқызы Әмірғалина^{1,2*},
Сейдалі Әміртайұлы Біләлов²

¹докторант, Эберхард және Карл Тюбинген университеті, Тюбинген, Германия;

^{2*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер, Қорқыт ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

Гүльмира Темирболатовна Амиргалина^{1,2*},
Сейдали Умиртаевич Билалов²

¹докторант, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла, Тюбинген, Германия;

^{2*}автор-корреспондент, научный сотрудник, Кызылординский университета им. КORKYT АТА, Кызылорда, Казахстан

² Археология және этнография ғылыми орталығының жетекшісі, Қорқыт ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

Сырдарияның төменгі және орта ағысындағы керамикалық тандырлар (VIII–XV ғғ.): технологиясы мен классификациясы

Тандырлар – Азияны мекендеген түрлі халықтардың өмірінде ежелгі заманнан маңызды рөл атқарған қарапайым құрылғы, бірегей керамикалық бұйым. Олар бүгінгі күннің өзінде тұрғынжайды жылыту жүйесінде қолданылумен қатар әртүрлі тағамдар дайындауда азия халықтары мәдениетінде ерекше орын алады. Тандырды көптеген Азия халықтарының ортақ мәдени мұрасы және мақтанышы деп нық сеніммен айта аламыз. Орта Азия мен Қазақстанда бұл ерекше бұйым сонау бағзы заманда пайда болған, оны археологиялық деректер айғақтап отыр. Оңтүстік Қазақстандағы ортағасырлық бекіністерге, елді мекендер мен қалаларға жүргізілген археологиялық зерттеулерді жалпы шолу қазіргі уақытта тандырлар туралы айтарлықтай мол мағлұматтың жинақталғанын көрсетеді. Жинақталған материалдардың көлемі сөз болып отырған керамикалық пештердің ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді. Жүргізілген зерттеу аясында Сырдарияның төменгі және орта ағысындағы тандырлар табылған (Жанкент, Сортөбе 1, Қаратөбе, Отырар) кейбір археологиялық ескерткіштерден алынған мәліметтерге шолу жасалды. Аталған ескерткіш материалдарында тандырлардың түр-түрі қарастырылды, сонымен бірге олардың технологиялық ерекшеліктері зерттеліп, функционалдық маңызы, ортағасырлық қоғам өміріндегі рөлі мен орны анықталды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР19678131 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Әмірғалина Г.Т., Біләлов С.Ө. Сырдарияның төменгі және орта ағысындағы керамикалық тандырлар (VIII–XV ғғ.): технологиясы мен классификациясы. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 225–243-бб. (Орысша).
[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.225.243](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.225.243)

²руководитель Научного центра археологии и этнографии, Кызылординский университет им. Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

**Керамические тандыры (VIII–XV вв.)
Нижней и Средней Сырдарьи:
технология и классификация**

Тандыры – уникальные керамические изделия, представляющие собой простое устройство и издревле игравшие важнейшее значение в жизни разных народов, населявших Азию. Они и сегодня занимают особое место в культуре азиатских народов при приготовлении различных блюд, вместе с тем используются и в системе обогрева помещений. С уверенностью можно сказать, что тандыры являются достоянием и общим культурным наследием многих народов Азии. В Средней Азии и в Казахстане время появления этих печей уходит в далёкое прошлое, что подтверждается археологическими данными. Общий обзор археологических исследований средневековых крепостей, поселений и городов Южного Казахстана показывает, что к настоящему времени получена довольно обширная информация о тандырах. Объём имеющегося материала позволяет проследить особенности этих керамических печей. В рамках настоящего исследования проведён обзор некоторых археологических памятников Нижней и Средней Сырдарьи (Жанкент, Сортөбе 1, Каратөбе, Отрар), в которых обнаружены тандыры. В материалах рассмотренных памятников прослежено видовое разнообразие тандыров, изучены их технологические особенности, а также определено функциональное значение, их роль и место в жизни средневекового общества.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта АР19678131.

Для цитирования: Амиргалина Г.Т., Билалов С.У. Керамические тандыры (VIII–XV вв.) Нижней и Средней Сырдарьи: технология и классификация. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 225–243.
[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.225.243](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.225.243)

1 Введение (Амиргалина Г.Т., Билалов С.У.)

Наиболее общеизвестным является определение тандыра как очага или печи для обогрева помещения и приготовления пищи. Генезис изделия как такового сегодня точно не определён, но этимология и многообразие вариантов написания этого слова (в Казахстане и Узбекистане – тандыр, в Таджикистане – танур, в Грузии – тоне, в Турции – тандир, в Пакистане – тандури, в Индии

– тандур и т.д.) однозначно свидетельствуют о его азиатских корнях. По мнению турецких исследователей, слово «tannūr» (тануру) имеет аккадское происхождение, а персидское слово tanūr (تنور) или арабское – tannūr (تندور) обозначают исключительно «глиняные печи особой формы» [Aylin Erdem 2013: 112].

Общеизвестно, что тандыр широко используется как глиняная печь для выпечки различных сортов хлеба и других блюд, а география его распространения весьма широка. Он используется во многих странах Средней, Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Малой Азии и встречается в Европе и на Американском континенте. Но всё же вопросы о том, когда и где впервые появился тандыр, были ли первые тандыры печами для обогрева помещения или же были изобретены целенаправленно для выпечки хлеба, какую форму имели первые тандыры и какое сходство и различие имеют современные тандыры с их предшественниками пока не ясны. Безусловно, найти однозначные ответы на все эти вопросы не представляется возможным, поэтому в рамках данного исследования мы не ставим такой цели, а попытаемся, в контексте археологических исследований, проследить распространённость тандыров в средневековый период в районах Нижней и Средней Сырдарьи.

В археологических памятниках Казахстана тандыры являются часто встречающимися находками, однако как специальный объект они мало исследовались. Зачастую при изучении средневековых городов и поселений тандырам уделяется незначительное внимание, они упоминаются лишь вскользь. Более частое упоминание о них и даже специальное описание им приводит в ряде своих публикаций Е.А. Смагулов [Смагулов 2010а; 2010б], который определил тандыры как специально изготовленные универсальные керамические печи [Смагулов 2010а: 70]. Однако имеющиеся сведения о тандырах или тандырных очагах в казахстанской археологии пока не систематизированы. Нет общей картины распространения этих изделий в археологических памятниках, нет конкретных данных о времени их появления на территории Казахстана.

В данном исследовании проведена систематизация и классификация определённого материала о тандырах, исходя из опыта археологических исследований ряда средневековых городищ Казахстана. Вместе с тем, следует учитывать и важность рассмотрения тандыров в сопоставлении с другими среднеазиатскими данными. Хронологические рамки исследования – преимущественно эпоха раннего и развитого Средневековья с экскурсами в древность, в сочетании с незначительными этнографическими данными.

2 Материалы и методы исследования (Амирғалина Г.Т., Билалов С.У.)

2.1 Методы исследований

В контекст исследования входит археологический материал о тандырах из наиболее изученных средневековых городов Нижней и Средней Сырдарьи, среди которых Жанкент, Сортобе 1, Каратобе (комплекс Сауран) и Отрар. К данному исследованию привлечены полевые данные об очагах и тандырах, полученные авторами в ходе ряда археологических экспедиций на городищах Жанкент (2005–2024 гг.) и Сортобе 1 (2017–2019 гг.). Информация о тандырах городищ Каратобе и Отрара получена методом анализа ряда исследований [Акишев и др. 1972; Байпаков 1990; Байпаков, Смагулов 2005; Байпаков и др. 2013].

В процессе подготовки статьи проведён технологический анализ керамических тандыров с городищ Жанкент и Сортобе 1 по методике А.А. Бобринского [Бобринский 1978] с использованием наблюдений свежего излома черепка (с применением микроскопа Levenhuk LCD700). Сделан морфологический анализ изделий по классификационной системе Г.В. Шишкиной и С.Б. Болелова [Шишкина, Болелов 2010].

2.2 Материалы исследований

Тандыры городища Жанкент

Одним из археологически наиболее изученных Сырдарьинских городов является Жанкент, расположенный в низовьях р. Сырдарья (Казалинский р-н, Кызылординская обл.) и известный по средневековым арабским и персидским источникам как Янгикент – «Новое селение» – зимняя резиденция огузских правителей [МИТТ 1939].

Результаты раскопок городища Жанкент (Джанкента) (за период с 2005 г. по наст. вр.), проводимых на таких объектах, как цитадель (Раскоп 2), жилая усадьба (Раскоп 1), участок на южном участке Т-образного расширения внешней оборонительной стены городища (Раскоп 5) и участок у восточных въездных ворот (Раскоп 7), показали характер архитектурного строения памятника [Аржанцева и др. 2009; 2010; Зиливинская 2013; Тажекеев и др. 2020b; Биалов и др. 2021]. Особенности строения жилых комплексов чётко прослеживаются на Раскопе 1. Здесь общая площадь раскопа, по результатам исследований на 2021 год, составила более 1200 м² [Биалов и др. 2021: 142]. Объём вскрытой площади пока не позволяет представить полную картину раскопанной усадьбы, однако характер строений и внутренней архитектуры раскопанной части уже ясен. К настоящему времени на Раскопе 1 зафиксировано более 20 отдельных «домовладений» или жилых секторов. В них выявлено 72 помещения разной площади. Каждый жилой сектор включает в себя одно центральное жилое помещение в форме квадрата, по периметру которого размещена суфа П- или Г-образной формы. В помещениях по центру прослеживается один открытый прямоугольной формы очаг с приставленной к нему керамической подставкой с протомами барана. Полы помещений, в основном, залиты глиной. Также встречаются помещения с полом, выложенным сырцовым кирпичом размерами 25×25×5 см. Размеры центральных помещений обычно не превышают 15–17 м². Вход в «домовладение», в зависимости от расположения квартала, может находиться с любой стороны света [Биалов и др. 2021]. Справа или слева от входа в центральное помещение практически всегда присутствует керамический тандыр.

Тандыры, обнаруженные при раскопках городища Жанкент, составляют довольно большую коллекцию. Целые тандыры или их фрагменты обнаружены на уровне первого и второго строительного горизонтов жилой усадьбы от уровня -60 см до -210–250 см от основного репера. Здесь они фиксируются практически во всех жилых помещениях. Характер обнаруженных тандыров в этих помещениях разный. В верхнем строительном горизонте в помещениях № 1, 2, 5, 6, 13, 57 тандыры обнаружены *in situ* – приставленными ближе к стене (рис. 1)* (*Все снимки авторов) или к суфе, обложенными сырцовым кирпичом или крупными фрагментами разбитых хумов и крупных амфоровидных кувшинов (рис. 2). Кроме того, в помещениях обнаружены развалы тандыров (рис. 3) или их отдельные фрагменты. Так, в одном из помещений Раскопа 1 у северной стены ближе к очагу был обнаружен развал переносного тандыра, внутри которого чётко фиксировались крупные фрагменты древесных угольков (рис. 4; 5).

На Раскопе 2, преимущественно на участке стыка стены цитадели с внешней оборонительной стеной, фрагменты тандыров также являются частой находкой, фиксируясь от верхнего уровня до отметки -500 см от основного репера. Небольшое количество фрагментов тандыров обнаружено на Раскопах 5 и 7.

В качестве примера установки тандыров в контексте интерьера помещения считаем необходимым несколько подробнее остановиться на моментах их фиксации в ходе археологических раскопок некоторых жилых помещений. При раскопках жилого помещения № 6 в усадьбе (Раскоп 1) *in situ* обнаружен тандыр. Он был пристроен к восточной стене помещения ближе к её южному концу. Для его установки была сделана загородка из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Внутри загородки тандыр по всему периметру был обложен крупными обломками лепного керамического

Рис. 1. Городище Жанкент. Раскоп 1. Верхняя часть тандыра в заполнении помещения 1-сур. Жанкент қаласы. №1 қазба. Бөлме үйіндісіндегі тандырдың жоғарғы бөлігі
Fig. 1. Zhankent Settlement. Excavation 1. The upper part of the tandyr in room filling

Рис. 2. Городище Жанкент. Раскоп 2. Тандыр, пристроенный к краю суфы 2-сур. Жанкент қаласы. №2 қазба. Суфа шетіне орнатылған тандыр
Fig. 2. Zhankent Settlement. Excavation 2. Tandyr attached to the edge of the sufa

Рис. 3. Городище Жанкент. Раскоп 1. Переносной тандыр в углу помещения 3-сур. Жанкент қаласы. №1 қазба. Бөлме бұрышынан табылған жылжымалы тандыр
Fig. 3. Zhankent Settlement. Excavation 1. Portable tandyr in the corner of the room

Рис. 4. Городище Жанкент. Раскоп 1. Развал переносного тандыра с обугленной древесиной на дне 4-сур. Жанкент қаласы. №1 қазба. Түбінде ағаш күлі сақталған жылжымалы тандыр қалдықтары
Fig. 4. Zhankent Settlement. Excavation 1. The collapse of a portable tandyr with charred wood on the bottom

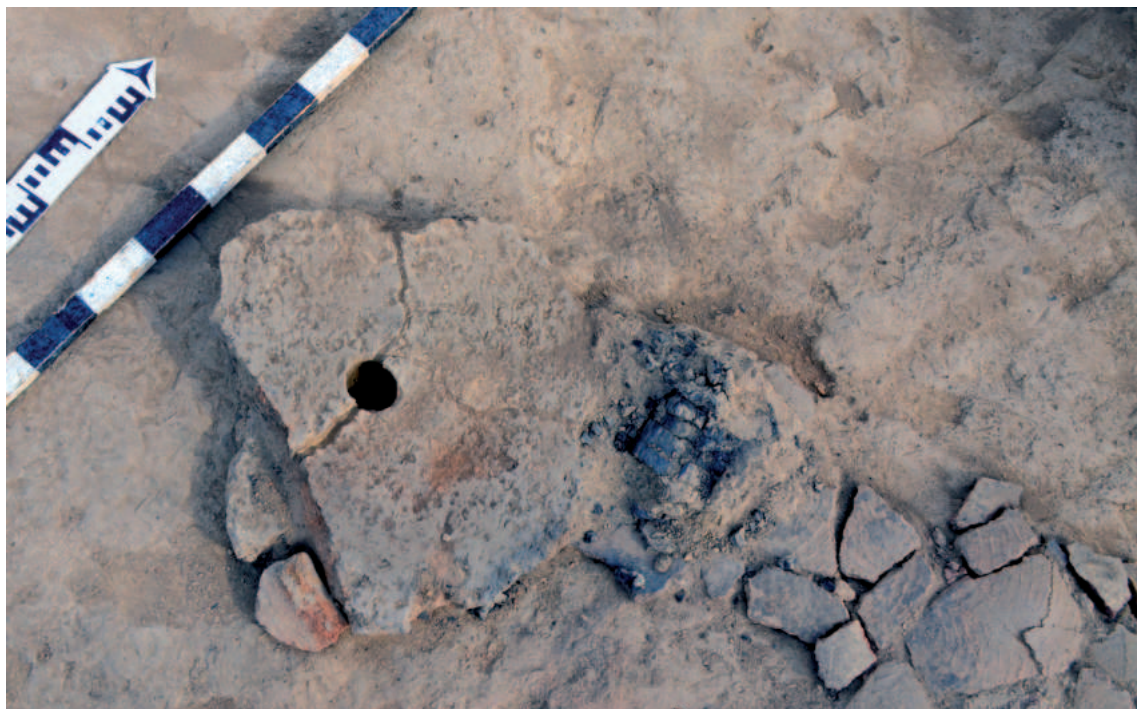

Рис. 5. Городище Жанкент. Раскоп 1. Дно переносного тандыра с обугленной древесиной.
Рядом – остатки ручного жернова
5-сур. Жанкент қаласы. №1 қазба. Ағаш күлінің қалдықтары сақталған жылжымалы тандырдың түбі.
Жанында – қол диірменінің қалдықтары
Fig. 5. Zhankent Settlement. Excavation 1. The bottom of a portable tandyr with charred wood.
Nearby is a hand millstone

хума [Аржанцева и др. 2010: 25-26, 110, рис. 77]. Сам тандыр представлял собой крупный лепной керамический сосуд цилиндрической формы, край устья был утерян. Максимальный диаметр ёмкости – более 55 см, сохранившаяся высота – 48 см. Изделие имело рыхлую структуру, в составе формовочной массы прослеживалась ожелезнённая глина с примесью большого количества шамота. Внешняя поверхность тандыра декорирован разводами, нанесёнными пальцами или арочным орнаментом. С западной стороны у донной части тандыра было сделано отверстие диаметром около 10 см, от которого отходила небольшая керамическая трубка, изготовленная на гончарном круге, служившая поддувалом. Диаметр трубки варьировал от 10 до 12 см, длина до 8 см. Внутренняя часть тандыра была заполнена землёй вперемежку с золой.

В соседнем помещении № 5 в его северо-западном углу было зафиксировано два крупных керамических сосуда [Аржанцева и др. 2010: 22, 108, рис. 73]. Эти изделия по своим технологическим характеристикам весьма схожи с тандырами яйцевидных форм, часто встречаемых фрагментарно на городище Жанкент. Такие сосуды – ручной лепки с рыхлой структурой черепка, на внешней и внутренней поверхности которых часто прослеживается сажа. Возможно, данные изделия по функциональному значению были изготовлены как переносные тандыры.

В полевом сезоне 2019 года на Раскопе 1, в целях выявления стратиграфических особенностей комплекса, в одном из помещений был заложен шурф. В него вошёл фрагмент стены жилого помещения длиной 460 см. Верхние 17-18 рядов кирпичной кладки высотой около 130 см являются восточной стеной в верхнем строительном горизонте, датируемом IX–XI веками. Здесь фиксировался фрагмент суфы, а в восточном углу ближе к суфе на отметке -190 см от условного репера

прослеживался тандыр диаметром 45–50 см (рис. 6). Он представлял собой керамический сосуд с толщиной стенок 2,0–3,5 см, с сохранившейся высотой в 25–30 см. В придонной части тандыра фиксировалась керамическая труба (диаметром 12–15 см) с небольшим сужением у одного края. Тандыр и суфа, вскрытые на данном участке, относятся к верхнему строительному горизонту. Тандыр «перерезал» нижний строительный горизонт, толщина которого около 0,5 м [Тажекеев и др. 2020b: 413].

Если перейти к более детальной характеристике тандыров городища Жанкент, то нужно отметить, что они имеют следующие технологические и морфологические данные. Это крупные керамические ёмкости с наличием нагара во внутренней донной части изделия, сформованы ручной лепкой, скорее всего отдельными частями. Сечения черепков утолщены (1,5–2,7 см и более). В составе формовочной массы прослеживается высокожелезистая глина с примесью крупных фракций шамота, в соотношении 1:1. Обжиг изделий неравномерный. В сечении и на поверхности черепков зачастую прослеживается разность цветов – от кирпично-красного до серого. Внутренние стенки тандыров зачастую гладкие, резные борозды на них не прослеживаются, за исключением одного случая нахождения нескольких фрагментов стенок с резными вертикальными линиями в чередовании с вертикальными волнами. Внешняя поверхность тандыров в большинстве случаев имеет обмазку из сырой глины, поверх которой нанесён пальцевой орнамент в виде арок или вовсе хаотичных разводов (рис. 7). На внешних фрагментах дна прослеживаются отпечатки грубого текстиля, что свидетельствует об их формовке на каком-то грубом холсте (рис. 8).

По морфологическим признакам тандыры Жанкента это, прежде всего, крупные ёмкости яйцевидной или цилиндрической форм. Однако цилиндрическая форма указывается условно – верхняя часть у этих изделий чаще утеряна, а линии изгиба плавно сужаются к устью. Венчики тандыров, в данном случае мы имеем ввиду передвижные тандыры, чётко выделены. Дно тандыров, если оно фиксируется, всегда плоское.

В оформлении венчиков у тандыров городища Жанкент прослеживается несколько вариантов. Первый – край венчика утолщён и выгнут наружу, овальный или подпрямоугольный в сечении. Поверх валика имеются косые насечки или пальцевые зацепы. Второй вариант – край венчика

Рис. 6. Городище Жанкент. Раскоп 1, шурф.
Тандыр, встроенный в стену
6-сур. Жанкент қаласы, №1 қазба, шурф.
Қабырғаға кіріктіріліп орнатылған тандыр
Fig. 6. Zhankent Settlement. Excavation 1.
Tandyr built into the wall

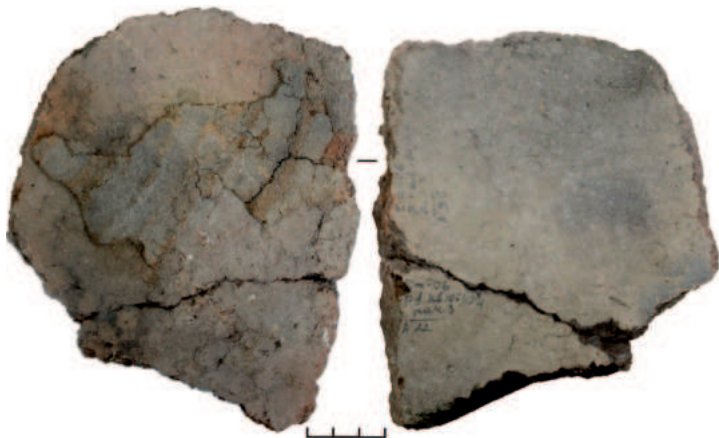

Рис. 7. Городище Жанкент.
Фрагмент черепка тандыра с обмазкой из сырой глины
7-сур. Жанкент қаласы.
Сыртқы беті шікі саз балшықпен сыланған тандырдың бөлшегі
Fig. 7. Zhankent Settlement.
Fragment of a tandyra shard with a coating of raw clay

утолщён, а с внешней стороны имеется валик, профилированный желобком. В третьем варианте – край устья утолщён и резко отогнут наружу. Надо отметить, что в целом эти керамические ёмкости внешне очень напоминают кухонные горшки, найденные на городище, с той разницей, что тандыры более крупных размеров. Высота их составляет от 60 см до 1 м, диаметр по венчику 25–30 см, наиболее расширенной части тулова – около 45–60 см, диаметр дна более 26–28 см.

Таким образом, на примере тандыров из помещений жилой усадьбы Жанкента, зафиксированных в их первоначальном положении, прослеживаются три способа их установки в жилых секциях – пристроенные к стене, к суфе и переносные тандыры.

Тандыры городища Сортобе 1

Большое количество фрагментов керамических тандыров выявлено на раннесредневековом городище Сортобе 1 (Кармакшинский р-н, Кызылординская обл.). Памятник расположен на одном из изгибов р. Сырдарьи, и состояние его на сегодня аварийное [Тажекеев и др. 2019; 2020а; Билалов и др. 2020].

В ходе непродолжительных археологических исследований городища Сортобе 1 были частично изучены такие объекты, как разрез южной стены городища (Раскоп 1) и жилая усадьба, датируемая VIII–X вв. (Раскоп 2). Преимущественно в жилых помещениях данных раскопов были обнаружены тандыры, в одних случаях вмонтированные в суфу (рис. 9), в других – пристроенные к стене и установленные в тумбу (рис. 10, 1-2) [Отчет 2018: 13–17].

Например, в помещении № 1 Раскопа 1 зафиксирована пристроенная к восточной стене узкая суфа. В юго-восточном углу в неё был вмонтирован тандыр, обложенный сырцовыми кирпичами. Диаметр тандыра 57 см, высота сохранилась на 50–55 см, толщина стенок 2,0–2,5 см. С северной стороны тандыра в его нижней части проделано отверстие диаметром 7–9 см.

В этом же помещении в ходе углубления было зафиксировано, что на уровне второго строительного горизонта в северо-восточном углу в стену из сырцовых кирпичей вмонтирован тандыр, облицованный с внешней стороны фрагментами керамических сосудов. Сохранившаяся высота тандыра 20–25 см, диаметр 56 см [Отчет... 2017: рис. 5, 7].

Кроме этого, на Раскопе 1 ближе к западному профилю, в помещении № 3 на глубине от -30 до -90 см от дневной поверхности *in situ* вскрыт почти целый керамический сосуд с утраченным устьем, который по характеристикам очень напоминает передвижной тандыр из городища Жанкент. По форме представляет собой крупный кухонный горшок вытянутой яйцевидной формы, с плоским дном. На плечиках в двух противоположных участках сохранились две вертикально наклепанные петлевидные ручки (рис. 11). Сосуд ручной лепки, с большим содержанием шамота в составе формовочной массы, некачественного обжига. Внешняя поверхность тандыра имеет дополнительную глиняную обмазку, поверх которой нанесён арочный орнамент. Внутри изделие заполнено золи-

стым грунтом. Стенки изнутри сосуда без орнамента. Сохранившаяся высота тандыра около 1 м. Диаметр горловины сосуда – 38 см, диаметр по максимально широкой части тулова – 58 см, диаметр дна – 25 см. Вероятно, передвижные тандыры из городища Жанкент, фиксирующиеся практически во всех жилых помещениях, имели такие же формы. Есть случаи фиксации развалов керамических сосудов в нежилых помещениях, определённых как хумы [Зиливинская 2013: 30–35], которые, возможно, могут быть и тандырами, так как по технологическим характеристикам они полностью соответствуют им.

На Раскопе 2 городища Сортобе 1 в жилых помещениях первого строительного горизонта до уровня 1 м также повсеместно фиксировались фрагменты тандыров. Ниже, на уровне второго строительного горизонта, в одном из помещений (помещение № 7) обнаружен тандыр, вмонтированный в стену. В связи с тем, что этот строительный горизонт был разрушен верхним строительным уровнем, тандыр был разрушен и сохранилась лишь его придонная часть [Отчет 2017].

Тандыры городища Каратобе (комплекс городища Сауран)

На раннесредневековом городище Каратобе тандыры встречаются практически в каждом жилом помещении [Смагулов 2010b: 318]. Памятник входит в комплекс средневекового городища Сауран на Средней Сырдарье (Туркестанская обл.) и находится в 3 км к югу от него. Городище Каратобе является остатком древнего домонгольского Саурана, который в XIII веке переместился к северу [Байпаков, Смагулов 2005; Смагулов 2010b: 8–11].

В результате археологических раскопок в южной части цитадели в верхнем строительном горизонте (XII–XIII вв.) были выявлены жилые массивы, состоящие из одно-трёхкомнатных домов во всех из которых фиксировались суфы с тандырами и напольными центральными очагами [Смагулов 2010b: 13]. В жилых помещениях домов у стен [Смагулов 2010b: 87] или вмазанными в суфы располагались тандыры, высота которых соответствует суфам, диаметр колеблется от 45 до 60 см [Смагулов 2010b: 83, 86]. Интересно, что в одной из улиц между жилыми массивами были зафиксированы тандыры, которые по определению исследователей могли быть предназначены для торговли или хозяйственных нужд [Смагулов 2010b: 84]. На внутренних стенках всех этих тандыров прослеживаются борозды, составляющие различную орнаментальную композицию [Смагулов 2010b: 88-89, 117]. Рядом с тандырами зачастую обнаруживались массивные тандырные крышки [Смагулов 2010b: 116]. Они имели рыхлые черепки с примесью шамота и покрытые толстым слоем красного или коричневого ангоба. В большинстве случаев тандырные крышки были инкрустированы мелкими фрагментами от глазурованной посуды [Смагулов 2010 b: 348-349].

Следует отметить присутствие в некоторых жилых помещениях более крупных тандыров, у которых отверстия подувала располагались у края суфы. В последнюю очередь была вертикаль-

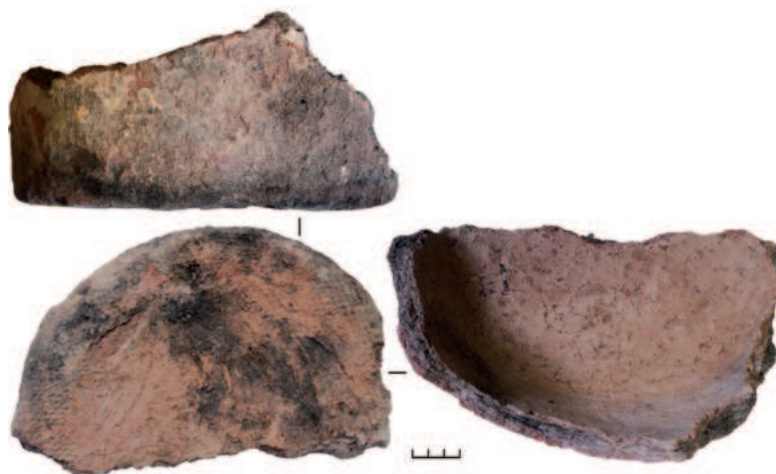

Рис. 8. Городище Жанкент. Фрагмент дна тандыра с обмазкой из сырой глины и отпечатками грубого текстиля

8-сур. Жанкент қаласы. Сыртқы беті шикі саз балшықпен сыланған және қатқыл матаның ізі бар тандыр түбінің бөлшегі

Fig. 8. Zhankent Settlement. Fragment of the bottom of a tandyra with a coating of raw clay and imprints of coarse textiles

Рис. 9. Городище Сортобе 1. Раскоп 1. Тандыр, встроенный в край суфы 9-сур. Сортобе 1 қаласы. №1 қазба. Суфаның шетіне орнатылған тандыр
Fig. 9. Sortobe 1 Settlement. Excavation 1. Tandyr built into the edge of the sufa

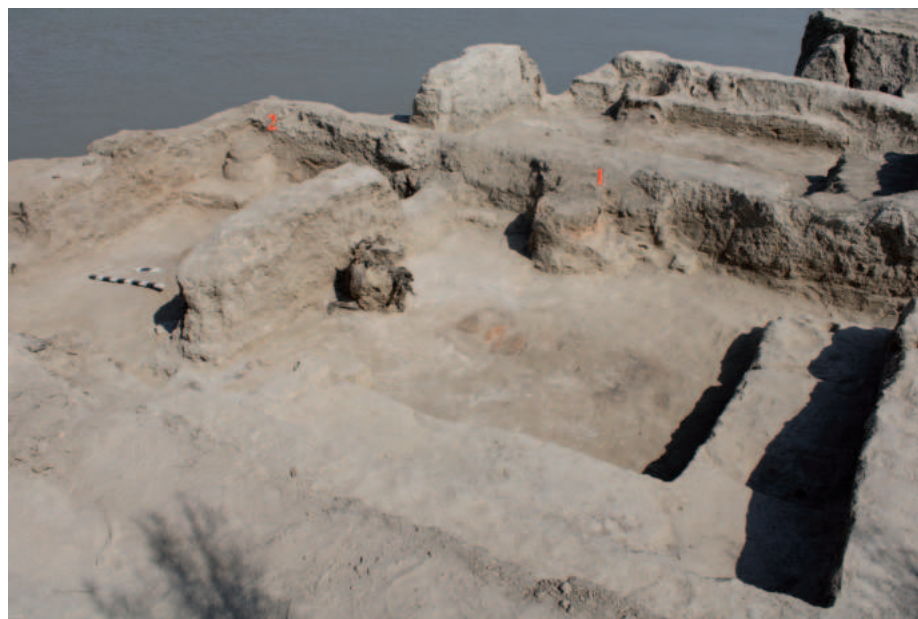

Рис. 10. Городище Сортобе 1. Раскоп 1. Тандыры: 1 – пристроенный к стене;
2 – встроенный в тумбу в углу помещения
10-сур. Сортобе 1 қаласы. №1 қазба. Тандырлар: 1 – қабырғаға бекітілген;
2 – бөлменің бұрышындағы тіреуге орнатылған
Fig. 10. Sortobe 1 Settlement. Excavation 1. Tandyrs: 1 – attached to the wall;
2 – built into a cabinet in the corner of the room

но вмазана керамическая плита с круглым отверстием диаметром 11 см. Диаметры по основанию таких относительно крупных изделий составляют около 85 см, сохранившаяся их высота около 70 см [Смагулов 2010b: 94–96]. Подобные керамические плитки фиксируются и в позднесредневековых жилых домах Отрара, причём в достаточно состоятельных домах, как отмечают исследователи [Байпаков 1990: 98]. Вместе с тем есть случаи, когда вместо плиты была сделана её имитация из обломков крупной тандырной крышки [Смагулов 2010b: 98]. В нижних строительных горизонтах (втором, третьем и четвёртом) характер устройства тандыров сохраняется, с той лишь разницей, что тандыры четвертого строительного горизонта (датируемые VII-VIII вв.) зачастую встраиваются в глинобитной тумбе без поддувала, а на поверхности их внутренних стенок не прослеживается резной узор [Смагулов 2010b: 111].

Интересной находкой является керамический штамп, обнаруженный во внутренней части тандыра при его расчистке, который, возможно, по определению авторов раскопа мог быть предназначен для украшения хлебных лепешек [Смагулов 2010b: 126].

Кроме археологических исследований на городище Каратобе, раскопки проводились и в окрестностях памятника, где фиксировались синхронные жилые комплексы. Так, в ходе изучения одного из них было выявлено жилое сооружение с помещениями, в которых вдоль стен размещались суфы со встроенными в них тандырами [Зиливинская 2020: 393]. В одном из данных помещений жилой усадьбы фиксировалась суфа у юго-восточной стены, а у юго-западной суфы был встроен тандыр диаметром 40–45 см и высотой 60 см. В северо-западной стенке, в нижней части, имеется круглое отверстие (поддувало) диаметром 10–12 см. Наружу отверстие не выходит. Дно тандыра прокалено. На внутренних стенках тандыра прослеживался орнамент или расчёсы (по определению авторов раскопок) в виде волнистых и прямых пучков линий, сделанных трёхзубцовой гребёнкой [Зиливинская, Ержигитова 2020: 392].

Рис. 11. Городище Сортөбе 1. Раскоп 1. Переносной тандыр 11-сур. Сортөбе 1 қаласы. №1 қазба. Жылжымалы тандыр
Fig. 11. Sortobe 1 Settlement. Excavation 1. Portable tandyr

Тандыры городища Отрар

На сегодняшний день городище Отрар является одним из наиболее изученных средневековых памятников на территории Казахстана. Многолетние археологические исследования городища Отрар, начатые ещё в 1971 г. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией, в рамках которой проводились исследования этноархеологического направления. Итогом таких исследований стало появление «ведущей формы жилища» на Отраре (XII–XV вв.) [Акишев и др. 1987: 100] или понятия «отрарский тип жилища» [Смагулов 2010а: 70]. Суть данного типа заключается в существовании традиционного архитектурного жилого комплекса, который был типичен для большинства домов позднесредневекового Отрара. Это так называемый анфиладный или осевой тип жилища, где два или три помещения, вытянутые в цепочку, соединены между собой проходами [Неразик 2013: 138]. Основной в этой цепочке было центральное помещение, в которой, как правило, присутствовала большая П- или Г-образная суфа, высота над полом которой составляла около или более полуметра, центр помещения был вымощен кирпичом (зачастую обожжённым), здесь же был организован ташнау [Акишев и др. 1972; 1987]. В этом же помещении располагался тандыр, положение которого в жилом помещении было вариативным.

Археологические раскопки Отрара позволили выявить здесь довольно мощный культурный слой из пяти строительных горизонтов, датируемых началом XIII по XVII век, наиболее археологически изученным из которых являются слои XV–XVI веков (5–3 строительные горизонты). Раскопки, проведённые на цитадели, в шахристане, рабаде, гончарных мастерских городища позволили обнаружить здесь весомое количество тандыров, имеющих, по всей видимости, одновременно несколько функций [Акишев и др. 1987].

Так тандыры в жилищах шахристана и цитадели из пятого строительного горизонта (XII – сер. XIII в.) наиболее часто вмазаны в край суфы или поставлены у стены и в обоих случаях недалеко от прохода (слева или справа). Встречаются случаи размещения тандыра у края суфы [Акишев и др. 1987: 36–37, 39–43]. Высота тандыров равнялась уровню суфы, это примерно 45–55 см. Их диаметры по устью колебались от 32 до 70 см. В нижней части тандыров зачастую фиксировалось поддувало, диаметром 10–16 см [Акишев и др. 1987: 36–37, 39–43].

Начиная со 2-й пол. XIV века в слоях четвёртого строительного горизонта в размещении тандыров прослеживаются новшества, проявляемые в том, что тандыры приобретают дымоходные каналы, подводимые к стене, в связи с чем они начинают устанавливаться в углах помещений. Однако способ размещения тандыра в суфе или у стены помещения также продолжает существовать. Есть случаи фиксации тандыров в глинобитной тумбе в одном из жилых помещений [Акишев и др. 1987: 58] или заглубленными в пол в одном из передних помещений [Акишев и др. 1987: 59].

Примечательно, что тандыры, зафиксированные исследователями в жилых помещениях шахристана и цитадели, а также в рабаде городища Отрар, несколько не имеют детального анализа, в то время как описанию тандыров в одной из мастерских в «квартале гончаров» уделено более детальное внимание. В комнате 3, прямоугольной в плане, площадью 14,7 кв. м в восточном углу имеется тандыр с дымоходом и площадкой ташнау. Тандыр диаметром по венчику 55 см, глубиной 40 см вмазан в суфу, которая занимала большую часть помещения. Внутренние стенки тандыра были покрыты узором из четырёх рядов прямых линий, чередующихся с четырьмя рядами зигзагообразных борозд (всего 5 ярусов). Топка, располагавшаяся в северной части тандыра, изнутри имела полуовальную форму, снаружи эта форма была прямоугольной. Высота её изнутри 25 см, ширина 16 см; с внешней стороны соответственно 25 и 14 см. Отверстие дымохода пробито в южной части тандыра. Дымоход длиной 1 м, шириной 15–16 см проложен в суфе и направлен под углом 30° в юго-восточный угол комнаты. Со всех сторон он обложен обломками жжёного кирпича, положенными плашмя, а сверху закрыт кирпичом [Акишев и др. 1987: 137].

В другом помещении (№ 4) тандыр диаметром 55 см, глубиной 40 см вмазан в суфу, торцы которой облицованы жжёным кирпичом. Стенки тандыра, также как и в предыдущем случае, изнутри были покрыты параллельными прямыми и волнистыми резными линиями. От тандыра к юго-восточному углу комнаты под углом идёт дымоходный канал, проложенный в суфе. Длина канала 1 м, ширина 13 см. Сверху он был обложен квадратными кирпичами размерами 25×25×5 см, поставленными на ребро и перекрыт также кирпичами. Канал в юго-восточном углу комнаты 4 выходит в стену вертикальным колодцем [Акишев и др. 1987: 138]. В тандыре и около дымохода, а также на дне ташнау, была собрана керамика, в основном неполивная, кухонная [Акишев и др. 1987: 139]. Это описание мы привели не случайно, так как здесь авторами исследования сделан акцент на внутренних стенках тандыров, где присутствовали вертикальные прямые и волнистые резные линии. Зачастую такие линии являются обязательным элементом, прослеживаемым на археологических тандырах, в то время как в этнографии они встречаются реже или вовсе отсутствуют. Вместе с тем следует упомянуть, что среди археологов всё же бытует версия о том, что при выпечке хлеба эти вертикальные борозды служили своего рода надёжными фиксаторами теста на вертикальных стенках тандыра [Агеева 1962: 204; Сенигова 1972: 85; Смагулов 2010а].

Таким образом, особенность планировки отрарского типа жилища состояла в том, что обязательным элементом в нём была жилая ячейка с обязательным наличием суфы и тандыра. По определению исследователей, в этом и заключалась уникальность отрарского домостроительства с системой отопления из тандыра с дымоходами в суфе и стене [Смагулов 2010б: 72].

3 Результаты и обсуждение (Амиргалина Г.Т., Билалов С.У.)

Подводя итоги краткому анализу тандыров, обнаруженных в отмеченных городищах, приходим к выводу, что тандыры присутствуют в слоях IX–XI веков на городище Жанкент, в слоях VIII–X веков на Сортобе 1, в слоях VIII–XII веков на городище Каратобе и XII–XV веков на Отраре. Говорить о том, что в более ранних или поздних периодах жизни этих памятников тандыры не бытовали, мы не можем в виду отсутствия о них археологических данных.

Тандыры в период функционирования этих городов, безусловно, были одним из важнейших элементов, без которых невозможно представить архитектуру жилых построек, во всяком случае именно в указанный период. Они встречаются во всех жилых комнатах, недалеко от входа, справа или слева от него, пристроенными к стене, суфе или вмонтированными в тумбу, суфу, реже – в углу помещения.

На основании археологических материалов памятников Жанкент, Сортобе 1 и Каратобе можно заключить, что тандыры изготовлены по специальной технологии, с определённым составом формовочной массы, с наличием характерного орнамента на внешней и внутренней поверхностях, а позднесредневековые тандыры Отрара имеют некоторые отличия.

Внутренние стенки каратобинских тандыров имеют волнистые и геометрические рельефные узоры или нарезанные бороздки [Смагулов 2010б: 89]. Примечательно, что на тандырах городища Жанкент такие элементы прослеживаются редко, а на тандырах Сортобе 1 они пока не обнаружены.

Тандыры с различными резными узорами на внутренней поверхности довольно распространены среди материалов VIII–IX вв. на городищах Таласской долины [Сенигова 1972: 84–85] и в других средневековых памятниках Южного Казахстана [Агеева 1962: 204–206; Сенигова 1972: 84–85]. К примеру, при изучении тандыров на городище Баба-ата Е.И. Агеева выделяет 36 (!) разнообразных форм резного рисунка на внутренних стенках тандыров, параллели которым она прослеживает в орнаментации внешней поверхности неполивной керамики [Агеева 1962: 204, 207]. Е.И. Агеева, в целом охарактеризовавшая тандыры, называет их печами для выпечки лепёшек и считает, что они также использовались для обогрева помещений. Она делит тандыры на два вида – тандыры полу-

яйцевидной формы с поддувалом, дымоходом и крышкой, стоящие внутри помещений, к которым пристраивались прямоугольные орнаментированные доски [Агеева 1962: 204]. Здесь, скорее всего, исследователь подразумевает декоративные керамические плитки из городищ Каратобе и Отрар. Второй вид тандыров ставился исключительно в хозяйственных дворах, они имели куполообразную форму без дымоходов [Агеева 1962: 204].

Тандыры, как один из видов очагов в раннесредневековых жилищах Хорезма, достаточно хорошо представлены в работе Е.Е. Неразик. Опираясь на результаты исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на городище Кой-Кырылган кала (кангюйский период), она указывает на цилиндрические печи, стоящие на суфах и сделанные из скреплённых глиной крупных черепков битой посуды или же из старого хума без дна [Неразик 2013: 145]. Скорее всего, такие устройства являются прототипами тандыров. Специально изготовленные цилиндрической формы сосуды – тандыры, по сведениям Е.Е. Неразик, функционируют на раннесредневековых памятниках Хорезма и Согда. В этих же регионах тандыры делали из старых хумов или хумчей без дна, переворачивая их горлом вниз [Неразик 2013: 145].

Дополнительными элементами тандыров являлись поддувала, которыми снабжены тандыры практически всех рассмотренных памятников. Реже встречаются крышки, которых более всего обнаружено в городищах Каратобе. На городищах Жанкент и Сортобе 1 крышки для тандыров пока не встречены, за исключением пары крупных куполообразных наверший от крышек из Жанкента (рис. 12), которые очень схожи с навершиями от крышек из Каратобе, используемых в качестве пробки для поддувал тандыров [Смагулов 2010b: 154]. Кроме того, на городище Жанкент и Сортобе 1 в большом количестве встречаются фрагменты керамических сковород или жаровен с очень тонким дном (3–5 мм). Их диаметр (40–50 см) приближён к диаметру устья тандыров. А на внешних стенках сковородок имеются горизонтально наклепанные ручки в форме ушек, которые могли служить в качестве опор. Поэтому вполне возможно, что жители городища Жанкент и Сортобе 1 чаще прикрывали устья тандыров именно ими, при этом одновременно готовя или подогревая пищу.

Возвращаясь к дополнительным атрибутам тандыров, непременно следует отметить декоративные керамические плитки, приставленные к суфам, к месту выхода поддувала тандыра, которые скорее служили как предмет эстетики. Не менее важным является и то, что постепенно к тандырам

Рис. 12. Городище Сортобе 1. Раскоп 1. Навершие крышки тандыра (?)
12-сур. Сортобе 1 қаласы. №1 қазба. Тандыр қақпағының үстіңгі бөлігі (?)

Fig. 12. Sortobe 1 Settlement. Excavation 1. Top of the tandyr lid (?)

пристраивают дымоходные каналы, подведённые к стене жилищ. Дымоотводы тандыров появляются позднее в жилищах Отырара, в то время как на городищах Жанкент, Сортобе 1 и Каратобе их нет.

Функциональное назначение тандыров, безусловно, было двойным. Первым и основным, на наш взгляд, было приготовление пищи, второй функцией была отопительная. Относительно последней хочется добавить некоторые детали, связанные с центральным очагом, которыми снабжались все жилые помещения городищ Жанкент, Сортобе 1 и Каратобе. В центральной части таких очагов практически всегда прослеживается небольшой прокол, который, однозначно, образован не от сильного огня, а от постоянного присутствия на них горячих угольков. Возможно, раскалённые угольки из тандыра клали в центр данного очага для обогрева. Данная версия не нова, это ранее отмечала Е.Е. Неразик в ходе изучения хорезмских поселений. Опираясь на данные этнографии и результаты этнографических исследований, она также отмечает, что такой способ обогрева очагами существовал в Хорезме вплоть до начала XX в. для обогрева жителей дома [Неразик 2013: 145].

Пожалуй, прототипами среднеазиатских тандыров можно назвать тануры из жилищ Пенджикента, датируемых VIII веком [Распопова 1990: 161-162]. «Тануры в Пенджикенте представляли собой печь, которая могла служить как для выпечки хлеба, так и в качестве кузнечного горна. Она состояла из хума с отбитым дном, поставленного на устье и охваченного футляром из сырцового кирпича» [Распопова 1990: 161-162]. Позже, со 2-й пол. IX-X в., не имея ни поддувала, ни дымохода, они устанавливаются внутри помещения на отдельную тумбу и уже в контексте жилищ отрарского типа приобретают статус универсальных традиционных печей для обогрева жилья и приготовления пищи [Смагулов 2010а: 77].

4 Заключение (Амиргалина Г.Т., Билалов С.У.)

Обзор археологического материала о керамических тандырах с городищ Жанкент, Сортобе 1, Каратобе и Отрар показывает, что в период с VIII по XIV (XV) век в районах Нижней и Средней Сырдарьи в жилищах использовались многофункциональные кармические печи – тандыры. В указанных памятниках прослеживается небольшое разнообразие в способах их устройства. Так, на городище Жанкент тандыры устраивались у стены, у суфы, а также широко применялись переносные тандыры.

На Сортобе 1 и Каратобе тандыры фиксируются вмонтированными в край суфы, приставленными к стене, есть также переносные тандыры. Особо следует отметить способ размещения тандыра в тумбе, что, по некоторым сведениям, является более ранним способом их размещения [Смагулов 2010б: 204]. Все зафиксированные в указанных городищах тандыры не имели дымоходов. Лишь у стационарных тандыров было небольшое поддувало, размещённое в фасадной части тандыра [Смагулов 2010а: 75] и отапливались такие тандыры «по-чёрному» [Неразик 2013: 146]. Эти же способы размещения тандыров прослеживаются в жилищах XII-XIII вв. на Отраре, однако в более поздний период появляются тандыры с дымоходными каналами, для отвода дыма из помещений [Смагулов 2010а: 75].

Кроме того, как показывают археологические материалы, период появления тандыров на территории Казахстана относится к VIII – началу IX века, также, как и в целом в жилищах Средней Азии [Смагулов 2010а: 75]. Далее они находят более широкое распространение, совершенствуются и видоизменяются, это мы можем видеть на примере тандыров городища Отрар.

Таков краткий обзор керамических тандыров по археологическим данным. Несомненно, эти уникальные керамические изделия имеют весьма большую перспективу исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Агеева Е.И. Общий обзор находок // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата: АН КазССР, 1962. С. 188–215.
- 2 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1972. 216 с.

- 3 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1987. 256 с.
- 4 Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Билалов С.У. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда: Компас Кызылорда, 2010. 165 с.
- 5 Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Сыдыкова Ж.Т. Жанкент – столица огузов // Мәдени мұра (Культурное наследие). 2009. № 4 (25) Тамыз-қыркүйек. С. 84–89.
- 6 Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1990. 205 с., ил.
- 7 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш. Жилая застройка Отрара в X – начале XIII веков // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 174–186.
- 8 Байпақов К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый Город Сауран. The medieval town Sauran. Алматы: Credo, 2005. 204 с.
- 9 Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Археологические работы на раннесредневековом городище Сортобе 1 // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2020. № 1. С. 77–88. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/464> (дата обращения: 19.07.2024 г.).
- 10 Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К., Амиргалина Г.Т., Курманиязов Ы.С., Назаров А.Ж. Археологические работы на городище Джанкент в полевых сезонах 2020–2021 гг. // Маргулановские чтения–2021. В 3-х т. Т. 2. / Гл. ред. А. Онгарулы; отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. С. 138–153.
- 11 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- 12 Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 100–109.
- 13 Зиливинская Э.Д., Ержигитова А.А. Раскопки в окрестностях городища Каратобе в 2019 году // Маргулановские чтения–2020. В 2-х т. Т. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 386–397.
- 14 Материалы по истории туркмен и Туркмении. VII–XV вв. Т. I / Под ред. С.Л. Волина и др. М.; Л.: АН СССР, 1939. 612 с.
- 15 Неразик Е.Е. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. М.: Гриф и К, 2013. 374 с.: ил.
- 16 Отчет о НИР по теме: Археологические исследования средневекового городища Сортобе в 2017 году. Кармакшинский район, Кызылординская область // Фонд КГУ «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области, управления культуры, архивов и документации. Кызылординской области». Кызылорда, 2017. 93 с.
- 17 Отчет о НИР по теме: Археологические исследования на городище Сортобе, Кармакшинского района, Кызылординской области // Фонд КГУ «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области, управления культуры, архивов и документации. Кызылординской области». Кызылорда, 2018. 111 с.
- 18 Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука, 1990. 208 с.
- 19 Смағұлов Е.А. К истории происхождения и развития «жилища отрарского типа» // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010а. № 1. С. 70–90.
- 20 Смағұлов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АБДИ Компани, 2010б. 358 с.: ил.
- 21 Семигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.
- 22 Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Билалов С.У., Дарменов Р.Т. Археологические работы на городище Сортобе // Маргулановские чтения–2019 / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 592–603.
- 23 Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У., Курманиязов И.С., Султанжанов Ж.К. Археологические работы на городище Сортобе 1 в 2019 г. // Маргулановские чтения–2020. В 2-х т. Т. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020б. С. 434–441.
- 24 Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У., Султанжанов Ж.К., Шаранова К.А. Археологические исследования на городище Джанкент в 2019 году // Марғұлан оқулары–2020. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. АИ, 2020а. Т. 2. 410–421-бб.
- 25 Шишкина Г.В., Болелов С.Б. Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ) // Материальная культура Востока: сб. ст. / Ред. Л.М. Носкова. Вып. 5. М.: ГМВ, 2010. С. 27–41.
- 26 Aylin Ü. Erdem. Arkeolojik ve etnografik veriler ışığında doğu anadolu tandirleri. archaeological and ethnographic evidence on eastern anatolian tandirs // TÜBA-AR Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology Sayı. 2013. Vol. 16. Pp. 111–132.

REFERENCES

- 1 Ageeva, E. I. 1962. In: *Arheologicheskie issledovaniya na severnyh sklonah Karatau (Archaeological research on the northern slopes of Karatau)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 188-215 (in Russian).
- 2 Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1972. *Drevniy Otrar (topografiya, stratigrafiya, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, prospects))*. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR (in Russian).
- 3 Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV veka (Otrar in the 13th–15th centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR (in Russian).
- 4 Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, E. D., Karamanova, M. S., Ruzanova, S. A., Utkelbaev, K. Z., Sydykova, Z. T., Bilalov, S. U. 2010. *Svodnyi otchet ob arheologicheskikh rabotah na gorodishe Dzhan Kent v 2005–2007, 2009 gg. (Summary report on archaeological work at the Jankent site in 2005–2007, 2009)*. Kyzylorda: “Kompas Kyzylorda” (in Russian).
- 5 Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, E. D., Karamanova, M. S., Sydykova, Z. T. 2009. *MƏDENI MURA kulturnoe nasledie (MƏDENI MURA cultural heritage)*, no 4 (25) August–September, 84-89 (in Russian).
- 6 Baipakov, K. M. 1990. *Po sledam drevnih gorodov Kazakhstana (Otrarskiy oasis) (In the footsteps of the ancient cities of Kazakhstan (Otrar oasis))*. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR (in Russian).
- 7 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Akylbek S. S. 2013. In: *Izvestiya Natsionalnoy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. society and hum. Sciences)*, 3, 174-186 (in Russian).
- 8 Baipakov, K. M., Smagulov, E. A. 2005. *Ortagasyrlyk Sauran shahary. Srednevekovyi Gorod Sauran. The medieval town Sauran*. Almaty: “Credo” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
- 9 Bilalov, S. U., Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T. 2020. In: *edu.e-history.kz*, 1, 77–88. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/464> (accessed: 19.07.2024) (in Russian).
- 10 Bilalov, S. U., Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Sultanzhanov, Z. K., Amirgalina, G. T., Kurmaniyazov, Y. S., Nazarov, A. Z. 2021. In: Onggaruly, A. et al. (eds.). *Margulan oqulary–2021 (Margulan readings–2021)*. In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 138-153 (in Russian).
- 11 Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 12 Zilivinskaya, E. D. 2013. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. society and hum. Sciences)*, 3, 100-109 (in Russian).
- 13 Zilivinskaya, E. D., Erzhigitova, A. A. 2020. In: *Margulan oqulary–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 386-397 (in Russian).
- 14 Volin, S. L. et al. (eds.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. VII–XV vv. (Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan. 7th–15th centuries)*. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 15 Nerazik, E. E. 2013. *Formirovaniye rannesrednevekovogo obshchestva v nizovyah Amudari (Formation of early medieval society in the lower reaches of the Amu Darya)*. Moscow: “Grif i K” Publ. (in Russian).
- 16 *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo gorodisha Sortobe v 2017 godu. Karmakshinskiy raion, Kyzylordinskaya oblast (Research report on the topic: Archaeological research of the medieval settlement of Sortobe in 2017. Karmakshinsky district, Kyzylorda region)*. 2017. Foundation “For the protection of historical and cultural monuments of the Kyzylorda region, department of culture, archives and documentation. Kyzylorda region”. Kyzylorda (in Russian).
- 17 *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: Arheologicheskie issledovaniya na gorodishe Sortobe, Karmakshinskogo raiona, Kyzylordinskoy oblasti (Research report on the topic: Archaeological research at the Sortobe settlement, Karmakshinsky district, Kyzylorda region)*. 2018. Fund of the State Institution “For the Protection of Historical and Cultural Monuments of the Kyzylorda Region, Department of Culture, Archives and Documentation. Kyzylorda Region”. Kyzylorda (in Russian).
- 18 Raspopova, V. I. 1990. *Zhilisha Pendzhikenta (opyt istoriko-socialnoy interpretatsii) (Dwellings of Penjikent (an experience of historical and social interpretation))*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 19 Smagulov, E. A. 2010a. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. society and hum. Sciences)*, 1, 70-90 (in Russian).
- 20 Smagulov, E. A. 2010b. *Drevniy Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: “ABDI Kompani” Publ. (in Russian).
- 21 Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyi Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 22 Tazhekeev, A. A., Bolelov, S. B., Bilalov, S. U., Darmenov, R. T. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulan oqulary–2019 (Margulan Readings–2019)*. Nur-Sultan: Gumilyov Eurasian National University, 592-603 (in Russian).

- 23 Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Bilalov, S. U., Sultanzhanov, Z. K., Sharapova, K. A. 2020a. In: *Margulan oqulary–2020 (Margulan Readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 410-421 (in Russian).
- 24 Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Bilalov, S. U., Kurmaniyazov, I. S., Sultanzhanov, Z. K. 2020b. In: *Margulan oqulary–2020 (Margulan Readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 434-441 (in Russian).
- 25 Shishkina, G. V., Bolelov, S. B. 2010. In: Noskova, L. M. (ed.). *Materialnaya kultura Vostoka (Culture of the East). Collection of articles. Issue.5*. Moscow: The State Museum of the East, 27-41 (in Russian).
- 26 Aylin Ü. Erdem. 2013. In: *TÜBA-AR Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology Sayı (TÜBA-AR Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology Issue)*, 16, 111-132 (in Turkish).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.07.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 02.09.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

UDC 726.822 (574.53)
MRNTI 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.244.261>

Written Monuments of the Post-Golden Horde Period: Arabic Script Epigraphy at the Arystan-Bab Mausoleum

© 2024 Dyussenov B., Mederova D., Margulan A.

Keywords: written monuments,
Arabic script epigraphy, Arystan-
Bab, mausoleum, Middle Ages

Түйін сөздер: жазба ескерткіштер,
арабжазулы эпиграфика, Арыстан-
Баб, кесене, орта ғасырлар

Ключевые слова: письменные
памятники, арабписьменная
эпиграфика, Арыстан-Баб,
мавзолей, средневековье

Bagdat Dyussenov^{1*}, Dina Mederova¹ and Aida Margulan¹

^{1*}Corresponding Author, Senior Researcher, Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-4313-1874](https://orcid.org/0000-0002-4313-1874) E-mail: bagdat75@inbox.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-4631-8773](https://orcid.org/0000-0002-4631-8773) E-mail: dina_m71@list.ru

¹Researcher, Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-1260-6099](https://orcid.org/0000-0002-1260-6099) E-mail: aida.1@mail.ru

Written Monuments of the Post-Golden Horde Period: Arabic Script Epigraphy at the Arystan-Bab Mausoleum

The article presents the results of a study of Arabic-script inscriptions discovered at the Arystan-Bab complex. This complex is an architectural site built near the medieval town of Otrar. Arystan-Bab is known among Islamic preachers as an important figure and a companion of the Prophet Muhammad, as well as the first teacher of Khoja Ahmed Yasawi. It should be noted that the construction of the Arystan-Bab mausoleum consists of four main stages: (1) the 12th century; (2) the 14th century; (3) the 18th century; and (4) the 20th century. The aim of the article is to study the epigraphic inscriptions carved on the façade of the mausoleum and found within it. The research materials include data collected by the staff of the Suleimenov Institute of Oriental Studies in the Turkistan region in 2023. The research methods employed in the article include image documentation, inscription deciphering, literal translation, and reconstruction of the semantic phrases carved into the stone. The results of the study involve familiarization with the inscriptions, identification of their nature, and an attempt to characterize the authors of these epigraphic monuments. The conclusions of the research are directed toward the study and introduction of new data obtained from the study of the Arystan-Bab mausoleum inscriptions into the scientific discourse.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN project BR18574063.

For citation: Dyussenov, B., Mederova D.E., Margulan, A. 2024. Written Monuments of the Post-Golden Horde Period: Arabic Script Epigraphy at the Arystan-Bab Mausoleum. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 244–261. DOI: [10.52967/akz2024.3.25.244.261](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.244.261)

**Бағдат Даниярұлы Дүйсенов^{1*},
Дина Есіркепқызы Медерова¹,
Аида Серікқызы Марғұлан¹**

^{1*}корреспондент авторы, аға ғылыми қызметкер,
Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты,
Алматы қ., Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты,
Алматы қ., Қазақстан.

**Бағдат Даниярович Дюсенов^{1*},
Дина Есиркеповна Медерова¹,
Аида Сериковна Маргулан¹**

^{1*}автор-корреспондент, старший научный
сотрудник, Институт востоковедения имени
Р.Б. Сүлейменова, Алматы, Казахстан

¹кандидат исторических наук,
Институт востоковедения имени Р.Б. Сүлейменова,
Алматы, Казахстан

¹ғылыми қызметкер, Р.Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

**Алтын Орда кезеңінен кейінгі
жазба ескерткіштер:
Арыстан баб кесенесінің
арабжазулы эпиграфикасы**

Мақалада Арыстан баб кешенінен табылған араб жазуларын зерттеу нәтижелері берілген. Ол орта-ғасырлық Отырар қаласына жақын жерге салынған архитектуралық құрылыс. Арыстан баб ислам дінін уағыздаушылар арасында маңызды тұлға әрі Мұхаммед пайғамбардың сахабасы, Қожа Ахмет Ясауидің алғашқы ұстазы ретінде белгілі. Арыстан баб кесенесінің құрылысы негізгі төрт кезеңнен тұрады: 1) XII ғасыр; 2) XIV ғасыр; 3) XVIII ғасыр; 4) XX ғасыр. Мақаланың мақсаты – кесененің қасбетіне қашалған және ішінен табылған эпиграфиялық жазуларды зерттеу. Зерттеу материалдары – Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты қызметкерлерінің 2023 жылы Түркістан облысына іссапары кезінде жиналған мәліметтер. Мақалада қолданылатын зерттеу әдістері – суреттерді құжаттау, жазулардың мәнін ашу, сөзбе-сөз аудару және тастарға ойылған семантикалық сөз тіркестерін қайта құру. Зерттеу нәтижелері жазулардың сипатын анықтау және онымен танысу, сондай-ақ, осы эпиграфиялық ескерткіштердің авторларын сипаттауға тырысу болып табылады. Зерттеу қорытындылары Арыстан баб кесенесіндегі жазуларды зерделеу барысында алынған жаңа деректерді зерттеуге және ғылыми айналымға енгізуге бағытталған.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 ж.ж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574063 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Дүйсенов Б.Д., Медерова Д.Е., Марғұлан А.С. Алтын Орда кезеңінен кейінгі жазба ескерткіштер: Арыстан баб кесенесінің арабжазулы эпиграфикасы. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 244–261-бб. (Ағылшынша).
[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.244.261](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.244.261)

1 Introduction

Epigraphy studies the forms and content of inscriptions made on hard surfaces, such as stone, clay, and metal. It is an auxiliary discipline in both history and philology. Kazakhstan, as a rich region for epigraphic monuments, holds significant cultural heritage in its inscriptions. These monuments serve as valuable sources for understanding tribal societies and their historical habitats.

The history of epigraphy in Kazakhstan is divided into three distinct periods: (1) Ancient monuments of the Turkic Khaganate period (6th–8th centuries), which include Orkhon-Yenisei inscriptions, often referred

¹научный сотрудник, Институт востоковедения
имени Р.Б. Сүлейменова, Алматы, Казахстан

**Письменные памятники
постзолотоордынского периода:
арабописьменная эпиграфика
мавзолея Арыстан-Баб**

В статье представлены результаты изучения арабописьменных надписей, обнаруженных в комплексе Арыстан-Баб. Он представляет собой архитектурное сооружение, построенное недалеко от средневекового городища Оtrar. Арыстан-Баб известен среди проповедников ислама как важная фигура и сподвижник пророка Мухаммеда, первого учителя Ходжи Ахмеда Ясави. Отметим, что строительство мавзолея Арыстан-Баб включает четыре основных этапа: 1) XII век; 2) XIV век; 3) XVIII век; 4) XX век. Цель статьи заключается в изучении эпиграфических надписей, высеченных на фасаде мавзолея и обнаруженных внутри. Материалами исследования являются данные, собранные сотрудниками Института востоковедения им. Р.Б. Сүлейменова в Туркестанской области в 2023 году. Методы исследования, используемые в статье, включают документирование изображений, расшифровку надписей, дословный перевод и воссоздание семантических фраз, высеченных в камне. Результаты исследования заключаются в ознакомлении с надписями и определении их характера, а также в попытке охарактеризовать авторов этих эпиграфических памятников. Выводы исследования направлены на изучение и введение в научный оборот новых данных, полученных в ходе изучения надписей мавзолея Арыстан-Баб.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574063.

Для цитирования: Дюсенов Б.Д., Медерова Д.Е., Марғұлан А.С. Письменные памятники постзолотоордынского периода: арабописьменная эпиграфика мавзолея Арыстан-Баб. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 244–261 (на англ. яз.).
[DOI: 10.52967/akz2024.3.25.244.261](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.244.261)

to as Turkic runic monuments in Central Asia; (2) Monuments of the Middle Ages (9th–12th centuries), created by tribes such as the Kipchaks, Oghuzes, and Kanglys, particularly near the Syr Darya and Amu Darya rivers; (3) Monuments of the Kipchak-Kazakh period (13th–19th centuries), dating to the late Middle Ages [Margulan 1997: 33]. This research paper focuses on the study of monuments from the last period, which was divided into three stages by academic A. Margulan.

In particular, the epigraphic monuments in the Arabic script located in the Turkistan region of Southern Kazakhstan remain largely unexplored, while the lapidary heritage of Western Kazakhstan, especially its tombstones, has been thoroughly studied. Recent Kazakhstani scholars, such as A. Muminov, A. Nurmanova, and B. Dyussenov, have made significant contributions to the study, publication, and introduction of texts from epigraphic monuments into scholarly discourse. Their contributions are of great importance in this field. For example, significant publications have emerged from their work, such as *Shappaq-Ata: Inscriptions of the Underground Mosque and Necropolis* (2009), *Arabographic Inscriptions of Sisem Ata Necropolis* (2015), and *Epigraphic Monuments in Arabic Script from Abat-Baytaq Necropolis* (2023). These publications represent groundbreaking efforts in the professional and academic study of Arabic-scripted epigraphic monuments in the Kazakh Steppe.

Among the few scientific studies on the epigraphic monuments in the south of Kazakhstan, the book-album *Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi* (2010) occupies a special place. This work is a valuable contribution to the study of the architectural epigraphy of Ahmed Yasawi's mausoleum. There are other books, such as *Arystan Bab and his Mausoleum* by M. Qozhaev [Qozhaev 1996], *The tombstone in the cemetery of Arystan Bab* by S. Aqylbek [Aqylbek 2000] and *Historical figures buried in Turkistan* by M. Tuyaqbayev [Tuyaqbaev 2000]. Beyond these monographs, several academic articles on related topics have also been published. Of particular note is the article by D. Baigunakov and G. Sabdenova titled *Muslim Tombstones of Karnak (Turkistan Region) as a Historical-Archaeological Source* [Baigunakov, Sabdenova 2021], which offers a detailed classification of gravestone forms from the Karnak cemetery, categorizing them into nine distinct groups.

The study of Arabic-script epigraphic monuments preserved in Southern Kazakhstan represents a highly relevant and urgent area of research. Historically, it is well-documented that burial practices near sacred sites – such as the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi in Turkistan, the Imam Bakhili cemetery near Karnak, and the Arystan-Bab Mausoleum near Otrar – held significant religious and cultural value for Muslim communities. Several of the epigraphic monuments in the Turkistan region have been researched and published; however, many gravestones remain unexamined, awaiting scholarly attention. To address this gap, we have initiated a study of the epigraphy of the Arystan-Bab Mausoleum, focusing on inscriptions from the post-Golden Horde period. Although the original structure of the Arystan-Bab Mausoleum dates back to the 12th century, no inscriptions from that time have survived. Fieldwork conducted at the site of the Arystan-Bab Mausoleum near Otrar has yielded the discovery of three gravestones. By analyzing and translating the texts of these gravestones, along with the inscriptions on the mausoleum's façade, and introducing them into academic discourse, this research aims to provide new insights into the Islamic civilization, literary culture, stone-carving craftsmanship, and social conditions that prevailed in the region. Moreover, this work seeks to uncover previously unknown aspects of Kazakhstan's history, offering new primary sources that will support future research in the field.

As a result of the study, it was established that the tombstones of some historical figures buried in the mausoleum of Khoja Akhmet Yasawi in Turkistan were buried in the Arystan-Bab cemetery near the city of Otrar. The names of these people are included in the list of historical figures buried in Turkistan, according to their descendants.

2 Research material and methods

2.1 Research methods

The research methodology applied in the study of epigraphic monuments include a comprehensive range of historical, source-critical, philological, paleographic, textual, chronological, ethnolinguistic, and comparative analytical techniques. Relevant works by foreign, Soviet, and Kazakh scholars in the field of Eastern epigraphy were systematically utilized, ensuring the proper alignment and contextual relevance of these sources. The collected data were critically analyzed, categorized, and evaluated, leading to the formulation of informed recommendations based on the findings. Furthermore, the examination of written artifacts from the post-Golden Horde period – specifically the gravestone inscriptions of the successor states of the Zhoshy Ulysy – employed methods of transcription, translation, comparative analysis, and interpretation, all of which contributed significantly to the scientific rigor and outcomes of the research.

2.2 Modern analog of photofixation has significantly facilitated the work of scholars studying epigraphic monuments. The colored photographs analyzed in this article were captured during a scientific expedition, and the methodology applied combines photographic reproduction with transcription and translation. In the 20th and 21st centuries, the predominant research methods include photography and transcription of inscriptions. To ensure the accuracy of photographic documentation, researchers worked to minimize light aberrations that could distort the clarity of the images. As a result, inscriptions were read directly during the photofixation process. Key factors such as image contrast, optimal camera positioning, and an assessment of the carving depth were considered to make certain the inscriptions could be read accurately. Importantly, the integrity of the text was maintained because the monument is under state protection, ensuring that the inscriptions were not exposed to contamination [Gainullin et al. 2023].

2.3 In addition to photofixation, the study applied the principle of experimental repeatability to confirm that the text was translated literally and without distortion. This method allowed for the remote examination of the monument's inscriptions. As part of a comprehensive study, a comparative analysis was conducted on the epigraphic monuments located inside the Arystan-Bab mausoleum and those found on its exterior. These inscriptions vary significantly, having been produced by different individuals at different times. Additionally, the researchers sought to systematize historical records and investigate Islamic manuscripts that mention the construction of the mausoleum. In this context, historical analysis was essential for comparing the events related to the construction and successive reconstructions of the Arystan-Bab mausoleum, a monument dedicated to one of Central Asia's revered Muslim saints.

2.4 Research materials

The primary materials for this study were obtained during an expedition conducted in 2023 by the staff of the Suleimenov Institute of Oriental Studies, aimed at investigating the epigraphic monuments of the Turkistan region. The fieldwork materials underwent thorough post-field analysis. The sources used in this research include inscriptions found on the façade of the Arystan-Bab Mausoleum, as well as on stelae (gravestones) located within the structure. Specifically, the study focuses on reading, translating, and analyzing three gravestones preserved on the mausoleum's façade and inside the building. These monuments date back to the 20th century reconstruction of the mausoleum. Several stone stelae inside the mausoleum bear Arabic inscriptions, each corresponding to a particular phase of the monument's restoration.

Folklore and legends passed down through generations confirm that the tomb dates to the 12th century, while the mausoleum itself was constructed in the 14th century. Additional evidence includes a manuscript book by Khoja Ahmed Yasawi, *Divan-i Hikmet*, which is preserved in the Otrar Museum Reserve [Yasawi

1281]. In this manuscript, it is mentioned that the saint was buried near the “Qabugh Yariq – قَبوُغ يَارِيْق” an ancient canal. Indeed, a well is located near the mausoleum, further corroborating this account.

3 Discussion

The article draws attention to the inscription on the façade of the Arystan-Bab Mausoleum. Consequently, it also necessitates addressing the stages of the mausoleum’s construction and exploring the historical question of who Arystan-Bab was. The burial process, the construction of the mausoleum, and its subsequent restorations span over a millennium. Each restoration left its mark, as the restorers inscribed texts documenting the work done up to certain periods.

Arystan-Bab is a semi-legendary figure for Muslims in Central Asia. His cult is associated with natural forces and water sources, and his image evolved through various influences, including legends from the Qahtanites and Kaysanites, as well as theological contributions from scholars such as Najm ad-Din al-Nasafi (who died in 1142). According to these legends, Arystan-Bab lived for approximately 340 years, loved cultivating fruit trees, and was described as a tall man. The phenomenon of Shaikh longevity in Otrar was noted by a fairly early source – *Al-Kand fi Zikir ‘ulama’ Samarkand* by Abu Hafis al-Nasafi. It reports that in Farab (Otrar) in the 11th century there lived an elderly (he was 340 years old or more) companion of the Prophet Yahya ibn Nasturr al-Rumi. He transmitted 14 hadiths directly from the Prophet [Muminov 2016: 691].

One of the most famous legends depicts the meeting between the Prophet Muhammad and Arystan-Bab. According to the story, when a persimmon fell from the Prophet’s plate, he received a prophecy about a future Muslim named Ahmed, who would be born 400 years later. The Prophet asked his companions to deliver the persimmon to Ahmed, and Arystan-Bab volunteered. After living for 400 years, Arystan-Bab fulfilled his promise by giving the persimmon to the young Khoja Ahmed Yasawi. [Köprülü 2016: 28].

In this legend, the persimmon symbolizes the spiritual legacy of the Prophet Muhammad. When Arystan-Bab gave the “persimmon preserved in his mouth” to Ahmed, it signified the transmission of Sufi wisdom and divine knowledge from the Prophet to his spiritual successor [Bice 2016: 68]. This is particularly significant in Yasawi teachings, where expressions involving food often convey Sufi ideas [Yasawi 2021: 9].

The original mausoleum of Arystan-Bab, built in the 12th century, was destroyed during the Mongol invasions. However, Timur’s 14th century efforts to build a mausoleum for Khoja Ahmed Yasawi renewed attention on the site of Arystan-Bab. According to legend, each time builders tried to erect the Yasawi Mausoleum, a mysterious green bull would appear and destroy the walls. Finally, Timur had a dream in which he was instructed to first build a mausoleum for Arystan-Bab. After fulfilling this task, construction on the Yasawi Mausoleum proceeded without any difficulties [Masson 1930: 21]. Numerous similar legends about Arystan-Bab exist among the people. As the renowned American scholar Devin DeWeese notes, Arystan-Bab remains an “enigmatic figure” [DeWeese 2001: 220].

The mausoleum of Arystan-Bab has been studied by various researchers over the years, contributing to the understanding of its historical and architectural significance. In 1898, I.T. Poslavsky mentioned it in his article *Ruins of the City of Otrar*, focusing on its location and characteristics [Poslavsky 1898]. A few years later, in 1903, A. Cherkasov, from the Turkistan Club of Amateur Archaeologists, provided a report that highlighted his astonishment at the tombstone’s large size, suggesting that the saint might have had an equally imposing stature [Cherkasov 1903: 71–72]. Josef-Antoine Castagné also mentioned the mausoleum before its 1909 reconstruction in his work *Antiquities of the Kyrgyz Steppe and the Orenburg Region* [Castagné 1910: 178].

In the mid 20th century, a new wave of studies began. V. Konstantinova initiated her research on the mausoleum in 1948, and her findings were published in 1950 [Konstantinova 1950]. In 1959, M.M. Mendikulov expanded on this work as part of the Central and South Kazakhstan expeditions, adding more details about the architectural complex [Mendikulov 2010: 190–192].

By the 1970s, researchers like G. Isabaev examined the mausoleum from an architectural perspective, noting features of Islamic architecture from the late 19th and early 20th centuries. He observed that certain modernist elements were present in the structure [Isabaev 1990: 40–45]. Y. Yolgin proposed that the mausoleum's architecture combined influences from Central Asia, the Volga region, and European styles such as Gothic and Renaissance, reflecting an eclectic mix of styles in a single building [Yolgin 2012: 152].

In 1987, M. Sembin explored the mausoleum's long history, dating its origin back to the 12th century. His research also focused on an inscription in one of the niches that dated back to 1327 AH (1909 AD), which is discussed further in the results section [Sembin 1987: 42].

Inside the mausoleum, three gravestones made from the material known to the Kazakh people as “Samarkand blue stone” have been preserved. Similar gravestone examples can be found at the Khoja Ahmed Yasawi Mausoleum [Tuyaqbayev 2000] and among the stones preserved in the town of Karnak [Baigunakov, Sabdenova 2021]. Additionally, we encountered an identical stone inside the Isabek Ishan Mausoleum located in Akkol, near Ekibastuz, Pavlodar region [Mederova et al. 2020]. These three gravestones, carved from Samarkand blue stone, are clear representatives of the so-called “Turkistan-style” epigraphic monuments. The research aims to clarify many unresolved issues related to these gravestones and their significance.

4 Results

The architectural complex of the Arystan-Bab mausoleum includes both a mosque and a tomb where the saint Arystan-Bab is buried. Restored in the 20th century, the mausoleum measures 35×12 m and is constructed of burnt brick, with front brickwork walls. The elongated façade features two minarets above a two-chamber tomb. In one of the rooms lies the large grave of Arystan-Bab, while the other room holds the graves of his followers: Hermet-Hazrat, Lashyn-Bab, and Qargha-Bab [Konstantinova 1950: 23]. A corridor connects the tomb to a small room within the mosque.

The complex was built in stages, beginning with the gurkhana (tombs), which were later linked to the mosque. The mosque itself is square-shaped and consists of a spacious hall and two service rooms connected by passageways. A long corridor with an ogive connects the mosque and the gurkhana, which also includes a small hall. Over time, additional structures were added, such as a room in the center, towers at the edges of the complex, and trapezoidal supports.

The exterior is further enhanced by minarets, which primarily serve as decorative elements rather than functional ones. The left minaret is non-operational and was never used for its intended purpose. In contrast, the right minaret includes an open skylight and a wooden staircase, possibly built for the purpose of reciting the azan (call to prayer) in memory of the saint and his disciples.

In 2004, as part of the Cultural Heritage program, excavations were conducted in the mausoleum. These revealed bricks from a tomb built in the 12th century beneath the tombstone. This older tomb was oriented in an east-west direction. According to S. Aqylbek, the mausoleum built over the saint's tomb in the 14th century was reoriented by 90 degrees [Aqylbek 2009: 92]. The burial pit was lined with bricks, and inside it was a wooden coffin, a typical feature of Turkic tribes. However, due to the numerous reconstructions, the polychrome cladding from the Timur era has not survived.

Precise information regarding the final construction of the Arystan-Bab Mausoleum is found in an Arabic epigraphic inscription on the building's wall. According to Josef-Antoine Castagné, earlier

inscriptions have not survived [Castagné 1910: 179]. V. Konstantinova miscalculated the date on the mausoleum's signboard, translating it as 1907 instead of 1909 [Konstantinova 1950]. Notably, the mausoleum had been rebuilt at the beginning of the 20th century after the earlier structure was destroyed, as noted by M. Mendikulov [Mendikulov 2010: 191].

In his work on Arystan-Bab, M. Sembin referred to O. Dastanov's book, *The Truth about the Holy Places* [Dastanov 1967: 43], which credits Iskender Hadji from Tashkent as the architect of the mausoleum. An inscription on the mausoleum's wall reads, "1327. Master Khalmyrza ibn Mussafir Turkistani," as translated from Arabic by S. Ergobekov, following a request from the scholar Mukhtar Qozhaev [Qozhaev 1996: 20].

During an expedition from May 2 to May 12, 2023, the team from the Suleimenov Institute of Oriental Studies documented the epigraphic monuments of the Arystan-Bab complex. This expedition included photographing and translating inscriptions from Arabic (translated by Bagdat Dyussenov). The name of the master responsible for the mausoleum's reconstruction is carved above the façade. While the translation of this inscription has been known to both local residents and specialists for some time, the Arabic script itself had not been fully published or clearly read. This study aims to present the materials gathered during the expedition.

The complex consists of two primary parts: the mosque and the gurkhana. At the entrance to the complex, the main aiwan features an Arabic inscription carved into a grey stone known internationally as the "Samarkand blue stone." The inscription on the qulpytas reads "Hijri sana 1327 – ١٣٢٧ هجري سنة", where "sana" means "year" in Arabic (fig. 1)* (*Photos taken by Bagdat Dyussenov). The photograph of this inscription has been processed with computer cleaning to enhance its clarity for study.

Fig. 1. Mausoleum of Arystan-Bab. Inscription on the entrance portal
1-сур. Арыстан-Баб кесенесі. Кіреберіс маңдайшадағы жазба
Рис. 1. Мавзолей Арыстан-Баб. Надпись на портале при входе

The inscriptions on the facade of the building, carved by the original craftsmen, differ from the modern inscription displayed on the signboard. The year of construction, 1327, is inscribed on the facade in Arabic script, corresponding to 1909. However, the contemporary inscription reads: "The Arystan-Bab Mausoleum, dated to the 12th century, was reconstructed in 1907. The monument is under state protection" (fig. 2). This statement is factually incorrect.

In our opinion, the modern signboard, which incorrectly indicates 1907 as the year of reconstruction instead of 1909, should either be removed or replaced with a new one bearing the following text: "The Arystan-Bab Mausoleum, dated to the 12th century, was reconstructed in 1909 by the master Khalmyrza, the son of Musafir of Turkistan."

Fig. 2. Mausoleum of Arystan-Bab. Inscription on the left side of the entrance
2-сур. Арыстан-Баб кесенесі. Кіреберіс сол жақтағы жазба
Рис. 2. Мавзолей Арыстан-Баб. Надпись на левой стороне при входе

On the side wall of the building, there is an inscription carved in five rows, naming the master who reconstructed the mausoleum. The first row contains the year ۱۳۲۷, corresponding to 1327. This corresponds to the year 1909 in the Gregorian calendar. The numbers are inscribed on the top brick. On the subsequent bricks (second, third, and fourth), a calligraphic inscription in the nasta‘liq style provides the surname, name, and patronymic of the master who undertook the reconstruction. The fifth and final row

contains the word *ترکستانی*, meaning “Turkistani.” The full inscription on the side wall of the building appears as follows:

An inscription carved on the facade of the mausoleum of Arystan-Bab (fig. 3).

Text:

۱۳۲۷	.1
اوستا	.2
خالمیرزا	.3
بن موسافر	.4
ترکستانی	.5

Transcription: 1327/1909. Ustā Ḥālmīrzā ibn Mūsāfir Turkistānī.

Translation: 1327/1909. The master of Khalmyrza, the son of Musafir of Turkistan.

There is limited information regarding master Khalmyrza, the son of Musafir (fig. 4)* (*Photo from the Archive of the Mausoleum of Arystan-Bab), who oversaw the construction of the Arystan-Bab Mausoleum. At the

Fig. 3. Mausoleum of Arystan-Bab. Inscription at the top
3-сур. Арыстан-Баб кесенесі. Жоғарғы бөліктегі жазба
Рис. 3. Мавзолей Арыстан-Баб. Надпись в верхней части

age of six, Khalmyrza began creating household items and later became renowned as an architect and artist. In 1903, with the commencement of the Turkistan railway project, he worked as a master builder. Between 1907 and 1909, he constructed the Arystan-Bab Mosque-Mausoleum. Subsequently, Khalmyrza, the son of Musafir undertook the reconstruction of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. From 1931 to 1936, he was responsible for building the Zhambyl Secondary School in the city of Shaulder. In 1937, after reading in a newspaper about the opening of a marble factory in Ghazelkent, Bostandyq District, Uzbekistan (currently), he relocated there. He continued to contribute to the construction of schools, mausoleums, and mosques until the end of his life.

According to Gulnara Daurenkulova, a researcher at the Republican State-Financed Enterprise “Otrar State Archaeological Reserve Museum” Khalmyrza’s wife, Sara, still resides in Tashkent. According to Grandmother Sara, a year before his death, that is, in 1960, Khalmyrza instructed his eldest son to dig a wide grave for him. He wrapped three bags of ancient books stored in the mausoleum of Arystan-Bab in a white cloth, put them in this grave and walled up the surface of the grave with temporary bricks. In 1961, in the month of Ramadan, Khalmyrza died and was buried according to his will in this grave [Babtardynq baby 2018]. A small museum has been established in one of the rooms of the Arystan-Bab Mausoleum, where a copy of master Khalmyrza’s shirt, his portrait, and a photo of the mosque named after him are displayed.

According to studies on the construction of the mausoleum, the building went through four distinct phases. However, the exact reason behind the construction of the final stage in 1909 is not clearly stated. Local oral history suggests that the earlier construction from Timur’s era was damaged by an earthquake. In its place, a two-room mausoleum was built in 1860. By 1907, Sherimbek Azder began collecting funds from the local population and commissioned a craftsman from Tashkent, Eskendir Haji, to carry out restoration work. However, the restoration was not completed. In 1909, a new structure was built on the site of the mausoleum.

Fig. 4. Portrait of the Master Khalmyrza Musafiruly Turkistani
4-сур. Халмырза Мұсафирұлы Түркістани ұстаның портреті

Рис. 4. Портрет мастера Халмырза Мусафирулы Туркестани

This final phase of construction demonstrates influences from Russian architectural styles of the late 19th and early 20th centuries, a departure from the traditional designs seen in religious buildings across Kazakhstan and Central Asia. This marks the uniqueness of the Arystan-Bab Mausoleum compared to earlier religious structures in the region. The majority of the mausoleum was constructed using rectangular and square-shaped baked bricks characteristic of Tsarist-era architecture.

In the early 20th century, with the goal of reconstructing the ruined mausoleum, a local Muslim organization from Otrar in the Turkistan region raised funds for the project, with Khalmyrza Musafiruly chosen as the lead builder.

At this time, Kazakhstan was under the full colonial control of the Russian Empire, and the religious climate in the country was varied. In certain areas, missionary groups from Russia, supported by the Tsarist government, sought to suppress Islam and promote Christianity, opening parish schools to this end. At the same time, Jadidism, a modernist movement within Islam, was gaining ground in Central Asia with the backing of the Russian Empire, leading to conflicts with the traditionalist Qadim school of thought [Shagyrbay 2022: 134–135]. It seems likely that the local Muslim

organization, led by descendants of Sherimbek Azder, who served as the mausoleum's caretaker, initiated the reconstruction of the Arystan-Bab Mausoleum as part of a broader effort to preserve the integrity of Islamic practices and heritage in the region.

To undertake this construction, permission from the Russian authorities was necessary. Although no formal letters requesting permission have been found, a document titled *Project of the Existing Mosque in Timur, Chimkent Uyezd* was discovered in 1911. According to M. Qozhaev, who uncovered this drawing, "This project represents the official approval of the building by the Syr Darya provincial construction department after the mosque was completed" [Qozhaev 1996: 28]. This suggests that after the construction was finished with the funds collected from the population, the project was formally approved through such documentation.

The construction was led by Khalmyrza Musafiruly, a local Kazakh craftsman. From this work, it is evident that the Kazakh people had a tradition of building mausoleums, tombs, and other sacred structures, showcasing their architectural skills. The Arystan-Bab Mausoleum stands as a clear testament to this local tradition of craftsmanship and architectural ingenuity.

The cemetery surrounding the Arystan-Bab Mausoleum covers an area of approximately 11 hectares, encompassing nearly the entire vicinity of the mausoleum, except for its northwestern part. The cemetery contains graves dating back to the 18th and 19th centuries. According to local legend, Arystan-Bab was buried where the camel carrying his body came to a halt. Archaeological excavations have revealed an ancient cemetery near the Quiryq Tobe settlement, with burials dating from the 10th to 12th centuries, indicating the subsequent expansion of the burial site. Scholar S. Aqylbek has suggested that the cemetery near the mausoleum was established following the saint's burial, likely during the 14th and 15th centuries. In his research, S. Aqylbek examines approximately 94 tombstones with epitaphs located in the old Muslim cemetery. His classification is based on the stone processing techniques, calligraphy, and stylistic features of the epitaphs.

The oldest qulpytas belongs to Bakhtiyar, the son of Yelkondy, and dates to 1130 (1718), while the most recent ones date to 1336 (1914). Among tombstones, the Bosagha and Baqan tamgas (tribal symbols) of the Naiman tribes, as well as the Qos Alyp and Ashamay tamgas of the Kipchak and Kerey tribes, are inscribed. The epitaphs are written in the nasta'liq calligraphy style. Additionally, solar symbols, represented as stars, are carved on some tombstones, which were used in burial rituals [Aqylbek 2000: 8].

S. Aqylbek's work, *Gravestones on the Grave of Arystan-Bab*, is the first dedicated study of the tombstones within the Arystan-Bab complex. Out of 94 tombstones studied, the inscriptions on two stones (No. 7 and 68) have not been deciphered due to significant erosion. Furthermore, as there are no photographs of these stones in Aqylbek's book, it remains unclear whether the Arabic text has been correctly interpreted. While the book includes images of several tombstones, some inscriptions are repeated. For instance, the photos of tombstones No. 13 [Aqylbek 2000: fig. 2] and No. 53 [Aqylbek 2000: fig. 12, a, b] are of the same stone, with the inclusion of No. 13 seemingly due to an editorial error [Aqylbek 2000: 17, 29].

Although our expedition thoroughly examined the cemetery near the Arystan-Bab Mausoleum, no tombstones bearing Arabic inscriptions attributed to Arystan-Bab himself were found. Inside the mausoleum, we found three tombstones with Arabic inscriptions, documented, translated and analyzed them. In the book mentioned above, Aqylbek reports that "94 tombstones were discovered, three of which were brought to the mausoleum by unknown persons" [Aqylbek 2000: 7], but it is unclear exactly which stones.

The shape of *Tombstone No. 1* (fig. 5), preserved within the Arystan-Bab mausoleum, is triangular, with its edges worn down and not sharp. The tombstone measures 70.05 cm in length and 10.03 cm in

width. On the front face of the stone, a carved frame consisting of three sections contains the inscription of a person's name. Outside the frame, the “Bosagha” tamga of the Qongyrat tribe is carved, followed by the year, and further below, the Muslim “Kalima” (Islamic creed) is inscribed. The inscriptions and the emblem on the stone are engraved in relief. There are no inscriptions or symbols on the other two sides of the tombstone.

Fig. 5. Front side of the qulpytas No. 1
5-сур. № 1 құлпытастың алдыңғы беті
Рис. 5. Лицевая сторона құлпытаса № 1

An epitaph is engraved on the front side of the gravestone monument (fig. 5).

Text:

1. منكه ه ابن باى سيد ۱۲۸۰ لا اله الا الله محمد رسول الله

Transcription: Mönke ibn Bāy Seyid 1280 (1864). Lā ilāha illā Allāh Muhammad Rasūl Allāh

Translation: Monke ibn Bai-Seyid 1280 (1864). There is no deity but Allāh; Muhammad is the Messenger of God.

According to our analysis, this stela belongs to Monke, the son of Baiseit, a conclusion that aligns with S. Aqylbek's findings. However, the text on the other two qulpytases diverges from Aqylbek's interpretation.

Tombstone No. 2 (fig. 6) is divided into two parts. On the front face of the triangular monument, Arabic script is engraved within a single cartouche. On both sides of the cartouche, there are representations of a seven-pointed sun symbol within a circle, which is a widespread official symbol frequently found on stones referred to as “Samarkand blue stone”. The tombstone measures 80.05 cm in length and 10.03 cm in width.

Fig. 6. Front side of the qulpytas No. 2
6-сур. № 2 құлпытастың алдыңғы беті
Рис. 6. Лицевая сторона құлпытаса № 2

An epitaph is engraved on the front surface of the second qulpytas (fig. 6).

Text:

1. بسم ملا بن شالكاه باى...

Transcription: Bism... Mullā bin Šālkāhbāy...

Translation: Bismi [Built in the name of] ... Mullā, the son of Shalkebay ...

In the list of stones translated by S. Aqylbek, there is a similar tombstone marked with the No. 38 [Aqylbek 2000: 25]. Since he describes that the stone is split in two, there are inscriptions on both sides, the description is similar in all respects, but he concludes that the inscriptions on the front surface are unreadable. The photo of the stone is not presented. That's why we don't know if it's this stone or not.

There are inscriptions on both edges of the tombstone. On the *right side of tombstone No. 2* (fig. 7) is written the Muslim “Kalima”. The stone is carved in a trapezoidal shape with a flattened front side and a smaller lower side, due to which the stone appears to be triangular in shape.

Fig. 7. Right side of the qulpytas No. 2
7-сур. № 2-құлпытастың оң жақ қыры
Рис. 7. Правая сторона құлпытаса № 2

Text:

1. لا اله الا الله محمد رسول الله

Translation: There is no deity but Allāh; Muhammad is the Messenger of God

The left side of tombstone No. 2:

Fig. 8. Left side of the qulpytas No. 2
8-сур. № 2 құлпытастың сол жақ қыры
Рис. 8. Левая сторона құлпытаса № 2

Text (fig. 8):

1. بسم الله الرحمن الرحيم الله لا اله هو الحي القيوم لا تأخذه سنة و لا نوم له ما في السماوات وما في الأرض
2. من ذا الذي يشفع عنده إلا بإذنه يعلم ما بين أيديهم و ما خلفهم و لا يحيطون بشيء من علمه إلا بما شاء
3. وسع كرسيه السموت والأرض و لا يؤده حفظهما و هو العلي العظيم

Translation of “Āyatal-Kursī” (Coran 2: 255):

In the Name of Allah, the Most Beneficent, the Most Merciful. Allah – there is no deity except Him, the Ever-Living, the Sustainer of [all] existence. Neither drowsiness overtakes Him nor sleep. To Him belongs whatever is in the heavens and whatever is on the earth. Who is it that can intercede with Him except by His permission? He knows what is [presently] before them and what will be after them, and they encompass not a thing of His knowledge except for what He wills. His Kursi extends over the heavens and the earth, and their preservation tires Him not. And He is the Most High, the Most Great [Surah-translation].

Tombstone No. 3 found inside the mausoleum (fig. 9) is triangular. Decorating this stone is very simple. On the front of the stone there is a Muslim “Kalima” text and the name and year of the owner of the stone. There is no inscription on the other two sides of the stone. The epitaph on the front surface of the stone is engraved. The length of the tombstone is 70.05 cm, the width is 10.03 cm.

Fig. 9. Left side of the qulpytas No. 3
9-сур. № 3 құлпытасың сол жақ қыры
Рис. 9. Левая сторона кулпытаса № 3

Text (fig. 9):

1. لا اله الا الله محمد رسول الله اشهد ان لا اله الا الله و اشهد ان...
2. اوزغر بن حرچن خواجه بن جهانكر ۱۲۱۰ سنه

Translation:

There is no deity but Allāh; Muhammad is the Messenger of God.
I bear witness that there is no god, but Allah and I bear witness that...
Ozghyr ibn Khorshun Khoja ibn Jahangir, 1210 (1795).

Since the inscription on the stone is not clearly visible, it takes a lot of practice to read people’s names correctly. “Turkic onomastics in funerary epigraphy is undoubtedly one of the most challenging areas of study. Epigraphists typically approach these issues in various ways, often consulting the indexes of academic dictionary publications, including those on onomastics, as well as editions of Turkic epic literature.” [Babadjanov, Kurumbaev 2023: 627–628]. If we consider this tombstone in accordance with these requirements, then we can notice the names of two noble families: Genghisids (Jahangir) and Khojas (Khorshun Khoja), whom the Kazakhs called “ақ сүйек – white bone, meaning aristocrat”. In those days, there were Genghisids who followed the path of Tariqa. Three social strata of Kazakhs are represented on this tombstone: son Ozgyr (in Turkic, “be ahead”), father Khorshun Khoja (name of Khoja), grandfather Jahangir (name of Genghisids). Analyzing these anthroponyms, it is possible to understand how the names

of people reflected the political, spiritual, genealogical, and social conditions in the country.

The study of gravestones may necessitate revisions to the classifications established in previous research. Notably, the esteemed scholar B. Babadjanov has articulated the following perspective: “The investigation of the epigraphy of tombstones introduces its own corrections to the accepted classification” [Babadjanov 2023: 209]. “However, the use of the term *qulpytas* to “tombstones” – stone structures of horizontally stepped design directly above the grave (which is present in a number of dictionaries of the Kazakh language, individual publications) – is incorrect: the term *qabir tas* (lit. “grave/tombstone”) is more acceptable for designating “stone tombstones” [Azhigaly 2023: 24]. In the Turkistan region, gravestones are represented by horizontal stepped structures. However, in both popular usage and research works, they are often referred to as “*qulpytas*.” Professor S. Azhigali’s suggestion is well-founded. Nevertheless, in our study, we used the term “*qulpytas*” as this was the term employed by specialists who studied gravestones in this region. We chose the term “*qulpytas*” to avoid misunderstandings during the research process. Furthermore, it is worth noting that the term “*qabir tas*” has not gained scientific recognition among Kazakhstani researchers [Qozhaev, 1996; Tuyaqbaev 2000; Aqylbek 2000; Baigunakov, Sabdenova 2021]. We believe that to define these terms and reach a consensus, it would be advisable to hold a specialized conference.

The type of gravestone commonly referred to as “Samarkand blue stone” is predominantly found in the southern regions of Kazakhstan. While researchers of the gravestones of Karnak may not have paid sufficient attention to the epigraphic texts inscribed on the stones in the southern region of Kazakhstan, they have conducted extensive studies on their forms, categorizing them into nine distinct groups. The gravestones we are examining are referred to as “Samarkand blue stones”. In Southern Kazakhstan, these stones were particularly popular but less accessible to the general populace. The “blue stones” were crafted from serpentinite marble, and their installation was typically reserved for individuals of considerable means [Baigunakov, Sabdenova 2021: 173–174]. These authors note that “blue stones” are often encountered in open-air cemeteries.

It is important to recognize that the “Samarkand blue stones” should ideally be preserved in mausoleums, shrines, and covered burial sites, such as domed structures. Due to the fact that these stones are not buried in the ground, there are numerous instances of them being displaced from their original locations. Consequently, over time, these stones have been relocated, making it difficult to ascertain which gravestone corresponds to a specific grave. As a result, many of these stones are found lying near the graves of Lashyn-Bab and Qargha-Bab within the mausoleum. Ideally, these gravestones should be situated in the burial grounds outside the mausoleum. To prevent their loss, it is likely that some individuals have placed them inside the mausoleum.

The inscriptions on the tombstones located both on the facade of the Arystan-Bab Mausoleum and on the *qulpytas*es inside have not been previously published or clearly translated, thus warranting their introduction into scholarly discourse. Moreover, the mausoleum of Arystan-Bab, a key figure in Central Asian Islamic tradition, serves not only as a religious site but also as an important historical and archaeological monument.

The immense significance of the sacred site of Arystan-Bab for history, culture, and spirituality is underscored by the popular proverb: “Stay overnight at Arystan-Bab [Mausoleum] and ask [for wishes to come true] from Khoja Akhmet” (“Арыстан Бабқа түне, Қожа Ахметтен тіле”). In recent years, the mausoleum has become a major destination for pilgrimage tourism, symbolically central to history and culture.

In 2006, a special site near the Arystan-Bab Mausoleum was allocated for the reburial of remains brought from the graves of the great sons of the Dasht-i Kipchak steppe, Abu Nasr al-Farabi (950–951) and Sultan Baybars (1260–1277). To carry out this honorable mission, a delegation traveled to the Syrian

Arab Republic, including the Chairman of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan, Mufti Absattar Haji Derbisali, Rector of Al-Farabi Kazakh National University, Professor Tolegen Qozhamqulov, Akim of the Otrar District of South Kazakhstan Region Alimzhan Kurtaev, employee of the Al-Farabi Museum in Otrar Abdolla Zhumashov, and Director of the Republican Publishing House “Bilim” Zharylqasyn Nusqabaiuly.

Indeed, the 12th to 14th centuries marked a period in which Turkic Muslim culture and literature were forming and flourishing across vast territories stretching from Turkistan and Dasht-i Kipchak to Egypt and Syria. A striking testimony to this is found in Arabic-Kipchak dictionaries. “In the 14th century, unique mixed written languages emerged, and literature developed on these mixed languages in the territories of the Golden Horde, Central Asia, and Egypt” [Nadzhip 1965: 14]. After the fall of the Golden Horde, many literary and cultural figures were forced to leave the region and move to other countries. Most of them relocated to Asia Minor, Syria, and Egypt. By the end of the 14th century, the literary and cultural center of the Turkic world shifted to Egypt [Nadzhip 1979: 32].

One of the cultural phenomena of Egypt and Syria under the Mamluk rulers (1250–1517) was the spread and development of Turkic-language literature. Much of this consisted of Arabic-Turkic dictionaries, including works such as: *Kitab Majmu‘ Tarjuman Turki wa ‘Ajami wa Mughali wa Farsi* by Khalil ibn Muhammad al-Qunawi; *Kitab al-Idrak li-Lisan al-Atrak* by Athir al-Din Abu Hayyan Muhammad ibn Yusuf al-Gharnati (654–745/1256–1344); *Kitab Bulghat al-Mushtaq fi Lughat al-Turk wa al-Qiffaq* by Jamal al-Din Abu Muhammad ‘Abdallah al-Turki; *al-Durra al-Mudiya fi-l-Lugha al-Turkiya* by an anonymous author; and *al-Shudhur al-Dhahabiya wa al-Qita‘ al-Ahmadiya fi-l-Lugha al-Turkiya* by Ibn Mulla Muhammad Salih (written around 1619 in Egypt). These dictionaries bear features largely associated with Central Asian culture. Linguists have determined that much of the vocabulary is of Kipchak and Golden Horde origin.

The Arystan-Bab complex is classified as a sacred site, preserving the cultural and historical heritage of the Karakhanid State, Golden Horde, and subsequent periods. It retains cultural layers from many eras, which is why conducting interregional comparative studies has become a pressing task. In this regard, the epigraphic monuments of Kazakhstan (particularly in the Syr Darya basin) and countries of the Middle East are of value. Additionally, Kipchak-Arabic dictionaries created in medieval Egypt remain an underutilized source for research on the history of the Kazakh language.

5 Conclusion

The mausoleum of Arystan-Bab is a unique architectural complex located in the current-day Turkistan region, shrouded in mystery and folklore. The construction history of the mausoleum mirrors that of many similar structures across the country. Typically, after the death of notable and revered figures, they were first buried in graves, with mausoleums erected later. Over time, these mausoleums would deteriorate due to natural conditions, resulting in their destruction and subsequent reconstruction. The architectural style of each mausoleum was influenced by the religious and cultural traditions of their respective periods. Moreover, the design often reflected not only the social status of the deceased but also the vision of the donors and builders, shaping what they believed a mazar (sacred place) should represent.

The mazar of the Muslim saint Arystan-Bab, who played a significant role in promoting Islamic values in Kazakhstan, was constructed in accordance with Islamic canons. However, it also incorporates elements typical of medieval Central Asian architecture. Although the current structure dates to the 20th century, archaeological evidence has confirmed that the grave of Arystan-Bab itself is authentic, dating back to the 12th century. The mausoleum underwent several phases of destruction and rebuilding, notably in the 14th and 17th centuries, leading to architectural modifications over time.

Regarding the epigraphic monuments, research has shown that the inscriptions carved on the mausoleum’s walls are directly related to the structure itself. Notably, there are inscriptions on the portal

and the façade of the building, providing information about the date of construction and the name of the architect responsible. However, the administration made an error in the explanatory plaque, which misrepresents certain historical facts.

The qulpytases found inside the mausoleum appear to have been placed there without clear purpose, as no corresponding graves have been located within the mausoleum. Further archaeological investigation is required to determine their origin, but it is likely they were brought from a nearby cemetery. Based on the inscriptions, these tombstones date to the 18th and 19th centuries, and the individuals commemorated have no direct connection to the construction or reconstruction of the mausoleum. Despite this, the main epigraphic monuments carved on the mausoleum of Arystan-Bab are unique and hold immense historical and cultural value for Kazakhstan. The study of Arabic-script epigraphic monuments in the southern region of Kazakhstan holds significant potential for future research. These monuments, as invaluable artifacts of Islamic civilization and the writing culture of the Kazakh people, represent a rich heritage within the field of architectural history. It is expected that efforts to further explore and elucidate these cultural treasures will continue, contributing to a deeper understanding of their historical and cultural significance.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Ажигали С.Е.* Казахские кулпытасы – аналоги якутских сэргэ: ареал, типология, генезис // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 4(45). С. 20–36.
- 2 *Акылбек С.Ш.* Арыстан баб мазаратындағы құлпытастар. Эпиграфические памятники кладбища Арыстан-Баб. Шымкент: Арыс, 2000. 40 с.
- 3 *Акылбек С.Ш.* Мавзолей Арыстан-Баб в свете новых данных // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1 (268). С. 87–92.
- 4 *Бабаджанов Б.М.* Социальная семантика эпиграфики надгробий золотоордынского Хорезма (по археологическим находкам XX века) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 2 (20). С. 203–221.
- 5 *Бабаджанов Б.М., Курумбаев А.Ш.* Эпитафии постмонгольской эпохи. Опыт сравнительного исследования // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 623–634.
- 6 *Бабтардың бабы – Арыстан баб* // Электронный информационный портал «aimak.com.kz» URL: <https://aimak.com.kz/?p=1094#> (дата обращения: 01.07.2024 г.).
- 7 *Байгунаков Д.С., Сабденова Г.Е.* Мусульманские надгробные памятники Карнак (Туркестанская область) как историко-археологический источник // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 167–178.
- 8 *Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В., Гайнутдинов А.М., Хамидуллин С.Р., Багаутдинова Л.Н.* Документирование булгаро-татарских эпиграфических памятников современными методами // Восток. 2023. № 6. С. 29–41.
- 9 *Дастанов О.* Әулиелі жерлер туралы шындық. Алматы: Қазақстан, 1967. 80 б.
- 10 *Девин ДиУис.* Маша'их-и турк и Хваджаган: переосмысление связей между суфийскими традициями Йасавийа и Накшбандийа // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998) / Сост. и отв. ред. А.А. Хисматулин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 211–243.
- 11 *Ёлгин Ю.А.* Об архитектуре мавзолея-мечети Арыстан-Баб // Вестник НАН РК. Сер. обществ. наук. 2012. № 2. С. 147–162.
- 12 *Исабаев Г.А.* Трансформация «кирпичного» стиля и модерна в некоторых памятниках мемориально-культурного зодчества Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1990. № 4. С. 40–45.
- 13 *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края / Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. 1910. № 22. 353 с.
- 14 *Константинова В.В.* Некоторые архитектурные памятники по среднему течению Сыр-Дарьи // Известия АН КазССР. Сер. архит. 1950. № 2 (80). С. 19–40.
- 15 *Көпрулу Ф.* Түркі әдебиетінде алғашқы сопы-ақындар / Аударған Доктор Кенан Коч. Түркістан: А. Ясауи университетінің Өкілетті кеңес басқармасы, 2016. 173 б.
- 16 *Қожаев М.* Арыстанбаб және оның кесенесі. Шымкент: Жібек жолы, 1996. 48 б.
- 17 *Маргулан А.Х.* Мир казаха. Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. 57 с.

- 18 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент: [б.и.], 1930. 23 с.
- 19 Медерова Д.Е., Нурманова А.Ш., Дүйсенев Б.Д., Құрманбаева Қ.С. «Исабек-Ишан қорымы» эпиграфикалық ескерткіштері тарихи-мәдени дереккөз ретінде // Ұлы дала тарихы мен мәдениеті / Бас. ред. М.Қ. Әбусейітова. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 368–376-бб.
- 20 Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Қазақстан архитектурасы – Архитектура Казахстана / Сост. А.К. Капанов, А.И. Рустембеков. 1 том (қазақша, орысша). Алматы: Өнер баспасы, 2010. С. 181–203.
- 21 Муминов А.К. Шиитские культурные влияния на Центральную Азию (на примере деятельности ‘алидов) // *Ars Islamica: В честь Станислава Михайловича Прозорова* / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. М.: Наука, 2016. С. 647–728.
- 22 Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в.: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1965. 94 с.
- 23 Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. М.: Наука, 1979. 478 с.
- 24 Пославский И.Т. Развалины города Отрара // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год III. Ташкент: типо-литогр. торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1898. С. 236–238.
- 25 Сембин М. Арыстанбап // Білім және еңбек. 1987. № 2. С. 41–43.
- 26 Surah-translation. URL: <https://surahquran.com/Surah-translation/meanings-ru-language-2-surah-2.html> (accessed: 01.07.2024).
- 27 Тұяқбаев М. Түркістанда жерленген тарихи тұлғалар. Алматы, 2000. 96 б.
- 28 Черкасов А. Поездка на развалины Отрара // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год VIII. Ташкент: типо-литогр. В.М. Ильина, 1903. С. 70–74.
- 29 Шағырбай А.Д. XIX ғ. соңы мен XX ғ. басында қалыптасқан діни ахуал // Адам әлемі. 2022. № 3 (93). 133–146-бб.
- 30 Ясауи Х.А. Диван-и Хикмет. Рукопись // Музей Арыстан-Баб. КП 7740.
- 31 Ясауи Х.А. Рисала дәр адаби тариқат. Қолжазба кітап / Жауапты ред. С.С. Моллақанағатұлы. Түркістан: «Әзірет Сұлтан» қорық-музейі, 2021. 52 б.
- 32 *Bice Hayati*. Pir-i Türkistan Hoca Ahmet Yesevi. Ankara: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2016. 400 s.

REFERENCES

- 1 Azhigali, S. E. 2023. In: *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik (North-Eastern Journal of Humanities)*, 4 (45), 20–36 (in Russian).
- 2 Aqylbek, S. S. 2000. *Epigraficheskie pamiatniki kladbishcha Arystan-Bab (Epigraphic Monuments of the Arystan-Bab Cemetery)*. Shymkent: “Arys” Publ. (in Kazakh).
- 3 Aqylbek, S. S. 2009. In: *Izvestiia Natsionalnoy Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Ser. obshchestv. Nauk (News of the National Academy of Sciences. Social Sciences Series)*, 1 (268), 87–92 (in Russian).
- 4 Babadjanov, B. 2023. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (20), 203–221 (in Russian).
- 5 Babadjanov, B. M., Kurumbaev, A. Sh. 2023. In: *Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* vol. 19, no. 3, 623–634 (in Russian).
- 6 *Babtdyng baby – Arystan-Bab (The Main Saint among Saints – Arystan-Bab)*. Electronical informational portal «aimak.com.kz». URL: <https://aimak.com.kz/?p=109#> (accessed 01.07.2024) (in Kazakh).
- 7 Baigunakov, D. S., Sabdenova, G. E. 2021. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 4 (38), 167–178 (in Russian).
- 8 Gainullin, I. I., Abdullin, H. M., Kasimov, A. V., Gainutdinov, A. M., Hamidullin, S. R., Bagautdinova, L. N. 2023. In: *Vostok (Oriens)*, 6, 29–41 (in Russian).
- 9 Dastanov, O. 1967. *Aulieli zherler turaly shyndyq (The Truth about Sacred Places)*. Almaty: “Kazakhstan” Publ. (in Kazakh).
- 10 Devin, DeWeese. 2001. In: Hismatulin, A. A. (ed.). *Sufizm v Tsentralnoy Azii (zarubezhnye issledovaniya): sb. st. pamyati Fritsa Majera (1912–1998) (Sufism in Central Asia (foreign studies): collection of articles in memory of Fritz Mayer (1912–1998))*. St. Petersburg: Philology faculty of the St. Petersburg State University, 211–243.
- 11 Yolgin, Y. A. 2012. In: *Vestnik Natsionalnoy Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the Academy of Sciences RK)*, 2, 147–162 (in Russian).

- 12 Isabayev, G. A. 1990. In: *Izvestiia Akademii nauk KazSSR. Ser. obshchestv. nauk (News of the National Academy of Sciences. Social Sciences Series)*, 4, 40–45 (in Russian).
- 13 Kastan'e/Castagné, I. A. 1910. *Drevnosti Kirgizskoy Stepi i Orenburgskogo kraia (Antiquities of the Kyrgyz Steppe and the Orenburg Region) / Trudy Orenburgskoy uchenoi komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission)*, 22 (in Russian).
- 14 Konstantinova, V. V. 1950. In: *Izvestiia Akademii nauk KazSSR. Seriiia arkhitekturnaia (News of the National Academy of Sciences. Architect. Series)*, 2 (80), 19–40 (in Russian).
- 15 Köprülü, F. 2016. *Türki âdebietinde alghashqy sopy-aqyndar (The First Sufi Poets in Turkic Literature)*. Translation Dr. Kenan Koch. Turkistan: A. Yasawi universitetining Okiletti kenges basqarmasy (Yasawi University Plenipotentiary Council Office) (in Kazakh).
- 16 Qozhaev, M. 1996. *Arystanbab zhâne onyng kesenesi (Arystan-Bab and His Mausoleum)*. Shymkent: “Zhibek zholy” Publ. (in Kazakh).
- 17 Margulan, A. K. 1997. *Mir kazakha (Kazakh World)*. Almaty: Institute of Development of Kazakhstan (in Russian).
- 18 Masson, M. E. 1930. *Mavzolei Khodzha Ahmeda Iasevi (Mausoleum of Khoja Ahmed Yasevi)*. Tashkent (in Russian).
- 19 Mederova, D. E., Nurmanova, A. S., Dyussenov, B. D., Qurmanbayeva, Q. S. 2020. In: Abusejitova, M. Q. (ed.). *Uly dala tarihy men madenieti (History and culture of the Great Steppe)*. Almaty: “Shyghys pen Batys”, 368–376 (in Kazakh).
- 20 Mendikulov, M. M. 2010. In: Margulan, A. K., Basenov, T. K., Mendikulov, M. M. (eds.). *Arkhitectura Kazakhstana (Architecture of Kazakhstan)*. Vol. 1 (in Kazakh, Russian). Almaty: “Oner” Publ., 181–203 (in Russian).
- 21 Muminov, A. K. 2016. In: Piotrovskiy, M. B., Alikberov, A. K. (eds.). *Ars Islamika. V chest' Stanislava M. Prozorova (Ars Islamica. In honor of Stanislav M. Prozorov)*. Moscow: “Nauka” Publ., 647–728 (in Russian).
- 22 Nadzhip, E. N. 1965. *Kypchaksko-oguzskiy literaturnyy yazyk mamliukskogo Egipta XIV v. (Kipchak-Oguz Literary Language of Mamluk Egypt in the 14th century)*. Abstract of the Thesis Dr. Philology Sciences. Moscow (in Russian).
- 23 Nadzhip, E. N. 1979. *Istoriko-sravnitelnyy slovar tyurkskikh yazykov XIV veka. Na materiale “Khosrau i Shirin” Kutba (Historical and comparative dictionary of Turkic languages of the 14th century. Based on the material of “Khosrau and Shirin” by Qutb)*. Book I. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 24 Poslavskiy, I. T. 1900. In: *Protokoly Turkestanskogo kruzhka liubitelei arkheologii (Protocols of the Turkistan Circle of Amateurs of Archaeology)*, III. Tashkent, 236–238 (in Russian).
- 25 Sembin, M. 1987. In: *Bilim zhâne eñbek (Education and Work)*, 2, 41–43 (in Kazakh).
- 26 Surah-translation. URL: <https://surahquran.com/Surah-translation/meanings-ru-language-2-surah-2.html> (accessed: 01.07.2024).
- 27 Tuyaqbayev, M. 2000. *Turkistanda zherlengen tarihi tulghalar (Historical figures buried in Turkistan)*. Almaty (in Kazakh).
- 28 Cherkasov, A. 1903. In: *Protokoly Turkestanskogo kruzhka liubitelei arheologii (Protocols of the Turkistan Circle of Amateurs of Archaeology)*, VIII, 70–74 (in Russian).
- 29 Shagyrbay, A. D. 2022. In: *Adam alemi (Human world)* 3 (93), 133–146 (in Kazakh).
- 30 Yasawi, K. A. 1281. *Divan-i Hikmet*. Manuscript of the Arystan-Bab Museum, KP 7740 (in Turkish).
- 31 Yasawi, K. A. 2021. Mollakanagatuly, S. S. (ed.). Yasawi, Khoja Ahmed. *Risala dar Adab-i Tariqat. Qolzhazba Kitap (Treatise on the Etiquette of Sufi Brotherhood. Manuscript Book)*. Turkistan: Reserve-Museum “Azret Sultan” (in Kazakh).
- 32 Bice, Hayati. 2016. *Pir-i Türkistan Hoca Ahmet Yesevi (Khoja Ahmet Yasawi Who is the Holy Person of Turkistan)*. Ankara: Khoja Akhmet Yassawi International Turkish-Kazakh University (in Turkish).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.08.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2024.

Алтай қазақтарының рулық таңбаларына шолу

© 2024 ж. Сейітханұлы Ш., Самашев С.Қ.

Keywords: tanba, sign, Kazakh people, clan-tribe, Altai Kazakhs

Түйін сөздер: таңба, белгі, қазақ халқы, ру-тайпа, Алтай қазақтары

Ключевые слова: тамга, знак, казахский народ, род-племя, казахи Алтая

Shynarbek Syeitkhan^{1,2} and Samat Samashev^{3*}

¹Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia

²Bursa Uludag University, Bursa, Turkey. ORCID: [0000-0003-3068-4418](https://orcid.org/0000-0003-3068-4418) E-mail: shynarbek20@gmail.com

^{3*}Corresponding author, State Historical and Cultural Reserve-Museum “Berel”, Kazakhstan, village Zhambyl, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region. ORCID: [0000-0003-3450-3629](https://orcid.org/0000-0003-3450-3629) E-mail: ssamashev@gmail.com

Review of Tribal Symbols of Altai Kazakhs

There is a lot of historical data on the use of signs by nomadic peoples since ancient times. It is not known from what language the words tamga, tamaga, damga, used in the ordinary sense among Turkic and Mongolian peoples, were originated. According to written sources, the information about the sign is recorded in the ancient Turkic language in the form of *tamya* or *tamyači*, and in some Persian and Turkish sources - “belgü”, “tuğra (tuğra)”, “mühür”, “mör”, “tamya”, “tavro”, “nişan” words are written in the meaning of a sign, symbol. The concept of “tamga” was used differently or equally by Turkic and Mongolian peoples, who have had close ties since ancient times. From the historical point of view it is known that the use of the symbol went through different stages of development. Especially in different periods of the Stone Age, the signs and symbols were used to designate specific places, holy places, possession of weapons and various other things. However, in the Paleolithic-Neolithic period, although social organizations were not developed, the signs were widely used, but their exact definition still requires scientific research. The archaeological excavations show that the tradition of using signs originated in very early times. Based on such historical and archaeological data, it can be assumed that the use of symbols among nomadic tribes began in the Bronze Age, even earlier. However, to date, the international studies have explored the traditions of sign formation and use, but the research conducted on the history and use of signs among nomadic peoples is still insufficient. This article presents brief scientific information about “tanba (sign, symbol)” and gives information about the meaning of Kazakh tribes and the system of signs and symbols of the Altai Kazakhs.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024–2026, project IRN AP23486716.

For citation: Syeitkhan, S., Samashev, S. 2024. Review of Tribal Symbols of Altai Kazakhs. *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 262-273 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.262.273](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.262.273)

**Шынарбек Сейітханұлы^{1,2},
Самат Самашев^{3*}**

¹Моңғолия Ғылым академиясының
Тарих және этнология институты,
Ұланбатыр қ., Моңғолия

²Бурса Улудаг университеті, Бурса қ., Түркия
^{3*}корреспондент авторы, «Берел» мемлекеттік
тарихи-мәдени музей-қорығы, Жамбыл ауылы,
Катонқарағай ауданы,
Шығыс Қазақстан облысы, Қазақстан

**Шынарбек Сейтхан^{1,2},
Самат Самашев^{3*}**

¹Институт истории и этнологии Академии наук
Монголии, г. Улан-Батор, Монголия

²Университет Бурса Улудаг, г. Бурса, Турция
^{3*}автор-корреспондент, Государственный историко-
культурный заповедник-музей «Берел», Казахстан,
с. Жамбыл, Катон-Карагайский р-н,
Восточно-Казахстанская область

Алтай қазақтарының рулық таңбаларына шолу

Көшпелі халықтар ерте заманнан бері таңба қолданғандығы туралы тарихи деректер көптеп кездеседі. Соның ішінде Түркі және Моңғол халықтары арасында ортақ мағынада қолданылып келген *тамга*, *тамага*, *дамга* сөздері нақты қай тілден шыққандығы белгісіз. «Таңба» туралы мәліметтер жазба деректер бойынша көне түркі тілінде *tamya* немесе *tamyačī* түрінде ескерткіштердің жазба мәтіндерінде және парсыша, түрікше жазылған кейбір деректерде “belgü”, “tuγraγ (tuγra)”, “mühür”, “mör”, “tamya”, “tavro”, “nišan” деген сөздер *белгі*, *нышан* мағынасында жазылған. «Тамга» ұғымы ерте заманнан бері тығыз қарым-қатынаста болған Түркі және Моңғол халықтары арасында әртүрлі немесе ұқсас қолданылған. Тарихи тұрғыдан алғанда, таңбаның қолданылуы әртүрлі даму кезеңдерінен өткені белгілі. Әсіресе, тас дәуірінің әртүрлі кезеңдерінде таңбалар мен белгілер нақты бір жерді, киелі мекендерді белгілеу және қару-жарақтар мен басқадай алуан түрлі заттарды меншіктеу мақсатында қолданылған. Алайда палеолит-неолит дәуірінде әлеуметтік ұйымдар айтарлықтай дамымаса да, таңбалар кеңінен қолданылды, бірақ оларды нақтылап анықтау үшін әлі де ғылыми зерттеулер қажет. Таңба қолдану дәстүрі өте ерте кезден басталғаны туралы мәліметтер археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде белгілі болуда. Осындай тарихи-археологиялық мәліметтерге сүйене отырып, көшпелі тайпалар арасында таңбалардың қолданысы қола дәуірінен, одан да ертерек басталған деген болжам жасауға болады. Дегенмен бүгінге дейін халықаралық зерттеулерде таңбаның қалыптасуы және қолданылуы дәстүрі біршама зерттелсе де, көшпелі халықтардың арасындағы таңбаның қолданылуы және тарихы туралы жүргізілген зерттеулер әлі де жеткіліксіз. Біз мақаламызда «таңба» туралы қысқаша ғылыми мәлімет бере келе, қазақ ру-тайпаларының маңыздылығы және Алтай қазақтарының белгі, таңба жүйесі туралы деректердегі мағлұматтарды ұсындық.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2024–2026 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР23486716 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Сейітханұлы Ш., Самашев С. Алтай қазақтарының рулық таңбаларына шолу. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 262–273-бб. DOI: [10.52967/akz2024.3.25.262.273](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.262.273)

Обзор родовых символов казахов Алтая

На сегодняшний день имеется множество исторических сведений об использовании знаков кочевыми народами с древнейших времен. Неизвестно, из какого языка произошли слова *тамга*, *тамага*, *дамга*, использовавшиеся у тюркских и монгольских народов. Согласно письменным источникам, информация о знаке зафиксирована в древнетюркском языке в форме *tamya* или *tamyačī*, а в некоторых персидских и турецких источниках – слова «belgü», «tuγraγ (tuγra)», «mühür», «mör», «tamya», «tavro», «nišan» написаны в значении знака, символа. Понятие «тамга» по-разному или одинаково использовалось тюркскими и монгольскими народами, имевшими тесные связи с древнейших времен. С исторической точки зрения использование символа проходило разные этапы развития. В частности, в разные периоды каменного века знаки и символы использовались для обозначения определённых, священных мест, владения оружием и различных других вещей. Однако в период палеолита–неолита, хотя социальные организации не были развиты, знаки широко использовались, но их точное определение до сих пор требует научного исследования. Археологические раскопки показывают, что традиция использования знаков появилась в древности. Основываясь на такие исторические и археологические данные, можно предположить, что использование символов среди кочевых племен началось в бронзовом веке, возможно и раньше. Несмотря на то, что в настоящее время в международных исследованиях изучены традиции формирования и использования знаков, исследований по истории и использованию знаков у кочевых народов, всё ещё недостаточно. В данной статье представлена информация о «танба» и приводятся сведения о значении казахских племён и системе знаков и символов алтайских казахов.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2024–2026, ИРН проекта АР23486716.

Для цитирования: Сейтхан Ш., Самашев С. Обзор родовых символов казахов Алтая. *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 262–273.

DOI: [10.52967/akz2024.3.25.262.273](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.262.273)

1 Кіріспе (Сейітханұлы Ш., Самашев С.)

«Таңба» сөзінің пайда болуы және қолданылуы туралы қысқаша мағлұмат. «Таңба» ескерткіштері мәтіннің ең көне элементтерінің бірі болып саналады. Түркі тайпалары арасында да, одан ерте замандарда да қолданылғаны белгілі. Бұл термин XIII–XV ғасырларда Орта Азия, Таяу және Орта Шығыс, Кавказ жерлерінде кеңінен таралып, көне атауы сақтала отырып, «ханның мөрі қойылған құжат» немесе «салық» дегенді білдіретін жаңа мәнге ие болған. Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі «tamga» (тамға, тамка) деген терминдер қазақ тіліндегі дауыссыз дыбыстардың үндестік заңына сәйкес түрленіп, *m* дыбысы *н*-ға, *g*-дыбысы *б*-ға ауысып, «таңба» атауы қалыптасқан. Қырғыз тілінде *там* – тұтану, от алу. Қазақ тілінде де *там* – «тұтан», «жан» етістіктеріне синонимдес болып келеді. Отты тұтату, жағумен байланысты қазіргі қазақ тілінде қолданылып жүрген «тамыз», «тамызу», «тамызық» сияқты сөздердің де түбірі *там* екендігі рас. «Тамға» (таңба) дегеніміз қарып күйдіру арқылы ірі қара малдың (көбінесе жылқының) сауырына басылатын белгі. Сөйтіп, тамға сөзінің түпкі мағыналық төркіні «там» болғанын, *-га* жұрнағы түбір етістікке жалғанып есім сөз тудырғанын, яғни оның да *-қа* тәрізді (мысалы, тұтқа, жаңқа және т. б.) өнімді жұрнақ екенін аңғаруға болады.

«Таңба» сөзінің төркінін қарастыру үшін түркі тіліндегі деректер мен ғылыми еңбектерге сүйену маңызды. Мәселен, О. Акчокраклы өз еңбегінде: *Damla*-тамшы, *tammak*-тамшылау, *tamura*-тамыр, *tamgizmak*-тамшылату сияқты жұрнақтар көп болғанымен, бұл сөзді мағына жағынан түбірге жалғау айтарлықтай қиын деп келтіріп өткен. Сондай-ақ *Tamga*, *damga* сөзінің *iz*, *tab* мағанасында *tapka* немесе *tapkaç* сөздерінен шыққан деген пікірдің дәлелсіз екендігін айта келіп, бұл сөздің төркінін әлі де нақты зерттеуді тіл мамандарының еншісіне қалдырады. Алайда *dağ* (дағ) сөзі (ыстық темірмен күйдіру) мағынасында *dağlamak* (дагламак) сөзінен шыққан, «*дамга*» *там* мағынасында *даглама* сөзімен байланысты деген пікір білдірген [Акчокраклы 1996: 35]. Отандық зерттеуші Н. Базылхан көне түркілер таңбаларын «*tamyā*» деп атаған дей келе, оның екі мағынасын атап өтеді: біріншісі – ру, тайпалардың белгісі, таңбасы; екіншісі – қағанның алтын мөр белгісі. Оның пікірінше, аталмыш сөздің түп-төркіні **tap-* // **tab-* (бірдеңенің ізі, қалдығы, із қалдыру – «таптау, табы, табандау») және *tam-* (тамызу, күйдіру, белгі-ен басу) дегенді білдірсе, *tam+ya* > *tamyān* (*tamyā+n* / *tamyā+čī* - мағынасы: мөр жасаушы, мөр таңба сақтаушы) > *taŋba* («таңба, таңбалау») деген бағытта дамып өрбіген, ал көне моңғол тілінде «*taba*» – тав (табы, ізі), «*tamaŋa*» – тамага, тамга (таңба) қалпында сақталған [Самашев және т. б. 2010: 35–39].

1.2 Зерттелу тарихына шолу

Қазіргі уақытта таңбаларға қатысты ғылыми еңбектердің қатары күн санап арта түсуде. Солардың ішінде біз қарастырып отырған уақыт пен кеңістікті қамтитын кейбір еңбектерге тоқтала кетсек. Мысалы, түрік зерттеушісі Ж. Алыылмаз жартастағы таңбалардың бүгінде Моңғолия, Алтай, Тува, Қазақстан, Қырғызстан, Әзірбайжан және Анадолы жерлерінен анықталып отырғанын айтады [Alyılmaz 2002: 613–615; Mert 2007: 234]. Сібір аймақтарында зерттеу жүргізген С. Сомунжуоғлұның айтуынша, таңбалар Ресейдің Лена өзенінің аңғарында, Қырғызстанда, Саймалыташ пен Әзірбайжан-Гобустанда көбірек табылған. Сонымен қатар Бурятияда, Хакасияда, Байкал маңында, Оңтүстік Сібірде, Моңғолияда, Тувада, Солтүстік Қытайда, Алтайда, Қазақстанда, Өзбекстанда, Ауғанстанда, Түрікменстанда және Шығыс Анадолы мен Батыс Анадолыда да әртүрлі таңба үлгілері кездесетіндігін және таңба тарихының б.д.д. 14000 жылдарға дейін тереңдей түсетінін жазған [Somuncuoğlu 2008: 12–18]. Таңбалар көптеп табылған жерлер Қытай деректерінде көрсетілген Хакас-Минуса және Тыва, Моңғолия жерлері болып саналады. Бұлардан басқа археологиялық зерттеулерде Алтай таулары, Шығыс Түркістан, Түрікменстан, Қырғызстан, Қырым түбегі, Оңтүстік Ресей және басқа аймақтардағы жартастар мен сынтастардың беттерге жазылғаны

туралы мәліметтер бар [Ервероглу 2005: 13]. Ал қазақстандық зерттеуші М.Қарамендинаның пікіріне сүйенсек, таңбаның ең көп табылған жерлері Дағыстандағы Урецьк қалашығы және Қарашай-Черкесск жеріндегі Хумарин қалашығы болғандығын келтіреді [Қарамендина 2021: 7].

Таңбалардың нақты қашан қолданылғаны даулы болса да, қола дәуірінен бастап әлеуметтік, дипломатиялық, күнделікті және т. б. жұмыстарда қолданылғаны белгілі. Алайда таңбалардың қай кезеңде пайда болғандығын және олардың мағыналарын толықтай түсіндіру мүмкін емес. Кейбір ғалымдардың көзқарасынша рулық таңбалар қоғам дамуымен бірге туыстық (отбасылық) белгілерге айналған. Таңбалар одан кейін әсіресе, мемлекеттік, әкімшілік басқару жүйесінде, сыртқы саяси жұмыстарда қолданылған. Эпиграфиялық мәліметтерге сүйенсек, таңбалардың ең көне түрлері геометриялық фигуралар (дөңгелек, төртбұрыш, үшбұрыш) түрінде, ал кейбіреулері әріп пішіндес болған [Сейітхан, Жаныкулов 2024: 268].

Заманауи таңбатануда ортағасырлық қазақ даласы таңбаларының шығу тарихы мен таралуына қатысты сан алуан пікір бар. Солардың ішіндегі ең негізгілердің бірі М. Тынышпаев қазақ таңбаларының ноғай, башқұрт және Қазан татарларының ру таңбаларымен ұқсас келетіндігін айтқан [Тынышпаев 2010: 88–89]. О. Акчокраклы өз еңбегінде Қырым татарларының таңбаларын зерттеу барысында *алаш*, *қырғыз*, *қазақ* атты ауылдардың кездескендігін және олардың өздеріне тән *алаш*, *қырғыз-қазақ*, *бой қазақ* атты таңба атаулары болғандығын жазып, арнайы кестесін жасап көрсеткен [Акчокраклы 1996: 14–17].

Зерттеушілердің келесі бір тобы қазақ ру-тайпа және жүздерінің қалыптасуын тарқата келіп, қазақ жүздерін XV-XVI ғасырлар аралығында Қазақстанның әр өңірінде қалыптасқан тайпалардың одағы ретінде қарастырған. Сондай-ақ жүздердің шығуы мен «жүз» атауының тарихи мәні туралы ғылыми тұрғыда дәлелденген ортақ бір пікірдің әлі жоқ екендігін алға тартқан, Н.И. Гродеков, Г.Н. Потанин және Н.А. Аристов тәрізді авторлардың қазақ жүздерінің шығуына қатысты еңбектерін халық арасында кеңінен тараған аңыз-әңгімелерге сүйеніп жазғанын келтірген [Арғынбаев және т.б. 2000: 15].

Зерттеуші А.Е. Рогожинский қазақтың үш жүзінің рулық-тайпалық белгілері 200 жылдан астам уақыт бойы зерттеліп келе жатқандығын атап өтеді. Алдымен XVIII ғасырдың соңына қарай Орынбор даласы мен Ертіс өңірінің таңбалары, ізінше XIX ғасырда Кіші жүздің және Орта жүздің негізгі тайпаларының таңбалары туралы мәліметтер жинақталды, ал XIX ғасырдың соңында Қазақстанның оңтүстігі Ресей империясының құрамына кіргеннен кейін Ұлы жүз таңбаларын тіркеу басталғанын айтады [Рогожинский 2010: 101]. М. Қарамендина өз еңбегінде Ю.А. Шмидт, Ә.Х. Марғұланның зерттеулерін негізге ала отырып, қазақ ру-тайпаларының таңбасы үшін ерекше маңызды болып саналатын «Таңбалы тас» (Тамғалы тас) ескерткішіне тоқталады [Қарамендина 2021: 72]. Бұл ескерткішті алғаш 1895 жылы Л. Кузнецов пен Х. Бекхожин зерттеп, тастағы ру таңбаларының көшірмесін алған [Кузнецов 1927: 1–3], сондай-ақ ескерткіш Ә.Х. Марғұланның ғылыми-танымдық мақаласына да арқау болған [Марғұлан 1984: 132–146].

2 Материалдар және зерттеу тәсілдері (Сейітханұлы Ш., Самашев С.)

2.1 Зерттеу әдістері

Бұл мақала қазақ жеріндегі таңба-белгілерді, соның ішінде Алтай қазақтарына тән таңбаларды зерттеу мәселесіне кіріспе есебінде болғандықтан, әзірше тек теориялық талдауды ғана қамтып отыр. Сондықтан негізінен деректанулық талдау әдістемесі басшылыққа алынды. Алдымен мақалаға арқау болған дереккөздер деректанулық, яғни сыртқы және ішкі сыннан өткізіліп, деректердегі нақты мәліметтер логикалық талдау және салыстыру тәсілдері арқылы тексерілді.

Сондай-ақ «таңба» сөзінің шығу тегі герменевтикалық тәсілді қолдана отырып қарастырылған болса, таңба «құбылысының» пайда болуы, дамуы, дәуірлер арасындағы сабақтастығы және

этнографиялық кезеңде бұрынғы мән-мағынасын жоғалта бастауы синергетикалық әдістің қарқынды және жүйелі қағидаттарына сүйеніп талданды.

2.2 Материалға сипаттама

Қазақ таңбаларының ең көнесін жартас суреттері (петроглифтер) арасынан кездестіруге болады. Отандық сөздіктерде таңба сөзінің анықтамасы – дақ, белгі, ен, мөр деп берілген [Қазақ дәстүрлі мәдениетінің... 1997: 216]. Сондай-ақ тіл мамандары таңба, тамға, дамға деп кездесе беруін метатезалық құбылыспен түсіндіреді [Бсқақов және т.б. 1966: 182-183]. Ал Базылхан Бұхаттың айтуынша, «м» мен «н»(η), «ғ»-ға, «б» дыбыстары өзара сыну және өзгеру құбылысына сәйкес өзгерген. Мысалы, көне моңғол тіліндегі «тамақ-а», «тамақалағу», «тамақату» сөздері бүгінгі қазақ тілінде «таңба» (таңба), «таңбалau» (таңбалаяу), «таңбалı» (таңба басылған) ретінде қолданылады [Базылхан 1973: 91].

Дала көшпелілері арасындағы туыстық байланыстағы топтар – «ру» және оның төменгі деңгейін құрайтын топтар «тайпа» деп аталады. Қазақтарда «ру-тайпа» ұғымы қалыптасқан. Н. Аристовтың пікірінше, ру-тайпалардан бөлініп шыққан тармақтардың әрқайсысы және олардан құралған бірлік «ұрық» деп аталады. Жалпы, қазақ халқы бірнеше негізгі тайпаларға бөлінеді, олар кіші рулардан құралады [Аристов 1894: 391-486].

Қазақтың Ұлы, Орта және Кіші жүз таңбаларының көбінің атауы, рулық атаумен бірдей. Мысалы, ашамайлы, бағаналы, балталы, ергенекті, ошақты, сіргелі, тарақты, шанышқылы – әрі ру, әрі таңба атаулары болып келеді [Сейдімбек 2008: 654]. Ру атауларының таңба атауларымен сәйкес келуінің себебі ғылыми тұрғыдан нақты зерттеле қойған жоқ. Алайда бұған қатысты екі түрлі көзқарастың бар екендігі айқын. Бірі – тайпалар таңба атауымен аталды десе, екінші көзқарас – таңбалар тайпа атауымен аталған дейді. Біздің ойымызша, ру атаулары ру таңбаларын қолданғанға дейін болған. Қазақ руларында таңбалар қолданыла бастаған кезден бастап әр таңба рудың атауымен аталды десек ғылыми негізге саяды. Дегенмен кейбір зерттеушілер ру атаулары бұрын қолданылған таңба атауларымен аталған дейді. Оның себебін ежелгі тайпалардың туларындағы, қару-жарақтары мен киім-кешектеріндегі таңбалар олардың қай тайпа екендігін білдіретін болған деп түсіндіреді.

3 Талқылау (Сейітханұлы Ш., Самашев С.)

Қазақ қоғамындағы ұлттық салт-дәстүр және «идеологиясына» қарай ру-тайпалардың таңбалары қанша өзгеріп, тармақталса да, таңбалардың негізгі формалары осы уақытқа дейін сақталған. Түрлі қиын-қыстау дәуірлерде де таңбаның негізгі элементтерін сақтауға тырысты, ал өзгертулер таңбаға тек қосымша сызық немесе елеусіз белгі қосу арқылы мұқият жасалғаны белгілі. Өйткені қазақ арасында рудың таңбасын өзгерту өз құндылығын немесе тәуелсіздігін жоғалту деп есептелген. Қазақтың ру-тайпалық белгілерінің өзгеруі екі негізгі жолмен жүзеге асқан деп саналады: 1) таңба пішінінің тармақталуы, негізгі таңбаға қосымша сызықтар қосу арқылы жасалған; 2) сызықтарды біріктіру арқылы жаңа түр пайда болған, яғни екі бөлек белгі біріктірілген. Алайда қазақ руларымен тектес басқа туыс рулардың таңбалары бір-біріне сәйкес келмейді. Мысалы, қазақтар мен ноғайлар арасында арғын, найман, қыпшақ, қоңырат, керейт, қаңлы, үйсін, телеу, шекті, ырғақты, қитай, ергенекті, қостаңбалы, маңғыт сынды рулар бар. Бірақ ноғайлар арасында найман таңбасы – «балға» Т, керейт таңбасы – «қылыш» J, қыпшақ таңбасы – араб әршімен жазылған «дал» Δ, қоңырат таңбасы – «құйысқан» >, үйсін таңбасы - қос әліп» ||, Арғын таңбасы – «тарақ» ПП. Бұл таңба үлгілері қазақ руларының аттас таңбаларынан өзгеше [Сейдімбек 2008: 650]. Дегенмен ноғайлар мен қазақтар арасындағы аттас тайпалардың кейбірлерінің таңбаларында ұқсастық бар екенін айта кеткен жөн.

Қазақ ханы Тәукенің тұсында (1680–1718) таңбаларға «заңдық» күш берілген, ол жөнінде «Жеті Жарғыда» баяндалған [Қазақтың этнографиялық... 2014: 344]. Қазақта отбасылық таңбалардың шығуын да Тәуке ханмен байланыстырады [Вяткин 1941: 117-118].

Қазақ халқының ру-тайпалық таңбаларын зерттеп, әр рудың таңбасын анықтаған М. Тынышбаев, С. Аманжолов, Н.И. Гродеков, Н. Мыңжан, А. Левшин, Л. Мейер, И. Казанцев, А. Харузин, С.Е. Әжіғали т.б. ғалымдардың еңбектерінде келтірілген таңба пішіндері негізінде бір-бірімен ұқсас келеді. Тек кейбір рулардың ғана таңба үлгісінің саны мен пішіндерінде аздаған өзгешеліктер бар. Бұлардың барлығын біз осыған дейінгі мақалаларымызда тарқатып жазып қойғандықтан [Samashev 2010: 331–340; Сейітханұлы, Жаныкулов 2024: 263–282; Самашев, Сиражева 2022: 32–42] бұл жерде қайталаудың қажеті жоқ.

Қазақ ру-тайпаларының таңба пішіндерін және оның мағыналарын ғылыми тұрғыдан зерттеу жұмыстары әлі де толық қолжетімді емес. Сондықтан да бұл тақырыпты зерттеуді эпиграфикалық тұрғыдан қарастыру маңыздырақ.

Белгілі ғалым Н.А. Аристовтың пікірінше Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі қолданылған әріптерді қазақ таңбаларының арасынан кездестіруге болады [Аристов 1894: 411]. Ғалым қазақтың ру-тайпаларының таңбаларын жан-жақты зерттей отырып, ең көп қолданылған таңба пішіндері тек шеңбер және қос шеңбер , жарты шеңбер және бір түзу сызық немесе қос түзу сызық қатарлы байланыстырушы басты бейнелері болғандығын жазған. Бұл бейнелердің сыртында екі немесе үш сызықтары бар таңба бейнелері мынандай: , , , , , , , , , , , , . Бұл таңбалармен қатар екі түзу сызық немесе үшбұрыштардың қосындысы арқылы салынған бейнелер көбірек қолданылады. , қосымша сызықтардан құралған тік төртбұрышты таңбалар , , , , , , , , , , , , , , , , , , , немесе , , , , , , , , , , , қатарлы бейне, пішіндерден қазақтың ру-тайпалық таңбалары ортаға шыққандығын жазған [Аристов 1894: 412]. Ғалым өз еңбегінде қазақтың ру-тайпаларының таңбаларын басқадай ғылыми зерттеулермен салыстырып зерттей келе, Түркі-Орхон әліпбиіндегі 38 белгінің 29 белгісі қазақтың ру-тайпа таңбаларымен сәйкес келетінін айтқан [Аристов 1894: 412]. Бұл зерттеушілер үшін маңызды пікір екені белгілі.

Бұл зерттеудің ерекше маңызды екендігіне тоқталған А. Сейдімбек егер, түркі әліпбиін төрт түлік малға салынатын ен-таңбалар пішінімен салыстырар болсақ, Н.А. Аристовтың ой-тұжырымы одан әрі дәлелденетіндігін айтады. Сонымен қатар қазақ ру-тайпаларының ен-таңбалары түптеп келгенде, сақ, ғұн, түркі замандарымен сабақтасып жатыр және сол кезеңдерден бастап ен-таңба қоғамдық тәртіп пен әлеуметтік реттілікке қолданылған деп тұжырымдайды [Сейдімбек 2008: 646]. Жалпы, А. Сейдімбек қазақ ру-тайпаларының таңбаларын 7 типке бөліп қарастырған: 1) толық ай, жарты ай, күн немесе көз, яғни дөңгелек пішіндес; 2) тік немесе көлбеу түскен сызық түріндегі; 3) айқыш (крест), ұйқыш (свастика) немесе ашамай тәріздес; 4) бақан немесе аша бейнесіндегі; 5) тарак, босаға және абақ сұлбасындағы; 6) оқ немесе жебеге ұқсас; 7) заттар мен жан-жануарлардың типологиялық сұлбасын беретін таңбалар. Аталмыш типтердегі таңбалар қазақтың үш жүзіне кіретін руларда да, кірмейтін руларда да кездесе береді. Қазақтың негізгі ру-тайпаларының таңбалары дөңгелек пішіндес болып келеді. Бұлардың әрқайсысы негізгі таңбаға қосымша белгілер салу арқылы өздерінің даралығын айғақтаған [Сейдімбек 2008: 658].

Қазақтың ру-тайпалары арасында қолданылған таңба түрлері көне және орта ғасырлардағы жартастарға сызылған таңба түрлерімен және де кейбір археологиялық қазбалардан шығып жатқан бұйымдарда салынған таңба пішіндерімен де ұқсас келеді.

4 Нәтижелер (Сейітханұлы Ш., Самашев С.)

Алтай қазақтарының таңба-белгілері бұрын-соңды арнайы зерттеулерде қарастырылмаған. Сол себепті жаңа ғылыми жоба аясында жоспарланып, зерттеу жұмыстары енді бастау алғалы отыр. Алтайды ежелден атақоныс еткен қазақтар бүгінде Қазақстан, Ресей, Моңғолия, Қытай және Түркия аумағында (Алтайдан Анадолыға көшкен қазақтар) өмір сүруде. Алдағы екі жылда аталмыш өңірлерге археотногографиялық экспедиция жүргізіледі деп күтілуде. Әзірше тек қолда бар жазба деректерге ғана жүгіне аламыз. Шыңжаң Алтайын мекен еткен қазақтардың таңбалары қытай тарихшысы Су Бэйхайдың [Бэйхай 2001: 129–136], Түркия қазақтарының таңбалары Халифа Алтайдың [Altay 1981: 25-26], Моңғол Алтайы қазақтарына қатысты деректер Гагаа овогтой Золбаярдың [Золбаяр 2016: 18-19] еңбектерінде келтірілген. Ресей Алтайында тұратын қазақтардың таңба-белгілерін жеке-дара қарастырған еңбекті әзірше ұшырастырмадық. Шетелдік Алтай қазақтарының таңбаларына қатысты жоғарыда аталған үш еңбекті Қазақстан таңбатануында ғылыми айналымға жүрген деректермен салыстыру бізге төмендегідей нәтиже беріп отыр:

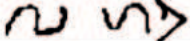

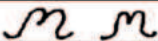
№	Ру атаулары	Моңғол деректеріндегі казак ру таңбалары	Қытай деректеріндегі казак ру таңбалары	Түркия деректеріндегі казак ру таңбалары	Қазақстан деректеріндегі казак ру таңбалары
	КЕРЕЙ				☐ + X
1	Ителі				
2	Жәдік				
3	Жәнтекей				
4	Шеруші				
5	Қарақас				
6	Молқы				
7	Шыбарайғыр				
8	Меркит				
9	Жастабан				
10	Сарбас				
11	Көнсадақ				
12	Құлтайболат				

Продолжение таблицы 1
1-кестенің жалғасы
Continuation of table 1

	НАЙМАН				
1	Терістаңбалы				
2	Сарыжомарт				
3	Бағаналы				
4	Балталы				
5	Қаракерей				
6	Матай				
7	Садыр				
8	Ергенекті				

9	Бура				±
	АРҒЫН				
	Жоғарғы шекті				
	Төменгі шекті				
	УАҚ				
	ТӨРЕ				

1-кесте – Алтай қазақтарының таңбалары
Table 1 – Symbols of Altai Kazakhs
Таблица 1 – Тамги казахов Алтая

Арнайы тоқтала кететін жайт, Су Бэйхайдың еңбегінде келтірілген Шыңжаң Алтайындағы жартастағы қазақ таңбаларының жанынан көне түркі таңбаларының кездесетіндігі. Бұл біздің осыдан бұрынғы «қазақ арасында сақталған ру атаулары мен ен-таңбаларды түркі әлеміндегі параллельдігіне қарай зерттеу – олардың түп-тамырын кем дегенде ерте ортағасырлардан алатындығын, көне түркі дәуірінде қалыптасып, сақталып келе жатқандығын көрсетіп отыр» деген тұжырымымызды растап отыр [Самашев 2023: 77].

5 Қорытынды (Сейітханұлы Ш., Самашев С.)

Дала мәдениетінен кейін «жеке меншік» ұғымы қалыптасқан кезеңнен бастап таңба пайда болды деуге болады. Таңбаның шығу кезеңін нақты анықтау бұдан да тереңірек ғылыми зерттеулерді талап етеді. Алайда таңбаның ежелгі тас дәуірінен бастау алып, қола дәуірі заманында кеңінен қолданылғаны дәлелденіп қойған. Ғалымдардың көпшілігі таңбаның шығу кезеңін қола дәуірінен басталатындығын айтады. Малды немесе қандай да бір затты өз иелігіне, меншігіне алу үшін арнайы бір белгі немесе нышан қажет болғандықтан таңба пайда болған. Әр ру-тайпаның немесе этникалық топтың өздеріне тиесілі таңбалары болғандығы белгілі.

«Таңба» сөзі қай тілден шыққандығы туралы анық дәлел жоқ. Алайда Түркі-Моңғол тілдерінде ортақ мағынада қолданылса да, сөздің түбірі, мағынасы Түркі тіліне жақын. Көне түркі тіліндегі жазбаларда «тамга», «тамқа» және «тамгашы» түрінде кездесетіндіктен «таңба» сөзінің төркіні түркі тілінен шыққан деуге толық негіз бар. Бұл сөздердің түп-төркінін анықтау және қолдану дәстүрлерін нақты зерделеу әлі де ауқымды ғылыми зерттеулерді қажет етеді.

Таңбаның даму жолдары тотемдік сипаттарға сәйкес және ежелгі халықтардың наным-сенімі бойынша түрлі жануарлардың суретін жартастарға, үңгір қабырғаларына салу арқылы пайда болған. Осындай бейнелерді салып үйренген ежелгі ру-тайпа адамдары кейінірек өздерінің қолданатын қару-жарақ, мүлкіне де белгі салуды әдетке айналдырған. Осылайша бұл әрекет дами

келе, малшаруашылығы дамыған дәуірде малға салынатын «ен-таңба» түрінде қолданылған, сөйтіп темірді қыздыру арқылы малға таңба басқан. Әр ру-тайпа өздерінің таңбаларын белгілеп ресми хат, жарлық, салық сияқты құжаттарға да қолданған.

Қазақтардың таңбалау жүйесінің сонау сақ, үйсін, ғұн, қаңлы, сармат, берісі ежелгі түркі мен қыпшақ сынды байырғы этносаяси бірлестіктермен генетикалық байланысы бар екенін көрсетеді. Демек, қазақтың ру-тайпалық таңбалары өзінің ежелгі кескін-бітімін күні бүгінге дейін сақтады деп айтуға әбден болады. Алайда көптеген ру-тайпалардың таңбалары өзінің әуелгі төл атауларынан ажырап қалғандығы байқалады. Бұған саяси-әлеуметтік, әсіресе, дүниетанымдық, діни, идеологиялық ықпалдардың әсер еткендігі белгілі. Мақаламызда осындай өзекті мәселелермен қатар қазақ даласы таңбаларының тарихы және ортаға шығуы, Ұлы жүз, Орта жүз, Кіші жүз ру-тайпалары таңбаларының пішін-бейнесі зерттеле отырып, жаңаша көзқарастар мен пікірлер баяндалды.

Таңбалар қазақ жерінде неолиттен бастап кездеседі. Ал бұл тақырыптың зерттелуі XVII ғ. басталса, археологтар мен этнологтар 1881 жылдардан таңбаға қатысты зерттеулер жүргізгендігі туралы мәліметтер бар. Таңбаның басқа да елдерде ғылыми тұрғыдан зерттеле бастағаны да осы уақытпен тұспа-тұс келеді. Орта ғасырлық қазақ ру-тайпаларының қолданған таңбалары туралы жасалған ғылыми зерттеулер санаулы ғана. Бұған түрлі идеологиялық саяси көзқарастар әсер еткені белгілі. Осы тақырыптар аясындағы зерттеулер соңғы 20-30 жылдан бері қарқынды дамып келеді.

Қазақ ру-тайпаларының таңбаларында бейне-пішін әртүрлі. Байырғы қазақ сахарасын мекен еткен заттық, дүниетанымдық, діни т.б. мағынаны білдіретін белгілермен қатар бірлік, бүтіндік, қаһармандық мағынаны білдіретін түрлі символдық белгілер қолданылған. Бүгінгі Шығыс Түркістан, Алтай өңіріндегі қазақтарда да заттық бұйымдарды білдіретін таңба-белгілер көптеп қолданылады.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Арғынбаев Х., Мұқанов М.С., Востров В.В.* Қазақ шежіресі хақында. Алматы: Атамұра, 2000. 464 б.
- 2 *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Вып. 3-4. С. 391–486.
- 3 *Базылхан Б.* Моңғол-қазақ тілдерінің салыстырмалы тарихы грамматикасы = Краткая сравнительная - историческая грамматика монгольских-казахских языков = Монгол-казах хэлний харьцуулсан-түүхэн хэлзүй. Өлгий, 1973. 172 б.
- 4 *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. Л.: Госполитиздат, 1941. Т. 1. 368 с.
- 5 *Кузнецов А.О.* надписи на камне Тамгалы-Тас в пустыне Бетпак-Дала Атбасарского уезда Акмолинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Географического общества. Вып. XVI. 1927. С. 1–3.
- 6 *Қарамендина М.* Қазақ халқының таңбалары мен ұрандары. Алматы: Арыс, 2021. 231 б.
- 7 *Қазақ дәстүрлі мәдениетінің энциклопедиялық сөздігі.* Құрастырған А. Құралұлы; Жалпы редакциясын басқарған Ғ. Халықұлы. Алматы: Сөздік-Словарь, 1997. 368 б.
- 8 *Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі.* Энциклопедия. Ғылыми редактор және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. 5-том. Ө-Я. Алматы: Азия Арна, 2014. 343 б.
- 9 *Марғұлан Ә.* «Тамгалы тас» жазуы // Жұлдыз. 1984. № 1. 132–146-бб.
- 10 *Монголын казахын угсаатны зүй* (= Этнография монгольских казахов) / ред. Г. Золбаяр. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2016. 288 х.
- 11 *Самашев З., Базылхан Н., Самашев С.* Древнетюркские тамги. Алматы: Абди компани, 2010. 168 с.
- 12 *Самашев С.Қ.* Ортағасырлардағы қазақ даласы халықтарының белгі жүйесіндегі таңбалар: Философия д-ры (PhD) дәрежесін алу үшін дайын. дис.: 6D020800 - Археология және этнология; ғылыми кеңесшілер: У.У. Умиткалиев, С.Ю. Шенюрт. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2023. 151 б.

- 13 Самашев С.К., Сиражева Б.А. Роговые предметы с тамгообразными знаками: по материалам сянбийских погребений некрополя Берел // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 3 (17). С. 32–42.
- 14 Сейдімбек А. Қазақтың ауызша тарихы: зерттеу. Астана: Фолиант, 2017. 728 б.
- 15 Сейітханұлы Ш., Жанықұлов Н. Қазақ ру-тайпаларының таңбалары және оларды эпиграфикалық тұрғыдан зерделеу // Отан тарихы 2024. № 27 (1). 263–282–66.
- 16 Тынышпаев М. Қазақ халқының тарихы. Қарағанды: Болашақ-Баспа, 2010. 125 б.
- 17 Ысқақов А., Сыздықова Р., Сарыбаев Ш. Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы: Қазақ ССР-ның «Ғылым» баспасы, 1966. 240 б.
- 18 Akçokraklı O., Otar İ. *Kırım'da Tatar Tamgaları*. Haz: Ünver Sel, Ankara: KDKY, 1996. 56 s.
- 19 Altay H. Anayurttan Anadolu'ya. Kültür Bakanlığı, 1981. 469 s.
- 20 Alyılmaz C. Gobi Çölünde ve Altay Dağlarında Kaya Üstü Tasvirler. Yeni Türkiye Dergisi, 2002. S. 613–615.
- 21 Enveroğlu İ. Çağdaş Azerbeycan Resim Sanatında Eski Türk Damgalarının Etkisi. Yayınlanmamış Doktora Tezi. Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Konya, 2005. 108 s.
- 22 Mert O. Kemalîye'de Eski Türk İzleri: Dilli Vadisindeki Petroglif ve Damgalar // A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2007. no. 34. S. 233–254.
- 23 Samashev S.K. *Kazakh Tamgas* // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. London & Dover: Dunkling Books, 2010. Pp. 331–340.
- 24 Somuncuoğlu S. Sibirya'dan Anadolu'ya Taştaki Türkler. İstanbul, 2008. 534 s.

REFERENCES

- 1 Argyntbaev, K., Mukanov, M. S., Vostrov, V. V. 2000. *Kazak shezhiresi hakynda (About the Kazakh genealogy)*. Almaty: "Atamura" Publ. (in Kazakh).
- 2 Aristov, N. A. 1894. In: *Zhivaya starina (Living antiquity)*, III–IV, 391–486 (in Russian).
- 3 Bazyłkhan, B. 1973. *Mongol-kazahhelnuhartsýýlsan-túúhenhelzú (Comparative grammar of Mongolian-Kazakh languages)*. Ölgi (in Mongolian).
- 4 Vyatkin, M. P. 1941. *Ocherki po istorii Kazahskoy SSR (Essays on the history of the Kazakh SSR)*. Leningrad: "Gospolitizdat" Publ. (in Russian).
- 5 Kuznetsov, A. 1927. In: *Zapiski Semipalatinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva (Notes of the Semipalatinsk Department of the Geographical Society)*, XVI, 1–3 (in Russian).
- 6 Karamendina, M. 2021. *Kazak halkynyn tanbalary men urandary (Symbols and slogans of the Kazakh people)*. Almaty: "Arys" Publ. (in Kazakh).
- 7 Kuraluly, A. (compl.), Khalykuly, G. (ed.). 1997. *Kazak dasturli madenietinin entsiklopediyalyk sozdigi (Encyclopedic dictionary of Kazakh traditional culture)*. Almaty: "Sozdik-Slovar" Publ. (in Kazakh).
- 8 Alimbay, N. (ed.). 2014. *Kazaktyn etnografiyalyk kategoriyalar, ugymdar, ven ataularynyn dasturli zhuesi (Kazakh traditional system of ethnographic categories, concepts and names)*. Encyclopedia. Vol. 5. O-Ya. Almaty: "Asia Channel" Publ. (in Kazakh).
- 9 Margulan, A. K. 1984. In: *Juldyz*, 1, 132–146 (in Kazakh).
- 10 Zolbayar, G. (ed.). 2016. *Mongolyin kazahyin ugsaatnyi zyy (Kazakhs of Mongolia: Ethnography)*. Ulaanbaatar: Soembo Printing (in Mongolian).
- 11 Samashev, Z., Bazyłkhan, N., Samashev, S. 2021. *Drevnetyurkskie tamgi (Ancient Turkic symbols)*. Almaty: "Abdi" Publ. (in Kazakh).
- 12 Samashev, S. K. 2023. *Ortagasyirlardagy kazak dalasyi halyiktarynyin belgi juyesindegi tanbalar (Symbols in the sign system of the peoples of the Kazakh steppe in the Middle Ages)*: ready to receive the degree of Doctor of Philosophy (PhD). thesis: 6D020800 – Archaeology and ethnology; scientific advisors: Umitkaliyev, U. U., Shenyurt; S. Y. Astana: Gumilyov Eurasian National University (in Kazakh).
- 13 Samashev, S. K., Sirazheva, B. A. 2022. In: *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (17), 32–42 (in Russian).
- 14 Seidimbek, A. 2008. *Kazaktyn auyzsha tarihy (Shezhirelik derekterdi paiymdau) (Kazakh oral history (analysis of genealogical data))*. Astana: "Foliant" Publ. (in Kazakh).
- 15 Seytkhanuly, S., Zhanykulov, N. 2024. In: *Otan tarihyi (The Homeland History)*, 27 (1), 263–282 (in Kazakh).

- 16 Tynyshpaev, M. 2010. *Kazak halkynyn tarihy (History of the Kazakh People)*. Karagandy: «Bolashak» Publ. (in Kazakh).
- 17 Iskakov, A., Syzdykova, R., Sarybayev, S. 1966. *Kazak dilinin etimologiyalik sozdigi (Short etymological dictionary of the Kazakh language)*. Almaty: “Nauka” Publ. (in Kazakh).
- 18 Akçokraklı, O., Otar, İ. 1996. *Kırım’da Tatar Tamgaları (Tatar Tamgas in Crimea)*. Prepared by: Unver Sel, Ankara: KDKY (in Turkish).
- 19 Altay, H. 1981. *Anayurttan Anadolu’ya (From the Homeland to Anatolia)*. Kültür Bakanlığı (in Turkish).
- 20 Alyılmaz, C. 2002. In: *Yeni Türkiye Dergisi (New Türkiye Magazine)*, 613–615 (in Turkish).
- 21 Enveroğlu, İ. 2005. *Çağdaş Azerbeycan Resim Sanatında Eski Türk Damgalarının Etkisi (The Influence of Old Turcic Stamps on Contemporary Azerbaijani Painting)*. Unpublished Doctoral Thesis. Selcuk University Social Sciences Institute. Konya (in Turkish).
- 22 Mert, O. 2007. In: *Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi (Journal of Turkish Studies Institute)*, 34, 233–254 (in Turkish).
- 23 Samashev, S. K. 2010. In: *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London & Dover: Dunkling Books, 331–340.
- 24 Somuncuoğlu, S. 2008. *Sibirya’dan Anadolu’ya Taştaki Türkler (Turks in Stone from Siberia to Anatolia)*. Istanbul (in Turkish).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.09.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 18.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ LIST OF ABBREVIATIONS – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ ҒА –	Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми архиві. Алматы
ӘҰҒА –	Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясы. Баку
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ИА КН МНВО РК –	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Алматы
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
ҚарУ –	Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті. Қарағанды
ҚР ОММ –	Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік музейі. Алматы
МАИАСП –	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нес-Циона
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
НА ИА КН МНВО РК –	Научный архив Института археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Алматы
НАНА –	Национальная академия наук Азербайджана. Баку
НИЦИА «Бегазы– Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы– Тасмола». Алматы
РА –	Российская археология. Москва
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников. Москва
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата
ФАН –	Филиал Академии наук. Ташкент
ФИА –	Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана
ШҚО –	Шығыс-Қазақстан облысы
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
ANAS –	Azerbaijan National Academy of Sciences. Baku
ICAS –	International Institute of Central Asian Studies. Samarkand
ISIJ –	The Iron and Steel Institute of Japan. Tokyo
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, Г.С. Закирияева – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М.А. Антонов – карталарды дайындау және суреттерді өңдеу

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Gulnaz Zakiriyaeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva
Preparation of maps and illustrations processing – Mikhail Antonov

Компьютерная вёрстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод на казахский язык и редакция текстов – А.М. Манапова, Г.С. Закирияева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева
Подготовка карт и обработка иллюстраций – М.А. Антонов

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлдан атындағы Археология институтында дайындалды
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 30.09.2024 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 28,98. Times New Roman гарнитурасы.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 30.09.2024. Format 84×108 1/16
Printed sheet 28,98. Times New Roman headset

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 30.09.2024 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 28,98. Гарнитура Times New Roman.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+